ГРОМОВ

Биография продолжается...

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Этой книгой издательство открывает новый многотомный проект «ЖЗЛ: Биография продолжается».

В нашей стране вряд ли найдется человек, не знающий имени Бориса Всеволодовича Громова. Прославленный генерал-«афганец», Герой Советского Союза, командующий 40-й армией в самый ответственный заключительный период Афганской войны, он и сейчас в строю, возглавляя в качестве губернатора важнейший российский регион — Московскую область. Заслуги генерала Громова перед Отечеством неоспоримы, но есть все основания предполагать, что наиболее значимые его победы еще впереди.

- Игорь Цыбульский
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Часть I
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
  - Часть II
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
  - Часть III
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
  - Часть IV
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая

- Глава шестая
- Глава седьмая

- ЭТАПЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ БОРИСА ВСЕВОЛОДОВИЧА ГРОМОВА
- БИБЛИОГРАФИЯ
- Иллюстрации

Игорь Цыбульский
ГРОМОВ

Никто не становится хорошим человеком случайно.

Платон

Издательство благодарит за содействие в подготовке данной книги начальника Генерального штаба Вооруженных сил России Ю. Н. Валуевского; президента Торгово-промышленной палаты России Е. М. Примакова; первого заместителя президента Торгово-промышленной палаты России Б. Н. Пастухова; Героя Советского Союза В. И. Варенникова; Сергея Всеволодовича и Ирину Павловну Громовых; заведующего кафедрой пропедевтики Саратовского медицинского института Ю. И. Скворцова; летчика-космонавта Ю. М. Батурина; историка, директора музея Саратовского СВУ Ж. Ж. Страдзе; коллег и товарищей по армейской службе, войне в Афганистане, работе в Подмосковье: В. С. Кота, И. П. Чуркина, В. А. Васенина, В. К. Шилина, Л. Б. Сереброва, Ю. В. Немытина, И. Ф. Шилова, А. А. Ходова, Н. И. Еловика, А. Б. Пантелеева, И. В. Астапкина, А. В. Борковского, Г. И. Бочарова, В. П. Киселева.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тяжелый письменный стол, за которым сидел командующий 40-й армией в Афганистане генерал Громов, заливало утреннее кабульское солнце.

В правой руке генерала была только что умолкшая телефонная трубка. Пальцами левой руки генерал барабанил по столу.

Я пересек слишком светлый для скорбного дня кабинет и, кивнув на телефон, спросил:

— Москва? Министр?

— Да, — ответил Громов, — третий раз. За пятнадцать минут.

— Речь о Кандагаре? О Дила?

— Да. Ты уже знаешь?

— Знаю, — ответил я. — Весь мир уже знает. «Голос Америки» и Би-би-си передали.

Громов поднялся из-за стола: «Быстро работают».

Неизменно собранный, подтянутый, не позволяющий ни людям, ни обстоятельствам сбить себя с толку, он посмотрел на штабную карту и сказал:

— Вот кишлак Дила. Все произошло именно здесь. — И ткнул пальцем в карту.

В этот момент к Громову вошли несколько офицеров штаба.

— Оставайся, — сказал Громов, заметив, что я собираюсь уйти. — Из первых рук все узнаешь. Случай тяжелый.

Да. Случай во всех отношениях был тяжелым.

Во время внезапно вспыхнувшего боя у кишлака Дила «духи» расстреляли советский БТР с солдатами и тремя (!) подполковниками, находившимися в бронетранспортере.

В министерство обороны Афганистана о бое и потерях сообщил источник из афганских правительственных войск. Срочная информация была тут же передана Громову. Из сообщения следовало, что один из подполковников и рядовой были убиты сразу. Другие, по всей вероятности, были захвачены в плен и, вполне вероятно, тоже убиты. Не исключено, что будут выдвинуты условия.

Я спросил Громова, как могло случиться, что сразу три подполковника оказались в одном БТР.

Он рассказал, что три высоких офицера, как и два рядовых — стрелок и механик, входили в состав подразделения афганской правительственной дивизии. Подразделение было внезапно обстреляно реактивными снарядами. Обстрел был массированным. Вскоре обстрел сменился огнем из минометов и

стрелкового оружия. Мятежники окружили подразделение и кишлак.

Начался бой по разблокированию кишлака. После его окончания афганцы доложили в Кабул о советском БТР. И о двоих убитых, которых они видели на земле рядом с бронетранспортером: подполковнике и солдате.

Громов доложил о ситуации в Москву. А министр обороны СССР — генеральному секретарю ЦК КПСС.

Доложил неспроста: Горбачев тут же поделился горячей информацией с советскими и иностранными журналистами. Новость мгновенно облетела мир. Министр обороны не просчитался: резонанс был сильнейший.

Почему необычное, но не такое уж и экстраординарное для многолетней кровавой афганской мясорубки событие приобрело «ранг» чрезвычайного?

Причин три.

Первая: трагедия произошла уже после того, как Советский Союз объявил о готовности полного вывода своих войск из Афганистана.

Вторая: долгожданное решение СССР было закреплено Женевским соглашением — мир вздохнул с облегчением.

Третья: основная часть личного состава ОКСВ (Ограниченный контингент советских войск) была стянута к северной границе и замерла в ожидании приказа о последнем марш-броске на близкую Родину.

Сыграла психологическую роль и одновременная потеря сразу трех высоких офицеров.

Громов пребывал в труднейшей ситуации. Его решения ждали все. Понимали: без рискованной операции не обойтись. В район, едва остывший от боя, необходимо посылать советских десантников.

Задача: выяснить подлинную обстановку и — если возможно — отбить живых. Выяснить и — если возможно — спасти раненых. А мертвых — опять-таки если возможно — забрать с собой.

Надежда только на своих. Приказать афганцу: подберись к бронетранспортеру поближе и рассмотри все как следует — нельзя. Вернее, бесполезно. Скажет, что уже подбирался, и глазом не моргнет.

Идеализировать солдат и офицеров афганских правительственных войск продолжали только безнадежно отставшие от жизни политики. Или ошалевшие от двойного патриотизма газетчики. Но те, кому пришлось сражаться с афганцами плечом к плечу, уже давно знали: на одного

убежденного революционера приходилась толпа простых дехкан, готовых при любом удобном случае удрать из правительственных формирований. А в последнее время бежали целыми полками.

Громов, как командующий ОКСВ, знал это лучше любого журналиста. Знал о предателях среди высших офицеров министерства обороны Афганистана. Знал о самых, казалось бы, надежных парнях из афганских ВВС, которые в открытую, никого не боясь, обсуждали свое будущее. «Мы, — говорили они, — уже определились. Шурави (советские друзья) уходят, мы прихватываем семьи в самолеты и улетаем вслед за шурави. Приземляемся на аэродромах в Союзе. Там и остаемся. Нам эта революция ни к чему».

Командующий знал все. Он надеялся, повторяю, только на своих.

Встретившись с ним взглядом, я понял: решение принято.

— Связь, — сказал Громов.

Приказ был трудным — в район Дила — две вертолетные волны. С десантом.

Ход мыслей командующего был ясен. Если оставшиеся в живых шурави попали в плен — они находятся поблизости. Отбить их можно только силой. Как правило, в таких случаях начинали с БШУ (бомбоштурмовой удар). Удары с неба обрушивались внезапно. Сразу после налета внимательно прослушивали эфир. Ждали выхода «духов» на связь. Те вели себя по-разному. Но чаще всего советские радисты ловили: «Возвратим захваченных, только остановите ваших летчиков».

На этот раз, несмотря на самые жестокие удары, которые были нанесены, эфир молчал. Это могло означать только две вещи: либо слишком высока цена — все-таки захвачены подполковники, либо они уже мертвы.

В 11.20 Громову доложили:

— Вертолеты готовы. Десант — в вертолетах.

— Пошли, — сказал командующий. — Докладывать постоянно.

Каждый из десантников, направленных в район кишлака Дила, так же, как и тысячи других бойцов, готовился к встрече с домом. С родными. С Родиной. Но теперь они летели в противоположную сторону.

Возможно, на встречу со своей смертью.

Самой жестокой из всех смертей: в последние дни многолетней войны.

В начале боевых действий в Афгане вертолетчики летали как вздумается — на большой высоте и на малой. Но летать на малой стало опасно: «духи» начали бить из спаренных ДШК,

задействовали эрликоны. Летчики поднялись повыше. Однако не дремали и мятежники: вскоре они получили «стингеры» и «блоупайпы». «Стрелы» также стали чуть ли не массовым оружием. Этот арсенал поражал вертолеты на большой высоте. Пришлось снова прижаться к земле. Но теперь уже ниже некуда. Вертолеты с ревом носились на высоте нескольких метров. Конечно, существовала опасность быть подбитым из стрелкового оружия — такие вещи случались не раз. Иногда «вертушки» возвращались на базу буквально изрешеченные автоматными очередями. Но возвращались! А при встрече с «блоупайпом» на землю падали мелкие обломки.

Это сейчас было главным: пройти через все эти опасности и вернуться без потерь.

Громов постоянно контролировал ситуацию.

Я молча наблюдал за его действиями. Похоже, он держался из последних сил. Ведь в Афганистане, как я уже говорил, стояли чрезвычайно напряженные дни. Даже, может быть, самые напряженные за всю войну: еще шли бои, но уже дорабатывались графики вывода войск из страны, формировались колонны, прорабатывались маршруты, сроки, система безопасности. Времени едва оставалось на пару часов сна.

Из Москвы, из Министерства обороны СССР, звонили каждые пять минут: им оттуда, конечно, было виднее, что и как надо делать в Афгане.

Суета была бездарной, опека мелочной.

Офицеры штаба ОКСВ негодовали.

Громов вида не подавал.

По моральным и профессиональным достоинствам он очень напоминал маршала Александра Михайловича Василевского, с которым мне тоже приходилось встречаться, хотя и в другой обстановке и в другое время. Громов держался, как подобает боевому, а не паркетному генералу.

Жгучий доклад: «Десант на месте. Сражаться не с кем».

Погибшие о своей гибели свидетельствовали сами: двое — подполковник Сериков и рядовой Смертенюк, как и сообщали афганцы, — лежали возле бронетранспортера. Трое других — механик-водитель Кравцов, подполковники Бобрик и Крючков — находились по другую сторону БТР… Афганцам необходимо было пройти сто метров… Всего сто метров — ровно столько, сколько нужно, чтобы по-настоящему обследовать место трагедии.

Афганцы не прошли.

…Не рискнули.

Шурави лежали на спинах, лицами к небу. Голова каждого

была приколочена к земле остро отточенным деревянным колом, вбитым через рот.

Первую задачу десантники выполнили. Предстояла вторая: вернуться живыми на базу. И вернуть своих мертвых. Громов закрыл глаза. Тут же открыл. Сказал в трубку:

— Возвращайтесь!

И добавил: «С предельной осторожностью».

— Подходят к базе!
— Хорошо.
— Подошли.
— Хорошо.
— Заходят на посадку…
— Хорошо.
— «Вертушки» на земле.

…Громов сидел за тяжелым письменным столом, освещенным вечерним кабульским солнцем. Он смотрел на аппарат связи, по которому должен был доложить о результатах операции министру обороны СССР. При словах: «“Вертушки” на земле, повреждений и потерь нет» — он поднял трубку и сказал: «Соедините с Москвой. Это Громов».

Как руководитель-практик Борис Громов рос и формировался в Афганистане. Человек с блестящей военной карьерой, он представлял новое поколение военачальников. В отличие от генералов старой формации Громов был более демократичен. Он по-суворовски любил и не чурался солдат. Вслух высказывал недовольство засилием военной бюрократии. Сторонился начальственных саун.

Был смел. Я не раз встречал его на афганских дорогах без охраны, с одним-двумя солдатами в вездеходе.

Обаятельный генерал — редкость в любой армии. В иные моменты Громов бывал для своих подчиненных не просто обаятельным, а самым близким человеком на земле. При этом, как водится, он четко и последовательно выполнял свою боевую миссию в Афганистане.

Мне нравилось в нем все: как он отвечал на вопросы и задавал их. Слушал доклады и требовал исполнения. Ставил боевые задачи и анализировал их решения. Нравились его корректность и скромность. Черт возьми! Он был достоин другой войны. Или торжественного мира.

Если мои впечатления от Громова были точными, тогда это

была одна из самых драматических фигур в Афганистане.

Геннадий Бочаров

Часть I
ДЕДУШКИН ТАБАК

Кто любит свое Отечество, тот подает пример любви к человечеству.

А. В. Суворов

Глава первая
МЕСТО РОЖДЕНИЯ

Перед окнами многоэтажной гостиницы «Словения» — Музейная площадь, речной вокзал и безбрежная, как морской залив, Волга с ажурным пешеходным мостом, уходящим за горизонт.

Волжская вода, вся в золотых чешуйках света, играющих на волнах, сияет так ярко, что больно смотреть. День обещает много тепла и радости.

В это утро на набережной Космонавтов мы встретились с Сергеем Всеволодовичем Громовым для того, чтобы совершить экскурсию по улицам города, где родился и вырос он сам и его младший брат генерал Борис Всеволодович Громов.

Сергей Всеволодович — инженер по профессии. Он и сейчас, будучи уже пенсионером, продолжает работать на заводе. Но сдается мне, что в душе его живет профессиональный историк и краевед, — так увлеченно он рассказывает о своем родном Саратове.

Этот город на излучине великой русской реки — место рождения нескольких поколений семьи Громовых.

В конце сороковых — начале пятидесятых, когда здесь подрастал и учился в Суворовском училище будущий Герой Советского Союза и нынешний губернатор Московской области, Саратов внешне мало отличался от провинциального купеческого города, по которому бродил опальный мечтатель Чернышевский, где всем ходом жизни правили потоки товаров, плывущие вверх и вниз по главной водной дороге России.

Крепость Саратов была построена на правом берегу Волги в июне 1590 года для укрепления юго-восточной окраины Московского государства от набегов кочевников и охраны главного водного пути. Название Саратов происходит, скорее всего, от соединения татарских слов: «сары» — желтый и «тау» — гора. Возможно, название городу дала гора, которая сейчас именуется Соколовой. В старину на ее вершине горели костры сторожевых постов, охранявших восточные пределы Русского государства.

Город Саратов пережил немало нашествий и осад, через него прокатились волны двух величайших крестьянских войн, возглавляемых казацкими атаманами — Степаном Разиным и Емельяном Пугачевым.

Из укромных бухт высокого берега Волги вылетали

стремительные челны Степана Разина, и ватага его со свирепым боевым кличем — «Сарынь на кичку!» брала на абордаж и грабила богатые купеческие караваны. В этих местах хмельной атаман, согласно народной легенде, кинул в «набежавшую волну» добытую в очередном набеге персидскую княжну.

В июне 1722 года произошло знаменательное событие в истории города. Российский император Петр Великий посетил Саратов и «в знак своего благоволения и на память жителям» оставил свои головной убор и трость, которые сначала хранились в Саратовской ученой архивной комиссии, а ныне в областном музее краеведения. Как отмечали многие исследователи, император Петр Алексеевич «всегда обращал внимание на саратовскую землю и далеко смотрел в будущее края».

В Малыковке, к востоку от Саратова, Емельян Иванович Пугачев впервые назвал себя императором Петром III. Позже здесь он был арестован и отправлен в Казань. Однако ему удалось освободиться, и в 1774 году он снова появился в Саратове уже во главе громадной крестьянской армии.

7 августа Пугачев принял присягу жителей города.

В саратовском Заволжье и закончилось восстание Пугачева. После разгрома армии атаман, которому удалось бежать, был схвачен своими же соратниками и передан царским властям.

Емельяна Пугачева, как зверя в клетке, провезли от Саратова до Москвы и казнили на Красной площади.

В городе сохранилось старинное здание, в подвалах которого содержались арестованные соратники Пугачева. Они были повешены у кузниц (ныне улица Кузнечная). В память о крестьянском вожде одна из улиц города носит имя Пугачева.

С Саратовом связаны имена многих великих писателей России, начиная с самого Александра Сергеевича Пушкина, который прошел по путям знаменитой Крестьянской войны, собирая документы и свидетельства для своего исторического исследования об истории Пугачевского бунта.

По сей день сохранился дом (улица Лермонтова, 34), в котором в январе 1830 года жил великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов.

В селе Лесная Нееловка Саратовского уезда в имении своего деда Столыпина и в самом Саратове в доме Столыпиных Лермонтов бывал много раз, тут он мог встретить Дениса Давыдова и других участников войны с Наполеоном. Впечатления от их рассказов легли в основу стихотворения «Бородино».

Сохранился дом (улица Чернышевского, 142), где 24 июля 1828 года родился и жил до 1853 года великий русский революционный демократ Николай Гаврилович Чернышевский.

В Саратове Николай Гаврилович учился, преподавал в гимназии, здесь прожил последние дни и был похоронен. В Саратове есть дом, в котором 31 августа 1857 года гостил друг Н. Г. Чернышевского великий украинский поэт и художник Тарас Григорьевич Шевченко.

Возвращаясь из ссылки и не имея права посещения Петербурга, Шевченко некоторое время жил в Саратове у гостеприимной Татьяны Петровны Костомаровой, матери известного историка.

Одна из улиц Саратова названа в честь великого земляка, замечательного художника Виктора Эльпидифоровича Борисова-Мусатова. Лучшие произведения: «Гобелен», «Водоем», «Осенний мотив», поражающие тонким лиризмом и тихой печалью, созданы в Саратове.

На улице, которая теперь названа в его честь, в 1893–1894 годах жил выдающийся электротехник, изобретатель электрической свечи Павел Николаевич Яблочков…

Как всякий старожил Саратова, Сергей Всеволодович знает массу интересного о любимом городе. Лучшего провожатого мне, наверное, трудно было бы найти.

— Обратите внимание на этот старинный дом, — говорит Сергей Всеволодович с интонацией профессионального экскурсовода. — До революции тут располагался знаменитый Мариинский институт благородных девиц, который окончила наша бабушка. Преподавать здесь могли только дворяне. Музыке бабушку обучал Федор Михайлович Достоевский… Саратовский Достоевский — племянник и полный тезка знаменитого писателя.

Саратовский Мариинский институт принадлежал к перворазрядным учебным заведениям. По сути, это второе в России высшее учебное заведение для девушек после Санкт-Петербургского Смольного института. Сюда принимались девочки не моложе девяти лет. Они должны быть дочерьми дворян, включенных в дворянскую родословную книгу. Воспитанницам прививались набожность, преданность престолу, хорошие манеры. Плата за обучение составляла весьма внушительную сумму — 360 рублей в год. Институт располагался на Садовой улице, нынче в этом здании школа № 95.

Вот еще одно старинное здание, — продолжает Сергей Всеволодович. — Этот дом построен в 1884 году, и в нем до революции располагался Губернский суд. Здание это имеет прямое отношение к предмету нашего разговора. В 1944 году здесь было размещено Саратовское суворовское училище, в котором учились братья — Алексей и Борис Громовы…

Наша экскурсия продолжается, и мой гид рассказывает о почетном гражданине Саратова Петре Аркадьевиче Столыпине.

Будущий премьер-министр и крупнейший реформатор России, погибший от руки эсеровского террориста Мордки Богрова, в 1903–1906 годах занимал пост саратовского губернатора.

За три года губернаторства Столыпина в Саратове сделано немало. Закладывается здание женской гимназии, асфальтируются улицы Никольская (Радищева) и Александровская (М. Горького). Губернатор добивается для города громадного займа в 965 тысяч рублей на устройство водопровода и мостовых. Начинается модернизация городской телефонной сети. В 1904 году состоялись пробные пуски газового освещения. Открываются приюты, ночлежные дома.

Одной из главных заслуг Столыпина современники считали содействие открытию в Саратове университета (1909). Городская управа почтила Столыпина званием Почетного гражданина Саратова и поместила в здании Думы его портрет работы И. Е. Репина (сейчас он находится в экспозиции Радищевского музея).

Здесь, в Саратове, сформировалась политическая позиция Столыпина: «Вначале — успокоение, затем — реформы».

Наверное, есть некая высшая справедливость в том, что в те времена, когда Саратовом руководил замечательный губернатор и великий реформатор России, в этом волжском городе поселилась семья Громовых, из которой вышел Герой Советского Союза, генерал и нынешний губернатор Подмосковья Борис Громов. Вслед за своим знаменитым предшественником он говорит: «Вначале необходимо наладить нормальную жизнь людей, а потом проводить реформы».

Сергей Всеволодович Громов заканчивает нашу экскурсию кратким обзором современного состояния знаменитого волжского города.

Саратов один из крупнейших вузовских центров России.

В Саратовском сельскохозяйственном институте в 1917–1921 годах работал выдающийся ученый-биолог, академик, президент Всесоюзного географического общества Николай Иванович Вавилов. В Саратове Николай Иванович начал создавать свою, величайшую в мире коллекцию культурных растений, обосновал учение об иммунитете, открыл закон гомологических рядов в наследственной изменчивости организмов. Из Саратова знаменитый исследователь отправлялся в удивительные путешествия по всему миру для сбора своей знаменитой

коллекции и определения древнейших очагов формирования культурных растений.

В Саратове 23 января 1899 года родился, окончил с золотой медалью 2-ю мужскую гимназию и учился в Саратовском университете крупнейший авиаконструктор Виктор Федорович Болховитинов. В городе на Волге немало лет прожил академик АН УССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии авиаконструктор Олег Константинович Антонов.

Дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской, Государственной и Нобелевской премий, академик Николай Николаевич Семенов родился в Саратове. Здесь жил президент АН СССР, математик Гурий Иванович Марчук.

Немало героев Великой Отечественной войны взрастила Саратовская земля. Их имена носят многие улицы города. В саратовских трамвайных мастерских в 1912–1914 годах работал крупнейший руководитель партизанского движения, дважды Герой Советского Союза Сидор Артемьевич Ковпак.

Саратовцами были командир 8-й гвардейской стрелковой дивизии, Герой Советского Союза Иван Васильевич Панфилов и Герой Советского Союза Василий Георгиевич Клочков, погибший в бою возле знаменитого разъезда Дубосеково. Ему принадлежат знаменитые слова: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва».

В Саратовском областном музее краеведения хранится удивительный экспонат — самолет Як-1 за № 08110, приобретенный на личные сбережения саратовским колхозником Ферапонтом Петровичем Головатым и переданный им Сталинградскому фронту. На фюзеляже самолета — надпись: «Летчику Сталинградского фронта гвардии майору тов. Еремину от колхозника колхоза «Стахановец» тов. Головатого» и восемь звездочек по числу сбитых фашистских стервятников.

В Саратовском индустриально-педагогическом техникуме в 1951–1955 годах учился Юрий Алексеевич Гагарин. В здешнем аэроклубе первый космонавт получил путевку в небо. На Саратовскую землю он и приземлился, возвратившись из своего космического полета.

Саратов — город молодых, здесь работают 10 высших и 22 средних специальных учебных заведения, где обучается свыше 100 тысяч юношей и девушек. А когда-то… Вспомните из комедии «Горе от ума»: «…к тетке, в глушь, в Саратов».

В городе несколько десятков научно-исследовательских институтов. Среди них такие известные научные учреждения, как Институт биохимии и физиологии растений и микроорганизмов, Институт социально-экономических проблем развития аграрно-

промышленного комплекса, филиал Института радиотехники и радиоэлектроники, Саратовский научно-исследовательский институт кардиологии Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Герой Социалистического Труда, академик и общественный деятель Константин Александрович Федин писал: «Все мое детство от рождения в 1892 году и ранняя юность до 1908 года протекали в Саратове, который у нас в семье влюбленно называли “столицей Поволжья”».

Можно было бы назвать еще великое множество известных людей, жизнь которых так или иначе связана с этим чудным городом на Волге. Но мы с Сергеем Всеволодовичем Громовым как раз вернулись на знаменитую набережную Космонавтов, где стоит памятник первому космонавту в истории человечества — Юрию Алексеевичу Гагарину.

С набережной Космонавтов связана вся история семьи Громовых. Улица эта протянулась вдоль берега на полтора километра от Бабушкиного взвоза до автопешеходного моста через Волгу. Спускается она к воде тремя террасами. Верхняя — собственно улица с многоэтажными домами, машинами и пешеходами. Ниже широкий бульвар с пирамидальными тополями, каштанами и акациями. Бульвар тихий, весь в легких голубых тенях. Тут гуляют молодые пары, мамы и бабушки катают коляски и водят за руку малышей. Дети постарше играют в классики. Спешат на лекции и семинары, с интересом поглядывая друг на друга, отчаянно молодые и красивые студенты и студентки, а на лавочках в каменной сосредоточенности нависают над досками мудрые шахматисты, погруженные в стратегические расчеты.

Нижний ярус — возле самой воды. Это, собственно, и есть набережная — каменный парапет с массивными перилами, небесно-голубой дебаркадер для речных трамвайчиков, еще какие-то пристани, плавучие ресторанчики, кафе, есть даже казино.

Как панцири жуков, трещат под ногами опавшие чешуйки тополиных почек.

Рассказываю о набережной так подробно, потому что все Громовы выросли, а многие и сейчас живут тут, на самом берегу Волги. И если Борис Всеволодович Громов приезжает в родной Саратов, а это происходит каждый год, то обязательно найдет время, чтобы пройтись по набережной Космонавтов.

Об этом человеке, не менее известном в России, чем многие великие уроженцы Саратова, о которых мы упомянули в этой

главе, и пойдет наш рассказ.

Глава вторая
НАБЕРЕЖНАЯ КОСМОНАВТОВ

Набережной эта улица стала называться в 70-х годах, теперь уж позапрошлого века. В народе ее сразу окрестили Миллионной. В здешних питейных домах и кабаках купцы спускали астрономические суммы денег. Сейчас кажется, что такая вот нарядная набережная была всегда, на самом деле построена она недавно. Всего полвека назад на месте этой красоты был заросший крапивой, лопухами и кустарником высокий берег с оврагами, россыпью каких-то хибарок, конурок, сараев, складов. На воде качалось множество лодок, прикованных цепями к железным кольям. Любимое место игр здешней детворы.

— Кстати, если уж заговорили о детских играх, то зайдем сюда, — предлагает Сергей Всеволодович.

Заворачиваем в арку длинного многоэтажного дома.

Когда-то этот двор был замощен булыжником. Здесь в двухэтажном каменном доме жили двадцать шесть семей, в том числе Громовы — мама, бабушка с дедушкой и братья: Алексей, Сергей и Борис. Старый дом снесли. На его месте построили эту громадину. Но кое-что с тех времен все же осталось.

Эти красивые каменные ворота, например. Через них можно выйти на улицу Покровскую. Раньше наверху, в нише ворот, была икона. Ворота принадлежали ограде церкви. Ограды при Громовых уже не было, но церковь своеобразной архитектуры, с большим куполом еще стояла. Бесхозное здание использовали под склад для какого-то старого хлама. Но даже в заброшенном состоянии церковь была красива.

Вот что удалось найти в старинной книге о саратовских храмах: «Единоверческая Покровская церковь. Построена обществом беглопоповской секты в 1780 году. В 1844 году обращена в единоверческую, а в 1854 освящена.

Престол в ней один: «Во имя Покрова Пресвятой Богородицы».

Штат причта на 1912 год: священник Мирон Леонтьевич Ковалев, 37 лет».

В 1959 году церковь была снесена, но осталась в памяти братьев Громовых и стала таинственной и красивой частью их детства. Ведь они много раз пробирались внутрь и с удивлением рассматривали на стенах и куполе остатки некогда богатой росписи.

Старики рассказывали, что за церковью находилось

кладбище. При Громовых от него и следов не осталось, на его месте были огороды и старые сараи.

Кроме братьев Громовых в компании было еще двое друзей. По тому, послевоенному, полному приключений, миру они путешествовали сплоченной командой. Сам Сергей, Володя Гусев и два Бориса — Епифанов и Громов. Сергей был самым старшим (1940 года рождения), Боря — самым младшим (1943). Епифанов в этой компании был самым спортивным. Его старшая сестра работала тренером по плаванию. Это она научила их всех плавать.

Идем дальше по следам наших друзей и через церковные ворота выходим на улицу Покровскую.

Тут располагалась воинская часть за высоким забором. От нее осталась памятная доска. «С 1 марта 1942 года здесь находился штаб 3-й Краснознаменной запасной истребительной авиационной бригады».

Иногда по утрам мальчишки становились свидетелями торжественного события — приезда командира части. Он подкатывал на открытом «виллисе». Солдаты широко распахивали ворота и выстраивались, отдавая честь. Четверо друзей тоже вытягивались по стойке смирно и держали руку у виска. Добрый великан, сидевший в военной машине, благосклонно кивал всем сразу и с восхитительной небрежностью бросал руку к козырьку фуражки.

С курсантами, дежурившими у ворот, ребята дружили. Не раз военные кормили всегда голодную компанию своей солдатской едой, вкуснее которой потом в жизни они уже ничего не ели.

Конечно, в душе все четверо были летчиками-истребителями. Рисовали в школьных тетрадях курносые «лавочкины», хищные «Яки», сбивающие корявые, с паучьми черными свастиками «юнкерсы» и «мессершмитты», молились на великих асов Кожедуба и Покрышкина. Летчиком, правда, стал только Володя Гусев.

После войны начался настоящий бум по озеленению дворов. Старший брат Громовых Алексей посадил во дворе два дерева. Потом за дело принялись Сергей с Борисом. Высадили кусты сирени и цветы. Постепенно возникли два палисадника. Летом цветы приходилось поливать каждый день, воду носили ведрами с Волги.

Сергей и Борис постоянно что-то строили, какие-то хижины и шалаши. В этой работе больше всего им не хватало гвоздей. Приходилось вытаскивать их из старых заборов и выпрямлять на куске рельса. В Саратове имелся свой метизный завод, но гвоздей все равно купить было невозможно.

Небольшие ворота, ограду, калитку для палисадника — все это они вдвоем смастерили. Боря помогал — держал, прибивал, вкапывал столбы. В 1956-м ему исполнилось тринадцать.

— В детстве мы занимали себя сами, как могли. Получалось неплохо. Можно ведь просто шалберничать — это наше словечко, волжское — бездельничать и озорничать. То, чем мы занимались, — уже не просто игра, а полезное занятие. Сколько приходилось соображать, примеривать, придумывать и ошибаться, пока сделаешь так, как, по твоему представлению, должно быть… — Сергей Всеволодович вспоминает об этом как бы между прочим. Но сколько же подобных дружных компаний в Саратове, да и по всей стране в эти трудные послевоенные времена предпочитали не строить и мастерить, а именно шалберничать, грабить голубятни, соседские сараи и сады, а потом… Все мы, родившиеся после войны, хорошо помним, как пустели наши дворы и как много наших друзей вместо институтов и техникумов попали на нары лагерей для малолеток и больше мы их никогда не видели.

Сергей был старшим в своей компании и не только старшим, но и главным. Именно его следует благодарить за то, что никто из друзей не соскользнул на лихую дорожку, ведущую в никуда…

По улице Покровской одно наслаждение было бегать босиком, — теплая пыль по щиколотки. Здесь постоянно ехали телеги, а иногда проплывали верблюды с вьюками и закутанными в пыльные покрывала степняками на горбах. Верблюды мерно жевали, и клейкая слюна свисала с высокомерно оттопыренной нижней губы. Эта слюна… одним словом, ребята хорошо знали, что этих животных не надо дразнить.

Кстати, они сами, не хуже верблюдов, постоянно жевали колоб — подсолнечный жмых, любимое и почти единственное детское лакомство.

Б. В. Громов:

— В Саратове мы жили в двухэтажном доме на берегу Волги. В одной комнате средних размеров и двух крохотных умещались дедушка с бабушкой, наша мама и мы, трое братьев. Ни ванной, ни туалета, естественно, не было — все «удобства» находились на улице. Сами кололи дрова, топили печь и носили воду. Обходились маленьким умывальником, подвешенным на кухне. Там же — два небольших стола, на одном стоял примус, а на другом — посуда. Потом у нас появилась газовая плита — счастье по тем временам необыкновенное.

Мы, как и все мальчишки, вели бурную дворовую жизнь. Правда, у меня она проходила под недремлющим оком среднего брата, который не отпускал меня от себя ни на шаг.

Сергей, несмотря на то, что старше меня всего на три года, был самостоятельным и серьезным человеком, он нес за меня вполне взрослую ответственность. Около двух лет я ходил в детский сад, и он ежедневно водил меня туда. Мало кто может похвастаться таким замечательным братом.

Мы росли на берегу Волги. Каждое лето строили плоты замысловатых конструкций. Учить меня Сергей пытался постоянно, даже тому, чего и сам-то толком не знал. Например, как держать молоток и забивать гвозди. Сначала себе по пальцу ударит, разозлится, гвоздь все-таки вобьет, а потом скажет: «Видал, вот так надо делать». Больше всего я обижался, когда старался, помогал, подтаскивал какие-то доски, а в «плавание» уходили без меня. Да еще брат строго-настрого накажет: «Жди нас и с берега — ни шагу».

Почти ежедневно возле нашей пристани швартовались баржи. Они были загружены огромными астраханскими и камышинскими арбузами и оседали настолько, что борта едва возвышались над водой. Пацаны слетались на эти баржи, как воробьи. Незаметно подплывали со стороны реки и, помогая друг другу, карабкались наверх.

На каждой барже обязательно сидел сторож с ружьем. Уж не знаю, чем оно у него было заряжено, но иногда сторожа все-таки стреляли, правда, в воздух. Жуткое дело! На другой день мы все равно лезли на баржу и таскали эти самые арбузы. Из-за детской жадности в Волгу мы их скидывали больше, чем могли выловить. У самих уже не хватало сил плыть, а тут еще арбуз толкать нужно. Домой мы арбузы, конечно, не приносили, потому что сразу бы пришлось отвечать на вопрос: откуда? У каждого во дворе был свой шалаш, в который войти постороннему без приглашения считалось большим грехом. Там мы и трескали эти арбузы до одурения.

Было еще одно любимое развлечение — походы по крышам. На откосе, спускавшемся к Волге, дома стояли совсем близко друг к другу. При достаточной храбрости и ловкости, используя деревья, по крышам можно было пройти целый квартал. Иногда приходилось прыгать со здания на здание, а ближе к реке их высота становилась все больше. Честно говоря, порой было настолько страшно, что сердце замирало. Самым смелым у нас был Володя Гусев, будущий военный летчик. Он первым перемахивал через эти пропасти, а мы уже следом за ним. Грохот по ночам стоял неимоверный. Несколько раз нас пытались

поймать, однако все заканчивалось благополучно, если не считать порванных штанов. Но потрясающая картина ночной Волги, открывавшаяся с высоты крыш, и азарт приключения запомнились навсегда…

В школе я проучился четыре года, пока не поступил в Суворовское училище. Видя, как занимается старший брат, а бабушка проверяет у него уроки, накануне своего первого учебного года я подальше спрятал новенький портфель, чтобы никто его не нашел. Но портфель все-таки в самый последний момент обнаружили, и 1 сентября я с огромным букетом цветов стоял на торжественной линейке. Больше всего я был рад тому, что в своем классе я знал почти всех мальчишек и девчонок.

Кстати, на следующий год я впервые попал в центральную прессу. Дело было так. На открытие новой школы в Саратов приехал писатель Лев Кассиль, работавший тогда в «Огоньке». Нужно было сделать снимок. Фоторепортер завел меня в класс, и наша учительница Елена Васильевна сказала: «Изобразите с Тамарой, что вы не хотите сидеть друг с другом». Я отвернулся от девочки, она — от меня. Так в журнале рядом с большой статьей и появилась фотография с подписью: «Во втором “Б” классе происшествие. Боря Громов, оказавшись за одной партой с Тамарой Гараниной, заявляет: “Не буду я сидеть с девчонкой”»…

— В начале 50-х начали строить набережную Космонавтов, — продолжает рассказ Сергей Всеволодович. — В 1959 году снесли церковь и наш старый дом и построили эти большие здания. Мы переехали в новую квартиру. Она здесь, недалеко. Адрес почти тот же: набережная Космонавтов, 4, кв. 9.

Поднимаемся на третий этаж. Звоним. В ответ слышен гулкий лай. Можно понять, что собака большая.

Дверь открывает жена Сергея Всеволодовича:

— Милости просим!

Крупная боксерка цвета кофе с молоком стоит рядом с хозяйкой и смотрит с любопытством.

— Ирина Павловна, моя жена, — представляет Сергей Всеволодович. — А это Дюна. Вы как к собакам относитесь?

— Очень хорошо, особенно к боксерам. Лучше этих собак для семьи ничего не придумано.

— Мы согласны. И Дюна тоже.

Дюна внимательно обнюхала меня и ткнулась теплой мордой в ладошку, объявляя, что я принят и теперь могу ее погладить.

Заходим на кухню.

— Тут у окна любил сидеть дедушка, — вспоминает Сергей Всеволодович. — Смотрел во двор, курил возле форточки свой

душистый табак.

Этот огромный тополь под окном был при нем точно таким, как сейчас. По этому дереву дедушка определял приход весны.

Сидел, смотрел. Потом подзывал меня или Борю и просил принести ему веточку тополя. Веточку ставил в банку с водой. Мы понимали, что дедушка хочет поторопить весну.

Через пару дней веточка распускалась клейкими прозрачно-зелеными листочками, с неповторимым тополиным запахом. Дух дедушкиного табака приятно смешивался с весенним тополиным ароматом. Дедушка говорил: «Ну вот! До весны дотерпели, значит, будем дальше жить!» Весну он считал поворотным этапом года и всей жизни вообще…

— Сережа, вспомни бабушкин завет! — говорит Ирина Павловна.

Сергей Всеволодович поясняет:

— Не любила бабушка, когда мы с гостями сидели на кухне. Сказывалось благородное воспитание. Ворчала, что мол, на кухне принимают только прислугу… Может быть, она сейчас наблюдает за нами, — Сергей Всеволодович улыбнулся. — Пойдемте в гостиную, бабушка будет довольна.

Большая, чуть темноватая от зашторенных окон комната, незаметно для самих хозяев, превратилась в музей. Здесь почти все вещи связаны с историей семьи Громовых. Нетрудно представить дедушку, сидящего в своем любимом кресле. Бабушку, вяжущую на спицах. Сережу и Борю, расставляющих на полу оловянных солдатиков.

Знаменитое дедушкино кресло Сергей Всеволодович отреставрировал. Руки у него золотые. Как все настоящие инженеры, он умеет исполнять самые сложные и тонкие операции с любым материалом. Для него, похоже, не существует работы, которую он не смог бы осилить.

Этот большой стол, за который усаживались все домочадцы и гости, и есть настоящий центр семейной жизни. Раньше почти в каждом доме так было. Тут у каждого свое место.

Когда Борис Всеволодович приезжает, он сидит в этом кресле. Теперь он, как дедушка когда-то, главный человек в доме. Сам Борис Всеволодович, однако, всегда подчеркивает, что главный в нынешней, большой громовской семье все-таки старший брат Сергей.

Восстановлен изящный ломберный столик, тут раньше составлялись знаменитые партии в преферанс.

Б. В. Громов:

— Дед был заядлым преферансистом, других карточных игр просто не признавал. Он был поочередно членом двух «команд». В первой играл два-три, максимум четыре дня. Заканчивалось все тем, что игроки разругивались «вусмерть», и дед переходил на какое-то время в другую команду. Со временем обиды забывались, он возвращался в первую. Далее все шло по привычному кругу.

Играли обычно на кухне, потому что по неписаным правилам нужно курить: преферанс без курева — это не игра. Садились вечером после работы, и нередко карточное действо продолжалось до трех — пяти часов утра. Особенно много он играл, когда вышел на пенсию. Умение играть в преферанс я перенял у деда, хотя и не сумел довести свое мастерство до такого совершенства, как он…

Старые подсвечники — тоже из детства. Лампа довоенных времен — ее замечательные руки Сергея Всеволодовича превратили в вазу.

Самая старая семейная реликвия — большая картина. В углу неразборчивая подпись художника и дата — 1894. Сергей Всеволодович с Ириной Павловной недавно ее почистили, и полотно расцвело. И такая тут на картине славная и мирная обстановка! Недаром Сергей Всеволодович дал ей название «Невозмутимое счастье».

Картина — одна из старейших реликвий дома. Возле нее сфотографирована мама братьев Громовых — Марина Дмитриевна на руках у няньки. Значит, картина висела еще на старой квартире в церковном доме.

Тут, на стене рядом с картиной, весь семейный иконостас.

Вот опять Мариночка Лебедева, еще не Громова, но уже невеста. Такая красивая и умная…

Мудрая бабушка говорила, что женщины редко бывают одновременно красивые и умные. Но если такое случается, то счастьем они уж точно бывают обделены. «Не родись красивой, а родись счастливой».

Б. В. Громов:

— Мама, Марина Дмитриевна, человек для меня святой. Счастья на ее долю выпало мало. Рано потеряла мужа — отец погиб на фронте в год моего рождения, в 1943-м. Мама выполняла очень трудную работу — была председателем Саратовского исполкома. Кроме нее и дедушки, который в то время, как и все, зарабатывал копейки, а потом вышел на пенсию, обеспечивать семью было некому.

Для мамы главным в жизни были дети и работа. Сколько я

маму помню, она работала всегда, часто и в воскресенье. В детстве я даже испытывал чувство ревности, мне казалось, что она больше внимания уделяет чужим людям.

Окончание ее жизни было ужасным. По навету была арестована и отправлена в лагеря. Там и умерла.

Как мало времени отпустила ей природа для того, чтобы насладиться жизнью, счастьем, детьми. Мамин образ живет во мне как воплощение русской женской красоты и нежной души…

Вот фотография бабушки-невесты… Дедушка — студент юридического факультета МГУ, в том возрасте, когда ухаживал за бабушкой… Старший брат Алексей в офицерской форме… Борис Всеволодович… Знаменитая фотография, когда он выводил войска из Афганистана. Генерал Громов последним из советских солдат переходит мост через Аму-Дарью.

Ниже, на полке, стройными рядами стоят зеленые солдатики, которыми Борис и Сергей играли в детстве. Много чего отдал Сергей Всеволодович в разные музеи, но оловянных солдатиков оставил себе.

Второе призвание, кроме инженерного, у Сергея Всеволодовича открылось уже в последние годы. Он собирает и хранит все, что связано с прошлым и настоящим семьи Громовых. Это хорошо — в каждой семье такой человек должен быть.

Старший брат и младший. Эти фотографии всегда на рабочем столе Сергея Всеволодовича.

— Как-то я встретил во дворе белоголового подростка, — вспомнил Сергей Всеволодович, — и вдруг мне показалось, что он удивительно похож на Борю в таком же возрасте. Тогда я разыскал эту фотографию и поставил ее себе на стол.

Того мальчика я погладил по голове, сразу вспомнил, что и Борю взрослые частенько, проходя мимо, гладили по голове…

С фотографии внимательно и серьезно смотрит на меня большеголовый подросток с немым вопросом в глазах. Он как бы старается заглянуть сюда, в далекое третье тысячелетие, которое в голодное и холодное послевоенное время казалось просто недостижимым.

Таких вот серьезных и явно умных мальчишек действительно всем взрослым почему-то хочется погладить по голове. От этого воспоминания и сам как бы вдруг окунаешься в детство и с острым, щемящим чувством начинаешь перебирать все, о чем мечтал и думал тогда. И еще долго не можешь вырваться из странного оцепенения, в котором мысленно, как в старом черно-белом кино, просматриваешь свою жизнь в поисках того, что сбылось, а что нет…

— Я пытался понять, с чего начинаются мои собственные воспоминания, анализировал, что я помню, что позабыл, — размышляет Сергей Всеволодович. — Ну, если самые первые, то это только небольшие эпизоды.

Самые ранние — это война. 1943 год, зима. Бомбили наш мост железнодорожный. Были и другие случаи, когда объявлялась воздушная тревога, но бомбежек, кажется, больше не было. В старом доме были стены толстейшие, метровые. Меня будили, одевали. Мы шли не в бомбоубежище, а в коридор и стояли, пережидая налет. Там, бывало, и спали. Старший брат на полу, а я у кого-то на коленках.

Следующее воспоминание о том, как принесли из родильного дома Борю. Принесли его — маленького, завернутого в одеяло, и ящичек, в котором был Толя. Дело в том, что родилась двойня. Два мальчика Боря и Толя. Но Толя почти сразу умер. Теперь я думаю, что в жизни Бориса было так много всего именно потому, что он живет за двоих. За себя и за Толю.

Вот это первые собственные воспоминания. Все это я точно помню. Не то что мне об этом рассказали, и я поверил, что это мои воспоминания. Нет. На самом деле помню и даже вижу…

Б. В. Громов:

— Старший брат, Алексей, для меня всегда был идеалом, чем-то недосягаемым, как будто из другой жизни. Пожить с ним, как братья, мы так и не успели. Когда мне было три года, он поступил в Суворовское училище. Домой приходил лишь в субботу и воскресенье. Я с восхищением смотрел на взрослого брата, на его красивую форму, а сам прикрывал дырки на коленях — нищета тогда была жуткая.

Домой он один не приходил, только с друзьями. Нередко у нас в гостях был его товарищ, тоже суворовец, Юра Власов — будущий мировой и олимпийский чемпион по тяжелой атлетике. К их приходу бабушка готовила шикарный по тем временам обед.

Суворовцы влетали в квартиру, как свежий ветер, всегда веселые, нарядные, жизнерадостные, сразу садились за стол. Брата Сергея сажали с собой, меня спроваживали: «Мал еще». Чего уж они там такое обсуждали — свои учебные дела, преподавателей, а может, девчонок — не знаю.

Частенько они ходили в Суворовское училище на танцы. Мы с Сережей их туда провожали. Училище располагалось в центре города в красивом старинном здании. Со второго этажа, где находился актовый зал со старинными колоннами, доносились звуки духового оркестра. Там сверкала огромная люстра, и через

окна видны были нарядные девушки и суворовцы в парадных белых кителях. Нас с братом, конечно, туда неимоверно тянуло.

После Суворовского Алексей окончил Рязанское пехотное училище. Лейтенантом был направлен в Наро-Фоминск, а затем в Венгрию, где только что закончился, как тогда писали, «контрреволюционный мятеж». Письма он присылал нечасто. Из них можно было понять только то, что служба идет нормально. За старшего в семье были спокойны. Им гордились.

В 1963-м, когда я учился в военном училище в Петергофе, Алексея в сопровождении врача привезли из Будапешта. Рак лимфатических желез. В Венгрии ему, оказывается, сделали две операции. В Саратов привезли, чтобы он пожил в родных местах.

Первое время он лежал дома, потом в госпитале. Во время моего курсантского отпуска мы с Сережей попеременно дежурили в палате у брата. Он безнадежно угасал.

Мне необходимо было уезжать. Когда я прибыл в училище, меня уже ждала телеграмма — Алексей умер…

Бабушка и дедушка Громовых по линии отца скончались до войны, и младшие Громовы их не знали. Неизвестно почему, но из отцовской родни в дом на набережной никто не приезжал и не пытался встречаться.

Отец погиб в 1943 году, о чем свидетельствует сообщение-похоронка. По этому документу Борю приняли в Суворовское училище.

Так получилось, что отца братья Громовы не знали.

Сергей Всеволодович признался, что в детстве думал, будто дедушка это и есть его папа.

Дедушка, Лебедев Дмитрий Федорович, был известный в городе человек. Юрист с высшим образованием. Окончил Московский университет. Людей с университетским дипломом в тогдашнем Саратове можно было по пальцам перечесть.

Его жена, бабушка братьев Громовых, Елизавета Анатольевна Лебедева происходила из дворянской семьи. Образование получила в Саратовском Мариинском институте благородных девиц.

Дмитрий Федорович родился в Моршанске Тамбовской губернии. Елизавета Анатольевна родом из Кузнецка Саратовской губернии, сейчас это Пензенская область.

Бабушка рассказывала, что хотя они и были дворяне, к ним все в округе очень хорошо относились. В революцию соседние поместья разорили и пожгли, а их не тронули. Местные крестьяне даже охраняли усадьбу от тогдашних налетчиков.

Имеется в семейном «иконостасе» старинная фотография

самого давнего предка Громовых — прабабушки. Позади нее история Громовых уходит во тьму, только смутные и не очень достоверные легенды. К сожалению, почти во всех современных российских семьях память о предках простирается не дальше третьего колена. У прабабушки очень интересное серьезное и волевое лицо. Если присмотреться, то понятно, что вся нынешняя громовская порода похожа на прабабушку.

— По нашей бабушке видно, как много полезного давало в свое время дворянское воспитание, — рассказывает Сергей Всеволодович. — Оно даже в наше время передалось, как бы уже с генетической памятью. Хотя нынешние условия жизни совершенно не похожи на те, в которых жили и воспитывались прабабушки и прадедушки.

Воспитание нашей бабушки не позволяло не то что физически наказывать, но даже ругаться или кричать на детей. В то же время бабушка умела так сказать, что мы сразу все понимали и очень боялись ее недовольства. Мы улавливали самые тонкие оттенки ее голоса.

Бабушка не любила выкрутасов, ни умственных, ни словесных. Сердилась: «Ну что это вы там жеманно так говорите: “Хочу кушать”. По-русски нужно говорить, прямо и ясно — хочу есть». Она и вообще во всех отношениях и делах предпочитала прямоту и ясность и нас этому учила. Когда мы стали постарше, с нами вполне можно было говорить о серьезных вещах.

Я помню, как она внушала старшему брату Леше: «Всегда говори обо всем так, как видишь и понимаешь. Если тебя все вокруг убеждают, что это белое, а ты видишь, что черное, так и говори — это черное. Если видишь зло, никогда не называй его добром, как бы тебе ни было выгодно, и никогда не вставай на его сторону».

Она говорила: «Ну, раз уж теперь вы все коммунисты и ходить в церковь вам нельзя — не ходите. Не соблюдаете постов — не соблюдайте. Не умеете молиться — не молитесь. Но вы все равно должны жить с Богом в душе. Это поможет вам в самом трудном положении сделать правильный выбор».

С раннего детства она говорила нам, что нельзя выбрасывать хлеб, а наступать на него ногами — настоящее преступление. Говорила, что люди обязательно должны помогать друг другу. Особенно молодые пожилым и старым.

Очень серьезно она относилась к совместной трапезе. Бабушка считала это важнейшим элементом семейной жизни. Помню, когда мы поженились с Ирой, оба были студентами, в разное время прибегали домой, быстро перекусывали и снова

бежали по делам. Для бабушки это было трагедией. Муж и жена обязательно должны хотя бы раз в день есть вместе.

Она не могла представить такого, что муж приходит домой и начинает есть, не дожидаясь жены. Или жена не ждет мужа — это, по ее мнению, ужасно и гибельно для семьи. И ведь приучила. По крайней мере, хотя бы раз в день мы с Ирой ждали друг друга и ели вместе. Совместную трапезу она считала одной из важнейших опор семейной жизни…

Нынче мы намного проще ко всему относимся, а это ведь не всегда хорошо. Семейная жизнь обязательно должна иметь свой уклад и устав, без этого нет устойчивости.

По сути, и вся жизнь человечества стоит на этих двух великих опорах: генетической наследственной памяти и духовно-исторической традиции. Можно сказать, что необыкновенно повезло в жизни тем людям, у кого были такие, как у братьев Громовых, бабушка и дедушка.

— Бабушка все делала так, как ее учили с детства. Если дедушка собирался пойти в баню, то подготовка к этому событию становилась почти театральным действом. Кстати, дедушка брал меня, а позже и Борю с собой в баню, и там мы старательно терли спины ему и его приятелям и считали это почетной своей обязанностью. Мылись и парились они долго, часа по три. Это было священнодействие.

Так вот, бабушка готовила все, что нужно взять в баню. Определенным образом сложенные трусы, подштанники. Носки, помню, складывались не просто, а как-то пятка вставлялась в переднюю часть, так, что дедушка очень легко мог одеть носок на влажную ногу. И для меня так же все делалось. Все гладилось и укладывалось определенным образом, и никто лучше бабушки это сделать никогда бы не смог.

Бабушка прожила долго — 93 года. Последние восемь лет в основном лежала. Но и в почтенном возрасте и в трудном своем положении продолжала внимательно за всем следить. Смотрела телевизор и сообщала вечно спешащей молодежи все важные новости. Как все старые люди, любила, когда ей выражали сочувствие, ласку и нежность. Но об этом молодые должны были сами догадываться. Никогда не показывала уныния и слабости. Характер до конца дней оставался железным.

В последние месяцы жизни бабушка провела ревизию архивов. Сергей Всеволодович до сих пор жалеет, что не сумел этого предотвратить. Многие фотографии бабушка уничтожила.

На все его возмущенные вопросы отвечала спокойно, зачем, мол, вам все это, я те фотографии рву, на которых вы никого не знаете.

— В какой-то степени она права, — с грустью размышляет Сергей Всеволодович. — Мама, папа, дедушка с бабушкой, ну еще прадедушка и прабабушка. А дальше… Вся родня их, близкие и друзья, кто мне о них расскажет? Жаль, конечно, что у нас такая короткая память…

Вот бабушка молодая. Написано: «Лиза. 25 декабря 1900 года», а она родилась в 1888-м. Значит, ей тут 12 лет. А вот кто рядом с ней, не знаю…

К воспитанию у бабушки была природная склонность. Пыталась она по инерции воспитывать и дедушку. Дмитрий Федорович относился к этому спокойно, с улыбкой. Чувство юмора помогало дедушке выходить из самых сложных ситуаций, а их в его жизни, пришедшейся на страшную переломную эпоху, было больше чем достаточно.

Легкость характера и природный оптимизм позволяли ему свободно и просто устанавливать отношения с людьми. К нему любили приходить, посоветоваться, поговорить по душам. И никто, похоже, не замечал, что Дмитрий Федорович больше помалкивал да покуривал. Но он умел слушать, а это, по сути, только и нужно. Люди уходили от него с облегченной душой и полной уверенностью, что без этого разговора никогда бы не могли понять самих себя.

Однако была в Дмитрии Федоровиче некая твердость, ее чувствовал каждый, кто имел с ним дело. Твердость того рода, о которой писал Алексей Толстой в своем чудесном рассказе «Русский характер» — если русский человек по какой-то крайней необходимости переступит через себя, его уже ничто не остановит.

— Вот он, дедушка — Дмитрий Федорович Лебедев. «… Учинивший подпись на своей карточке», — Сергей Всеволодович долго держит в руках пожелтевшую фотографию со штампом какого-то старинного саратовского фотоателье, вздыхает. — Ах, какие у дедушки усы! Просто чудо как хороши!

Когда генерал-лейтенант Борис Всеволодович Громов вернулся из Афганистана и у него собрались друзья, с которыми вместе учился в Суворовском, служил и воевал, он первым делом вспомнил о дедушке и первый тост поднял именно за него.

Дедушкины принципы воспитания отличались от бабушкиных. Их правильнее всего объединить одним названием

— «принцип невмешательства». Все же в одном дедушка с бабушкой были солидарны — никто из них внуков пальцем не тронул. А времена были суровые и с ремнем были коротко знакомы почти все подростки. Тогда, если бы мальчишка сказал, что его ни разу в жизни не пороли, ему бы никто не поверил.

Братья Громовы вовсе не были паиньками. Их, конечно, было за что наказывать. Их и наказывали. Случалось, кому-то говорили: ты провинился, за это не пойдешь завтра гулять. Но чтобы ударили… Такого они и представить себе не могли…

Замечательно проходили в этом доме воскресенья. Тогда ведь был только один выходной.

С утра в гостиной за большим столом собирались друзья и родственники. Играли в лото.

Лото — игра на деньги. Хотя деньги там маленькие, какие-то копейки. Дедушку и бабушку это не смущало. Разрешали участвовать и детям. Говорили: ничего, не испортятся. И правда, ни разбойником, ни спекулянтом, ни мошенником никто из Громовых не стал.

Специально варилась картошка, готовилось угощение. После игры все игроки ели за этим же столом. Собиралось человек до пятнадцати.

В семье существовала святая заповедь — людям нужно помогать.

— Мы жили на втором этаже, а на первом — старушка Марья Петровна Подлесная, — Сергей Всеволодович рассеянно перебирает фотографии. — С ней бабушка всегда делились крупой. Мама покупала, у нее была такая возможность, потому что она работала в райисполкоме, там свой буфет, а бабушка всегда Марье Петровне отсыпала.

Раз в неделю к нам приходила Люба-монашка. Бабушка у нас верующая. Дедушке, конечно, в свое время преподавали Закон Божий, но он по традиции дореволюционной интеллигенции относился к этому с иронией, посмеивался. Но на Пасху, это я хорошо помню, мы с ним вечером обязательно ходили на крестный ход. Он меня водил. «Идем, Лопуханчик, посмотрим».

У нас в семье обязательно какие-нибудь прозвища были. Ласковые — Лопуханчик, например — это у меня. У Бори волосы были светлые — его называли Рыжик. В школе меня прозвали — киргиз. Летом нас стригли наголо, а лысину мы тюбетейкой прикрывали. Вот я в тюбетейке, видно, смахивал на киргиза.

Так вот Люба-монашка приходила — она настоящая монашка из монастыря, — бабушка ей заранее узелочек приготовляла. Та принесет просвирок, а бабушка вручает ей узелок с угощением.

Помню, она приходила почему-то всегда, когда дедушка обедал. Он сидел в этом своем кресле за столом, она заходила в темном одеянии монашеском, кланялась и говорила: «Здравствуйте, Димитрий Федорович, храни вас Господь», — и произносила какую-то молитву. Он: «А, Люба, здравствуй, ну проходи, присаживайся!» И они обязательно немного поговорят. Причем дедушка почти всегда подшучивал, но она не сердилась, видно, нравилось Любе-монашке с дедушкой разговаривать.

Убежден, если бы в эти трудные годы после войны люди друг другу не помогали, очень многие бы и не выжили.

Почти все тогда были бедными. У нас одна такая семья была в доме. Тоже жили без отца. Девочка и мать. Вот у них висели на окнах красивые занавесочки. Шторки такие. Висят и висят, потом, глядишь, а их нет. Через какое-то время опять появляются, но уже другого цвета, потом опять нету.

Я как-то спросил: «Что это у вас, Женя (девочку Женей звали), то есть занавески, то нет?» У них окна полуподвальные, и мы туда заглядывали, когда занавесок нет. Хотя нам это, конечно, запрещалось. Если бы бабушка узнала, что мы заглядываем в чужие окна, нам бы досталось. Но дети ведь любопытные, что поделаешь.

Нам и в зеркало-то не разрешали смотреться, считалось, что это нехорошо, любоваться на себя. Вот дедушка у нас был красивый, но в зеркало не смотрелся и нам говорил — не пяль рожу в зеркало. Мы не должны были особо обращать внимание на свою внешность…

Так вот насчет этих шторок. Женя мне ответила, что когда мама деньги заработает, они занавески покупают и вешают, когда денег нет, мама их продает. Многие тогда так жили…

Сергей Всеволодович с интересом занимается семейной хронологией. Выстраивает последовательность различных дат в роду Громовых.

Например. Бабушка родилась в 1888 году. В 1917-м случилась революция. 29 лет она прожила при капитализме, остальную жизнь при социализме, совершенно другом строе.

У ее правнучки Вероники (внучки Сергея Всеволодовича) все сложилось наоборот. Вероника родилась ровно через сто лет после бабушки, в 1988 году. Жила какое-то время при социализме, потом свершилась новая революция, теперь она живет при другом строе. В этом году в декабре ей будет 16 лет.

Еще одно сочетание. В 1963 году у дедушки с бабушкой была золотая свадьба, и в этом же году Ирина Павловна и Сергей Всеволодович поженились. Дедушка так и сказал, что это лучший

подарок к их золотой свадьбе.

Получается так, что семья Громовых все время живет на переломах. Сначала революция резко изменила судьбу дедушки и бабушки. Следующая революция вмешалась в судьбы их детей и внуков. Дедушка ведь был человек с университетским образованием. Юрист. Он вполне мог вместе с семьей уехать за рубеж. В эмиграции он бы не пропал, а скорее всего стал бы обеспеченным человеком, как большинство юристов. Но не уехал. Могли, наверное, покинуть Россию и внуки, но об этом они даже и не подумали.

Громовы — люди, просто и естественно преданные своей стране. Не равнодушные фаталисты, «пусть все катится, как Бог пошлет». Они переживали, сострадали и радовались всему, что происходило в России. Дедушка не раз говорил внукам:

— Прекрасно помню годы, когда только телеги, запряженные лошадьми, ездили по улицам Саратова. Никогда я не думал, что доживу до времени, когда люди полетят в космос.

Он умер в 1967 году, а в 1957 году был запущен первый спутник, и потом Гагарин полетел. Гагарин стал его последним кумиром.

Дедушку с молодых лет восхищали технические достижения. Он прекрасно помнил, как летали первые самолеты. Специально ходил за много километров на летное поле смотреть, как делает «мертвую петлю» Нестеров, как бесподобно летает Уточкин.

Когда наша хоккейная команда выступала на первенстве мира во главе с Тарасовым, дедушка вместе с внуками сидел ночами, смотрел хоккейные игры. Когда, случалось, что наши не забивали из верных положений, не выдерживал и матерился. Он умел делать это так интеллигентно и аккуратно, что даже на ругань не было похоже.

Сам он был человек совершенно не спортивный (если не считать преферанс и шахматы), но прекрасно знал и понимал спорт. Очень любил бокс. Болел за наших боксеров и смотрел, когда бы эти бои ни показывали. Его спортивным кумиром был Валерий Попенченко.

В семье закладывался очень здоровый и крепкий фундамент. Все ее члены были по-настоящему близки к народным корням, любили все истинно русское.

Бабушка обожала Лемешева, потому что он пел народные песни именно так, как она слышала в детстве и считала правильным. Когда Максакова пела «Помню, я еще молодушкой была», бабушка буквально плакала от восторга. Она воспитывалась в местах, где говор и традиции прочно сохранялись, и она с детства помнила эти песни. Дедушка с

бабушкой любили все настоящее, что не зависит ни от моды, ни от политического строя. У них и друзья были такие же.

— На этой фотографии дедушка, а рядом его товарищ — Петр Петрович Плеханов, — вспоминает Сергей Всеволодович. — Простой русский мужик из села ниже Саратова. Его история такая. Он всю жизнь был в армии. Дослужился до подполковника. Войну провел в окопах, обороняя Ленинград. Когда я его узнал, он стариком был и страдал сердцем. Его уже нет в живых. Вот он говорил мне: «Ты понимаешь, Сережа, сейчас многие молодые жалуются на трудности. А мы четыре года сидели в окопах. Голодные, под дождем и снегом. Я-то офицер молодой еще, а мне отцом нужно быть для солдат. Ноги от голода отекают, пузыри лопаются и возникают язвы. До немецких окопов сто метров всего, оттуда несет запахом тушенки. Они там жрут, хохочут, на гармошке играют, а мы от голода пухнем. Кажется, нельзя выдержать. Но ведь ни один из моих солдат не переполз к ним. Хотя это легко было сделать, особенно ночью. Голод такой, как у нас был, настоящий, он человека просто уничтожает, превращает в животное. И все равно никто не перебежал в сытую жизнь к врагу.

Я ведь еще должен был, как офицер, поддерживать в своих полумертвых солдатах не просто стремление выжить и при этом не стать предателем, но еще и отбивать постоянные атаки со стороны сытого и прекрасно вооруженного врага».

Рассказы Петра Петровича Плеханова мне очень помогали. Я хорошо их помнил и вдохновлялся ими. Поддерживал себя этим примером, если мне было плохо.

Я удивился, когда однажды вот эту историю мне рассказал Борис. Он, оказывается, тоже держал в памяти рассказы Петра Петровича Плеханова и, когда становилось тяжело, всегда вспоминал. А у Бориса трудности были очень серьезные и на войне, и в мирной жизни.

Наши старики научили нас никогда никому не жаловаться.

Обстоятельства жизни, какими бы они ни были, не заставят Громовых поменять характер. Хоть война, хоть перестройка, хоть реформы. Они будут жить по давно сложившемуся семейному принципу, — нужно помогать людям, нужно уметь делиться. И всегда будут патриотами не на словах, а на деле.

— Это одна из последних фотографий — хулиганят бабушка с дедушкой. Они всегда слегка хулиганили, когда я их фотографировал, — улыбается Сергей Всеволодович. — Никогда не унывали. Это всех нас поддерживало в трудные минуты.

Дмитрий Федорович не обсуждал, какую жизнь он прожил, плохую или хорошую. Внукам он говорил: «Радуйтесь каждому новому дню и особенно тому, что их у вас так много впереди. Вы пока даже представить не можете, какое это счастье…»

Б. В. Громов:

— Если бы не дед, мы с Сергеем выросли бы другими. Он учил нас правилам хорошего тона, уважению к старшим, к женщинам — бабушке и маме. Разговор на столь деликатную тему не мешал ему порой выражаться довольно круто по отношению к тем, кого он считал не достаточно честными и умными.

Если мы шли в кино, то по возвращении дед обязательно заставлял нас пересказывать фильм. Позже я понял, что это было не стариковским чудачеством — таким образом он тренировал нашу память и прививал навыки разговорной речи.

Дед, конечно, был недоволен тем положением, в котором он оказался после революции. Прежде всего по тому, что был вынужден работать не по специальности. Будучи выпускником юрфака Московского университета, он работал бухгалтером на Приволжской железной дороге. После войны, как и все железнодорожники в то время, он получил воинское звание, кажется, лейтенанта и постоянно ходил в военной форме.

В молодости он был высоким и черноволосым и походил на кавказца, хотя в нашем роду к Кавказу никто отношения не имеет. Носил усы и красивую шевелюру.

Дедушка с бабушкой были заядлыми театралами, так что страсть к театру мы унаследовали от них. Саратов с давних пор считается городом театральным. Здесь работают четыре театра — оперы и балета, драматический, ТЮЗ и кукольный. Каждое лето приезжали с гастролями лучшие коллективы из столицы и других городов. Кроме того, в Саратове были свои цирк и филармония.

Унаследовал я от деда и привычку курить. Это был своеобразный ритуал. Он приходил домой на обед, включал радио — довоенную «тарелку» — и сразу закуривал. После этого клал дымящуюся папиросу на одну из пепельниц, которые стояли во всех комнатах, и шел мыть руки. Затем в другой комнате опять вставлял папиросу в мундштук и закуривал. Так в квартире постоянно дымилось несколько папирос деда. Я всегда с интересом смотрел на табачный дымок, поднимавшийся сначала ровной струйкой, а наверху закручивающийся спиралью. Очень нравился мне запах дедушкиного табака.

Бабушка, случалось, упрекала деда в том, что он курит в

присутствии детей, да еще так много, но это было бесполезно. Да и мы привыкли уже. Причем упрекала она его всегда только на французском языке. Наверное, чтобы мы не поняли. Оба они, и бабушка, и дедушка, знали французский вполне прилично, так что могли свободно разговаривать. Во времена их молодости такое было распространено среди образованных людей.

Беспокойство бабушки оказалось не напрасным. Первый раз я затянулся табачным дымом в девять лет. В комнате никого не было, а папироса дымилась, и я решился попробовать. Подавившись дымом, закашлялся, во рту появился резкий и неприятный привкус, закружилась голова. Таким был первый опыт. Но он не отвадил меня от интереса к табаку.

Наше уважение к дедушке на протяжении всей жизни было настолько велико, что мой брат, живущий в Саратове, бережно хранит его вещи. Среди них кресло, в котором дедушка сидел за столом. После обеда он всегда брал газету, принимался читать, ну и, как полагается, через пять минут, уже накрытый ею, засыпал…

— О Борисе Всеволодовиче много писали с афганской поры, у меня собрался большой архив, — говорит Сергей Всеволодович. — Я ведь не просто собираю, я это все анализирую. Тут, видимо, мои профессиональные привычки сказываются.

По образованию и профессии я инженер, умею и люблю анализировать. Так вот, на основании всех этих прочитанных материалов и размышлений пришел к выводу, что по своему предназначению Борис Всеволодович Громов — *реаниматор*. Это английское слово. Переводится как «оживить», «воскресить», «вернуть к жизни». Главное значение — вдохнуть новую жизнь.

Когда я пришел к этому выводу, все у меня выстроилось совершенно логично.

У нас с Борей разница в три года. С Алексеем у меня — пять лет, а он старше Бори уже на восемь. У Алексея связь с младшим братом была, но, конечно, много меньше, чем у меня. Так получилось. Я очень любил Алексея. Но дружили мы именно с Борей.

Бабушка мне говорила: «Ты за Борю отвечаешь. Ты должен обязательно за ним следить и оберегать».

Потом мама то же самое сказала, когда Боря стукнулся о ножку кровати. Раньше были кровати с металлическими ножками. Он упал, головой о ножку стукнулся сильно, кровь пошла. Тогда сложились у нас такие отношения, что при всякой возможности я старался быть рядом с ним.

В то время тут, на берегу Волги, было много спортивных баз с деревянными бассейнами, плавающими в воде. Были большие,

глубокие, с пятидесятиметровой дорожкой и прыжковой вышкой для взрослых спортсменов, были лягушатники, где плескалась малышня. Там пацаны учились плавать. Жаль, что этого уже нет сейчас.

Надо сказать, что даже совсем маленьким Борис как-то умел не доставлять старшим хлопот. Хотя вытворял такое, в чем никто не мог с ним сравниться. Например, залезал на верхушки безумно высоких деревьев. Он вообще любил куда-то забираться. Однажды забрался на забор воинской части. Забор высокий, метра три, не меньше, и очень старый. Забор упал. Упал так, что полностью Бориса накрыл.

Прибежали солдаты, подняли забор, и то не сразу, он был тяжеленный. Вытащили Бориса… Целого и невредимого. Он удачно попал в какую-то ямку, забор его даже не коснулся. Можно сказать, что тогда он родился второй раз.

Знай бабушка и мама о том, как Сергей иной раз присматривал за младшим братом, про арбузные заплывы и ночные пробеги по крышам, а особенно про этот случай, ему бы пришлось несладко.

— Не только я его оберегал, — вспоминает Сергей Всеволодович. — Вот один случай, который многое открывает.

Как-то бабушка с дедушкой уехали к своему сыну в Смоленск. Мама была на работе, иногда она там оставалась дежурить. Алексей — в Суворовском, он появлялся только по воскресеньям, в увольнение. Дома одни мы с Борисом. Тут я заболел. Я часто в детстве ангиной болел, хронически.

Лежу. В окнах — сумрак. Мне так плохо! Высокая температура, слабость. Здорово меня прижало, наверное, даже слегка бредил. Вдруг сквозь этот тяжелый сон чувствую что-то приятное. Открываю глаза и вижу: возле кровати стоит табуретка, на ней сковорода. В сковороде — жареная картошка.

Не длинненькими полешками нарезанная, как делали мама или бабушка, а ровненькими кубиками. Так удивительно, я даже спросил: откуда это?!

Больше суток я, видимо, провалялся в полном отрубе, все мне было безразлично, и вдруг этот чудесный запах меня вытащил оттуда, из сумрака к свету.

Боря отвечает: это я тебе приготовил, Сережа. Нет, он меня тогда звал Ляля. Он еще маленький был. Меня и сестры двоюродные в детстве почему-то Сережей не называли, трудное, видимо, имя. Кто Ляля, кто Сисесь.

Боря сам, впервые в жизни, очистил несколько картофелин,

порезал их кубиками, сложил в сковороду, включил электроплитку и пожарил!

Думаю, что Боре тогда было лет пять или шесть, он еще в школу не ходил.

Этот момент ощущаю прямо как сейчас. Я безнадежно грустно дремал, ничего не хотел, и сознание мое едва тлело. Он в это время придумывал, как вернуть меня к жизни, и готовил свое лекарство. Почему кубиками нарезал? Видимо, он раньше не обращал внимания, как мама и бабушка режут картошку. Наверное, ему пришлось много потрудиться, чтобы наделать такие вот ровненькие кубики.

И ведь я выздоровел! Поел этих Бориных кубиков, заснул и проснулся здоровым. Он уже тогда был реаниматором. Вдохнул в меня жизнь!

Еще случай, который показывает, что он умел не впадать в панику и быстро принимал правильные решения.

Тогда этой красивой набережной еще не построили. Волга была значительно у́же. Она так широко разлилась позже, когда построили Волгоградскую ГЭС. У нас прямо тут, внизу, был пляж. Туда подплывали лодки-гулянки, много тогда было таких лодок. В нашем дворе один рыболов делал себе лодку, даже фамилию помню — Рогов. Мы с Борей с интересом за этим процессом наблюдали и, наверное, потом могли бы даже сами лодку построить, если бы только материал и инструменты у нас имелись.

На этих лодочках переплывали на остров. Там самый лучший пляж. Люди, желавшие загорать со всеми удобствами, на замечательном и относительно малолюдном пляже, отправлялись на лодках туда. За какие-то копейки перевозили, а своих ребят с набережной и вовсе бесплатно. Мы были свои.

Как-то сели в лодку и поплыли на остров. Боря тогда уже в школе учился, но все равно еще маленький был.

Я нырять очень любил. А лодок-то много причаливает, одна за другой носом тыкаются в берег. Вот я нырнул, выплываю и охнуть не успел, как на меня налетела моторка. Сначала бьет меня носом и прямо перед лицом крутится винт. Я вылезаю, Боря на меня с таким испугом смотрит, а у меня кровь по лицу так и льется.

Пока я думал, что делать, он остановил какую-то лодку, посадил меня туда. Переправились обратно и бегом, в Управление Приволжской железной дороги, где была поликлиника. Там мне рану мою зашили, все, что нужно, сделали. Как говорится, обошлось.

Борис не растерялся. Я-то был в шоке и плохо соображал.

Сильный удар, кровь лицо заливает. Получилось, что я, приставленный младшего брата опекать, сам оказался под его опекой… Вот почему я думаю, что он по природе своей создан, чтобы защищать жизнь.

Может показаться, что это излишне возвышенные слова, но в таком случае я просто плохо рассказываю. Когда до меня дошла мысль, выраженная вот этим понятием — реаниматор, я глубочайшим образом в нее поверил.

Ну, даже если формально разобраться… Борис Всеволодович никакой охоты не любит, никогда мы животных не убивали и не мучили даже в детстве, когда все мальчишки ходили с рогатками в карманах.

Птицы всегда жили в нашем доме. И взрослые, и дети их очень любили, а весной 17 марта бабушка ставила клетки на подоконник и открывала дверцы. Все птички выпускались на волю. Бабушка радостно говорила: «На улице уже тепло, пусть летят».

У нас всегда зимой щеглы жили. Они лучше всего переносят клетку и так красиво поют. И не только птицы, и собаки тоже всегда были у нас.

В нашей семье просто очень уважали жизнь во всех ее проявлениях. Когда в доме появлялся, скажем, паучок, его не убивали, ловили и выбрасывали на улицу.

Ударили настенные часы. Звон был медленный и торжественный. На некоторое время возникла пауза в нашем разговоре…

— Я часто вспоминаю фразу из фильма «Транзит», — заговорил Сергей Всеволодович. — Там героиня слушает звон часов и приводит слова своего дедушки: «Время должно уходить торжественно, с боем». Эта фраза запомнилась, и я подумал о нашем дедушке.

Как только появилась возможность, купил часы с боем. Теперь у нас время уходит «торжественно с боем», и под этот звон я вспоминаю дедушку. Его улыбку, прокуренные усы, слышу его шуточки, запах его душистого табака…

Б. В. Громов:

— С братом, Сергеем, у меня сложились совершенно особенные отношения. Я с ним не только часто советуюсь, но как бы сверяю правильность своих шагов. В жизни ему пришлось значительно труднее, чем мне. Живя в Саратове, он вынес на себе всю тяжесть семейных трагедий. Сначала умер старший брат. Буквально через год — мама. Затем дедушка, который был Сергею

особенно дорог. Потом слегла бабушка.

Сергей женат. У него прекрасный сын Миша, Михаил Сергеевич, военный хирург, уже есть внучка.

Брат больше тридцати лет проработал в НИИ газа и нефти и никогда не хотел менять места работы. Он и сейчас, будучи пенсионером, там работает.

Сергей в моей жизни всегда был опорой и поддержкой. Именно ему я позвонил из Ташкента глубокой ночью в январе 1980 года, когда я в первый раз летел в Афганистан. Поговорили минут пять о многом и ни о чем, прекрасно понимая друг друга. Он старался меня успокоить, я тоже говорил, что все нормально. Как будет на самом деле, никто, конечно, даже представить себе не мог…

Все-таки много странных и многозначительных совпадений в датах. Некоторые кажутся пугающими. В 1969 году в ночь с 13 на 14 февраля умер Алексей Всеволодович — старший из братьев Громовых. Блестящий молодой офицер.

15 февраля, только уже 1989 года, младший брат Борис должен вывести войска из Афганистана.

Сергей Всеволодович был очень встревожен, когда объявили дату. Сразу вспомнил, что за двадцать лет до этого умер Алексей, и страдал, ожидая этого дня, боялся, что произойдет какая-нибудь трагедия, что Бориса убьют. Успокоился только, когда узнал, что последним перешел через пограничный мост командующий сороковой армией — генерал Громов.

Вспомнился Суворовский переход через Альпы. Ведь и Борис со своей сороковой армией преодолевал Саланг, тоже снежный и ледяной, как альпийские перевалы, и солдаты сороковой армии, подобно суворовским чудо-богатырям, в иных местах вынуждены были съезжать на заду, как это изображено на картине Сурикова.

Вот и еще одно очень интересное сочетание. Суворов и суворовцы. Двести лет разделяют их, а сколько общего!

Тут просматривается связь российских военных поколений. Недаром ведь мальчики в семье Бориса Всеволодовича Громова тоже окончили Суворовское училище.

— Учебу в Суворовском я знаю хуже, — говорит Сергей Всеволодович. — Это его однокашник Юрий Иванович Скворцов вам расскажет, он с ним сидел семь лет за одной партой. Лучше, чем он, этот период никто не знает.

Глава третья
КАДЕТЫ

ПРИКАЗ

по Саратовскому Суворовскому Военному Училищу
№ 240 гор. Саратов
30 августа 1955 г.

…

§ 9. Мальчика *Громова Бориса*, прошедшего медкомиссию и признанного годным, с 30 августа 1955 года зачислить суворовцем в 5-ю роту.

Зачислить в списки личного состава училища и на все виды довольствия с 30 августа 1955 года.

Б. В. Громов:

— Моя военная жизнь началась в двенадцатилетнем возрасте. В 1955 году я поступил в Саратовское суворовское военное училище. Это же училище в 1953 году окончил и Алексей, мой старший брат.

В Суворовском я получил хорошее образование. У нас работали опытнейшие преподаватели, которые стремились не только дать знания по своим предметам, но и воспитать нас настоящими офицерами.

Помимо школьной программы в расписание вводились уроки бальных танцев, музыки, истории искусств. Но больше всего было, естественно, военных дисциплин — строевой подготовки, стрельбы, занятий спортом.

Один день в неделю все в училище говорили только на английском языке. От подъема до отбоя. Эго правило касалось всех — от начальника училища до суворовца-первогодка. Разумеется, нередко возникали анекдотичные ситуации. Ведь даже не каждый преподаватель свободно владел языком, и потому некоторые из них, в основном пожилые люди, пользовались разговорниками. На первых порах и мы объяснялись по-английски с горем пополам, но чувство юмора нас выручало.

Мне до сих пор непонятно на каком основании в 1960 году было принято решение о расформировании, а по сути дела, о разгоне нескольких суворовских училищ, в том числе и

Саратовского, в результате чего в стране осталось только шесть СВУ. Нашу роту перевели в Калинин. Последние два года мы учились там…

С Юрием Ивановичем Скворцовым, заведующим кафедрой пропедевтики Саратовского государственного медицинского университета, мы подошли к зданию бывшего Суворовского училища рано утром. Старинное здание выглядело нарядно, хотя вблизи можно заметить облупившуюся штукатурку и даже трещины на стенах.

Здание довольно старое. Построено в 1884 году. Сначала здесь размещался Губернский суд. На чердаке любопытные суворовцы находили старинные пыльные папки с судебными делами. В войну тут был размещен госпиталь. С 1944-го по 1960-й — Суворовское училище. Теперь здесь школа.

С самого начала в Саратовском суворовском училище было пять рот — с пятой по первую — первая выпускная. Потом все перевернулось, выпускной стала седьмая рота. Но первых двух рот никогда не было. Сразу — третья, четвертая, пятая, шестая и седьмая. Если бы первые роты набирались, то это были бы совсем малыши — второй-третий класс обычной школы.

Утро начиналось с зарядки.

В тыльной части здания открывались большие железные ворота и на пустынную утреннюю улицу стройными рядами выбегали четыреста по пояс голых складных молодых ребят. Они пробегали три круга по площади и снова исчезали за воротами.

Все, кто в это раннее время проходил по улице, останавливались и смотрели на суворовцев…

Первые кадетские корпуса, а суворовские училища — их прямое продолжение, возникли в середине XVIII века. Начало было положено указом императрицы Анны Иоанновны, которая в 1731 году учредила Сухопутный (Первый) шляхетский кадетский корпус. За ним последовали Морской, Артиллерийский, Инженерный. Здесь выросли великие полководцы Румянцев и Ушаков; поэты и философы Батеньков, Раевский, Бенедиктов, Надсон; дипломат Обресков; директор первого русского театра Сумароков. Каждый пятый генерал Отечественной войны 1812 года получил образование в кадетском корпусе.

Спустя полстолетия кадетские корпуса реорганизовали в военные гимназии, но вскоре они возродились и просуществовали до 1917 года.

Хорошо забытое старое вспомнили в разгар Великой Отечественной войны в 1943 году. Постановлением правительства № 901 Наркомату обороны предписывалось

сформировать «по типу старых кадетских корпусов» девять суворовских училищ: Краснодарское (в Майкопе), Новочеркасское, Сталинградское (в Астрахани), Воронежское, Харьковское (в Чугуеве), Курское, Орловское (в Ельце), Калининское и Ставропольское. Создали специальные СВУ для детей пограничников в Ташкенте и Кутаиси, а для мальчишек из семей моряков: Тбилисское, Рижское, Ленинградское нахимовские училища. В СВУ зачисляли в основном тех, у кого отцы воевали или погибли на фронте.

Для того чтобы поступить в училище, нужно было сдать экзамены по математике и литературе (диктант), к этим экзаменам в различные годы добавлялись физика и история. Основные даты из биографии Суворова мальчишки должны были знать наизусть.

С 1944 по 1955 год были созданы еще семь суворовских училищ, в их числе Саратовское.

Из первых «кадеток» сохранилось лишь Калининское СВУ да Питерское нахимовское училище. Последним, в 1991 году, на базе знаменитого танкового училища, возродилось Ульяновское СВУ.

Всего в современной России — девять суворовских училищ.

Множество известных людей в разные годы носили черные мундиры с красными (почти генеральскими) лампасами и буквами СВУ на погонах: Игорь Иванов — председатель Совета безопасности РФ, Александр Румянцев — министр по атомной энергетике, летчики-космонавты Владимир Джанибеков и Юрий Глазков, народный артист СССР Армен Джигарханян, олимпийский чемпион и многократный рекордсмен мира Юрий Власов, музыкант Стас Намин, писатель Олег Михайлов, автор книг о Суворове и Ермолове и многие, многие другие…

С последнего года Великой Отечественной войны в старинном доме на проспекте Радищева замкнуто существовал целый мир. Своеобразный, скрытный, суровый и все-таки очень привлекательный для большинства подростков. Тут происходила натуральная игра в древнюю Спарту — в избранный военный народ. Не каждому мальчишке под силу было выдержать здешний режим. Все поступавшие это чувствовали и очень волновались перед тем, как перешагнуть порог и оказаться в этом манящем, но суровом мире.

— Прежде чем войти в эти большие парадные двери, я минут двадцать находился в доме напротив, — вспоминает Юрий Иванович Скворцов, — в парикмахерской. Здесь круто завитая девица с хромированной машинкой в руке со спокойным

равнодушием профессионала лишила меня волос. Это было, по-своему, даже страшно. Знаю, что многие из моих будущих друзей и однокашников, сидя в этой парикмахерской и видя, как падают на пол их вольные волосы, забыв о мужской гордости, ревели в полный голос. Мальчишки чувствовали, что жизнь решительно и грозно меняется. Что через несколько минут ты станешь другим человеком, неузнаваемым, как эта круглая лысая голова с оттопыренными ушами в зеркале. Чего скрывать, я тоже заревел. Мне было страшно.

Воскресный день. Школа пуста. Входим в гулкий вестибюль.

— Там была столовая, куда приходили сразу 400 человек. Все училище в одну смену. Для каждой роты ставили свои столы, — на ходу говорит Юрий Иванович. — Наш кинозал. Там на третьем этаже кинобудка. А тут колонны. Мы между этими колоннами прятались и гонялись друг за другом. Сколько раз я тут себе ноги сбивал. Лестницы-то железные.

Вот ниша, в которой стоял бюст Суворова, а сверху надпись: «Дисциплина — мать победы». Рядом указ Сталина о создании кадетских корпусов — суворовских училищ. В указе прямо и сказано — создать суворовские училища по типу прежних кадетских корпусов. Вот почему мы не реже, чем суворовцами, называем друг друга кадетами.

Б. В. Громов:

— Я семь лет в Суворовском проучился. — Это годы, когда складывается характер и начинает формироваться мировоззрение человека. Эти семь лет во многом определили направление и интересы моей жизни. Поэтому для меня Суворов — это не кумир юности или просто интересующая меня личность, это во многом тот идеал, по которому я стремился строить свою жизнь. Он определил мое поведение во многих жизненных ситуациях.

Я много читал о Суворове. И должен сказать, что в Суворовском училище я вообще много читал, у нас была очень хорошая библиотека. Моя любовь к книгам и чтению сформировалась именно там и тогда.

С сожалением смотрю сейчас на детей, в том числе на своих. Книга в их жизни уже не играет той роли, какую играла в судьбе моего поколения.

Для нас книга была действительно лучшим подарком. Без шуток. Бабушка наша всегда говорила о подарках, что они должны быть недорогими и полезными, и потому лучше всего дарить хорошим людям умные книги. В какой-то степени, конечно, это было связано с тем, что и денег в семье всегда не хватало, и потому лучше книги, действительно, ничего не

придумаешь.

Я убежден, что именно книги сделали нас такими, какие мы есть. Они нас учили верить в справедливость, дружбу и непременную победу добра над злом. Сделали нас идеалистами, верящими в людей (от этого пришлось пережить немало разочарований, но я никогда об этом не жалел и не жалею). Кто из нас не плакал над хижиной дяди Тома, кто не мечтал стать другом Тимура и бойцом его команды? Кто не был влюблен в Павку Корчагина?

Тем прекрасным, что есть в характере моего поколения, мы обязаны этим литературным героям, которые были для нас совершенно живыми и близкими людьми. На них мы равнялись, с ними советовались, попадая в трудные положения.

Сейчас все по-другому. Своих девчонок я буквально заставлял читать «Хижину дяди Тома», отрывая их от компьютера. Они, конечно, ворчали и обижались, но потом плакали, искренне переживая беды книжных героев. Я заметил, что после этой книги они стали гораздо больше читать и от этого определенно изменились в лучшую сторону, стали добрее, спокойнее, мягче.

В своей семье я стараюсь поддерживать традиции старого саратовского дома. У нас своя библиотека, и там есть все книги, с которыми связано мое детство. На отдельных полках, как это было и у дедушки, собраны тома из молодогвардейской серии «Жизнь замечательных людей». Он покупал их все, какие только мог. Это было непросто, в то время книги были самым большим дефицитом. Дедушка говорил: читай эти книги и узнаешь много интересного не только о великих людях, живших на земле, но и о самом себе. Книги эти достались мне как бы по наследству, и я не только возил их с собой по всей своей кочевой жизни, но и постоянно покупал новые. Сейчас они составляют немалую часть нашей семейной библиотеки.

Никогда не заставлял своих сыновей и дочек читать биографии из серии «ЖЗЛ», но всегда с большим удовольствием замечал, что книжки на полках постоянно меняются местами. Ребята читают, и мне это приятно.

Конечно, компьютер — великое откровение, почти что религия нашего времени. Нынешние дети уходят «гулять в Интернет», и для того, чтобы извлечь их оттуда, приходится устраивать «аварию» на телефонной линии. Надеюсь, что когда они эту нашу хитрость разгадают, то не будут на нас в большой обиде, ведь книжки, которые они прочитали в это время, того стоят.

В Суворовском у меня было несколько любимых книг. Но главная конечно, «Война и мир».

Вот великое произведение, где я находил ответы на все бесчисленные вопросы, которых так много у любого подростка в этот период жизни. Там было все. Мой идеал женщины — Наташа Ростова. Я знал, что не смогу полюбить девушку, которая не будет, по моему представлению, похожа на нее. Я даже был уверен в том, что она должна обязательно носить это удивительно нежное имя — Наташа. Так ведь и произошло на самом деле. Мою первую жену действительно звали Наташей. И я действительно нашел в ней черты, напоминающие чудесный книжный идеал.

Конечно, особенно внимательно я читал все, что касается войны. Я видел, как мужчина должен вести себя в бою (Андрей Болконский, капитан Тушин). Это представление нисколько не изменилось и сейчас. Твердо определил для себя, что самое страшное, что может случиться в жизни с мужчиной, — бесчестный поступок. И это убеждение прошло со мной через всю жизнь.

Все вышесказанное и многое другое (например, потрясающая картина старого могучего дуба на поляне, который весной раскрывается для новой жизни, и тут же нежная Наташа, сидящая на подоконнике и вдыхающая сладкий воздух весны) сейчас так же сильно и ярко, как в юности, живет в моей душе и составляет суть моего отношения к миру.

Чудесные описания первого бала Наташи Ростовой непроизвольно переносились мной в реальность. Ведь наше Суворовское училище располагалось в прекрасном старинном здании. Там был актовый зал с великолепными люстрами и сияющим, как полированный лед, паркетом. Настоящий бальный зал. К нам приходили танцевать прекраснейшие девушки Саратова.

Сейчас такого уже нет. Вместо бала — грохочущая дискотека. Те и нынешние танцы — все-таки несравнимые вещи. Это надо было видеть! Как великолепно обученные, стройные суворовцы в парадной форме кружились в вальсе с тоненькими и легкими, как феи, девочками. Для меня эта картина полностью сливалась с описаниями балов, где роскошные кавалергарды танцевали с прекрасными дамами в лучших домах Петербурга и Москвы. Это непередаваемое ощущение — когда любимая книга непостижимым образом воплощается в реальной жизни.

Еще одна книга запомнилась из того времени. Она называлась «Это было под Ровно» — произведение о подвиге разведчика Николая Кузнецова. Это дань послевоенной романтике, когда мы, мальчишки, тяжело переживали то, что нам не удалось принять участия в войне хотя бы в качестве сына

полка. Образ мужественного, исключительно умного и безумно храброго человека, ведущего свою войну среди врагов, на их территории, произвел на меня очень сильное впечатление.

Продолжим экскурсию по зданию бывшего Саратовского суворовского училища.

— Здесь был вход в кабинет начальника училища — генерала Мельникова, — показывает Скворцов. — Мы его видели не часто, только на торжественных построениях. Запомнилось его любимое словечко: «Бесспорно!»

Кадеты над ним подшучивали. Вставали в наполеоновскую позу и важно гудели: «Бесспорно, я люблю детей!»

Эта чугунная парадная лестница — место наших мучений. Ее приходилось постоянно чистить и надраивать соляркой.

Наш генерал на фронте потерял ногу и ходил на протезе. Во время утреннего построения он спускался к нам по этой лестнице, как Зевс-громовержец с Олимпа. Сапоги бутылками, начищены, сияют. Лестница тоже надраена, блестит.

Команда: «Училище, смирно!» Все замирает и… Однажды, как на грех, генерал поскользнулся и на заду загрохотал по лестнице… Но что значит настоящий генерал! Присутствия духа не потерял, рука у козырька и на наше приветствие он ответил громко, но не очень разборчиво: «Во-го-го-го-ль-но-но-но!»

Понимаю, что не очень прилично над такими ситуациями смеяться, но что поделаешь! Запечатлелось на всю жизнь!

Под этой лестницей проводились построения и перед увольнением. Тут ходил перед нами и всех проверял дежурный по училищу. Обычно это был командир роты. Хорошо помню подполковника Михайловского по прозвищу «Шея». Шея у него и правда была заметная, красная. Могучий такой, бычий загривок. И вот один из кадетиков, который по милости «Шеи» остался без увольнения и драил соляркой нашу знаменитую железную лестницу на третьем этаже, прицельно уронил тряпку с соляркой прямо на шею подполковника.

Кадетик, который это сотворил, мне рассказывал, что все обошлось. Его не выдали. Он ведь не один лестницу драил. Ну, выпала у кого-то тряпка случайно… попала подполковнику прямо на шею. Бывает…

Под знаменитой лестницей — маленькая дверь, через нее выходим во внутренний двор.

— Здесь находилась баскетбольная площадка, — осматривается Юрий Иванович. — Тут яма для прыжков. Там, где сейчас гаражи, был плац. Ровная, хорошо утрамбованная поколениями суворовцев земля.

Однажды я удрал в самоволку. Вот так — по плацу и через забор. Он у нас высокий, сплошной. Сбежали мы с Толиком Велиховым под видом футболистов. Они тут в свободное время всегда играли, засучив брюки и сняв ремень. Мы сделали то же самое, помелькали среди них, а потом махнули через забор.

Возвращаемся тем же путем, в таком же виде, как будто в футбол играли. Не могли мы знать, что начальник политотдела подполковник Хомутов (политотдел располагался в этом вот эркере) стоял у окна и прекрасно видел все наши манипуляции. И вот, когда мы уже спокойно пересекали плац, уверенные, что все обошлось, открывается окно и разъяренный подполковник кричит на весь двор: «Ко мне! Наглецы! Немедленно!»

Притащил нас к начальнику училища, и генерал, никогда не отличавшийся особой строгостью, укоризненно прогудел: «Ну что же вы, суворовцы? Бесспорно… вас придется наказать!»

Меня смех разбирает. Нервный, видимо. Делаю вид, что кашляю. Короче, три по поведению. Два наряда вне очереди в выходные дни и месяц без увольнения.

Вообще-то у нас было много любителей сходить в самоволку. На эту тему наш суворовский поэт Юра Дмитриев даже стихи написал.

САМОВОЛКА

САМОВОЛКА

Свобода! Свободу! К свободе
Тянулась незримая нить.
Мой друг Стародубцев Володя
Любил в самоволку ходить.

Однажды осеннею ночью,
Ругая дождливую слизь,
Он спрыгнул с забора неточно
И враз на шинели повис.

Тут руки совсем бесполезны,
И ноги по доскам ведет,
А пояс, как обруч железный,
Свободно дышать не дает.

И клял он свою самоволку,

И звал всех святых и благих,
Да только, как водится, толку
Не очень-то много от них.

На счастье, курящий дежурный
Проветриться вышел во двор,
Окурком нацелился в урну
И слышит: «Товарищ майор!..»

Конечно, тут нечего спорить
С нарядом за этот пассаж.
Как кукла, висеть на заборе
Не должен суворовец наш.

Конфуз при ноябрьской погоде
Останется с ним до седин.
С тех пор в самоволку Володя
Ни разу не бегал… один.

Эти громадные деревья, серебристые тополя, были тогда совершенно такими же. Это на нас время действует, они же несколько прошедших десятилетий просто не замечают.

Там, наверху, окна помещений, где находилась наша рота. На третьем этаже, начиная от этой водосточной трубы, была спальня на сто человек. Сто человек — это и есть наша 3-я рота. Здесь была пожарная лестница.

Обычно все шли в спальню по внутренней лестнице. А некоторые поднимались по пожарной на третий этаж и по тому карнизу (этажи не современные, по высоте получается на уровне пятого, навернешься, по частям придется собирать) шли к спальне и через окно залезали. Конечно, эти циркачи оказывались у цели раньше остальных. Но если увидит офицер, сами понимаете…

Были и легендарные личности. Один наш коллега сумел пройти этот путь на беговых коньках.

Зимой во дворе заливалась льдом площадка, там играли в хоккей и бегали на коньках. Этот скороход на спор, не снимая коньков, поднялся по пожарной лестнице, прошел по карнизу и оказался в спальне. Но не сразу… Ему должны были изнутри открыть окно. Зима все ж таки. Окна не только закрыты, но и заклеены. А ключи от спальни, как назло, кто-то из офицеров забрал. Пришлось рекордсмену какое-то время подождать (часика два), пока ключи не принесли.

Его, конечно, сурово наказали в назидание другим, но подвиг

вошел в анналы кадетской доблести.

Пойдемте дальше. Вот тут были еще дополнительные трубы газовые, и по ним тоже любили лазить. Был один легендарный человек — Володя Дашевский, у него была кличка «Обезьяна». Он по этим трубам бегал! Бегом вдоль стен!

Здесь, от этого тополя и до ворот, довольно большое пространство. В этом месте суворовец Борис Громов установил рекорд училища, так и не побитый, кстати, по ходьбе на руках. Все честно замерено — 39 метров! Это тоже вошло в анналы.

Мы сейчас стоим на плацу. Наверное, не нужно объяснять, что тут каждая пядь земли полита потом и слезами. Строевая подготовка в Суворовском училище… Это может быть сравнимо только с муштровкой в кремлевской роте. Место великого труда.

Борис по строевой подготовке считался одним из первых. Но были у нас и настоящие виртуозы. Например, Володя Сологубов. Его проходы по плацу приходили смотреть, как тридцать два фуэте солистки Большого театра. О нем слагались легенды.

Кстати, строевая — это не только маршировка, но и внешний вид. У нас между ротами было соревнование — у кого стрелки на брюках острее. Вот так!

Помню, перед парадом 7 ноября (парадная форма и белые перчатки) мы с Борисом всю ночь не спали, чтобы парадные брюки не помялись и выглядеть лучше всех. Мы в эти брюки еще клинья вшили, расклешили да еще, чтобы лучше растянуть, вставили в штанины сиденье от стула и всю ночь держали.

Такая была тогда мода.

В шестидесятых пришло новое поветрие — стали брюки зауживать, делать дудочки — так это называлось. Ребята изощрялись. Были такие записные пижоны! Не только брюки перешивали, но и на гимнастерках складки делали, здесь, здесь и на спине. Когда выходили на парад, нельзя было не любоваться. Красавцы!

Командиры с этим боролись, конечно, но сильно подозреваю, что в душе этот суворовский форс им нравился, и потому борьба носила скорее формальный характер.

Вот картина. Главный пижон училища — Толя Велиховой возвращается из увольнения. Наш командир роты его останавливает:

— Суворовец Велиховой, что вы сделали с брюками?! Признавайтесь — они ушиты!

— Никак нет, товарищ полковник, нормальные брюки.

— Но я же вижу!

Командир приглашает ротного старшину и каптенармуса (каптеркой человек заведует, он-то уж знает дело до тонкости).

Сняли с Велихового брюки, стали рассматривать швы. Однако Толик так зашил (на руках!), что они не могли отличить его шов от фабричного! Как ни бились, не сумели ничего доказать.

Кадетская привычка к аккуратности остается на всю жизнь. Я и сейчас каждое утро брюки глажу (только сам), и не выйду на улицу, пока не уверен, что все выглядит, как надо.

Нас всему учили, даже зубы чистить. Что такое Суворовское училище? Большая семья с жестким мужским воспитанием. И наши командиры в собственном доме бывали много реже, чем в училище. Они приходили к подъему и уходили, когда рота ложилась спать.

Главные предметы в Суворовском, конечно, огневая и строевая подготовка, ну и военное дело — по связи у нас была специализация.

Остальная учеба, как обычно, но особо — английский язык. Специализация — военный перевод.

Языковая подготовка была поставлена прекрасно. После расформирования училища наш старший преподаватель — майор Кирсанов Леонид Акимович стал заведовать кафедрой иностранного языка в медицинском институте, куда я потом поступил. Он, когда меня увидел в аудитории, сказал: «Ну, ты, Скворцов, можешь на занятия не ходить».

Возле этого эркера была раньше еще одна пожарная лестница. На нижней ступеньке (она в трех метрах от земли) наши кадетики любили качаться и подтягиваться. Но суворовец Лесин…

Мы шли строем на обед, через двор, и слышим, кто-то нас зовет сверху. Головы задрали, а там, на верхней ступеньке лестницы (это в здании современной постройки выше шестого этажа), суворовец Лесин сидит. Потом он на ладошки поплевал и непринужденно так стоечку на руках заделал! Все так и замерли… Помню, офицер-воспитатель шепчет: «Тихо! Тихо!»

Тишина была такая, что его шепот все слышали.

Ни один из наших рекордсменов не был так «высоко» оценен. Лесина за этот фокус из училища выгнали. Потом он мастера спорта по акробатике получил. Вот такие наши кадетские легенды.

Вообще-то войти в коллектив в Суворовском училище не просто. Нужно многое уметь и многому научиться. За себя постоять в том числе. Но лучше всего совершить что-то выдающееся, не переходя, конечно, рамок разумного, как бывший суворовец Лесин.

Встречались, правда, ребята, которым не надо было драться и кому-то чего-то доказывать. Борис Громов был именно такой

человек. К нему никто не приставал. Чувствовалось в нем что-то очень серьезное, что самых больших задир останавливало. Он ни к кому не придирался, к нему тоже никто не лез.

Есть такие люди. Их немного. Я-то другой. Я дрался. Правда, никогда не бил первым, хотя был один случай с нашим парнем Осокиным. Он меня достал. У него была такая мерзкая привычка обзываться. Мы переходили двор, как раз под выстрел (у нас в Саратове в полдень, как в Питере, пушка стреляла) я протянул Борису книжки (но он не взял) тогда я положил их на землю и врезал Осокину.

Тут Борис на меня посмотрел! Так, как только он умеет. Даже не с осуждением, а с каким-то удивлением, и удивление это неприятное. Вроде как: «Не ожидал от тебя!» И, честно скажу, стало мне не только стыдно, но и как-то неуютно.

Вообще, кадетская жизнь — это бурса. Хорошее и плохое сплетено в один узел. Дети ведь не знают жалости. Прозвища даются беспощадные. Не ответишь жестко, кличка к тебе пристанет навсегда.

Был у нас суворовец один с очень красивыми бровями. Ну, как говорят, соболиными. Так ему их ночью сбрили. Это надо изловчиться! И так крепко спать! Наутро его наша англичанка Бася Мирровна Куликова не узнала. Спросила: «Вы что, новенький?»

Однако самая распространенная у кадетов форма самоутверждения все-таки спорт и учеба. Тут ты мог объективно доказать любому свою силу. Если кто-то не согласен, пусть сделает лучше.

Жизнь мальчишки в 14–15 лет сложна во всех отношениях. Он должен определиться и занять свое место, желательно достойное, в подростковом коллективе. Это всегда борьба, в иных случаях затягивающаяся на многие годы. В это же время парень должен очень многому научиться и многое понять. Это трудная работа. В период, когда не только сознание, но и сам организм подростка перестраивается, готовясь к вступлению во взрослую жизнь, его настигают первые философские вопросы и главные из них — для чего я пришел в этот мир и в чем смысл жизни? И в этом отношении суворовцы ничем не отличаются от других мальчишек, которые мечтают о великих делах, но уже начинают понимать, как непроста и неоднозначна жизнь.

Борис Громов еще в Суворовском училище, как-то незаметно и необидно для других, определил цели и ответил на самые неотступные вопросы. Он сделал карьеру, стал вице-сержантом. Звание вице-сержанта могли получить только такие ребята,

которые выделялись и в учебной, и в физической подготовке. Это были настоящие лидеры.

— Он был гимнаст из самых лучших, — вспоминает Юрий Скворцов. — А в баскетболе ему вообще не было равных! Представляете, при его небольшом росте.

Он играл в стиле Алачечана, помните такого в сборной СССР пятидесятых годов? Кумир нашего поколения. Чуть больше метра семидесяти ростом. Вот и Борис такой. Остановить его было невозможно. Он заделывал такие проходы, отдавал такие пасы, что защитники только глазами хлопали. Или начинал стрелять издалека, если был в ударе, из десяти восемь клал в корзину не глядя. Я, как мог, за ним тянулся, но понимал, что тут талант особенный и догнать невозможно, надо искать свое.

В это время я начал заниматься стрельбой. Хорошо у меня стрельба пошла, и я попал даже в сборную училища.

А Борис стал осваивать прыжки с шестом. Тогда ведь шест был жесткий, он вообще не пружинил, и нужны были сила и координация гимнаста и скорость спринтера, чтобы в этом сложном техническом виде добиться успеха. Борис сумел, хотя никто его толком даже тренировать не мог.

У нас был такой ротный рекорд — Миша Бондаренко на спор шестьдесят девять раз подряд сделал подъем переворотом на перекладине! А потом стал мастером спорта по плаванию.

Боря в это время в сторонке тренировался с шестом. И по сути дела, в каждом прыжке ему приходилось делать такой подъем переворотом, да еще после разбега и на высоте четырех метров…

Запомнился эпизод, когда мы приобщились к большой политике. Идет как-то наша рота на обед, а вот тут в окружении свиты, софитов, прожекторов, телекамер шествует Михаил Андреевич Суслов!

Сразу команда: «Рота, строевым! Равнение направо!»

Он остановился, улыбается. Нервный, бледный, очень худой.

Месяц-два спустя мы с Борей пошли в кинотеатр «Центральный» на какой-то фильм. Перед началом показывали киножурнал «Нижнее Поволжье», а там М. А. Суслов посещает Саратовское суворовское училище. Я шепчу: «Смотри, Борь, вон я!» И правда, бодро так марширую, стриженый, тощий… «И я, вон, смотри!» — отвечает Борис. Тетка, сидевшая позади, заинтересовалась: «Мальчик, где ты, покажи?!»

Так мы попали в кино.

На втором этаже был наш читальный зал. Рядом административный отсек, политотдел, кабинет боевой славы

училища. И везде паркет. Настоящий, старый паркет, который мы натирали до зеркального блеска. Наряд три раза в сутки работал. Вечером, утром и перед разводом. Представляете, как сияло?! Встаешь, и даже страшновато, будто на полированный лед.

В этом сортире мы курили, выставляя дозорного, чтоб не поймали. И на третьем этаже под лестницей тоже было укромное местечко для курения.

Ленинская комната. Комната построений. Тут паркет остался, но он, видите, закрашен, вида никакого. Когда он был надраен мастикой, это была красота! И никаких уродливых батарей отопления, как сейчас. Работали старинные калориферы в стенах, калориферные отверстия закрыты красивыми крышками и сияли надраенной медью.

Тут же висела доска Почета, светились физиономии лучших суворовцев, тех, кто кончал четверть на «хорошо» и «отлично». Все построения здесь, утренний осмотр, развод по классам перед занятиями, на второй завтрак, на обед, на прогулку, на вечернюю поверку.

Наш класс. Все уроки за исключением тематических проходили в этом помещении. Вот кабинет физики. Наш взвод (он же класс — 30 человек) перед каждым уроком физики выстраивался в два ряда. Из кабинета выходил преподаватель — майор Подгайный, хохол с Днепропетровщины, принимал рапорт дежурного по взводу, открывал дверь и говорил: «Заходьтэ, хлопцы»…

Тут была ротная канцелярия, тумбочка дневального и стул. Когда к нам по лестнице поднимался кто-то из офицеров, чаще всего майор Иваньшин Иван Дмитриевич, наш офицер-воспитатель, старшина Миняев, или дневальный, орали: «Рота, смирно!» — и докладывали: «Товарищ подполковник, за время моего дежурства в роте происшествий не случилось».

В этом месте был умывальник. Сюда утром, голые по пояс, заходили, умывались перед выходом на зарядку и пробежку по площади. А тут была огромная двухсветная, окна с обеих сторон, спальня. Возле двери стояли наши с Борей койки.

Как-то старшина роты Любимов по кличке «Чита» показался в освещенном проеме после отбоя и рявкнул: «Рота, подъем!» (в чем-то мы, по его мнению, провинились), его обстреляли мылом со всех коек. Старшина вынужден был ретироваться.

Видите, какие высокие окна и широкие подоконники. А под окнами по тротуару проплывали девушки. Как бы не глядя. У окон стояли суворовцы и смотрели на девушек. Не только смотрели, кое-кто умудрялся на этих смотринах делать на подоконнике стойку на руках, и тогда девушки замирали на

улице и смотрели с восторгом и изумлением. Была даже большая разборка, когда один юный атлет проделал этот фокус в голом виде. Потом наше начальство долго пыталось разыскать акробата. Его, конечно, не выдали.

Из этого окна видна Соколовая гора. Сейчас там сооружены парк Победы и монумент «Журавли». Когда мы были кадетами, ничего этого не было. На гору мы бежали бегом. Представляете? Туда, на самый верх, была проложена трасса нашего кросса. Этот кросс — работенка для настоящих мужчин. И асфальтированной дороги, конечно, не существовало. Была утрамбованная тропа, по которой мы бегали.

В парке Победы на вершине горы все деревья в основном мы высаживали. И березы, и тополя. Отсюда мы спускались на лыжах, и всегда соревновались, кто быстрее, так что сами понимаете, летели сломя голову. С вершины прекрасно видно весь город и наше училище на улице Радищева, а вдали за излучиной Волги — железнодорожный мост, который в войну немцы бомбили…

В Калинин (ныне Тверь) отправились после летних каникул. Всем дали деньги на проезд и предписание — 30 августа явиться в Калининское суворовское училище.

Саратовцы, человек десять, перед отъездом собрались у Володи Дашевского, он возле вокзала жил, устроили проводы и поехали сначала в Москву, а дальше по месту назначения.

— Приехали мы в Калинин на улицу Советскую, где расположено училище, на трамвае, — вспоминает Юрий Иванович Скворцов. — Вхожу в спальню.

— Ура! Привет! Родные рожи! — очень хорошие были у нас отношения. Мы были настоящими друзьями…

Продолжали учиться. Но все было другое. Другие люди нас учили, другая атмосфера. Природа другая. Волга 150 метров шириной! Всего! Какое-то оканье, говор совсем не тот. Для меня все проходило болезненно, и Калинин мне не нравился.

Мы по-прежнему с Борисом сидели за одной партой. И койки были рядом. Борис лучше принял Калинин и успокаивал меня, как мог. С ребятами, калининцами, мы дружили. Ну, кадеты везде кадеты. А вот с офицерами не пошло. Но Борис сумел приспособиться и всех к себе расположить. Есть у него такой талант. Харизма, как теперь говорят.

Наши саратовские воспитатели были настоящими людьми и офицерами высшей пробы. Почти все они, к сожалению, умерли довольно рано, потому что они всех себя нам отдали. Сгорели, как свечка, зажженная с двух концов…

КНИГА УЧЕТА ВЫДАЧИ АТТЕСТАТОВ ОБ ОКОНЧАНИИ УЧИЛИЩА

Министерство Обороны СССР
Калининское суворовское военное училище

Дело № 17

126. *Громов Борис Всеволодович*
г. р. 7 ноября 1943 года г. Саратов
Год поступления — 1960
Русский язык — 4
Литература — 5
Алгебра — 4
Геометрия — 4
Тригонометрия — 4
Естествознание — 4
История СССР —4
Всеобщая история — 5
Конституция СССР — 5
География — 4
Физика — 4
Астрономия — 4
Химия — 4
Иностранный язык — 4
Военно-техническая подготовка — 4
Черчение — 4
Поведение — 5
Год, месяц и число решения педсовета о выдаче аттестата зрелости — 21 июня 1962 г.

Бывшие кадеты решили создать музей Саратовского суворовского училища. В школе, которая занимает теперь здание училища, отнеслись к этому с пониманием — выделили помещение. Так что музей уже существует.

Есть у музея директор — Жан Жанович Стрaдзе. Его дед был латышским стрелком. Сам воспитан в семье офицера, погибшего на фронте. Профессиональный историк и беззаветный энтузиаст, он тянет тяжеленный воз, восстанавливая память о саратовских суворовцах.

Когда начали формировать музей, только тогда и поняли,

сколько замечательных людей вышло из этих стен.

Семья Валентина Григорьевича Евграфова передала в дар музею картины из его мастерской. Валентин Григорьевич — это тот самый художник, который написал картину «Суворовец на салазках», где изображен Боря Громов во дворе своего старого дома.

Валентин Григорьевич Евграфов — кадет Саратовского суворовского училища первого выпуска (1949). После этого он закончил Львовское пехотное училище и в 1960 году, уже в звании капитана, был демобилизован в связи с сокращением Вооруженных Сил СССР.

Пришлось круто менять жизнь. Валентин Григорьевич сумел подняться на ноги. Стал развивать свое дарование живописца, получил квалификацию, был принят в члены Союза художников.

Его, учитывая необыкновенную сердечную доброту и кротость, как совершенно неконфликтного человека, что в творческой среде встречается крайне редко, избрали секретарем партийной организации саратовского Союза художников.

Сын его, Сергей, пошел в армию по отцовским стопам. Попал в Афганистан, там получил контузию, после этого почти потерял зрение. Сейчас живет в Саратове.

Валентина Григорьевича в декабре похоронили. Но он успел много сделать в память о своей юности. Оставил цикл графических работ, посвященных суворовцам.

В музее хранится медаль Евграфова. Он был сыном полка и участвовал в Великой Отечественной войне.

Еще фото — суворовец со значком гвардии. В наборе 1944 года Саратовского СВУ было много фронтовиков…

Майор Щербинин Михаил Иванович — офицер-воспитатель третьего взвода, прославленный тренер по боксу.

Свою фотографию он подарил одному из суворовцев перед расформированием училища. На обратной стороне снимка написано: «Женя, вспоминай иногда свой коллектив, в котором ты рос и воспитывался, в котором прошли твои юные годы. В этом коллективе формировалось твое мировоззрение, креп характер, развивалась воля. Так пусть же твоя дальнейшая учеба и работа будут ответом на все хорошее, что дало тебе училище и коллектив. Желаю удачи здоровья и успехов. М. Щербинин».

Крепкие ребята. И какие хорошие лица! Такие лица бывают только у людей, уверенных в том, что их жизнь идет правильно. Надо признать, что в те времена система отбора в Суворовские училища работала весьма надежно.

Один кадет дарит другому свое фото с подписью: «Антей был непобедим до тех пор, пока его не оторвали от матери-земли. Так

и тебя никто и ничто не сможет победить, пока ты будешь связан со своей родной суворовской семьей. Пиши, дружище, чаще. Не забывай».

Такое могут желать друг другу братья не только по жизни, но и по духу.

Это фотографии выпуска 1953 года, когда Леша Громов, старший брат Бориса, заканчивал училище.

Общая тетрадь отличного стрелка Соколова Игоря. Игорь Михайлович в конечном счете стал моряком дальнего плавания.

После Суворовского он окончил танковое училище. И все равно стал моряком. Точнее «рыбаком» — плавал на траулере «Трудовая слава». Что за рыбу ловил Игорь Соколов? О! Крупная рыба! Американские ракеты морского базирования. Занятная рыбалка! Вот фотография и подпись: «Джоджес-банка, на траверзе города Бостон США — подъем американской ракеты на борт “Трудовой славы”».

Сейчас Игорь Михайлович Соколов живет в Саратове. Помогает супруге. Маринует лук и чеснок так, как больше никто не сумеет. Может с товарищем крепко выпить — здоровье позволяет. Всегда аккуратен и исполнителен, как в училище и как на своей рыбацкой службе.

Вот его суворовские погоны. Вице-сержант. Взвод делился на три отделения. Вице-сержант — командир взвода. Как уже говорилось — это всегда настоящий лидер.

В 1999 году впервые отмечался юбилей — 55-летие училища. В завершение давался замечательный концерт в Саратовском Доме офицеров, на котором пела бесподобная Людмила Зыкина. Известную певицу пригласил на юбилей Борис Всеволодович Громов. Они дружат еще с афганских времен. Людмила Георгиевна пела с особенным чувством. Вокруг были одногодки, общая память, общая послевоенная молодость.

На том концерте бывший кадет Юра Мартьянов прочитал свое стихотворение, которое стало гимном Саратовского суворовского училища.

ГИМН САРАТОВСКОГО СВ СВУ

Пусть мы встречаемся не часто,
Но что, друзья, ни говори —
И вожделенно, и прекрасно,
Что дух суворовского братства
У нас у каждого в крови.

За службу ратную не ждали
Мы ни наград, ни должностей:
Служить народу присягали
И, что могли, мы все отдали
Во славу Родины своей.

А где мы только не служили?!
Все точки трудно перечесть.
Всегда верны Присяге были
И честь страны не уронили,
А честь Отчизны — наша честь.

Как вожделенно и прекрасно:
Мы вновь в суворовском строю.
Звучит команда: «Ветераны!
Держать равнение на знамя —
На знамя СВ СВУ!»

Поднимем первый тост, ребята, —
И капитан и генерал,
За командиров наших славных,
Учителей, старшин, сержантов, —
Кто нас растил и воспитал.

Ведь мы встречаемся не часто,
И тост второй поднять пора
За вожделенный и прекрасный
Союз суворовского братства,
За нас — ура! ура! ура!

Глава четвертая
ОФИЦЕРЫ — НАЧАЛО ПУТИ

ПРИКАЗ

По Ленинградскому дважды Краснознаменному высшему общевойсковому командному училищу имени С. М. Кирова

31 августа 1962 г.

г. Петродворец

§ 1. В соответствии с решением приемной комиссии от 31 августа 1962 г. нижепоименованных суворовцев-выпускников зачислить курсантами 2-го курса:

…

из Калининского СВУ:

Дашевского Владимира Иосифовича
Семенова Владимира Борисовича
Ильина Валерия Федоровича
Хмельницкого Германа Арсеньевича
Громова Бориса Всеволодовича
Шепилова Владимира Тимофеевича
Бодренко Виктора Ивановича
Морозова Владимира Ивановича
Голошева Петра Петровича
Шумейко Николая Лукьяновича
Маркова Валерия Петровича

Начальник училища генерал-майор (Гига).

Б. В. Громов:

— Военное училище. Все, как положено. И учеба, и спорт, но главное, что запомнилось и повлияло на всю дальнейшую жизнь, — учились мы в Петергофе. Не каждому так везет. Я думаю, что Петергоф — один из самых красивых дворцовых ансамблей на земле. По молодости мне и вовсе не с чем было сравнивать, но и теперь, когда я побывал во многих краях земли, прославленных красотой архитектуры, по-прежнему не нахожу, с чем можно сравнить фонтаны, дворец и парк Петергофа.

За три года учебы я сумел достаточно хорошо узнать

Ленинград. В Ленинграде жили наши родственники — семья известного в те времена глазного врача. Это были коренные ленинградцы из тех, что считали большим грехом, если, скажем, кто-то бросал окурок на тротуар. Я и сейчас прекрасно помню строгих питерских бабушек, которые, увидев, что человек бросил что-то мимо урны, обязательно подойдут и вежливо, но непреклонно заметят: «Товарищ, вы что-то уронили». Не помню, чтобы нашелся человек, который после этого не исправил бы свой промах.

С помощью внимательных и гостеприимных ленинградских родственников Борис Громов узнал о городе много такого, чего не понял бы сам и за десятки лет. Он ощутил торжественную тишину Эрмитажа, когда заходишь в его громадные залы одним из первых посетителей и, с некоторой тревогой даже, слушаешь раскатистое эхо собственных шагов, когда картины, скульптуры и все бесчисленные экспонаты этого музея-города словно бы еще не полностью очнулись от своей тайной ночной жизни.

Как любил Борис Громов вглядываться в усатые лица молодых генералов из галереи 1812 года. Кажется, и они тоже, как бы с немым вопросом в глазах, смотрели на него. Да, им было о чем поговорить.

То, что ему показали хотя бы раз, Борис Громов уже никогда не забывал.

Русский музей, Кунсткамера, Артиллерийский музей… Но кроме всего этого существовал еще и сам город, суровый и прекрасный, непохожий ни на один другой. По Ленинграду Громов ходил пешком. Эти прогулки остались в его душе навсегда.

С чем можно сравнить утренний Летний сад, где из густой листвы неожиданно возникают прекрасные мраморные статуи? Где, сам того не замечая, ждешь, что в конце розовой дорожки вдруг мелькнет знакомый силуэт Александра Сергеевича Пушкина в цилиндре, длинном сюртуке, с неизменной щегольской тросточкой в руке.

Как приятно стоять у гранитного парапета Дворцовой набережной, глядя на мощное движение могучей реки.

По Ленинграду можно бродить до бесконечности, как по Эрмитажу, а потом, когда вдруг понимаешь, что силы совершенно оставили тебя, стоит зайти в пирожковую и выпить большую чашку горячего бульона с нежными розовыми мясными пирожками и силы вернутся к тебе, как в сказке…

— Ну а Петергоф, да и все это направление от Ленинграда на

город Ломоносов, по сути, особая историческая зона и настоящий заповедник красоты, — продолжает Борис Всеволодович Громов. Я откровенно гордился тем, что мне выпало жить в таком чудесном месте.

За время учебы Ленинград стал моим любимым городом. Москву я люблю тоже, но Москва — это нечто совершенно иное.

Вот еще что запомнилось. Мы много трудились на реставрации Большого дворца — того, что прямо над каскадом фонтанов. Он тогда только еще восстанавливался. Торопились завершить работы к приезду Хрущева. В 1964 году он должен был посетить Петергоф вместе с Тито.

Хрущев и Тито приехали скромно на морском трамвайчике. На пристани было много народа. Они осмотрели каскад фонтанов. Прогулялись по парку, но в Большой дворец не заходили, он не был готов. Восстановление велось плохо, мне даже кажется, что только мы, курсанты, там и работали. За это нас в парк пускали бесплатно, когда были в форме, конечно.

Если вспоминать учебу, то ничего особенно выдающегося в училище я не узнал и сам особенных успехов не выказал. К тому же мне трудно давались точные науки.

На третьем курсе мы сдавали общую физику. Страшный для меня экзамен. Держал я его семь раз!

Многие убеждены, что военные люди обязательно хорошо знают точные науки. Я вполне конкретный пример того, что военную профессию выбирают и природные гуманитарии (искренне себя таковым считаю).

Может быть, это утверждение кое-кому покажется абсурдным, но все знакомые мне курсанты, даже те, кто имел явные математические способности, были убеждены, что знания общей физики никогда и нигде нам не пригодятся. Так оно и случилось. Подтверждаю с высоты прожитых лет и многих испытаний. Не подумайте, что я выступаю за изъятие этой дисциплины из программы военных училищ. Не исключено, что кому-то она может оказаться очень полезной.

Я, по молодости лет, конечно, очень рассердился и решил устроить своеобразную забастовку. На спор объявил своим друзьям, что выучу по общей физике только один билет и буду ходить на экзамен до тех пор, пока его не вытащу…

И вот я пришел на экзамен в седьмой раз!

Пожилая женщина, преподаватель, как всякий специалист, терпеть не могла людей, которые не скрывали антипатии к преподаваемой ею дисциплине. К тому же я сбивал ей график отпуска. Так что переносила она мое присутствие с большим трудом.

Она достала несколько билетов из пачки и положила передо мной. Беру, переворачиваю и вижу… мой!

— Идите, готовьтесь, — говорит она ворчливо. — А если снова откажетесь отвечать, ищите другого преподавателя, я у вас больше принимать не стану.

— Буду отвечать без подготовки.

— Как это, без подготовки?! — она ушам своим не могла поверить.

Я быстро все продекламировал. Как стихи. Признаться, толком и не понимал, что говорю. Заучил. Вызубрил.

Она долго смотрела на меня. Видимо, размышляла — может, я над ней раньше просто издевался?! А не задать ли этому шутнику дополнительный вопросик? Я изо всех сил мысленно убеждал ее, что этого делать не нужно.

— Вот что, молодой человек, — решила она наконец. — Поставлю-ка я вам тройку…

Я робко, но и нахально, если разобраться, напомнил, что оценка идет в диплом.

— В таком случае задам вам еще один…

— Согласен на тройку, — отчеканил я, протягивая зачетку.

Она вздохнула и поставила «удовлетворительно».

Вот это и есть единственная тройка в моем дипломе, все остальное вполне прилично.

По-прежнему большое место в моей жизни занимал спорт. Из-за этого приходилось иногда даже бегать в самоволку. Соревнований было много, мы выступали за разные команды, и начальники не всегда нас отпускали.

Помню, купили билеты в театр, но нас не пустили. Тоже пришлось отправиться в самоволку. Театр еще с саратовских времен играл большую роль в моей жизни. Саратов, это хорошо известно, город с большими театральными традициями, ну а в Ленинграде во все времена было самое высокое в России театральное искусство. Не удивительно, что ради того, чтобы увидеть хорошую театральную постановку, я был готов рискнуть и отправиться в самоволку.

Что еще вспоминается. У нас были довольно сложные отношения с соседями. Это Высшее военно-морское училище радиоэлектроники имени Попова. Оно и сейчас существует, в отличие от нашего, которое расформировано года четыре или пять назад.

Ленинградское высшее общевойсковое училище было создано в 1918 году, а потом переведено из Питера в Петергоф. Ну а у моряков за спиной большая история, и они смотрели на нас свысока. Кому же такое может понравиться? Чаще всего ревнивые

отношения возникают из-за девушек. Было у нас, конечно, и это, но главная причина все же заключалась в том, что они моряки — военная элита, а мы простая пехота.

Несколько неприязненные отношения так и оставались, хотя мы вместе ходили на парады, и там мы, естественно, шли впереди. Это было для моряков очень обидно, хотя так происходит всегда.

Парады проводились в Ленинграде на Дворцовой площади. Это тоже, знаете, что-то особое. Больше ведь нигде такой красивой площади нет. Но очень уж трудна была подготовка. Тренировались, можно сказать, сутками, а генеральная репетиция проводилась накануне ночью по полной программе. Вся ночь на это уходила. Пока туда отвезут, пока все отработаем, потом назад, а утром на занятия, и там все, конечно, спали поголовно.

Все-таки военное училище мне трудно сравнивать с Суворовским. Там, при всей суровой армейской дисциплине, было много праздника. Здесь все суше и, пожалуй, скучнее. В основном учеба. Хотя должен признаться, что от военных и точных наук, которым, конечно, отводилось больше всего часов, у меня в голове почти ничего не осталось.

Ну ладно, точные науки, у меня к ним, возможно, не имелось способностей. Но военные науки, ведь я окончил Суворовское и, казалось, должен был их понимать и любить. Но… ни тактики, ни стратегии…

Как бы там ни было, очень большой этап жизни подошел к концу. Выпускнику военного училища Борису Громову предстояло войти в мир армии. Как пойдет его служба? Ровно, от звания к званию, от должности к должности или начнет запинаться и крениться из стороны в сторону? В конечном счете служебная карьера зависит не только от тебя, твоей подготовки и стремлений, а на первых порах даже от твоего ротного командира и командира соседнего взвода, такого же лейтенанта, как и ты.

ПРИКАЗ

Министра обороны Союза ССР по личному составу № 0986

24 июля 1965 г.

Москва

§ 1. Нижепоименованным курсантам, окончившим в июле 1965 года Ленинградское высшее общевойсковое

командное училище имени С. М. Кирова, в соответствии со статьей 8, пункт «а», Положения о прохождении воинской службы офицерами, генералами и адмиралами Советской Армии и Военно-Морского Флота присвоить воинское звание *лейтенанта* и зачислить в распоряжение

КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ПРИБАЛТИЙСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Окончивших по специальности командной общевойсковой

С дипломом

…

Громова Бориса Всеволодовича

Заместитель Министра обороны Союза ССР

маршал Советского Союза М.

Захаров

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

О награждении орденами и медалями СССР военнослужащих, рабочих и служащих Вооруженных Сил СССР

За достигнутые успехи в боевой и политической подготовке, поддержание высокой боевой готовности войск и освоение новой сложной боевой техники наградить:

Медалью «За боевые заслуги»

…

Громова Бориса Всеволодовича — лейтенанта

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Н. Подгорный
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. Георгадзе

И вот — командир стрелкового взвода 167-го гвардейского мотострелкового полка 1-й гвардейской мотострелковой дивизии.

Двадцать один год. Первые назначения, первые воинские звания, первая награда…

Отсюда армейская жизнь Бориса Громова движется размеренным шагом воинского устава и кажется однообразной, вернее, однообразно успешной, как и у многих других, кто выбрал этот нелегкий путь не случайно и потому продвигается вперед осознанно и собранно.

Внешне служба в армии выглядит простой, как таблица умножения. Но это только кажется, а в самой сути своей она наполнена скрытым напряжением и драматизмом. Ведь при каждом новом шаге молодой человек должен снова и снова доказывать свою состоятельность, свое право не просто занимать должность, но командовать людьми.

Только в таком неторопливом, размеренном и твердом движении формируется воинский характер, только на этом долгом пути человек начинает осознавать масштаб своих возможностей и формироваться, как личность.

Б. В. Громов:

— Из Петергофа я попал в Прибалтийский округ, в Калининград, бывший Кенигсберг.

Служба была интересной. Я, по правде, ожидал худшего. За полгода до выпуска все разговоры между курсантами сводились к тому, что нас ждет впереди. Какое назначение, какой округ? Понятно, что поначалу всех ожидает взвод — двадцать солдат, но в каком месте будет находиться этот взвод, имеет немалое значение.

Прибалтийский округ не котировался — Европа. Никаких преимуществ. Многие стремились попасть на самый-самый Дальний Восток. На Камчатку, на Сахалин. Это было престижно, там можно быстрее продвинуться по службе — год за два, а потом уже прорываться в центр на хорошую должность.

Я никуда не просился. Что будет, то и ладно.

Попал в Прибалтику и никогда об этом не жалел.

Дивизия очень известная — Первая Московско-Минская, гвардейская мотострелковая, орденов Суворова и Кутузова пролетарская дивизия. Она в Москве формировалась во время Великой Отечественной войны. Ее боевой путь: Москва, Минск, Прибалтика.

Приехало нас в дивизию из училища человек пятнадцать. Распределили по полкам. Очень, конечно, волновался. Это ведь и есть начало настоящей службы. Что за люди? Как встретят?

Захожу в канцелярию. Все помещение в дыму, настоящее Бородино, бардак неописуемый! Противогазы, каски, стулья, наглядные пособия для политзанятий — все в куче. И тут я — свежеиспеченный лейтенант, в парадной форме.

Во главе стола командир роты — капитан, такой матерый мужик, прокуренный. По обе стороны два взводных, два старших лейтенанта.

В своей парадной форме в этой обстановке чувствовал себя неуютно. Доложил. Капитан отмахнулся: «Садись!»

Кавардак этот в канцелярии образовался по причине того, что полк готовился к учениям. Назавтра они уже должны были начаться. Дивизия развернутая, полного состава. Вот почему я считаю, что мне повезло. Не какая-то заштатная дивизия сокращенного состава, а именно полная, работающая по всей программе.

— Ну, лейтенант, готов командовать взводом? — спрашивает меня капитан.

— Так точно, готов.

— Ладно, погладим. Знакомься со своими коллегами! — И представляет мне взводных: — Вот Шаровер, а это Боховер. Шаровер — командир первого, Боховер — третьего взвода. А это, — показывает на меня, — теперь у нас командир второго взвода.

Вроде бы все идет как надо.

Тут мои коллеги хором говорят:

— Встань, салага!

Я вскочил.

— Ты знаешь, как в армии представляются старшим молодые офицеры?

— Понятия не имею! — отвечаю, хотя, конечно, уже все сообразил.

Ну, они тут же стали меня учить — то есть подробно объяснили, куда идти и что там купить… Это происходило днем, во второй, правда, половине. Ну а вечером, на этом же столе, растолкав в стороны карты, каски и агитплакаты, расставили мои покупки и я, как положено, представился «старикам». Все получилось здóрово, хотя я, признаться, и в молодости таких приемов не любил. Но тут все вышло очень душевно и они приняли меня в свои рады. На этом первый армейский рабочий день счастливо подошел к концу.

Ротный сказал, чтобы завтра я явился в рабочем виде. Утром я пришел, конечно, уже не в парадной форме и с легкой головной болью. Был представлен своему взводу. Началась моя служба.

Такой встречи не забудешь! Суровый капитан, который казался мне настоящим стариком, хотя ему было немного за тридцать, и два бравых еврея — два замечательных мужика, которые стали моими друзьями.

Боховер — полковник сейчас. Живет у нас в Московской

области в городе Королеве. Мы с ним по-прежнему поддерживаем дружеские контакты. Где Шаровер — не знаю. Пути наши разошлись, к сожалению, и я его потерял.

Служба в Прибалтике была тяжелая, сложная, но интересная и очень мне нравилась.

Вот еще одно необычное дело. Мы много занимались в Калининграде поисками Янтарной комнаты. Той самой, что была вывезена фашистами во время Великой Отечественной войны. Даже план существовал, по которому наша рота раз в три месяца на неделю превращалась в отряд археологов-кладоискателей. На это время нам выделялся определенный участок работ, и мы там копали, лазили по бесчисленным подземельям, простукивали тысячелетние многометровой толщины стены.

Копали в основном в районе знаменитого Кенигсбергского замка. Наземная часть его была сильно разрушена. Но гигантские подвалы со множеством подземных ходов сохранились.

Скажу сразу, никаких следов Янтарной комнаты нам обнаружить не удалось. Находили же мы в основном секретные фашистские подземные заводы. Они были затоплены, но при этом все оборудование прекрасно сохранилось. Помню, вытаскивали оттуда разные станки. Они были покрыты толстым слоем смазки. Станки находились в полной исправности, сотри смазку и можно работать.

Многое здесь напоминало о прошедшей войне. И в армии тогда служило большое количество фронтовиков. У меня был командир батальона подполковник Евтушенко Николай Васильевич. От него мы узнали о войне много интересного. Он был по нашим понятиям совсем старым человеком. Между собой мы называли его «Батя», он пользовался огромным уважением.

«Батя» действительно по-отечески к нам относился, очень любил работать с молодыми офицерами, оберегал и поддерживал. Потом, когда мне пришлось попасть на настоящую войну, я много раз вспоминал «Батю» и благодарил за то, чему он нас научил.

Четыре года я прослужил в Прибалтике. Был командиром взвода, потом командиром роты. Мои друзья — командиры соседних взводов, тоже выросли. Боховер ушел в политработники, Шаровер — теперь уж не помню куда, тогда я его и потерял, о чем жалею.

ПРИКАЗ

Нижепоименованных офицеров освободить от занимаемых должностей и назначить:

…

2. Лейтенанта *Громова Бориса Всеволодовича*, командира стрелкового взвода 167-го гвардейского мотострелкового полка — КОМАНДИРОМ СТРЕЛКОВОЙ РОТЫ ТОГО ЖЕ ПОЛКА.

1943 г. рождения, член КПСС с 1966 года, образование: общее — высшее, военное — Высшее общевойсковое командное училище с дипломом в 1965 году. В ВС с 1962 года.

Назначается на высшую должность из числа не аттестованных к выдвижению, как офицер, добившийся отличных показателей взвода в боевой и политической подготовке в течение двух лет.

ПРИКАЗ

В соответствии со статьей 14 Положения о прохождении воинской службы офицерами, генералами и адмиралами Советской Армии и Военно-Морского Флота нижепоименованным офицерам присвоить очередные воинские звания:

…

старший лейтенант

…

38. Лейтенанту *Громову Борису Всеволодовичу*, командиру стрелковой роты 167-го гвардейского мотострелкового полка 1-й гвардейской мотострелковой дивизии

Б. В. Громов:

— Это были годы хрущевского сокращения армии, которое нас, служивших в Прибалтике, к счастью, не коснулось.

Кстати, и отставка Хрущева прошла для нас как-то незаметно. Гораздо большее впечатление осталось даже от убийства президента США Джона Кеннеди. Но то, что к власти пришел Брежнев, мы сразу заметили. Повысились оклады, началось перевооружение, и вообще к армии проявлялось большое внимание. Это мы замечали и ценили.

Тогда я впервые увидел новую технику — боевые машины пехоты (БМП), они и сейчас еще есть. Тогда это были БМП-1,

сейчас БМП-3. Я очень любил и люблю технику, и в армии всегда старался сразу же освоить все новинки, которые поступали на вооружение. На БМП я поездил вволю, машина эта произвела на меня огромное впечатление.

Четыре года. Командир взвода и командир роты мотострелковой — это большая школа. Когда остаешься один со взводом, а из солдат две трети старше тебя, тогда ведь три года служили, тут хочешь не хочешь многому научишься.

У меня во взводе служил «пожилой» грузин Георгадзе. Ему исполнилось уже лет 26–27. Это был очень авторитетный товарищ во взводе, настоящий «дед». Был он уже женат, имел нескольких детей. Из-за них-то, видно, и получал отсрочки, но потом его в армию все же забрали. Георгадзе ко мне очень хорошо относился и взял надо мной негласное шефство. Попробовал бы кто-нибудь не послушаться!

Когда он демобилизовался, мы обнялись на прощание и он очень просил меня обязательно приехать к нему в гости.

Прошел месяц или два. Мне позвонили с почты и сообщили, что на мое имя пришла посылка.

Я никаких посылок не ждал. Мои родные в Саратове жили в то время очень трудно, какие уж там посылки, а больше неоткуда и ждать. Почта на территории соседнего полка одна на всю дивизию, чтобы туда попасть, нужно еще выкроить время.

Примерно неделю я никак не мог собраться. Наконец мне командир батальона говорит — поезжай и забери. Уже ему пожаловались.

Отправился на почту. Захожу в помещение, а там запах, ну просто голова кружится! И не пойму, чем пахнет. Почтовые работники на меня так и набросились. «Забирай скорее свою вонючую посылку!» Сразу стала понятна причина их настойчивости.

Забрал я этот «душистый» ящик. Принес домой. Открыл. Весь набит орехами. А внутри этой кучи разбитая бутылка с чачей.

Орехи мы постепенно пощелкали, хотя есть их приходилось только вечером, перед сном, чтобы за ночь этот запах чачи выветрился.

Я, конечно, Георгадзе позвонил, поблагодарил его. Он сразу спросил, понравилась ли чача, я уж не стал его расстраивать, сказал, что очень хорошая. Он тут же с гордостью заметил, что именно для меня ее делал, и обрадовал, что пришлет еще. С трудом уговорил его чачу не присылать.

Вот так, примерно, шла моя служба в Прибалтике. Оттуда я поступил в академию Фрунзе. Это уже новый этап моей жизни.

Итак, первые шаги сделаны, и очень многое в судьбе

молодого офицера зависит от того, удастся ли ему поступить в военную академию. Конечно, можно служить и без академии и стать майором или даже подполковником. При известном везении можно пройти и чуточку дальше, но стать генералом и настоящим военачальником невозможно. Причем если время будет упущено, то и пройденная с опозданием академия ничем уже не поможет.

Глава пятая
САНАТОРНО-КУРОРТНЫЙ ОКРУГ

Жизнь человека в армии — постоянная учеба. Это прежде всего боевая подготовка, в которой формируются разнообразные профессиональные навыки военного человека. Это умение понять свою роль, утвердиться в качестве командира, стать тем самым «отцом» для своих солдат, каким был ветеран обороны Ленинграда, товарищ деда, Петр Петрович Плеханов, каким стал для самого Бориса Громова его собственный «батя» комбат-фронтовик. Это необходимо. Без этого солдаты не признают твоего права распоряжаться их жизнью и смертью. Но и это не все. Настоящий командир обязательно должен продолжать учебу в высших военных учебных учреждениях.

Б. В. Громов:

— Стать «академиком» — дело не простое. Попасть сюда хотят многие. По службе, однако, все складывалось удачно. Начальство относилось хорошо. С первого же захода меня направили в академию для сдачи экзаменов. Очень помогло то, что к тому времени у меня уже была медаль «За боевые заслуги». Я получил ее как раз за свое любимое дело — освоение новой техники. Медаль давала возможность идти вне конкурса и вместо трех сдавать всего один экзамен.

Однако, по моим меркам, я ведь старался как-то свою жизнь организовывать, поступил в академию все-таки поздно. Через четыре года. Знаю немало ребят моего возраста, которые умудрялись стать академиками даже через два года службы. Поступать нужно с должности не меньшей, чем командир роты. Я командиром роты стал через два года.

Сдал экзамен на «хорошо» и поступил. Но тоже не без приключений.

Мой приятель, начавший учиться в академии на год раньше (я как раз сменил его на должности командира роты), очень за меня переживал и всеми силами старался помочь и едва не переусердствовал.

Экзамены мы сдавали в летнем лагере, в одноэтажном деревянном домике. Я получил билет, сел готовиться. Тут в окне появляется физиономия моего приятеля и его рука прижимает к стеклу бумагу, на которой крупными буквами написаны основные тезисы моего билета.

Мы с ним договорились, что когда я возьму билет, то покажу

номер на пальцах, а потом, если мне понадобится помощь, дам ему знак. Билет я ему показал, но сразу понял, что помощь мне не нужна, и потому никаких знаков больше давать не стал. И вдруг вижу в окне его озабоченную физиономию и эту бумагу.

Я замахал на него: «Убери скорее!»

Если б его увидели, меня с экзамена точно бы выгнали.

Слава богу, обошлось.

Кроме этого был еще экзамен по общефизической подготовке. Там для меня особых проблем не было, кроме кросса. Надо было пробежать три километра по пересеченной местности, где-то в пределах 10 минут.

Длинные дистанции я никогда не любил и кроссов, по возможности, старался избегать. Тут, с перепугу, я пробежал очень здорово. Пришел вторым, за парнем, который специализировался по бегу на стайерские дистанции. Правда, после финиша я едва не помер.

Учиться в академии было интересно. Заниматься тут пришлось в основном тем, что мне действительно было необходимо знать. Кроме того, подобралась сильная команда по ручному мячу, и мы очень прилично выступали и среди военных учреждений, и на первенстве Москвы, так что жизнь была интересная и весьма напряженная.

Я никогда не сидел за подготовкой до поздней ночи. Кроме учебы у меня были почти ежедневные тренировки, а после них нужно было отдохнуть, так что я в библиотеке не пересиживал.

Академию закончил с отличием, но в список окончивших с золотой медалью не попал. Этот список давал право выбирать место службы. Так что я такого права не получил.

Во время учебы в академии произошло важнейшее событие моей тогдашней жизни — я женился.

Как было задумано еще в Суворовском училище, когда, прочитав «Войну и мир», я навсегда влюбился в Наташу Ростову, женился на девушке, которую звали Наташей.

В 1970 году я приехал на каникулы домой в Саратов. Тут бабушка буквально насела на меня: «Женись! Смотри, тебе уже двадцать семь осенью стукнет, скоро за тебя уже никто и выходить замуж не захочет!» Взяла меня в оборот, это она умела. Я отбивался из последних сил.

— Как мне жениться, бабушка, если я ни с какими девчонками толком не знаком. Что, мне выйти на улицу и кричать: «Подходите, кто желает выйти за меня замуж!»?

Надо признать, что для военных женитьба всегда большая проблема. Живут в казарме. С утра до вечера служба. Вот и женятся, порой, на ком попало. Мне так не хотелось, а

нормальной Наташи, с которой бы я мог познакомиться, пока не находилось.

Бабушка наша была человеком упорным. Если что задумала, ее не остановишь. Она сама начала подыскивать мне невесту. И ведь нашла! Причем рядом.

В нашем же подъезде, только на первом этаже, жила девушка по имени Наташа, мы с ней иногда встречались и даже здоровались. Девушка мне нравилась, но я не решался заговорить и познакомиться ближе. Казалось, ей это может не понравиться… Ну а если совсем честно, я девчонок немного побаивался. Наташа к тому же была очень красивая, ей только что исполнилось восемнадцать, на что ей какой-то лейтенант, когда вокруг столько шикарных парней.

Бабушка, однако, времени не теряла. С Наташиной мамой она была знакома, очаровать бабушка могла кого угодно, к тому же интересы их по данному вопросу сошлись, и они за чаем с вареньем решили нашу с Наташей судьбу.

В следующий приезд бабушка, как бы между делом, привела меня к соседям, познакомила с Наташей и, главное, с ее мамой. Будущей теще я, видимо, понравился, и дальше все решилось очень быстро.

В это же лето я стал женатым мужчиной, а Наташа начала хождения по мукам, которые выпадают на долю каждой девушки, которая мечтает стать генеральшей.

Сразу скажу, что для Наташи это (стать генеральшей) никакого значения не имело. Она была замечательной, нежной и заботливой женой, без которой я очень скоро уже и жизни своей представить не мог. Ну а генеральшей… Она ничего против не имела, да и какая жена не хочет, чтобы карьера мужа развивалась наилучшим образом.

Трудностей было много. Наташа училась в Саратовском педагогическом, и ее нужно было перевести в Москву. Это оказалось делом далеко не простым. Проблема из проблем! Чуть не до министра обороны дошли, чтобы уговорить ректора. Все же удалось перевести в Московский областной педагогический имени Крупской. Но только на заочный, и то в виде исключения.

— Познакомились мы с Громовым с первых дней пребывания в академии имени Михаила Васильевича Фрунзе, еще в Наро-Фоминске на учебных сборах, — вспоминает Александр Александрович Ходов. — Там формировалась после вступительных экзаменов наша учебная группа 4–6, 1969 года поступления. Старшиной группы стал майор Магалов Рубен Григорьевич, в последующем генерал-лейтенант, заместитель

командующего войсками Средне-Азиатского военного округа, а затем зам командующего войсками Северо-Кавказского военного округа по гражданской обороне.

Группа подобралась очень толковая. Недаром из наших однокашников вышли: генерал армии Самсонов Виктор Николаевич, который прошел путь от начальника штаба, заместителя командира полка после академии, до начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР и затем начальника Генерального штаба Российской Федерации; Борис Всеволодович Громов, также прошедший большой и славный путь до командующего Киевским военным округом и заместителя министра обороны.

Кстати, Борис Всеволодович был самым молодым на курсе. В академию обычно принимаются офицеры, имеющие определенный опыт практической работы и дослужившиеся до должности не ниже начальника штаба батальона. Бориса Всеволодовича приняли в порядке исключения с должности командира роты.

Несмотря на свою молодость, Громов сразу завоевал в группе авторитет и уважение. Он в меру общительный, корректный, умный человек, к тому же с большим чувством юмора. За все время учебы не вспомню случая, чтобы он кого-то сознательно или случайно, по недомыслию, обидел.

Борис был из тех редких людей, с которыми все советуются. Его сразу избрали секретарем партийной организации группы, так, вместе со старшиной, он стал самым главным человеком в нашей учебной ячейке.

Я сам в трудных случаях всегда обращался к нему и должен признать, что каждый его совет был полезным, хотя если задуматься, то станет понятно, что никаких особенных советов он чаще всего и не давал. Просто очень внимательно выслушивал и, задавая вопросы, помогал разобраться в собственных чувствах. Я очень радуюсь тому, что у меня сложились с Борисом Всеволодовичем особенно теплые отношения, которые продолжаются и по сей день.

Надо сказать, что по-хорошему он общался со многими, но нас, кроме того, сближали спорт, общие взгляды на жизнь, на военную науку и службу.

Особенно притягивало людей бесподобное громовское остроумие.

Я знаю по жизни много веселых людей, но только Громов среди них умел шутить так, что смеялись все и в том числе и человек, над которым пошутили. Такое случается очень редко.

В Громове был виден будущий крупный военачальник. Это

вам скажет каждый, кто был с ним рядом в то время. Хотя довольно трудно передать словами, в чем это выражалось. Для меня не было никакой неожиданности в том, что он впоследствии стал стремительно подниматься по служебной лестнице и блестяще осуществил одну из самых замечательных военных операций XX века — вывод советских войск из Афганистана. Думаю, что это не менее поразительная операция, чем легендарные переходы Ганнибала и Суворова через Альпы.

У него был особый военный талант. Подробнее я расскажу об этом позже.

Заметно выделяла его среди всех прекрасная спортивная подготовка. Я, например, был гимнастом и возглавлял сборную академии. Часто приглашал Бориса Всеволодовича в команду. Как бывший суворовец, он был подготовлен всесторонне. Борис уже давно не занимался гимнастикой и потому старался отказаться, но я умел его уговорить и он после короткой, но очень интенсивной подготовки осваивал необходимые комбинации на различных снарядах и выступал всегда очень надежно. Особенно получались у него вольные упражнения и перекладина, где он замечательно крутил большие обороты, мы называли их «солнышко».

Главным его увлечением был, конечно, ручной мяч. Борис, несмотря на свой небольшой рост, был мастером спорта, капитаном и одновременно тренером сборной команды академии, которая очень удачно выступала на первенстве Московского гарнизона и военных учебных заведений. Вообще, спортивные игры у него шли очень здорово. Баскетбол, волейбол. У Громова великолепная координация, легкий высокий прыжок и точность. Просто удивительно было следить за его баскетбольными проходами под щит, когда двухметровые центровые не могли помешать ему забросить мяч в кольцо. Великолепны были его снайперские броски с дальней дистанции и цепкая игра в защите.

Точно так и в гандболе. В отрыве его никто не мог догнать; в проходах, особенно по краю, — остановить. Честно скажу, не помню случая, когда бы наша команда по ручному мячу проигрывала, настолько это редко случалось.

В игре он совершенно естественно становился лидером и другие, тоже очень хорошие игроки, это безропотно признавали, что случается не так уж часто.

В учебе его отличала быстрота усвоения материала. Он вроде бы никогда не корпел над книгами, ему достаточно было прослушать лекцию и поработать на семинарских занятиях. Эта способность позволяла ему знать необходимое и, уже не отвлекаясь, глубоко погружаться в те дисциплины и вопросы,

которые его особенно интересовали. А вот тут он, случалось, поражал даже преподавателей.

Я обещал рассказать об особом военном даре Громова. Отчетливо он проявился на старших курсах.

Вот, например, идет занятие по отработке армейской операции. Огромный стол, на нем разложены карты. На них каждый слушатель фиксирует ход операции и постоянные изменения обстановки. Занятия эти продолжались порой по шесть и более часов.

Громов мог пять часов внимательно наблюдать за развитием операции, никаким образом не участвуя в обсуждении. Наконец преподаватель, заподозривший, что Громов просто отлынивает, задавал ему вопрос. Но бывало, что Борис сам поднимал руку. Тут случались удивительные вещи, которые всем крепко запомнились.

Громов брал свою карту, подвешивал ее на стойку и от начала до конца проводил операцию совершенно по-своему, в отличие от кафедральных решений.

Преподаватели, признанные мастера проведения армейских операций, только переглядывались: «Ну, Громов! Ну, Громов!»

Действительно было чему удивиться. Ведь эти операции, как образцово-показательные, готовила вся кафедра. То есть работали признанные армейские стратеги, и вдруг какой-то мальчишка, старший лейтенант, предлагает совершенно иной вариант да еще убедительно доказывает свою правоту.

Думаю, что тут нужно отдать должное и преподавателям кафедры. В основном это были умные и по-настоящему любящие свое дело люди. Они не злились и не старались поставить выскочку на место, а по достоинству оценивали громовские операции и, случалось, вносили их в свои кафедральные разработки, а такое в истории академии случалось очень редко.

Представьте гроссмейстера по шахматам, который разбирает какую-то из своих знаменитых комбинаций. И вдруг слышит от какого-то мальчика в очечках нахальное рассуждение, что все можно провести иначе и даже быстрее прийти к нужному результату. Вряд ли такое поведение доставит маэстро удовольствие, если, конечно, он не гений, который не боится конкуренции и ставит интересы великой игры выше своих гроссмейстерских амбиций.

Таким вот образом особая одаренность Громова проявлялась на занятиях по стратегии и тактике. К концу учебы его авторитет в этом отношении признавался не только слушателями, но и преподавателями.

Не приходится удивляться тому, что он с отличием окончил

академию, причем, как я уже сказал, ни в малейшей степени не занимаясь зубрежкой. Почти все свободное время он посвящал самоподготовке и спорту — играм и тренировкам.

Очень любил читать.

Мы жили в общежитии на улице Маши Порываевой, рядом с Домом военной книги, и я видел, как он выходил оттуда с целыми пачками книг под мышкой.

Вот еще о чем мне хочется рассказать. У нас с Борисом Всеволодовичем была общая свадьба!

После второго курса мы разъехались на каникулы в свои родные места. Там оба женились. Когда вернулись в Москву, ребята из группы нам заявили — это, мол, у вас были домашние свадьбы, мы в них не участвовали. Давайте справлять заново.

Учитывая тогдашнюю скудность наших кошельков, мы с Борисом решили объединить две свадьбы. Справляли в кафе на Зубовской площади. Главной ценностью, которую мы принесли с собой, был большой магнитофон с катушками. Под него танцевали. В кафе собрались все пятнадцать человек нашей группы, большинство с женами. Было, конечно, не богато, но очень весело и душевно.

Поздним вечером мы возвращались в общежитие. Магнитофон, как самую большую ценность, нес Гарамов — почти двухметровый дядя. Магнитофон для такого великана не в тягость.

Пересекли Зубовскую площадь, подошли к тому месту, где сейчас располагается Счетная палата, тут наш могучий Гарамов спотыкается, падает и драгоценный магнитофон разлетается на тысячу кусков и кусочков.

Как мы переживали! Но делать нечего. Магнитофон казенный, пришлось собирать деньги и расплачиваться за него.

Тогда мы, трое друзей — я со своей Зоей, Громов с Наташей, и Самсонов с Людмилой — стали семейными людьми, получили отдельные комнаты в одном общежитии и постоянно ходили друг к другу в гости.

Наташа была потрясающим человеком. Добрая, красивая, умная. Ее все любили. А мы с Зоей назвали свою дочь Наташей в ее честь!

Трудно говорить о семейной трагедии и гибели Наташи…

Как же хорошо, что Борис сумел создать с Фаиной новую семью. Ведь оба они оказались жертвами той страшной катастрофы. Он потерял жену, а она мужа и свекра. Просто счастье, что сыновья Бориса Всеволодовича и дочки-близнецы Фаины не стали сиротами. Они живут в новой доброй и дружной семье. И как заслуженная награда — в этой семье появилась

чудесная малышка Лизочка. Бог не оставляет добрых людей…

Из совместной учебы вспоминается много различных эпизодов, чаще забавных. Я ведь уже говорил, что в характере Бориса Всеволодовича много юмора. Он умел как-то по-доброму и необидно разыгрывать нас всех.

Помню, шли занятия по авиации. Их вел генерал-лейтенант Лобов — начальник кафедры авиации. Знаменитый летчик и командир, Герой Советского Союза. Четырехчасовое занятие, между парами двадцать минут перерыв.

Было довольно жарко. Лобов повесил свой китель с генерал-лейтенантскими погонами и звездой Героя на стул и вел занятие. После двух часов он ушел на перерыв в преподавательскую комнату, а китель так и остался висеть на стуле.

И вот Борис надевает китель и начинает важно расхаживать перед аудиторией, произнося «мудрые» поучения и давая нам всем смешные характеристики. Выглядело это очень забавно, и все смеялись. Я, на всякий случай, открыл дверь в коридор и смотрел, не покажется ли Лобов, чтобы успеть предупредить Бориса. Вдруг на лестнице-вертушке, мы так ее называли, показывается голова Лобова, он поднимается, идет по коридору… Я кричу Борису, что идет преподаватель, а он, верно, решил, что я его разыгрываю, и продолжает разгуливать в генеральском кителе. Так его Лобов и застал.

Ситуация была, с одной стороны, смешная, с другой — очень неловкая. Громов тут же повесил китель на стул и сел на место. Все притихли, не зная, как поведет себя генерал.

К чести преподавателя, нужно сказать, что он отнесся к этой дерзости спокойно.

— Не спешите, Громов, — сказал он. — Ваше время придет. Будут у вас и генеральские погоны, и Звезда.

Как в воду глядел мудрый Лобов!

Символический эпизод. Мы все, учившиеся в одной группе в академии Фрунзе, встречаясь, обязательно этот случай вспоминаем.

Громов был главный среди нас любитель всяких приколов. Да и сейчас случается, этот чертик в нем нет-нет да проглянет к великому изумлению тех, кто его знает меньше, чем мы.

Кстати, достойным его напарником в этом деле всегда был Самсонов — будущий начальник Генерального штаба РФ. Он и сейчас никогда не упустит возможности пошутить.

Одним словом, большие и сложные дела, которые этим людям приходится делать, не превратили их в сухих и мрачных бюрократов. Природная их веселость и любовь к шутке помогают жить и выдерживать огромные нагрузки, дают возможность

расслабиться и снять напряжение не только с себя, но и со своего окружения.

Вот уже упоминавшийся капитан Гарамов. Он обычно сидел с Громовым рядом. Высоченного роста поразительно спокойный человек. Впоследствии он был направлен на Семипалатинский полигон, и там мы с ним не раз встречались. Громов над ним частенько подшучивал, Гарамов же только улыбался. Прошибить его было невозможно. Впрочем, еще раз скажу, шутки Громова никогда не были злыми.

У нас учился в группе капитан Кузнечиков. Учеба давалась капитану туго. Бывал он, и даже не раз, на грани отчисления, и то, что этой беды не случилось, Кузнечикову нужно благодарить Громова. Он, кстати, это прекрасно понимал и на трудных занятиях всегда садился рядом с Борисом. Когда преподаватель поднимал Кузнечикова и задавал вопрос, тот сразу толкал Громова, призывая подсказывать. Борис не подводил.

Однажды на занятии разбирались действия разведывательной группы. Кузнечиков, попавший в академию из внутренних войск, вместо разведывательной группы говорил «розыскная», чем сильно раздражал преподавателя.

Карта была разложена по всей длине стола и по этой карте из пункта «А» в пункт «Б» пробиралась разведывательная группа. Она идет, идет и доходит почти до обреза карты. Тут преподаватель поднимает Кузнечикова и говорит: «Докладывайте дальнейший путь группы».

Борис подсказал. Кузнечиков повторил. Ну а тут карта как раз и кончилась. Преподаватель спрашивает: «Хорошо, а дальше?»

Дальше нужно подложить следующий лист и совместить так, чтобы можно было вести группу по маршруту.

Кузнечиков толкает Бориса ногой, и тот подсказывает: «В партизаны, Кузя».

Кузнечиков повторяет.

Все замерли.

Первым захохотал преподаватель, за ним все мы вместе с Кузнечиковым. «Огородами к Чапаеву!» — буквально рыдал преподаватель.

Ну а если преподаватель смеется, он уже двойки не поставит. Так Кузнечиков и в этот раз выскочил сухим из воды.

Еще был случай. Кузнечикова спросили, каковы обязанности заместителя командира полка по тылу. Борис сразу достает книжку «Войсковой тыл», раскрывает на той странице, где перечислены обязанности, и подкладывает незаметно. Кузнечиков добросовестно читает.

У нас тогда ответы разделялись на три способа: воробьиный,

лошадиный и партизанский.

Воробьиный — это когда отвечающий бойко чирикает и как бы постоянно клюет, незаметно подглядывая и сразу поднимая голову. Это — для ловкачей, к тому же ориентирующихся в теме.

Лошадиный способ примитивнее. Опустил голову, уперся и читай. Это — для неподготовленных, но все же знающих хотя бы о чем речь.

Партизанский — это когда вообще ничего не знаешь и молчишь, как партизан на допросе.

Кузнечиков в этом случае отвечал лошадиным способом. Не отрываясь, прочитал то, что подложил ему Громов.

Преподаватель попался настырный и спрашивает: а что еще входит в обязанности заместителя командира полка по тылу?

Борис Всеволодович подсказывает: «Все необходимые заготовки для командира полка делать».

Преподаватель юмор оценил и поставил тройку. Так что и тут обошлось.

Выпускные экзамены Громов сдал прекрасно и особенно отличился на государственном экзамене по общей тактике и оперативному искусству.

ПРОТОКОЛ

заседания Государственной экзаменационной комиссии по Военной ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова академии имени М. В. Фрунзе Подкомиссия № 1 ОТП

6 июня 1972 г.

О приеме государственного экзамена по ОБЩЕЙ ТАКТИКЕ И ОПЕРАТИВНОМУ ИСКУССТВУ

от слушателя 3-го курса «А» 1-го факультета

Присутствовали:

Председатель: генерал-майор Федоренко С. А.

Члены: полковник Карапетян Р. М., полковник Гусаков А. П.

Признать, что слушатель капитан *Громов Б. В.* сдал государственный экзамен с оценкой ОТЛИЧНО.

ПРОТОКОЛ

заседания Государственной экзаменационной комиссии по Военной ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова академии имени М. В. Фрунзе

Подкомиссия № 1-ОТП

19 июня 1972 года

О защите дипломной задачи № 519. Полковое тактическое учение с боевой стрельбой (для одной из сторон).

Для одной стороны. Наступление МСП с форсированием водной преграды с планомерной подготовкой без применения ядерного оружия.

Для другой стороны. Оборона МСП на водном рубеже без применения ядерного оружия.

От слушателя 3-го курса «А» первого факультета капитана *Громова Бориса Всеволодовича*

Председатель генерал-майор Федоренко С. А.

Члены: полковник Карапетян Р. М., полковник Гусаков А. П.

Общая характеристика ответов слушателя: ответы на вопросы полные и правильные.

Признать, что слушатель капитан *Громов Б. В.* защитил дипломную задачу с оценкой ОТЛИЧНО.

После окончания академии Борис Всеволодович был направлен в Майкоп на должность начальника штаба, заместителя командира полка. По прибытии в Майкоп он просит назначить его командиром батальона, то есть на ступень ниже.

Он поступал в академию с должности командира роты и рассудил, что ему не следует перескакивать через очередную важную ступеньку армейской службы — должность командира батальона. При этом он, конечно, понимал, что может застрять в этой должности надолго.

Примерно два года прослужил он командиром батальона (довольно неприятная пауза), но дальше служба снова пошла нормально. Громов был очень сильно подготовлен в академии и, безусловно, выделялся среди тех, кто служил рядом с ним на таких же должностях. Но и тут, надо заметить, сумел со всеми наладить отношения и не нажить себе врагов и завистников. Это исключительно сильное качество Бориса Громова. Оно всегда помогало и помогает ему в жизни.

Все дальнейшие годы, а бывшие «академики» Громов и Ходов служили в разных местах, офицеры постоянно поддерживали связь и, если возникала возможность, встречались. Особенно

часто общались, когда Громов служил в Афганистане, а Ходов был командующим внутренними войсками Средней Азии и Казахстана.

Со многими друзьями и однокашниками по академии Фрунзе Борис Всеволодович поддерживает добрые отношения и сейчас.

Б. В. Громов:

— Учеба в академии Фрунзе, на мой взгляд, была особенно хороша тем, что в ней важнейшие занятия, например по тактике, вели не только профессиональные преподаватели и теоретики, но и практикующие командиры. Часто приглашали прочесть цикл лекций командиров полков, дивизий, армий — тех, кому военную работу приходится вести на практике. Не знаю, как сейчас, но в мое время это было общепринятой практикой и приносило большую пользу.

Имею возможность сравнивать учебу в военном училище и академии Фрунзе. Из училища как военный я почти ничего не вынес. Честное слово, Суворовское и то мне больше дало.

Из академии я вышел подготовленным командиром. Здесь мы реально изучали все необходимое в широком диапазоне от батальона до армии. То есть — батальон, полк, дивизия, армия — общевойсковая, танковая (ну, армия, как оперативное звено, скорее познавательно), а в основном батальон, полк, дивизия. И по этим разделам разнообразная и глубокая военная подготовка.

По военному искусству часто выступали бывшие фронтовики. Выступал Соколов Сергей Леонидович. Неторопливая речь такая, степенная, большие знания.

Конечно, разные бывают выступления. Читал лекцию начальник политотдела академии Генштаба. Запомнился прежде всего его маленький рост, приходилось на трибуну ставить специальную подставочку, иначе слушателям была бы видна только генеральская макушка.

Лекция была вполне характерная, и половина слушателей уже крепко, спала, когда он начинал главную часть своего повествования о том, как настоящий политработник должен поднимать солдат в атаку.

В этот момент он громовым голосом выкрикивал: «За Родину! За Сталина! Вперед!»

Тут, когда сладко спящие слушатели подскакивали с ужасом на лицах, генерал добавлял: «Я был единственным, кто шел в полный рост!» Народ смеялся до слез, представляя крохотного генерала, идущего в атаку «в полный рост».

Всякие размышления о том, как быть и кем быть после окончания академии, начались уже на третьем курсе. Вместе с

нами учились и пограничники, и ребята из внутренних войск, и из КГБ. Прибыли они в академию со всех концов страны, так что было с кем посоветоваться и узнать, где и как идет служба.

Для меня проблем не было. Я точно знал, что пойду в войска. Хотя было немало и таких, кто стремился зацепиться в Москве любыми способами и на любой должности. Многие этого даже не скрывали. Я же хотел только в войска.

Вначале мне предложили Мурманскую область, Кандалакшу. Там дивизия стояла. Размещена она была интересно — часть до полярного круга, часть за полярным кругом. В общем, очень романтично. Крайний Север, там и выслуга лет, и надбавки. Мы с Наташей обрадовались. Стали готовиться, закупать зимние вещи… И вдруг, когда все было собрано, и я пришел получать документы, мне сообщают — Северо-Кавказский военный округ, город Майкоп.

Я так и сел.

Когда уже настроишься, да еще и успеешь потратиться, такие сюрпризы очень неприятны. Но спорить в армии не положено. Майкоп — значит Майкоп.

Когда наша семья отправлялась на новое место назначения, мы не подозревали, что пробудем там целых восемь лет.

Северо-Кавказский военный округ среди военных расшифровывался как санаторно-курортный военный округ. Не самое подходящее место для двадцатидевятилетнего капитана, с отличием закончившего военную академию. Борис Громов был по-хорошему честолюбив и не скрывал, что еще в детстве поставил перед собой задачу стать генералом. Не краснолицым с избыточным весом широколампасником, владельцем роскошной дачи и рабом сварливой жены, а настоящим военачальником, без которого страна беззащитна и обречена кормить чужую армию.

Громов понимал, конечно, что сложившиеся стереотипы не всегда отражают реальность и хороший, грамотный командир может честно и с большой отдачей работать везде. Другое дело, будет ли замечена и оценена его работа. В санаторно-курортном округе у настоящего командира гораздо меньше шансов отличиться. Настоящая военная работа в таком округе не очень интересует ближнее начальство, которое привыкло жить комфортно и решать все возникающие проблемы не в ходе учений, а на берегу моря возле аппетитно дымящего мангала. С другой стороны, и высокое начальство из центра относится к служащим в санаторно-курортном округе, как к людям уже достаточно награжденным самим своим пребыванием в пляжно-фруктово-шашлычном раю. Следовательно, никакого

продвижения по службе в опережающем темпе, на которое Громов всегда был настроен, тут, похоже, не могло быть в принципе.

Впрочем, горевать по этому поводу Громов не собирался. Повезло или не повезло — покажет время. Оно все расставит по своим местам.

Куда тебя направили, там и нужно служить. Честно и от души. Иначе Громов не умел. Без настоящей работы жизнь для него просто не могла быть интересной.

Б. В. Громов:

— Скажу сразу, что ничего санаторно-курортного для меня там не было. Я пришел на должность командира батальона. Наша дивизия в то время была отправлена на китайскую границу (конфликт на острове Даманском), и в Майкопе почти никого не было. Например, в моем батальоне существовала одна полноценная рота, в остальных — только офицерский состав. Командиром этой единственной роты был Шилин Виктор Карпович. (Он и сейчас со мной работает, начальником Главного контрольно-ревизионного управления).

Во всем СКВО я был единственным командиром батальона с высшим военным образованием. Два года на этой должности просидел. Обычно после академии полгода комбатом и пошел дальше… У меня в этот период жизни все как-то затормозилось, и было ощущение, что после успешного в целом начала службы удача от меня отвернулась.

— Лето 1972 года. Я в то время был старшим лейтенантом и командовал 1-й ротой 36-го мотострелкового полка в городе Майкопе, — вспоминает Виктор Карпович Шилин. — Майкоп сам по себе интересный город. В особенности окружающие его горы. Очень красивая быстрая река. Случалось, мы выезжали в пригородные совхозы помогать при сборе урожая черешни, а позже кукурузы. Приятные командировки.

Полк перед этим весной убыл на восток вместе со всей дивизией на усиление Восточной группировки войск. Там происходили известные события на острове Даманском.

Остался второй состав, на базе которого формировалась дивизия. В нашем полку был частично развернут 1-й мотострелковый батальон, командовать которым после академии Фрунзе приехал Борис Всеволодович.

Помню, меня вызвал командир подполковник Владимир Алексеевич Золотухин: «Бери машину, езжай в Белореченск встречать академиков».

Я встречал на перроне сразу трех офицеров, выпускников

академии Фрунзе. Первый — майор Бологое Виталий Игнатьевич, он прибыл на должность начальника штаба нашего полка. Второй — Самсонов Виктор Николаевич, ставший впоследствии начальником Генерального штаба. Прибыл он на должность начальника штаба соседнего 129-го полка. Третьим был капитан Борис Всеволодович Громов.

Бологое и Самсонов приехали «бобылями», а Борис Всеволодович с супругой — Наташей, которая в то время уже ждала ребенка. На Наташу невозможно было не обратить внимания — настоящая русская красавица.

Кстати, я сам в то время уже был женат, имел двух детей — сына Игоря и маленькую дочку. У Бориса Всеволодовича первый сын, Максим, родился в ноябре.

Мы сразу подружились и частенько встречались семьями. Зоя, моя жена, как более опытная, помогала Наташе ухаживать за маленьким…

Семья Громовых была замечательная, и до самой Наташиной гибели мы поддерживали дружеские отношения. Часто встречались в 1982 году, когда вместе с Борисом Всеволодовичем учились уже в академии Генерального штаба. Он пришел в академию из Афганистана, где был командиром дивизии. Я — из Генерального штаба. Собирались за столом и за разговорами в общежитии академии на проспекте Вернадского, 25. Но все это потом…

Встретил я, значит, академиков. Развез по местам. Так состоялось первое знакомство.

Мы с Громовым начали работать вместе, так как я был командиром роты в батальоне, который принял Борис Всеволодович.

Служили мы вместе до самого моего убытия в академию Фрунзе. Месяца три еще я был командиром роты, затем получил назначение начальником штаба батальона, первым заместителем Бориса Всеволодовича. Присвоили очередное звание капитана.

Конечно, в неукомплектованном полку служба идет несколько расслабленно, солдат мало, отсутствует основная часть работы.

Лучшие офицеры отправились на Восток, это понятно, там могли начаться боевые действия. Я, конечно, замечал, что у Бориса Всеволодовича чувствовалось какое-то неудовлетворение. Громов ведь был замечательно подготовлен для серьезной работы, он любил и умел командовать. Даже в этих, несколько расслабленных условиях он проявил себя как организованный и грамотный командир. Это сразу почувствовали и офицеры, и солдаты. На первых же стрельбах лень и благодушие

моментально исчезли. Стало ясно, что при новом комбате все придется делать в полном объеме, качественно и быстро. Он потребовал четкого выполнения требований устава по огневой подготовке, и все поняли, что это не временное явление, так теперь придется работать всегда. Не всем, конечно, это понравилось, но молодой комбат оказался человеком с характером, пришлось подтянуться. Меня это обрадовало, батальон попал в надежные руки.

Два года мы прослужили вместе, и в 1974 году я убыл в академию Фрунзе. В то время Борис Всеволодович уже стал начальником штаба соседнего полка, и все уже понимали, что Громов перспективный офицер. Чувствовался в нем очень большой интеллектуальный и человеческий потенциал.

Достаточно быстро он стал командиром полка. Затем начальником штаба дивизии. Сменил пожилого полковника Кудрявцева — ветерана, участника Великой Отечественной войны. С этой должности он и отправился в Афганистан.

Что его отличало. Как я уже говорил — большая организованность, требовательность (ничего общего не имеющая с придирчивостью). Очень хорошее знание боевой подготовки и умение организовать процесс обучения, как солдат, так и офицеров.

Уже через год после его приезда смотры и проверки проходили у нас без серьезных замечаний. Офицеры и солдаты знали, что и как нужно делать. Боевая подготовка была на высоком уровне.

Проводились у нас учения. Достаточно сложные и трудные. Северо-Кавказский военный округ расположен в разнообразных природных условиях, тут и знойная степь, и леса, и высокие горы, и стремительные горные реки.

Войскам приходилось совершать трудные марши. Учения, как мне кажется, были той работой, которую Громов умел делать великолепно. Тут он добивался высокой организованности и точности.

Кстати, он очень любил боевую технику. Все, что приходило в полк, все БТР, тягачи, танки, все он обязательно осваивал как водитель и командир на профессиональном уровне. Частенько во время учений его можно было увидеть в кресле водителя БТР или танка.

Знаю, что и в Афганистане он от этой привычки не отказался.

Громов очень легко, красиво даже, работал с картой. Это умение высоко ценится в военном деле. Если командир обладает, как мы говорим, хорошей графикой, то все его замыслы, а наиболее точно они всегда выражены на карте, становятся

понятны исполнителям. Это для военного человека не менее важное качество, чем умение в письменном приказе и на словах точно изложить боевую задачу, как в целом, так и во всех деталях.

Человек, умело работающий с картой, почти всегда прекрасно ориентируется и на местности. Борис Всеволодович великолепно ориентировался и всегда умел организовать слаженное движение войск.

Все, кто служил с ним, многому научились. Это я могу сказать о себе. Четкая организация дела стала для меня основным условием, с которого я всегда начинал. Много раз в душе я благодарил Бориса Всеволодовича, привившего мне вкус к четкой организации.

Громова, как командира и человека, можно понять, поработав с ним несколько лет. Только после этого в полной мере почувствуешь, как хорошо он относится к людям и как тонко умеет в них разбираться.

При всей его любви к порядку я не помню случая, чтобы Громов кого-то обидел. Он при необходимости бывал очень требовательным, но никто и никогда не мог бы обвинить его в жестокости и грубости. Борис Всеволодович неконфликтный человек. Его требования были конкретны и справедливы. К примеру, он мог спросить у солдата, где его лопата, и не отступиться до тех пор, пока не выяснит, кто виноват в том, что лопаты нет. Но это не придирка, а понятное, конкретное и справедливое требование. Люди это понимали.

Вообще человека обидеть очень легко. Интонация, с которой сказано самое обычное слово, какой-то неприметный жест могут стать причиной душевной травмы. Тут Громов был всегда поразительно точен и никогда не допускал небрежности в тоне или жестикуляции, в особенности если разговор был трудным и жестким. Очень помогало также присущее ему чувство юмора.

Даже сейчас в политике, где всех людей обычно разделяют на друзей и врагов, у него нет непримиримых противников. Поразительное качество! Он умеет работать в полную силу, не создавая конфликтов. Я не встречал других таких людей.

В 1982 году мы вместе с ним поступили в академию Генерального штаба. К тому времени я и сам уже стал опытнее, повидал в жизни всякое и лучше понял, что же все-таки так привлекает меня в Громове. Это, пожалуй, умение теоретические знания в полной мере применять на практике. Таким образом, получается, что чем больше человек учится, тем сильнее становится как командир.

Не сомневаюсь, что это помогло ему стать самым известным

из командующих группой советских войск в Афганистане, ведь именно при нем проведены крупнейшие военные операции и в то же время резко снижены потери в людях и технике.

К сожалению, о времени нашей совместной службы я могу только рассказывать. Фотографий той поры у меня почти нет. Два-три фото. Не имелось тогда у нас ни таких, как сейчас, аппаратов, при помощи которых самый неумелый человек может делать вполне приличные снимки, ни фотопленки хорошей. Об этом остается только пожалеть.

С 1972 года мы знакомы. И по жизни всегда получалось так, что я у него был заместителем. Это меня очень устраивало. Борис Всеволодович — настоящий лидер. Но он умеет по-настоящему ценить дружбу, и потому вокруг него много преданных людей.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР О награждении орденами и медалями СССР военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота

За достигнутые успехи в боевой и политической подготовке, поддержание высокой боевой готовности войск и освоении сложной боевой техники наградить:

…

Орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени

…

Громова Бориса Всеволодовича — майора

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Н. Подгорный

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. Георгадзе

Б. В. Громов:

— После того как получил назначение на должность начальника штаба полка, дела мои стали набирать темп. Досрочно — майор. Потом командир полка. Досрочно — подполковник. Начальник штаба дивизии. Досрочно — полковник. Все шло замечательно. Меня должны были аттестовать на дивизию…

Тут приезжает к нам комиссия из Главного управления кадров. Помню, меня пригласили на собеседование первым. Даже фамилию инспектора не забыл (такое не забывается) — Карасев.

Он задал мне первый вопрос:

— Ну, как вы, Борис Всеволодович (не товарищ полковник, а по имени-отчеству, подчеркнуто так душевно), замечательную трилогию генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, конечно, внимательно изучили?

Что тут отвечать?

— Вообще-то, да, — говорю. — Прочитал…

Сам уже прикидываю, что это он — решил поиздеваться надо мной, как многие кадровики любят, или сознательно топит. Я-то книги эти ни разу не открывал и даже названия знал весьма приблизительно: «Малая земля», «Возрождение», «Целина», кажется, была еще какая-то повесть… Причем вовсе не из принципа не читал, просто времени не нашлось.

— И конспект у вас, конечно, есть?

Киваю и думаю, если издевается, то этим удовлетворится, если нет…

— Очень хорошо. Завтра мне покажете.

Все, думаю, за одну ночь конспект трех книг не сделаешь. Нужно срочно найти чудака, который их действительно законспектировал. Какого-нибудь крепкого политработника. Взять у него, прочитать и завтра показать.

Ну, думаю, дядя, «спокойную» ты мне ночку обеспечил!

Он серьезно так спрашивает:

— Раз вы конспект составляли, вам, конечно, нетрудно припомнить, как Леонид Ильич узнал о начале Великой Отечественной войны, — и смотрит на меня бесконечно честным и ласковым взглядом.

Это уже удар ниже пояса!!!

Вспомнилась знаменитая фотография ТАСС: люди замерли перед громкоговорителем на столбе.

— Как и все, из сообщения по радио… Речь Молотова…

— Так… Будем считать, что забыли. Тогда еще один вопросик. Расскажите-ка про случай с квасом.

— ???

— Вы знаете, — говорю, — я, как человек военный, в большей степени изучал те разделы, где говорится о стратегических достижениях полководца Брежнева, о его замечательных военных операциях… — Ну, и дальше в том же роде…

Он какое-то время меня слушал, явно получая от этого удовольствие. Потом сказал:

— Рано вам, дорогой мой, командовать дивизией.

Политически не созрели. Мой вам дружеский совет — сегодня же возьмите в библиотеке книги Леонида Ильича и прочтите их. Уверяю вас, многое для вас откроется в новом свете. Желаю удачи. Не ленитесь. Больше работайте над собой, и все у вас будет хорошо…

Беда не приходит одна. Через неделю после отъезда комиссии выясняется, что на одном из складов дивизии пропало тысяча двести ампул промедола. Это обезболивающее лекарство — наркотик.

Серьезнейшее происшествие. За такие дела отвечал КГБ. Начали разбираться. Дело затянулось. Ну а так как отчитываться было необходимо, все взвалили на меня, и в течение полугода я находился между небом и землей. Никто в то время не дал бы за меня и ломаного гроша.

В конце концов следователям удалось через местных наркоманов, покупавших ампулы, выйти на прапорщика, который имел доступ к лекарствам. Выяснилось, что он в течение полугода этим промедолом торговал.

Только после этого меня оставили в покое. Правда, никто извиниться не подумал.

Ну что же. Худо ли, бедно, еще один период служебной карьеры подошел к концу. Наступил этап исключительно важный и трудный — от полковника к генералу. Шаг, который, в общем-то, очень немногим людям удается сделать.

Но кто мог знать, что следующим этапом в жизни Громова станет война.

Часть II
НЕВЕДОМАЯ ВОЙНА

Кто удивил, тот победил.
Люби солдата, и он будет любить тебя — в этом вся тайна.

А. В. Суворов

Глава первая
АФГАНСКАЯ ТЕТРАДЬ

28 декабря 1979 года советские войска пересекли границу и вступили на территорию Афганистана с целью оказания поддержки народу дружественной страны в отражении внешней агрессии и защите собственных южных рубежей. Формулировка в общем-то несколько расплывчатая, но для военных вполне понятная — образована еще одна группа советских войск за границей, где многим придется послужить.

То, что так вот буднично началась почти десятилетняя война, пожалуй, никто тогда не мог предполагать…

Тридцатисемилетний полковник, начальник штаба 9-й мотострелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа, располагавшейся в Майкопе, Борис Всеволодович Громов, знал об Афганистане то же, что и многие другие образованные люди, не имеющие к этой стране какого-то специального интереса.

Афганистан — одно из крупных государств Азии. Общая площадь — 647,5 тыс. кв. км. Граничит с Китаем, Индией, Ираном, Пакистаном и среднеазиатскими республиками Советского Союза. Дружественные отношения Советского Союза с Афганистаном были заложены 27 марта 1919 года, когда молодое Советское государство признало суверенитет и независимость этой страны, ведущей освободительную войну с Великобританией. В августе 1919 года был подписан англо-афганский мирный договор, в результате чего Афганистан стал независимым государством де-юре и де-факто.

В последние годы печать, радио и телевидение сообщали о благоприятных изменениях, происходящих в дружественной стране. Известно, что простые афганцы очень хорошо относятся к русским и называют их *шурави* — друг.

Для того чтобы разобраться в происходящем, этой информации явно недоставало. К тому же Громова не оставляло смутное предчувствие, что события в Афганистане не просто кратковременный эпизод, из чего следовало, что об этой стране ему следует узнать поподробнее.

Закончив служебный день, по пути домой Громов заглянул в городскую библиотеку. Как во всех местах, где ему приходилось жить, он и в Майкопе сразу же записался в городскую библиотеку. В его переполненный читательский формуляр уже не раз вклеивались дополнительные странички.

Громов спросил какую-нибудь литературу по Афганистану.

— Вас интересует история или современность? — спросила хорошо ему знакомая пожилая библиотекарша.

— И то и другое, Александра Прокопьевна, — ответил Громов.

Пожилая женщина, проведшая все свои сознательные годы среди книг, привычно судила о людях по их библиотечному формуляру. Она с нескрываемой симпатией относилась к молодому полковнику, часто заходившему в библиотеку. В его списке были достойные, на ее взгляд, книги. Настоящая литература — русская и зарубежная. Ему она доставала из укромных уголков такие книги, которые выдавала немногим. К примеру, рассказы и пьесы Леонида Андреева, выпущенные еще до революции издательством Маркса, «Петербург» Андрея Белого, «Зеленые холмы Африки» Эрнеста Хемингуэя.

Читал полковник и то, что, по мнению библиотекарши, обязательно должен изучать настоящий военный человек, — жизнеописания Александра Македонского, Цезаря, Суворова и даже непостижимый для нее труд Карла Клаузевица «О войне».

— Могу предложить двухтомник В. М. Массона и В. А. Рамодина «История Афганистана». Эту книгу я читаю сама, — сказала она с расстановкой, чтобы стала понятна исключительная степень доверия…

По пути домой Громов купил в газетном киоске толстую тетрадь в коленкоровом переплете. Это означало, что он решил отнестись к предстоящему знакомству с историей Афганистана со всей ответственностью.

Такие тетради Громов вел с последних классов Суворовского училища и, несмотря на то, что их накопилось порядочно, всегда возил их с собой. Здесь были законспектированы наиболее интересные работы по военной истории, стратегии и тактике, новым вооружениям, сведения об иностранных армиях. Конспекты очень помогали, когда приходилось готовить выступления на различных учебах и занятиях с подчиненными. Подобных выступлений у старшего офицера бывает по нескольку десятков в год.

Громов не мог знать, на какое время растянется афганская кампания, но почти не сомневался, что по этой теме ему придется не один раз делать информационные сообщения и доклады.

Записи Громова были рассчитаны на разную аудиторию. Как на рядовых солдат, так и на офицеров, знания которых о странах, где ведутся армейские операции, должны быть достаточно глубоки, чтобы реально оценивать ситуацию, в которой приходится действовать. Ну и, что скрывать, для себя самого делал эти записи Борис Громов. История одной из древнейших

стран на земле незаметно его увлекла.

Страна, в которую в конце 1979 года были введены советские войска, возникла в уникальной зоне, где проходило становление человечества. Археологические раскопки показывают, что от 100 до 40 тысяч лет назад люди уже освоили здешние долины и предгорья. Жили они в многочисленных пещерах, под скальными навесами, о чем говорят каменные орудия, кости баранов, диких лошадей и оленей, а также рисунки на стенах пещер и гротов.

Эта территория также является зоной возникновения древнейших земледельческих культур. Уже в VII–V тысячелетиях до нашей эры здесь появляются оседлые поселения с глинобитными домами и хранилищами для зерна.

Земляк Громова, саратовец, великий ученый Н. И. Вавилов, на основании геоботанических наблюдений сделал вывод, что эти земли стали одним из центров происхождения и распространения по миру культурных растений.

Территория Афганистана — один из основных перекрестков путей человечества. В доисторические времена тут с северо-запада на юг, в Индию, прошли арийские племена. Они заселили Пенджаб и юг Афганистана. Следом прокатилась миграция ираноязычных племен, сформировавших к середине I тысячелетия до нашей эры основное население этого региона.

В древние времена первой ступенью организации общества был *дом* — большая семья во главе с патриархом — старым, мудрым мужчиной. Семья жила в многокомнатном жилище, развалины этих построек находят и сейчас.

За домом следовал *род,* объединяющий несколько патриархальных семей.

Роды объединялись в *гатах* — область, заселенную племенем или объединением нескольких племен.

Наконец, *страна*, которую возглавлял правитель.

Территория, на которой располагается современный Афганистан, в те давние времена называлась Бактрия и была населена воинственным народом.

Летом 530 года до нашей эры народ этой страны стал героем одной из величайших сенсаций древности, разгромив непобедимую армию вождя персидской династии Ахеменидов — Кира.

До этого Кир покорил Мидийское царство, разгромил его столицу Экбатану и взял в плен царя Астиага, подчинил себе богатейшее государство Лидию и великий Вавилон. Казалось, ничто не может противостоять могуществу этого древнего тирана. На пути его лежала Бактрия, населенная кочевыми и горными

племенами, не представлявшая, на взгляд персидского владыки, серьезной опасности для закаленной в победоносных походах армии Ахеменидов.

Согласно Геродоту, Кир навел мосты через Аракс (имеется в виду Аму-Дарья) и двинулся в глубь страны. Здесь его встретили объединенные силы кочевников. Жестокое сражение закончилось разгромом персидской армии и гибелью самого Кира.

Смерть могущественного царя и разгром непобедимой армии кочевыми племенами произвели сильнейшее впечатление на современников.

В дальнейшем одни завоеватели сменяли других, приходили новые цари и тираны, вырезая до третьего колена родственников предшествующих правителей, но горные и кочевые племена, населявшие дикие ущелья и суровые плоскогорья Гиндукуша и Сулеймановых гор, никому не удавалось покорить.

Полковник Борис Громов с интересом и некоторой тревогой погружался в безбрежное жизнеописание древнейшей на земле цивилизации. Он размышлял о том, что история несомненно является идеальным путеводителем для политиков и полководцев, но ни те ни другие, как ни странно, не желают принимать во внимание уроки прошлого, предпочитая вновь и вновь наступать на те же самые грабли. Похоже, что этих людей объединяет общее убеждение, что история человечества начинается с отданного ими приказа и утверждается движением их войск.

Так думал царь царей Кир, погибший вместе со своей непобедимой армией в предгорьях Гиндукуша. Так поступал последователь Кира Дарий I, железной рукой укротивший Центральную Азию, но не сумевший покорить бактрийские горные племена. В этом же был убежден и любимец Бориса Громова — молодой правитель Македонии Александр, прозванный Великим. Даже этот первый военный гений в письменно зафиксированной истории человечества не сумел аккуратно обойти афганские грабли.

В III веке до нашей эры грандиозная держава Ахеменидов рухнула под ударами легионов Александра Македонского. В трех решающих сражениях Искандер Двурогий (так звали этого завоевателя на востоке) разгромил военные силы последнего Ахеменида — Дария III.

Легионы Александра вступили в Вавилон, Элам и Перейду. Божественный Персеполь — столица Ахеменидов — был разграблен, а легендарный царский дворец, развалины которого и

сейчас поражают воображение, сожжен.

И опять, только в заамударьинской Бактрии и Согдиане, на территории современного Афганистана, греческие завоеватели встретили яростное сопротивление. Задолго до описываемых событий в своем труде «История» Геродот сообщает о непокоренных Александром бактрийских племенах, которые он называет пактии. Это и есть, скорее всего, первое упоминание о самом многочисленном народе, населяющем нынешний Афганистан. Пактии — пахтуны, паштуны (пуштуны).

Кровопролитные сражения развернулись на северо-востоке в районе нынешнего Джелалабада. Война с горными племенами оказалась исключительно жестокой и упорной. Сам Александр был серьезно ранен.

Не исключено, что это ранение стало причиной не только преждевременного окончания беспримерного похода к пределам обитаемого мира, но и подорвало здоровье великого завоевателя. 13 июня 323 года в разгар создания своего мирового государства и подготовки новых походов Александр Македонский умер в возрасте 33 лет…

На развалинах империи Александра Македонского наметились контуры трех крупных политических объединений, которые возглавили полководцы Александра: Птоломей — Египет, Антигон — Грецию и Македонию, Селевк — Вавилонию.

Империя Селевка простиралась от Средиземного моря на западе до Индии на востоке. Под его властью оказались Месопотамия, Армения, Каппадокия, Персия, Парфия, Бактрия, Согдиана, Арахосия, Гиркания. Империя Селевкидов была самой могущественной и обширной державой тогдашнего мира.

Восточной столицей империи Селевкидов стали Бактры — один из крупнейших городов Древнего Востока.

Античные авторы называли Бактрию украшением всей Арианы — так в древности именовались территории, входящие сейчас в состав Афганистана. Античная Бактрия была процветающим государством с развитым сельским хозяйством (даже рис тут выращивался), обширными торговыми связями и множеством городов, недаром она называлась «страной тысячи городов».

В VI веке нашей эры в период великой мусульманской экспансии Бактрия оказывается под властью потомков пророка Мухаммеда, создавших великую державу — Арабский халифат. Но вплоть до VIII века непокорные горные племена не давали арабам полностью укорениться здесь.

Тетрадь, которую вел Громов, содержала в сжатом виде

древнюю историю Афганистана. Теперь он вполне мог достаточно интересно и полно выступить по этому вопросу. Вот только выводы, которые неизбежно возникали после изучения этого материала, никак не укладывались в характер той политической ситуации, которая возникла в конце 1979 года после введения в Афганистан Ограниченного контингента советских войск.

Небольшое, по научным меркам, историческое исследование, проведенное Громовым, убедительно свидетельствовало, что Советский Союз втянулся в борьбу с теми самыми, никем издревле не покоренными, горными и кочевыми племенами древней Бактрии и современного Афганистана. То, что эти племена поднимутся против любых пришельцев с оружием в руках, не вызывало сомнения. Ведь если что-то устойчивое и существует в мире, то это именно характер народа, его самосознание. Главным принципом афганских племен всегда было желание жить так, как они существовали из рода в род много столетий подряд, и только потом следовало все остальное, что сейчас мы называем политикой и экономикой…

В том, что все будет именно так, убеждали тридцать с лишним веков описанной учеными истории Афганистана. Сам того не замечая, Борис Громов все глубже погружался в прошлое одного из самых древних государств на земле. История эта была пропитана пряным ароматом восточной сказки…

В XII–XIV веках горные племена — гурцы (позднее афганцы) оставались непокоренными в своих скальных теснинах. По имени этих непобедимых горцев и вся страна от Сулеймановых гор до Бадахшана и Герата стала называться Афганистаном.

В 1217 году обширные земли вплоть до реки Инд вошли в империю хорезмшахов.

Ала-ад-Дин Мухаммед Второй создал огромное государство и провозгласил себя «новым Искандером» — потомком и наследником Александра Великого.

Откуда было знать хорезмшаху о том, что в 1206 году на самом краю обитаемого мира в неведомых монгольских степях на реке Онон состоялся курултай, где местный племенной вождь Темучин, сын Есугея, был провозглашен великим каганом и принял почетный титул Чингисхана.

Чингисхан правил до 1227 года и за это время покорил полмира, пройдя от Тихого океана до Средиземного моря. Подобный масштаб завоеваний не снился самому Александру Македонскому и более никогда в человеческой истории не был достигнут.

В 1219 году монголы обрушились на Среднюю Азию.

Великое государство «нового Искандера» было сметено лавой монгольской конницы.

В 1229 году накатилась вторая волна монгольского нашествия. Некогда многолюдные и богатые земли опустели. Увеличивалось только количество монгольских и тюркских племен, осевших в захваченных странах. Такова была политика монгольских эмиров, позволявшая им править без оглядки на местное население.

Из этих пришлых племен со временем образовался народ хозарейцев, составивший немалую часть населения Афганистана. По традиции предков конные орды хозарейцев совершали жестокие набеги на соседние земли, о чем писал знаменитый путешественник Марко Поло, имевший несчастье попасть к ним в плен.

Язык хозарейцев некогда был монгольским. Немалое влияние монголы оказали и на языки других народностей Афганистана. Так, общим для всех понятием стало слово «джирга» от монгольского «джиргу» — межплеменной суд, «улус» — поселок.

Сопротивление захватчикам, однако, не прекращалось, несмотря на жестокое подавление восстаний. В преданиях гильзаев и других афганских племен сохранились воспоминания о героической борьбе против монголов.

Империя Хулагидов — потомков Чингисхана — постепенно превращалась в слабо управляемую конфедерацию, в которой сформировались не только самостоятельные страны, подобные государству Куртов, образованному племенами гильзаев, но и обширные территории, где бесконтрольно властвовали афганские разбойники, именуемые гинган и хахаран. В течение столетия они грабили купцов, путешественников и послов, направлявшихся с запада в Индию и Китай. Эти разбойничьи государства имели даже свои законы, по которым грабежи должны были совершаться с таким расчетом, чтобы люди и часть товаров все же доходили до пунктов назначения и необходимое разбойникам движение на караванных путях не прекращалось.

В Южном Хорасане заявило о себе первое в средневековой истории «социалистическое» государство сарбадсаров, объединившее мелких феодальных землевладельцев с удивительной для тех времен идеологией — равенства всех людей. Сарбадсары одевались в одинаковую одежду и культивировали общие трапезы. Государство это просуществовало несколько десятков лет, несмотря на яростные попытки Хулагидов сокрушить его. Армия добровольцев, сформированная народным государством, нанесла ряд тяжелых поражений регулярным войскам.

Наконец империя потомков Чингисхана — Хулагидов распалась окончательно.

Государство Куртов обрело независимость и просуществовало еще пол века. За это время бурно расцвел Герат, ставший крупнейшим городом Средней Азии.

Новая беда пришла с севера, где в Самарканде утвердился грозный эмир Тимур. «Тимур и ланг» (Хромой Тимур) — в передаче европейских авторов «Тамерлан».

Один из первых своих походов Тамерлан направил в Куртское государство, разгромил его и овладел Гератом. В отличие от монголов, уничтожавших города, где их войска встречали сопротивление, разрушать Герат Тимур не стал, наоборот, сделал его столицей Хорасана. В этом же походе он уничтожил народное государство сарбадсаров.

Надо заметить, что Тимур с особой свирепостью подавлял любые народные выступления, к примеру восстание ремесленников и бедноты в Исфахане. Тогда он приказал каждому своему воину принести по нескольку отрубленных голов восставших. Из этих голов (70 тысяч!) была сооружена гигантская пирамида.

Почти столетний период правления Тимуридов в Средней Азии стал не только периодом жестоких завоевательных войн, но и временем блестящего расцвета науки, культуры и искусства Средней Азии.

Тимуриды сменяли друг друга, по большей части в результате войн, заговоров и убийств. Междоусобицы опустошали землю, но защищенный неприступными стенами Герат сохранил и приумножил свои богатства. Даже простые горожане в тот период были высококультурными людьми. Как правило, они знали арабский язык и Коран, обладали навыками профессионального чтеца этой священной книги мусульман, свободно ориентировались в старых и новых текстах. В гератском обществе высоко ценились красноречие, знание поэзии, музыки, каллиграфии.

Ярчайшей звездой того времени был Алишер Навои. Поэт, ученый, философ, он оставил неизгладимый след в литературе Афганистана, Средней Азии и всего мира.

По ходу заполнения афганской тетради у Громова начало складываться особенное отношение к различным периодам истории, появились герои, о которых хотелось знать больше. Особенно заинтересовала Громова судьба одного из величайших государей Средневековья Захир ад Дина Мухаммеда Бабура.

История Афганистана XVI века неразрывно связана с именем

и деятельностью этого незаурядного человека.

О жизни великого государя известно многое и прежде всего потому, что сам Бабур, будучи не только неукротимым воином, но и талантливым поэтом, создал единственную в своем роде царственную автобиографию «Бабур-наме». Рассказать же владыке Индии и Азии было о чем. Он воевал всю жизнь, терпел поражения, попадал в плен, спасался бегством, но в итоге все равно побеждал и, наконец, создал государство Великих Моголов, которому не было равных в средневековом мире.

С родной земли (родился Захир ад Дин Мухаммед Бабур в 1483 году в семье властителя Ферганы Тимурида Омар-Шейха) он был изгнан своим родственником и главным врагом Мухаммедом Шейбани, покорившим в те времена почти всю Среднюю Азию.

Бабуру пришлось уходить на юг. С остатками своей армии он сумел преодолеть грозные перевалы Гиндукуша, после чего захватил Кабул.

Афганистан стал второй родиной Бабура. Однако отношения его с афганскими горными племенами складывались весьма напряженно. В своей книге Бабур признается, что ему так и не удалось подчинить непокорных горцев, хотя он многократно устраивал жестокие набеги на эти племена.

Тогда Бабур сделал исключительно сильный политический ход. Он женился на дочери малика Шах-Мансура — вождя одного из самых влиятельных племен Афганистана — юсуфзаев.

Женитьба Бабура на прекрасной Биби Мубарике стала легендой Афганистана. Предание рассказывает, что впервые они встретились на заоблачном перевале Мора, в чудное весеннее время, когда прямо в снегу расцветают яркие горные первоцветы. Девушка, которая хотела увидеть знаменитого Бабура и остаться при этом неузнанной, была одета в одежду каландара — «святого странника».

Женитьба на прекрасной Биби Мубарике подарила Бабуру дружбу афганских племен и мир в государстве. Только после этого у него появилась возможность, не опасаясь за тылы, отправиться в Индию. Заодно Бабур получил в свою армию воинственных горцев, каждый из которых стоил десятка воинов.

С небольшим войском в 12 тысяч человек Бабур вошел в Индию, где правили семь великих государей — пять мусульманских и два индусских. Над всеми возвышался султан Ибрахим из афганской династии Лоди. Он первым выступил против Бабура во главе стотысячного войска и тысячи слонов.

Такое соотношение сил не оставляло, кажется, Бабуру никаких шансов, но в его распоряжении было новейшее по тем

временам оружие — мушкеты и пушки, которыми управлял пришедший на службу Бабуру умелый турецкий мастер Устад Али.

Решающее сражение произошло 12 апреля 1526 года возле города Панипат.

Бабур укрепил свой лагерь цепью связанных ремнями повозок, позади которых были установлены мушкеты и пушки. Войска султана, уверенные в победе над небольшим войском Бабура, ринулись в бой без разведки и попали под кинжальный огонь. Мушкеты и пушки каждым залпом выкашивали настоящие просеки в рядах наступающих.

Ошеломленные громом пушек, слоны метались по полю боя, сокрушая все вокруг. Разгром громадного войска завершила конница Бабура, ударившая с флангов.

Победа была полной — больше 20 тысяч погибших. Среди павших обнаружили и труп самого султана Ибрахима Лоди.

Без серьезного сопротивления Бабур вошел в Дели и Агру. Мечом и золотом (из захваченных хранилищ султана) он подчинил остальных индийских правителей и раздвинул границы своего государства до Бенгалии.

Так возникла крупнейшая держава средневекового мира — государство Великих Моголов.

Бабур всегда любил Кабул, ставший для него второй родиной. В книге «Бабур-наме» много удивительных по красоте поэтических описаний различных уголков Кабульского вилайета. Похоронить себя государь Великих Моголов завещал именно в Кабуле в одном из его тенистых садов, что было исполнено, хотя умер Бабур далеко от Кабула, в индийской Агре.

Могила Бабура располагается в нескольких километрах от окраины старого города у подножия хребта Шердарваза, в парке, носящем имя «Баг-и-Бабур». Могилу осеняют два старинных тенистых чинара, у подножия которых струится сбегающий со склона горы чистый горный ручей.

Бабур оставил после себя великую державу, но государства не вечны и сами Великие Моголы со временем ушли в сумрак прошлого. А вот книга «Бабур-наме» осталась навсегда, поражая современных читателей остротой ума, живой наблюдательностью, а главное, поразительной правдивостью, что особенно выделяет эту царственную книгу из многих ей подобных.

С глубокой грустью познавшего мир человека в завершение своей книги и жизни Бабур признается в отчаянном одиночестве, на которое обречены властители и мудрецы:

Что мне хула, что мне хвала,

что мне, Бабуру, мнение людей!
Цену познав добру и злу,
я одинок до истеченья дней!

Немало в этой великой книге интересных наблюдений и размышлений, посвященных афганским племенам, которые всегда его интересовали. Бабур даже делает первую в истории попытку составить их родословную.

С древних времен известны четыре группы афганских племен, которые называются по именам своих патриархов. Это Сарбани, Батани (или Битани), Гургушт и Каррани (Карлани). Всего племен насчитывается более 380.

Существует легенда, что афганцы — одно из десяти израильских колен, не вернувшееся в Палестину из вавилонского плена. Родословную афганцев по этой легенде возводят к ветхозаветному Иехуде (сыну Иакова) и человеку по имени Афган, сыну царя Саула. Потомки Саула были выдворены Навуходоносором в горные районы Гура, туда, где сейчас располагаются Газни, Кабул и Кандагар. Здесь Кайс — вождь израильтян и потомок Саула в 37-м колене — принял ислам и получил будто бы от самого пророка Мухаммеда имя Абу ар-Рашид (он же Патан). Эта легенда всего лишь одна из многих, но, как говорится, нет дыма без огня, достоверно известно, что в Средние века на территории Афганистана существовали значительные еврейские поселения.

Яркую характеристику горным афганским племенам дает английский путешественник Ричард Стил, который в 1616 году проходил через их территорию на пути из Индии в Персию.

«Эти Кандагарские горы населены свирепым народом, именующим себя агваны или потаны; (они) очень сильны физически, немного белее, чем индийцы, большие разбойники и нередко захватывают целые караваны. Однако ныне, отчасти из страха пред Моголами, но скорее благодаря выгодам, которые приносит им торговля (они поставляют свое зерно, овец и коз, чего у них великое множество, а покупают ткани и другие предметы по необходимости), они усвоили более цивилизованные обычаи. И все-таки, если смогут захватить отбившегося человека сами или (получат его) через других, они продают (пленников) вверх в горы, подрезают им сухожилия ног, чтобы предотвратить побег, и заставляют до конца дней молоть зерно на ручных мельницах и выполнять другие рабские работы».

История Афганистана после Бабура — это история

непрерывных восстаний против власти государства Великих Моголов. Тут для военного человека Громова открылось много интересного в боевой практике горных племен.

Афганцы не раз наносили регулярным войскам государства Великих Моголов чувствительные поражения. Например, в горной теснине, которую замыкает перевал Маландрай, было блокировано и побито камнями, спущенными с крутых склонов, большое и прекрасно вооруженное войско кандагарского наместника Заин Хана. Самому полководцу лишь чудом удалось спастись.

Фактическое образование самостоятельного Афганского государства произошло после грандиозного восстания, которое организовал новый лидер горцев Мир Вайс. Он сумел собрать Великую джиргу, на которой и было принято решение о начале священной войны за освобождение родины. Война эта затянулась на много лет.

В 1747 году в Надирабаде (неподалеку от Кандагара) в мазаре Шир-Сух собралась джирга всех племен для избрания Верховного шаха Афганистана. Восемь раз заседала джирга, но ханы — вожди племен — так и не смогли договориться.

Согласно исторической традиции, когда джирга была собрана в девятый раз, слово взял авторитетный суфий Сабир-шах. Он предложил избрать шахом Афганистана Ахмед-хана.

Ахмед-хан был из знатного рода, но племя его не было крупным и богатым. Ахмед-хан уже успел прославиться, как великий воин и полководец. С предложениями мудрого суфия согласилось большинство по принципу: хоть кого, лишь бы не сильного соседа. Вожди крупных племен были уверены, что при таком шахе страной будут править все-таки они.

В ознаменование избрания первого шаха Афганистана суфий Сабир-шах украсил чалму Ахмед-хана колосом пшеницы.

Ахмед-хан оказался сильным и предприимчивым вождем. Он расширил пределы своего государства, присоединив к нему Газни, Кабул и Пешавар. Однако созданная им обширная Дурандийская держава просуществовала недолго.

После смерти Ахмед-хана на престол вступил его сын Тимур-шах. Он перенес столицу Афганистана в Кабул. Время его правления было относительно спокойным, хотя ему постоянно приходилось отражать попытки сместить его силой или в результате дворцового заговора. Многих опасностей ему удалось избежать, но умер он все-таки не своей смертью.

Наступило смутное время феодальной раздробленности.

Борьбу за объединение и восстановление распавшегося

Афганского государства начал правитель Газни Дост Мухаммед. Этот политик оказался наиболее сильным из многочисленных претендентов на огромное наследство Ахмед-хана.

Он стал правителем Кабула. Создал регулярную армию по европейскому образцу и вооружил ее длинноствольными мушкетами, созданными, кстати, афганскими мастерами. Это оружие оказалось по многим параметрам лучше европейских мушкетов, что выяснилось довольно скоро в войне с англичанами, спровоцированной мировым лидером колониальной политики — Ост-Индской компанией.

Здесь начинается самый интересный для военного человека период истории Афганистана. Время трех тяжелых войн слаборазвитого азиатского государства с величайшей колониальной империей мира — Великобританией.

Англичан не устраивало существование независимого Афганского государства рядом с их владениями в Индии. Но больше всего они опасались, что через Афганистан к их владениям приблизится Россия, которая вела активную политику в Средней Азии. Опасения англичан были не напрасны, так как эмир Афганистана Дост Мухаммед действительно пытался наладить отношения со своим северным соседом. Он направил в Россию делегацию с письмом к императору Николаю I. Русский перевод этого послания не так давно обнаружен в Оренбургском архиве. «…Возвышенное сердце Амира Сахиба (Дост Мухаммеда) обращается к вам, чтобы утвердить между двумя высокими державами мощь дружества и соотношения управления и чтобы тем самым разносторонность превратить в единство».

В ответ на дружеское послание из России в Кабул была направлена миссия во главе с дипломатом Виткевичем.

В марте 1836 года генерал-губернатором Индии стал лорд Окленд. Он направил Дост Мухаммеду ноту, в которой потребовал выслать миссию Виткевича из Кабула и впредь не вступать ни в какие отношения с Россией.

Это послание, выдержанное в тоне приказа, Дост Мухаммед решительно отверг.

К конце 1838 года войска Ост-Индской компании двинулись на Афганистан. Встретив сопротивление, английские колонизаторы повели себя с жестокостью, не уступавшей карательным акциям Чингисхана и Тамерлана.

Англичане вошли в Кабул и посадили на афганский трон послушного им Шуджу. Дост Мухаммед и его семья очутились в плену и были переправлены в Дели. Победа англичан казалась безоговорочной. К огромной индийской колонии прибавилась

еще одна провинция.

Однако с этим не был согласен народ Афганистана. По всей стране начала разгораться партизанская война, в которой отчаянная смелость горцев, великолепное знание местности и уже упомянутые длинноствольные мушкеты уравнивали шансы партизан и английских регулярных войск.

Англичане оказались заперты в нескольких больших городах. Передвигаться по Афганистану они могли не иначе как в сопровождении крупных воинских подразделений.

2 ноября 1841 года в Кабуле вспыхнуло восстание. Руководил им сын Дост Мухаммеда Акбар-хан.

В начале января англичане вынуждены были покинуть Кабул. Этот марш определенно напоминал отступление Наполеона из Москвы. По всему пути английские войска атаковали афганские партизаны, и вскоре огромный обоз, а с ним жены и дети английских офицеров попали в руки афганцев. Акбар-хан объявил, что они стали заложниками, которые могут быть освобождены только в обмен на Дост Мухаммеда и его семью, находящихся в английском плену.

13 января часовые на стенах Джелалабада увидели человека в английском мундире, изорванном в клочья. Он медленно ехал на изможденной лошади. Конь и всадник были жестоко изранены. Это был доктор Брайден — единственный спасшийся из многотысячного Кабульского гарнизона.

Первая Англо-афганская война, начавшаяся в 1838 году, завершилась в 1843-м, когда Дост Мухаммед был возвращен на родину в обмен на английских заложников.

В этой войне победу одержал афганский народ.

После смерти Дост Мухаммеда эмиром Афганистана был провозглашен Шер Али-хан. Это был человек европейски образованный, прекрасно ориентировавшийся в международной обстановке, осведомленный о деятельности Бисмарка и Горчакова. Его идеалом правителя был российский император Петр I. Шер Али-хан мечтал провести столь же решительные реформы и сделать Афганистан развитым государством. Однако в разрозненной и слабоуправляемой стране осуществить это было сложно. К тому же назревала вторая война с англичанами.

21 ноября 1878 года английские войска вновь вступили на территорию Афганистана. Афганцы храбро защищали перевалы, но остановить современную армию не смогли.

20 февраля в Мазари-Шарифе умер Шер Али-хан. Возглавить сопротивление англичанам было некому.

Победа опять казалась полной и безоговорочной. И снова в Кабуле вспыхнуло народное восстание. «Цивилизованные»

англичане, как и прежде, в борьбе с мятежниками не постеснялись использовать методы Чингисхана. В центре Кабула была установлена «Карусель смерти» — вращающаяся виселица, на которой вешали за раз по 15–20 человек. Казненных обмазывали горючим веществом и поджигали.

Колонизаторы еще по первой афганской войне должны были бы помнить, что методы устрашения вызывают у афганского народа не ожидаемый паралич страха, а яростную ожесточенность.

Осенью 1879 года войска генерала Робертса были разбиты под Кабулом. Афганцы научились побеждать даже в прямых столкновениях с регулярной армией англичан.

Неудачи в Афганистане стали одной из главных причин смены правительства Дизраэли в Великобритании. На смену консерваторам пришел кабинет либералов во главе с В. Гладсоном.

В это время эмиром Афганистана стал не склонный к продолжению войны Абдуррахман. С ним англичане заключили мирное соглашение.

Размежеванием территории занималась присланная англичанами миссия во главе с крупным чиновником колониальной администрации Дюрандом. В результате и возникла пресловутая линия Дюранда, проходящая по горным хребтам и разрезающая по живому территории племен, живших и кочевавших в этих местах более двух тысячелетий.

Впрочем, пуштуны не заметили этого раздела, а все попытки англичан превратить отошедшие к ним территории в управляемые успехом не увенчались. Горцы и кочевники продолжали жить по своим законам.

В 1901 году эмиром Афганистана был провозглашен Хабибулла-хан. Образцом правителя он считал российского императора Петра Великого, книгу о котором он еще в детстве прочел в прадедовой библиотеке.

Однако вместо реформ Хабибулле-хану пришлось вести бесконечные войны со своими братьями, которые по старой традиции пытались растащить страну на части; потом отбивать дипломатический натиск англичан, желавших провести через Афганистан телеграфные линии и железную дорогу, а для этого добиться от эмира разрешения покупать землю в Афганистане. Довести свои притязания до боевых действий англичанам помешала Первая мировая война.

Соперничество англичан и немцев, старавшихся втянуть Афганистан в войну на своей стороне, позволили Хабибулле-хану успешно поддерживать нейтралитет.

В начале 1919 года эмир Хабибулла-хан был найден в своем шатре мертвым (обычная история). Как и в большинстве удавшихся дворцовых заговоров, убийца не был найден.

К власти пришел Аманулла-хан, известный своими связями с младоафганским движением, ставившим цель преобразовать феодальный уклад и ввести Афганистан в мир современных государств.

Свое правление Аманулла-хан начал с письма вице-королю Индии лорду Челмсфорду о необходимости пересмотра прежних договоров и восстановлении полной независимости Афганистана.

Ответ вице-короля был вежливым по форме, но оскорбительным по смыслу.

6 мая 1919 года ударные силы английской армии начали движение от Пешавара и Хайберского перевала в Афганистан. Вице-король Индии сосредоточил на границе Афганистана 340-тысячную современную армию.

Однако уже в горах английские войска застряли, встретив ожесточенное сопротивление горных племен. Возможно, боевые действия затянулись бы на длительный срок, но в это время афганская армия под командованием генерала Мухаммеда Надир-хана совершила достойный Ганнибала переход через неприступные горные хребты в районе Хоста (даже артиллерия была переправлена во вьюках, которые несли слоны!), вышла к городу Тал и ударила в тыл англичанам.

Генерал Надир-хан стал героем афганского народа, а успех армии послужил мощным толчком к развитию партизанской войны. Против оккупантов выступили племена вазиров, масудов и дауров, всего более 20 тысяч воинов. Вся английская армия от Хайберского перевала до Белуджистана оказалась скованной боями.

Это была самая короткая Англо-афганская война. 3 июня 1919 года было заключено перемирие.

Огромное значение имело также и то, что в эти дни Красная Армия одержала ряд побед на Закаспийском фронте над английскими интервентами и белогвардейцами и продвинулась до Мары и Кушки.

Молодая Советская республика оказала моральную и дипломатическую поддержку афганскому народу в его освободительной борьбе. В Афганистан была направлена миссия Я. З. Сурица. В его верительной грамоте говорилось, что СНК РСФСР назначает его «Чрезвычайным и Полномочным Представителем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в Центральной Азии, возлагая на него дипломатические отношения с народами независимого

Афганистана, независимыми племенами Белуджистана, Хивы и Бухары и с борющимися за освобождение народами Индии, Кашмира и Тибета». Эта верительная грамота от 23 июня 1919 года была подписана Председателем Совета Народных Комиссаров В. Ульяновым (Лениным).

8 августа 1919 года в Равалпинди был заключен прелиминарный (предварительный) мирный договор, по которому Афганистан стал полностью независимым государством. С этого момента, по сути, началось стремительное разрушение величайшей в мире английской колониальной империи.

На всенародном празднике обретения независимости Афганистана присутствовала известная писательница и журналистка из Советской России Лариса Рейснер. Вот отрывок из ее репортажа:

«Племя садится в круг, прямо на земле. Лучший певец, стоя в середине, поет стих, и барабанщик его сопровождает, точно гортанным смехом, тихой щекочущей дробью.

«Англичане отняли у нас землю, — поет певец, — но мы прогнали их и вернули свои поля и дома».

Все племя повторяет рефрен, а английский посол сидит на пышной трибуне, бледнеет и иронически аплодирует.

«Мы сотрем вас с лица земли, как корова слизывает траву. Вы нас никогда не победите».

Тысячи глаз следят за англичанами: вокруг певца стена молчаливых, злорадно улыбающихся слушателей.

«К счастью, не все европейцы похожи на проклятых ференги, — есть большевики, которые идут заодно с мусульманами».

И толпа смеется, рокочет, теснится к трибунам.

«Большевики» — это они понимают. О большевиках поют песни на окраине мира, на границе Индии. «Большевик» — это звучит гордо и сурово у певца, поднявшего над головой винтовку, — английскую винтовку, снятую после боя с побежденного врага».

Завоевать свободу оказалось проще, чем воспользоваться ее плодами. В Афганистане опять началась ожесточенная борьба за власть, продолжавшаяся целое десятилетие. Во время правления падишаха Бочайи Сакао Афганистан вел враждебную по отношению к РСФСР политику и поддерживал басмачей.

В 1929 году падишахом Афганистана стал герой освободительной войны против англичан генерал Надир-хан (принявший звание Надир-шаха). 24 июня 1931 года в Кабуле был заключен «Договор о нейтралитете и взаимном ненападении

между Союзом Советских Социалистических Республик и Афганистаном». Договор этот был подтвержден в период правления сына Мухаммеда Надир-шаха, действовал во время Великой Отечественной войны и после нее.

Правление афганской королевской династии, которая устояла даже в ожесточенных войнах с англичанами, было традиционно прервано заговором членов семьи монарха…

Выводы, которые Громов внес в свою афганскую тетрадь, в итоге этого весьма познавательного чтения, как говорится, напрашивались.

Политический процесс в условиях Центральной Азии — это бесконечная череда заговоров, дворцовых переворотов и убийств, которые нередко сопровождались длительными и ожесточенными войнами между претендентами на престол. Процесс этот, весьма условно прикрытый лозунгами о создании справедливого народного государства, продолжается по сей день.

Второй важный вывод состоял в том, что основная масса афганского народа продолжает жить, как и тысячи лет назад, в примитивных условиях родоплеменного строя и простым людям, в принципе, не так уж и важно, кто правит в большом городе Кабуле. При этом свободолюбивые горные и кочевые племена в случае внешней агрессии все как один встают против незваных гостей и сражаются, не щадя жизни. То, что за многие тысячелетия никому так и не удалось их подчинить, говорит, что подобные попытки и сейчас делать не следует.

Понятно, что ни одна страна на свете не может остановиться в своем социальном развитии. Перемены в Афганистане назревали. Монархическое правление оказалось неспособным наладить нормальное развитие страны в современном быстро меняющемся мире.

С 1965 года в стране начала действовать и набирать силу Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Партия предложила программу, которая была направлена на улучшение жизни народа и достаточно понятные, пользующиеся широкой поддержкой, демократические реформы.

Летом 1973 года, на третий день своего пребывания с визитом в Париже афганский король Захир-шах узнал о том, что он низложен. Организатором переворота оказалась, однако, не НДПА, а Мухаммед Дауд — двоюродный брат короля и премьер в его правительстве.

Переворот, организованный Мухаммедом Даудом, ничего, по сути, не изменил. Более того, за то небольшое время, пока новый

правитель находился у власти, уровень жизни народа, и без того один из самых низких во всем арабском мире, упал более чем в два раза. Не удивительно, что время правления М. Дауда было отмечено ростом оппозиционных настроений. В 1978 году наступил кризис.

Одна за другой были совершены три попытки свержения существующей власти и наконец лидеры Народно-демократической партии Афганистана совместно с несколькими воинскими подразделениями сумели захватить власть в стране.

Мухаммед Дауд был смещен, Афганистан объявлен демократической республикой.

И тут же, по неискоренимой афганской традиции, в правительстве демократического Афганистана началась борьба за власть. Борьба эта привела к расколу НДПА на два крыла, две партии: «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»). Фракционная борьба партий спровоцировала гражданскую войну, в которую втянулись не только племена и народы Афганистана, но и соседи этой многострадальной страны.

Все это стало понятно несколько позже, а 27 апреля 1978 года Советский Союз радостно приветствовал рождение первого в Центральной Азии социалистически ориентированного государства.

Сам факт его возникновения убедительно опровергал утверждения идеологических противников Советского Союза о том, что коммунистическая идея исчерпала свой потенциал. К тому же территория социалистического лагеря расширялась именно в том направлении, куда в последние годы были устремлены интересы стратегического соперника СССР — Соединенных Штатов Америки.

Руководитель нового государства Генеральный секретарь НДПА Н. М. Тараки говорил на понятном советскому руководству языке. Он утверждал, что отсталый Афганистан сумеет одним гигантским прыжком преодолеть пропасть между дремучим феодализмом и социализмом, и выражал уверенность, что братский Советский Союз окажет молодой республике всю возможную помощь на этом нелегком пути.

Дружеские отношения, возникшие между нашей страной и Афганистаном после апрельской революции, можно было расценивать как стратегическую победу социалистического содружества, показывающую всем западным странам, что их притязаниям на влияние в странах третьего мира могут быть поставлены жесткие ограничения.

К 1978 году Советский Союз накопил богатый опыт поддержки своих партнеров. Не останавливалось советское

правительство и перед прямым применением военной силы в Венгрии и Чехословакии. Обширную военную помощь Советский Союз оказывал своим друзьям в самых разных уголках мира — на Кубе, в Африке и во Вьетнаме. Нет ничего удивительного в том, что буквально с первых дней после апрельской революции и в Афганистан непрерывным потоком пошла советская помощь.

Однако уже через год, весной 1979 года, всем стало понятно, что в Афганистане по полной программе разворачивается гражданская война. Пришедшая к власти Народно-демократическая партия вынуждена вести борьбу на два фронта — против стремительно набирающей силу контрреволюции и идеологического раскола («Хальк» и «Парчам») в собственных рядах.

15 марта вспыхнули мощные антиправительственные выступления в Герате. Во главе мятежа стояли выходцы из пуштунских племен (наиболее многочисленной народности Афганистана). Мятеж был поддержан рядом армейских подразделений. Следом раскрыт обширный заговор в Джелалабадском гарнизоне. Такое развитие событий вызвало серьезную озабоченность не только в Кабуле, но и в Москве.

Озабоченность эта в конечном счете привела к тому, что советское руководство приняло решение о вводе войск в Афганистан. Акция была спровоцирована слабостью афганского руководства, политическими и идеологическими интересами самого Советского Союза, его стареющего и не склонного к глубокому анализу руководства.

Глава вторая
ПОЛИТБЮРО

Подробности ввода советских войск в Афганистан стали известны не так давно, когда приоткрылись святая святых — архивы ЦК КПСС. Открылись ненадолго, с тем чтобы опубликовать то, что было угодно власти, сменившей коммунистов, после чего архивы снова закрылись не менее глухо, чем раньше. Но в этот короткий промежуток удалось прочесть протоколы заседаний Политбюро, связанные с оказанием помощи правительству и народу Демократической Республики Афганистан.

Получить сверхсекретные протоколы смог бывший командующий 40-й армией Борис Всеволодович Громов. Он первым и опубликовал их в своей книге «Ограниченный контингент».

17 марта 1979 года Брежнев позвонил Кириленко из своего кабинета на даче и заговорил о событиях в Афганистане.

«Это не терпит отлагательства, — сказал он, — собирайте Политбюро. Я приеду завтра».

На спешно собранном заседании Политбюро основным докладчиком был А. А. Громыко. Утром он успел переговорить по телефону с главным военным советником Гореловым и временным поверенным в делах Алексеевым. Советские представители сообщили, что ситуация в Афганистане последние дни значительно обострилась. Центром волнений стал город Герат, где за порядок отвечала 17-я дивизия афганской армии.

Дивизия эта по существу распалась. Артиллерийский и пехотный полки, входящие в ее состав, перешли на сторону восставших и ударили по своим. Банды диверсантов и террористов, просочившиеся с территории Пакистана, без помех бесчинствуют по всей провинции. К бандитам примкнула внутренняя контрреволюция. Во главе восставших, а их буквально тысячи, стоят религиозные деятели.

После этого у Громыко состоялся разговор с министром иностранных дел и заместителем Тараки, Амином, который не высказал особой тревоги относительно положения в Афганистане. Амин был убежден, что армия все контролирует. Главное, считал он, что не зарегистрировано ни одного случая неповиновения губернаторов. То есть все губернаторы на стороне законного правительства. У Громыко возникло подозрение, что Амин не в

полной мере владеет ситуацией, сложившейся к настоящему времени. На самом деле, по докладам находящихся в Афганистане советских специалистов, положение в Герате и в ряде других мест тревожное, там беспрепятственно орудуют мятежники.

В середине дня стало известно, что главного военного советника Горелова и поверенного в делах Алексеева пригласил к себе Тараки. Он был настроен совсем не так благодушно, как Амин, и попросил ускорить помощь военной техникой, боеприпасами и продовольствием. Тараки сказал, что, может быть, потребуется помощь по земле и по воздуху. Это надо понимать так, что, возможно, потребуется ввод в Афганистан советских войск, как сухопутных, так и воздушных.

Заключая свое выступление, А. А. Громыко сказал:

— Считаю, что нам при оказании помощи Афганистану нужно будет прежде всего исходить из главного, а именно: *мы ни при каких обстоятельствах не можем потерять Афганистан.* Вот уже 60 лет мы живем в мире и добрососедстве. И если сейчас Афганистан мы потеряем, и он отойдет от Советского Союза, это нанесет сильный удар по нашей политике.

В обсуждении приняли участие Кириленко, Устинов, Андропов, Пономарев.

Слово взял Косыгин:

— Проект постановления, который был представлен, надо серьезно исправить. Прежде всего не нужно нам растягивать поставку вооружений до апреля, надо делать все сейчас, немедленно, в марте. Это первое.

Второе, надо как-то поддержать морально руководство Афганистана, и я бы предложил провести такие меры: сообщить Тараки, что мы поднимаем цену на газ (закупаемый Советским Союзом у Афганистана) с 15 до 25 рублей за тысячу кубометров. Это даст возможность за счет повышения цен покрыть издержки, которые у них имеются в связи с приобретением оружия и других материалов. Нужно, по-моему, дать Афганистану бесплатно это оружие и никаких 25 процентов не называть.

И третье, мы намечаем дать им 75 тысяч тонн хлеба. Я думаю, надо пересмотреть это и поставить Афганистану 100 тысяч тонн. Вот эти меры, мне кажется, следовало бы внести в проект постановления, и таким образом мы поддержали бы афганское руководство морально. За Афганистан нам нужно бороться, все-таки 60 лет мы живем душа в душу. Поэтому я считаю, нам нужно принять товарищеское постановление и серьезно помочь афганскому руководству. Об оплате говорить сейчас не следует, тем более в свободно конвертируемой валюте.

Какая у них свободно конвертируемая валюта, мы с них все равно ничего не получим.

Я хочу поднять вопрос: все-таки, что ни говорите, как Тараки, так и Амин скрывают от нас истинное положение вещей. Мы до сих пор не знаем подробно, что делается в Афганистане. Как они оценивают положение? Ведь они до сих пор рисуют картину в радужном свете, а на самом деле мы видим — какие там делаются дела. Люди они, видимо, хорошие, но все-таки многое они от нас утаивают. В чем причина, понять трудно. Я считаю, что нам нужно будет решить вопрос с послом, Андрей Андреевич, скорее. Фактически нынешний посол не является авторитетным, и он не делает того, что полагается.

Кроме того, я бы считал необходимым направить дополнительное количество квалифицированных военных специалистов, пусть они там подробно узнают, что делается в армии.

Далее, я бы счел необходимым принять более развернутое политическое решение. Может быть, проект такого решения разработают товарищи из МИДа, Министерства обороны, КГБ, Международного отдела. Ясно, что Иран, Китай, Пакистан будут выступать против Афганистана, всеми мерами и способами мешать законному правительству и дискредитировать все его действия. Вот здесь и потребуется как раз наша политическая поддержка Тараки и его правительству. Конечно, и Картер будет тоже выступать против руководства Афганистана.

С кем нам придется воевать в случае введения войск, кто выступит против нынешнего руководства Афганистана? Они же все магометане, люди одной веры, а вера у них настолько сильна, религиозный фанатизм настолько бушует, что они могут сплотиться на этой основе. Мне кажется, что надо нам и Тараки, и Амину прямо сказать о тех ошибках, которые они допустили за это время. В самом деле, ведь до сих пор у них продолжаются расстрелы несогласных с ними людей. Почти всех руководителей не только высшего, но даже и среднего звена из партии «Парчам» они уничтожили. Конечно, сейчас нам трудно сформулировать политический документ, для этого надо будет поработать товарищам, как я уже сказал, дать срок три дня.

Я считаю, что не следует афганское правительство подталкивать на то, чтобы оно обращалось к нам относительно ввода войск. Пусть они у себя создадут специальные части, которые могли бы быть переброшены на более острые участки для подавления мятежников.

Устинов. У нас разработаны два варианта относительно военной акции. Первый состоит в том, что мы в течение одних

суток направляем в Афганистан 103-ю воздушную дивизию и перебросим пехотно-моторизованный полк в Кабул, а к границе будет подтянута 69-я моторизованная дивизия, а 5-я мотострелковая дивизия находится у границы. Таким образом, за трое суток мы будем готовы к направлению войск. Но политическое решение, о чем здесь говорили, нам нужно будет принять.

Андропов. Политическое решение нам нужно разработать и иметь в виду, что на нас наверняка повесят ярлык агрессора, но, несмотря на это, *нам ни в коем случае нельзя терять Афганистан.*

Пономарев. К сожалению, мы многого не знаем об Афганистане. Мне кажется, что в разговоре с Тараки надо поставить все вопросы и, в частности, пусть он скажет, каково положение в армии и в стране в целом. У них ведь стотысячная армия и при помощи наших советников эта армия могла бы сделать очень многое. А то какие-то 20 тысяч мятежников одерживают победу. Прежде всего нужно сделать все необходимое силами афганской армии, а потом уже, когда действительно возникнет необходимость, вводить наши войска.

Косыгин. У всех нас единое мнение — Афганистан отдавать нельзя. Отсюда — нужно разработать прежде всего политический документ, использовать все политические средства, для того, чтобы помочь афганскому руководству укрепиться, оказать помощь, которую мы сейчас уже наметили, и как крайнюю меру оставить за собой применение военной акции.

Громыко. Я хочу еще подчеркнуть, что главное, о чем мы должны обстоятельно подумать, это дать ответ, как мы будем реагировать в случае критической обстановки. Тараки уже говорит о тревоге, а Амин пока что высказывает оптимистические настроения. Одним словом, как вы видите, афганское руководство, по-моему, неправильно оценивает положение дел в армии и в стране в целом.

Пономарев. Афганская армия совершила революционный переворот, и я думаю, что при умелом руководстве со стороны правительства она твердо могла стоять и стоит на позициях защиты страны.

Кириленко. Дело в том, что многих командиров в армии посадили и расстреляли, что оказало большое негативное влияние на армию.

Громыко. Одной из важных задач является укрепление армии, это основное звено. Ориентировку надо держать на политическое руководство страны и армию. И все же надо сказать, что афганское руководство многое от нас скрывает. Оно как-то не хочет быть откровенным с нами. Это очень печально.

Андропов. Мне кажется, что нам надо проинформировать об этих мероприятиях социалистические страны.

Кириленко. Мы много уже говорили, товарищи, мнения у нас ясны, давайте подведем итог.

1. Надо будет поручить т. Косыгину уточнить документ, который представлен, записать туда поставки 100 тысяч тонн хлеба, увеличение цены за газ с 15 до 25 рублей, снять вопрос о процентах, о твердой валюте и т. д.

2. Нужно будет поручить т. Косыгину переговорить с т. Тараки, как они оценивают положение в Афганистане и что от нас требуется. При разговоре с Тараки т. Косыгину руководствоваться состоявшимся на Политбюро обменом мнениями.

3. Третий вопрос, о котором здесь говорили, заключается в том, чтобы поручить тт. Громыко, Андропову, Устинову, Пономареву разработать политический документ с учетом обмена мнениями о нашей линии в отношении Афганистана.

4. Нам надо обратиться к Пакистану по линии МИД с тем, чтобы пакистанское правительство не допускало вмешательства во внутренние дела Афганистана.

5. Я думаю, что мы должны согласиться с предложением т. Устинова относительно помощи афганской армии в преодолении трудностей, с которыми она встретилась, силами наших воинских подразделений.

6. Послать в Афганистан хороших военных специалистов как по линии Министерства обороны, так и по линии КГБ для подробного выяснения обстановки, сложившейся в афганской армии и вообще в Афганистане.

7. В нашем проекте постановления должен присутствовать пункт о подготовке материалов, разоблачающих вмешательство во внутренние дела Афганистана со стороны Пакистана, Ирана, США, Китая, и этот материал публиковать через третьи страны.

8. Поручить тт. Пономареву и Замятину подготовить материалы относительно вмешательства Пакистана, США Ирана, Китая и других стран против Афганистана и направлять этот материал для печати по мере его готовности.

9. Нужно продумать внимательно, как будем отвечать на те обвинения, которые могут выдвинуть другие страны против СССР, когда нас будут обвинять в агрессии и т. д.

10. Надо будет разрешить Министерству обороны развернуть две дивизии на границе между СССР и Афганистаном. И наконец, как здесь предлагали, нужно будет нам проинформировать социалистические страны о тех мероприятиях, которые мы наметили.

Есть ли другие предложения у товарищей?

Все. Здесь все учтено.

Таким было первое заседание Политбюро по Афганистану. Из того, что тут приведено, читатель может почувствовать тревожную атмосферу совещания, понять распределение ролей в высшем органе руководства страной. За несколько месяцев, которые оставались до введения на территорию Афганистана Ограниченного контингента советских войск, таких заседаний состоялось немало.

Уже на первом заседании определяются позиции. Ясно, что идею ввода войск в Афганистан поддерживают Устинов и Кириленко. Громыко больше озабочен политической и международной ситуацией. Андропов в основном информирует собравшихся и с большой озабоченностью размышляет о том, что в случае ввода войск на нас неминуемо будет навешен ярлык агрессора. Пономарев напоминает о том, что в распоряжении афганского правительства находится 100-тысячная армия и это очень странно, что регулярная армия не может самостоятельно справиться с мятежниками.

Хотя заседание ведет Кириленко, самый авторитетный член Политбюро, несомненно, Алексей Николаевич Косыгин. Его выступления наиболее содержательны. Позиция взвешена. Он не отметает возможности ввода войск, но видит ее, как последнее средство, на которое Советский Союз вынужден будет пойти, так как — *Афганистан мы не имеем права потерять.* Эта мысль и есть основное содержание заседания Политбюро по положению в Афганистане.

На следующий день состоялся разговор Алексея Николаевича Косыгина с Нур Мухаммедом Тараки.

На вопрос о положении дел в стране Н. М. Тараки ответил, что положение нехорошее и все более ухудшается. В Герат из Пакистана заброшено более 4 тысяч военнослужащих в гражданской одежде и теперь уже почти вся 17-я пехотная дивизия находится в руках врага. Вся пропаганда мятежников построена на шиитском лозунге: «Не верьте безбожникам, идите за нами».

Тараки напрямую предложил советскому руководству не ограничиваться только пропагандистской и практической помощью, но поставить на советские танки и самолеты афганские знаки и переправить их в Афганистан. Так как правительственные войска не имеют необходимого количества специалистов, Тараки просит прислать вместе с танками и самолетами экипажи, составленные из советских таджиков, узбеков, туркменов, переодетых в афганскую форму, тогда никто ничего не узнает.

Косыгин ответил прямо и жестко, что о такой акции не может быть и речи. Весь мир будет говорить об этом маскараде уже через два часа. В ходе разговора А. Н. Косыгину так и не удалось получить от руководителя Афганистана полной и откровенной информации о происходящем. Становилось понятно, что Тараки рассчитывает усмирить страну с помощью советских войск и будет добиваться их ввода в явной или тайной форме.

На следующем заседании Политбюро обсуждался состоявшийся разговор. Он произвел на всех тяжелое впечатление. Настроение решительно изменилось.

Андропов. Я, товарищи, пришел к такому выводу, что нам нужно очень серьезно продумать вопрос о том, во имя чего мы будем вводить войска в Афганистан. Для нас совершенно ясно, что Афганистан не подготовлен к тому, чтобы сейчас решать все вопросы по-социалистически. Я считаю, что мы не сможем удержать революцию в Афганистане только с помощью своих штыков, это совершенно недопустимо. Мы не можем пойти на такой риск.

Громыко. Я полностью поддерживаю предложение т. Андропова о том, чтобы исключить такую меру, как введение наших войск в Афганистан. Армия там ненадежная. Таким образом наша армия, которая войдет в Афганистан, будет агрессором. Против кого она будет воевать? Да против афганского народа прежде всего и в него надо будет стрелять. Правильно отметил т. Андропов, что именно обстановка в Афганистане для революции не созрела, и все, что мы создали за последние годы с таким трудом в смысле разрядки международной напряженности, сокращения вооружений и многое другое — все будет отброшено назад.

Кириленко. Мы дали ему все. А что из этого? Ничего не пошло на пользу. Это ведь они учинили расстрелы ни в чем не повинных людей и даже говорят нам в свое оправдание, что якобы мы при Ленине тоже расстреливали людей. Видите ли, какие марксисты нашлись!

Черненко. Если мы введем войска и побьем афганский народ, то будем обязательно обвинены в агрессии. Тут никуда не уйдешь.

В конце обсуждения А. Н. Косыгин сделал предложение пригласить в ближайшие дни товарища Тараки на переговоры и сообщить ему, что Советский Союз будет поддерживать афганскую революцию всеми способами, исключая ввод войск…

Следующее заседание Политбюро проходило уже с участием Л. И. Брежнева, который открыл его следующими словами:

«Товарищи, я с самого начала событий, которые развернулись в Афганистане, был осведомлен о них. Я проинформирован о беседах т. Громыко А. А. с Амином и т. Устинова Д. Ф. с тем же Амином о последних событиях, которые развертывались там в течение вчерашнего дня, и в связи с этим — о беседе т. Косыгина А. Н. с т. Тараки…

Был поставлен вопрос о непосредственном участии наших войск в конфликте, возникшем в Афганистане. Мне кажется, что правильно определили члены Политбюро, что нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну.

Надо объяснить т. Тараки и другим афганским товарищам, что мы можем помочь им во всем, что необходимо для ведения всех этих действий в стране. Участие же наших войск в Афганистане может нанести вред не только нам, но и прежде всего им».

20 марта Тараки прилетел в Москву. С благодарностью выслушивая обещания советской стороны оказать Афганистану всю возможную помощь, он настойчиво повторял, что самое главное — это советские солдаты. Именно они, по его мнению, могут спасти Афганскую революцию, которая оказалась на краю пропасти.

Длительные переговоры, вначале с А. Н. Косыгиным, А. А. Громыко, Д. Ф. Устиновым, Б. Н. Пономаревым, а вечером с Л. И. Брежневым, ничего не изменили. Стороны остались при своем мнении. Однако Л. И. Брежнев со всей определенностью высказался по вопросу об участии советских войск: *ни вводить войска, ни заявлять публично о том, что они не будут введены, не следует.*

Политическая ситуация в Афганистане продолжала обостряться. Вооруженным отрядам оппозиции в ряде провинций удалось захватить населенные пункты и целые районы. Упорные бои разгорелись под Джелалабадом. Бандформирования чувствуют себя там настолько уверенно, что совершают нападения на гарнизоны правительственных войск.

Главный военный советник Л. Горелов сообщал в ЦК КПСС и Министерство обороны о настоятельной просьбе Н. М. Тараки прислать хотя бы 15–20 советских боевых вертолетов *с экипажами* для недопущения мятежных формирований оппозиции в центр страны.

Политбюро пришло решение о нецелесообразности участия советских экипажей боевых вертолетов в подавлении контрреволюционных выступлений на территории Афганистана.

Позиция Политбюро по-прежнему однозначна. Войска

вводить не следует… Однако позади ясных доводов, подтверждающих правоту этого решения, подобно надвигающейся грозе, поднимается и нависает неотступная забота: *мы не имеем права потерять Афганистан.*

Вновь об этом заговорил министр обороны Д. Ф. Устинов, но поддержки не получил. Правда, решительно возражал только А. Н. Косыгин. Большинство промолчало.

В начале лета вооруженные отряды мятежников перекрыли дорогу Гардез — Хост. Почти вся территория вдоль пакистанской границы контролировалась отрядами оппозиции.

Резко возросла боевая деятельность отрядов кочевых племен на востоке и северо-востоке страны. Крупное вооруженное выступление произошло в столичном пригороде Тарахель. Отряд мятежников даже пытался ворваться в Кабул.

В Москве с нарастающей тревогой следили за происходящими в Афганистане событиями, но пока ограничивались увеличением поставок вооружений и боевой техники. Понятно было, что все это работает в Афганистане не более чем на треть своих возможностей. Специалистов по обслуживанию вооружений, а главное тех, кто мог это вооружение и технику профессионально использовать, остро не хватало.

Попытки правительственных войск взять под контроль дорогу Гардез — Хост не увенчались успехом. Стратегическая трасса оставалась в руках мятежников. Ожесточенные бои в этом районе продолжались.

Юго-западнее Гардеза 59-й пехотный полк правительственных войск подвергся внезапному нападению моджахедов. До двух батальонов полка было рассеяно.

Напряженное положение сохранялось в провинции Пактия, где отмечена резкая активизация боевых отрядов мятежных племен джадран и мангал.

По сообщениям из правительства Афганистана, ситуация развивалась таким образом, что в ближайшем будущем грозила стать неконтролируемой…

Постепенно в Политбюро послышались голоса, предлагающие пересмотреть утвержденное решение Политбюро о нецелесообразности введения войск в Афганистан. Складывалось впечатление, что сам Л. И. Брежнев, под влиянием Устинова и Кириленко, склоняется к этому… Только А. Н. Косыгин по-прежнему открыто выступал против введения войск.

На основании устных указаний маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова начиная с осени было отдано более тридцати директив, согласно которым на территории Среднеазиатского и

Туркестанского военных округов было развернуто около 100 соединений, частей и учреждений. Из этого можно сделать вывод, что группировка сторонников ввода войск в Политбюро начала действовать, не дожидаясь официального пересмотра принятого решения.

Для обоих южных военных округов это было самое крупное мобилизационное развертывание за последние полвека.

Только 24 декабря на совещании руководящего состава Министерства обороны СССР было объявлено о принятии советским руководством решения о вводе войск в Афганистан.

Мысль о том, что мы можем потерять Афганистан, который тут же окажется под контролем США, перевесила все прочие доводы. Роковое решение было принято.

25 декабря в 15.00 советско-афганскую границу перешел отдельный разведывательный батальон 108-й мотострелковой дивизии. Одновременно с разведчиками границу пересекли самолеты военно-транспортной авиации с личным составом и боевой техникой 103-й воздушно-десантной дивизии. Десантники высадилась на кабульском аэродроме.

Основная масса войск вошла в Афганистан по двум направлениям. Первое: Термез — Кабул — Газни. Второе: Кушка — Герат — Кандагар. Перед ними была поставлена цель — взять под контроль основные дороги и опоясать охранным кольцом наиболее важные административные центры страны.

В январе встал вопрос, как называть советские войска в Афганистане. Просто 40-й армией было бы не совсем правомерно, поскольку в ее состав были включены соединения и части центрального подчинения.

По предложению министра обороны Д. Ф. Устинова было утверждено наименование: «Ограниченный контингент советских войск в Афганистане (ОКСВ)».

Почти сразу после ввода войск в Афганистан, в январе 1980 года, А. Л. Адамишин (в будущем заместитель министра иностранных дел России, Чрезвычайный и Полномочный посол) под впечатлением совещания у министра иностранных дел СССР А. А. Громыко записал в своем дневнике:

«Ввели мы войска в Афганистан. На редкость неудачное решение! О чем они думают? Видимо, друг перед другом упражняются в твердости. Мол, мускулы показываем. На деле же это — акт слабости, отчаяния. Гори он синим огнем, Афганистан, на кой хрен ввязываться в совершенно проигрышную ситуацию? Растрачиваем свой моральный капитал, перестанут нам верить совсем. Со времен Крымской войны прошлого века не были мы в такой замазке: все враги, союзники слабые и малонадежные. Если

уж они сами не могут управлять своей страной, то не научим мы их ничему, с нашей дырявой экономикой, неумением вести политические дела, организовывать и т. д. Тем более что ввязываемся, судя по всему, в гражданскую войну, хотя и питаемую извне. Неужели урок Вьетнама ничему не научил? Ну куда нам играть роль мирового спасителя, определиться бы как следует, что мы все-таки хотим во внешних (как и внутренних) делах. Но страшно то, что вроде не этим заняты руководители. Их забота — удержаться у власти, внутренние комбинации, демонстрация идеологической принципиальности, в которой мы, кстати, тоже запутались… Акция с Афганистаном — квинтэссенция наших внутренних порядков. Экономические неурядицы, боязнь среднеазиатских республик, приближающийся съезд, привычка решать проблемы силой, догматизм в идеологии — какая там социалистическая революция, какие революционеры, темень та же, что и все. Какая им помощь! С королем-то было лучше всего, слушался».

Политические последствия военной акции, которые предвидели и опасались многие члены Политбюро КПСС, появились буквально на следующий день. Советский Союз оказался в полной международной изоляции. С этого момента наша страна вынуждена была уйти в глухую оборону, которая продолжалась до весны 1989 года, когда был осуществлен вывод советских войск из Афганистана.

Глава третья
ПЕРВАЯ КОМАНДИРОВКА

16 января 1980 года вечером Борису Всеволодовичу Громову позвонил командир корпуса и сообщил, что министром обороны подписан приказ, согласно которому он назначается начальником штаба дивизии, находящейся сейчас в Кабуле. Через четыре дня ему надлежит явиться в штаб Туркестанского военного округа и затем улететь в Афганистан. «Действуй. Успеха!» — добавил он сухо, и на том разговор окончился.

Вечером, вернувшись домой, Громов рассказал жене о командировке. Разговор получился невеселым. Ехать придется без семьи, и он не мог даже приблизительно сказать Наташе, насколько они расстаются.

Обычно офицер, которого планировали перевести на новое место службы, заранее узнавал об этом по различным каналам. Борис Громов был уверен, что в ближайшем будущем какие-либо перемещения его не ожидают. Несмотря на периодически возникавшие сложности, он вполне нормально двигался по служебной лестнице. Всего за восемь лет после окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе ему удалось пройти путь от командира батальона до начальника штаба дивизии. Путь, который для большинства офицеров укладывается в целую жизнь. Карьера Громова выглядела настолько успешной, что даже разнеслась легенда о том, что он племянник одного из заместителей министра обороны.

Новое назначение выглядело довольно странно. Переводили на равноценную должность да еще Бог знает куда. Что это? Своеобразное обещание новых перспектив? Но каких? Или, на это похоже больше всего, ссылка. Но за что?

В штабе Туркестанского военного округа, в Ташкенте, Громова принял командующий генерал-полковник Юрий Павлович Максимов. Неторопливо и подробно генерал-полковник рассказал Громову о предстоящей службе в Афганистане. Здесь впервые не из путаных слухов и сообщений зарубежных радиостанций, а из уст крупного военного руководителя Громов узнал о том, что запланированная бескровная охранная операция превращается в настоящую войну. Что он должен готовиться к проведению боевых операций, которые в отличие от учений будут связаны с реальными, а не условными жертвами. Тогда же впервые услышал предположение, что война эта будет все больше ожесточаться и продолжится, возможно, не один год.

Встреча запомнилась откровенностью, но больше всего нескрываемой заботой и теплотой, которую достаточно редко случается встречать в среде высшего армейского командования. Как же важен такой разговор для человека, уходящего в неведомый, полный грозных опасностей, мир войны!..

Зато в других отделах штаба округа, где ему пришлось побывать, на Громова смотрели так, будто видели в последний раз. Чувствовалось, что тут ожидают потерь людей и техники. Значит, впереди действительно война.

Аэродром, с которого Громов вылетал в Кабул, находился неподалеку от Ташкента. На летном поле, ежась от утреннего морозца, стояли десятка два офицеров. Все с пистолетами и автоматами. Это были, как он понял, афганские «старослужащие», возвращавшиеся в свои части. Несколько человек, как и он, были без оружия и, видимо, тоже направлялись к новому месту службы. Однако на полевой форме ни у кого не было видно знаков различия, и только он был в форменной шинели с погонами и полковничьей папахе. Знали бы они, что в чемодане у него лежит еще и парадная форма!

Как можно незаметнее Громов снял каракулевую папаху и достал из чемодана скромную зимнюю шапку.

Его манипуляций, похоже, никто не заметил. Люди были непривычно молчаливы и погружены в себя. Все ожидали команды на посадку. Никаких загранпаспортов и виз не было в помине. В самолет садились по списку.

Летели в санитарном Ил-18 с медицинскими носилками вдоль бортов вместо кресел. Тоже недвусмысленный знак войны.

В Баграме, самом крупном аэродроме на территории Афганистана, были уже не знаки, а настоящая пулеметная и автоматная стрельба неподалеку от взлетно-посадочной полосы. Что там происходило, никто толком объяснить не мог. Летчики пожимали плечами и говорили, что в последние дни стрельба слышна очень часто.

В Баграме пришлось заночевать. Вылета на Кабул не давали.

Спали в самолете на тех самых медицинских носилках. Вот тут Громов на себе испытал прелести так называемого резко-континентального афганского климата. Ночью грянул настоящий мороз, градусов за двадцать. Спал, не снимая шинели, и хорошо еще, что у летчиков нашлись подушка и одеяло.

Утро было солнечным. Горы голубой стеной поднимались вокруг аэродрома. Вчера вечером по прилете Громов их не заметил. Вершины ослепительно сияли под утренним солнцем. Чистый, даже сладкий какой-то, воздух высокогорья хотелось пить, как родниковую воду. Так получилось, что война теперь

слилась в ощущениях Бориса Громова с голубым холодом горных вершин, полыхающим красным рассветом, ревом прогреваемых авиационных двигателей и уже не страшной при утреннем свете автоматной стрельбой…

Штаб 40-й армии располагался во времянках-вагончиках у подножия холма, на котором стоял дворец Амина, сильно пострадавший после штурма.

Командующий генерал-лейтенант Юрий Владимирович Тухаринов оказался человеком запоминающимся. Высокий, худой, немного сутулый, внешне он слегка напоминал Дон Кихота. Однако командиром был волевым, требовательным и совершенно лишенным расслабленной мечтательности идальго из Ламанчи.

На долю этого генерала выпал сложнейший период. 40-я армия, до самого ее развертывания перед вводом в Афганистан, существовала только на бумаге. Этой армии, сформированной на первых порах из запасников, призванных как бы на учения, довелось осуществить операцию входа на территорию сопредельного государства, а затем до самой замены на кадровых военнослужащих, удерживать занимаемые плацдармы в условиях реальной и постоянно обостряющейся боевой обстановки.

Такое странное решение было принято политическим руководством страны, пребывавшим в полной уверенности, что советские войска непременно окажутся в «дружеском окружении». Неприятностей ждали откуда угодно и прежде всего от заклятых друзей США и НАТО, но только не от самого братского афганского народа (хотя и опасались, что в последующем столкновения возможны с «религиозниками»).

Практически на пустом месте генералу Тухаринову пришлось создавать механизм управления армией, отлаживать связи и взаимодействие с правительственными войсками республики и руководством Афганистана. Надо сказать, что он с этой задачей справился. Справились со своей задачей и вырванные из мирной жизни резервисты. Ввод стотысячного контингента и громадного количества техники на чужую, незнакомую территорию — сложнейшая боевая задача даже для подготовленной регулярной армии — прошел вполне успешно.

Генерал Тухаринов принял Громова в своем вагончике-времянке. Все помещение было завалено картами, и когда Тухаринов предложил Громову сесть, тому пришлось переложить на другой стул кипу бумажных рулонов.

По темным кругам под глазами можно было догадаться, что генерал спит урывками. Разговор получился недолгим и вполне официальным, к тому же постоянно прерывался телефонными звонками.

Некоторые телефонные разговоры вызвали у Громова удивление. Кто-то докладывал командующему, что занял со своим подразделением какой-то плацдарм.

— Ну-ка, давай по карте, — генерал развернул карту, нашел указанное место и начал дотошно расспрашивать, как размещены огневые почки и где первая, вторая роты, как расположены окопы, склады и блиндажи.

«Странно, — думал Громов. — Надо сильно не доверять командирам, чтобы обсуждать на уровне командующего армией вопросы, которыми должен заниматься командир батальона. Неужели они сами там не смогут решить, где расположить минометную батарею, а где вырыть блиндаж?»

Впрочем, уже через несколько дней Громов сам не менее подробно расспрашивал своих подчиненных, как они расположили огневые точки и не забыли ли выкопать окопы полного профиля.

В декабре 1979 года в Афганистан вошли люди, еще недавно работавшие у станков, в поле или на стройке. Они все еще не могли взять в толк, что находятся на войне, где за ошибки, лень или невнимание приходится расплачиваться не выговором от начальника, а собственной жизнью.

Генерал Тухаринов поступал совершенно правильно, иначе потери в 40-й армии с самого начала увеличились бы многократно. Понял Громов и то, какую нечеловеческую тяжесть принял на себя и несет этот далеко не молодой уже человек…

Саратов, набережная Космонавтов, 4, кв. 9
Громову С. В.
10.02.80 г.

Здравствуйте, мои дорогие Ируша, Сережа и Минька!

Вот я и на месте. Уже успел все узнать и врасти в обстановку. Нахожусь рядом с их столицей. Высота здесь над уровнем моря — 1850 м. Город этот видел один раз, то есть был в нем. Одноэтажный небольшой городишко, довольно унылый. Везде страшная нищета и запустенье. Впечатление такое, что попал на 1,5–2 века назад. Обычаев их пока не знаю, да вряд ли кто-нибудь сейчас знает их хорошо.

Вообще обстановка нормальная. Пока что нет ничего определенного в отношении того, какой здесь будет срок службы.

Условия жизни нашей здесь удовлетворительные. Живут все в палатках. Надо сказать, что много грязи, копоти и т. д., короче, обычная полевая жизнь. Сказывается высота. Сейчас здесь много снега, перевалы почти все время закрыты. Днем тепло, все тает и плывет, а с часов 17.00 начинает резко подмораживать и

температура доходит иногда до 10–15 мороза. Климат резко континентальный, разница по времени с Москвой 1,5 часа (в Москве — 6.00, у нас — 7.30).

Взаимоотношения с местными жителями — где как. В целом они приветствуют нас (бедняки), но есть случаи и наоборот. Обстановка сейчас вполне нормальная.

Вот такие дела. Писать больше не о чем. Работы — море, это и хорошо, быстрее бежит время.

Всем от меня большой привет. Крепко всех целую и обнимаю.

Ваш Б. Г.

По прибытии в 108-ю мотострелковую дивизию Бориса Громова ожидал большой сюрприз. Конечно, он знал, что ею командует полковник Миронов. Когда Громову впервые об этом сказали, он сразу подумал: «Неужели Валерка?!» Предположение показалось абсурдным, Мироновых в армии, наверное, не многим меньше, чем Ивановых.

Однако комдив Миронов был как раз тот самый Валерка, с которым Громов учился в одной роте Калининского суворовского училища. Туда Валерий был переведен из Ленинградского, а Борис из Саратовского.

На удивление многое совпадало в их судьбе. Оба родились в 1943 году с разницей чуть больше месяца, рано лишились отцов, погибших на фронте, оба неплохо учились и были отличными спортсменами.

После Суворовского оба поступили в Высшие общевойсковые командные училища. Только Громов — в Ленинградское, а Миронов — в Московское. Потом Миронов служил в Группе советских войск в Германии, а Громов — в Прибалтике. Через несколько лет они снова встретились уже в академии имени Фрунзе.

Они не были друзьями, у каждого из них имелся свой круг друзей. Между ними, как-то помимо их воли, установилось некое молчаливое соперничество. Уважительно, признавая взаимную силу, они как бы искоса, незаметно, но внимательно следили друг за другом.

После академии Громов получил батальон, Миронов же ушел на шаг вперед, стал начальником штаба, заместителем командира полка. Обоим не исполнилось и тридцати. С тех пор дороги разошлись, казалось, навсегда. И вот…

Однокашники обнялись от души. Встреча в Афганистане была для обоих настоящим подарком…

— Не думал, Боря, что после академии вот так встретимся!

— Сколько раз хотел спросить, что за комдив Миронов, все

никак не получалось, да и не верилось, — отвечал Громов.

— Ну отлично! Очень рад, что ты приехал. Мне настоящий начштаба во как нужен!

— Да… Но если рассказать, как судьба нас с тобой постоянно сводит, точно бы никто не поверил!

Или сказал бы, что это неспроста…

Ныне, спустя почти четверть века после той памятной встречи, придется удивиться еще больше, ибо параллельное движение двух ярких судеб продолжалось и дальше с поразительной синхронностью. Порой эти совпадения так и подмывает назвать мистическими.

Оба стали генералами в Афганистане. Сначала Миронов, спустя три месяца Громов. Оба рано лишились жен. Наташа Громова погибла в авиакатастрофе, супруга Миронова стала жертвой автомобильной аварии. Оба из Афганистана направляются на учебу в академию Генерального штаба. После чего их дороги на какое-то время расходятся.

Генерал Миронов получает направление в Ленинградский, а затем в Прибалтийский военные округа. Громов — 1-й заместитель командующего армией в Прикарпатье, после чего снова отправляется в Афганистан.

С этого момента судьба Громова на виду. Именно ему суждено завершить бесконечную войну и вывести советские войска из Афганистана. Молодой генерал, последним из советских солдат переходящий пограничный мост через Аму-Дарью, сразу становится известен всей стране.

Миронов почти неведом широкой публике, но авторитет его, как крупного военного специалиста в высших военно-политических кругах, необычайно высок.

В очередной раз судьба сводит бывших суворовцев уже в Москве. Оба становятся заместителями министра обороны.

Это было трудное переломное время. Людям приходилось определяться, что для них важнее, чистая совесть порядочного человека или власть и карьера во что бы то ни стало.

В октябре 1993 года оба генерала открыто и резко критикуют применение вооруженных сил против защитников Белого дома, а позже — введение войск в Чечню. После чего, иначе и быть не могло при Ельцине, оба лишаются своих высоких постов. Громов направляется на непонятную должность в Министерство иностранных дел, Миронов — военным экспертом в правительство. С политической сцены они, кажется, сметены навсегда. Но…

В декабре 1995 года Громов избирается депутатом Госдумы, а

через четыре года становится губернатором Московской области.

Миронов увольняется в запас и работает в Институте проблем международной безопасности Российской академии наук.

Похоже, теперь мистическая связь двух судеб разорвана окончательно, пути бывших суворовцев разошлись навсегда.

Может быть так, а может, и нет…

Сейчас крупные военные руководители, умеющие к тому же говорить, а главное, думать, пользуются все большим спросом. Не будет ничего удивительного, если мы увидим Валерия Миронова в роли политика. Ну а если такое случится, то продолжение параллельного движения двух незаурядных человеческих судеб продолжится…

Но вернемся в Афганистан 1980 года.

Штаб 108-й дивизии располагался в Кабуле, в противоположной от штаба армии окраине города и представлял собой несколько старых палаток и машин, разбросанных весьма неудобно на склоне горы.

Командир и старшие офицеры жили в *кунгах* — временных домиках, которые перевозятся на грузовых машинах. Остальные размещались в палатках.

Дрова отсутствовали, и потому буржуйки были приспособлены местными умельцами для того, чтобы топиться соляркой. По утрам из палаток на свет божий вылезали натуральные негры и различить их было можно только после того, как они отмывались от ночной копоти.

Январь 1980 года прошел относительно спокойно. Под контролем 40-й армии находились все крупные города и основные дороги страны. Однако оппозиция не теряла времени даром, уже в конце января начались нападения и обстрелы.

Наивная надежда на то, что афганская революция и помогающие ей войска дружественного государства будут поддержаны народом, рассыпалась в прах. Советских солдат поддерживали только чиновники правительства Афганистана и никем не управляющие местные администрации — люди, назначенные новым руководителем Афганистана Бабраком Кармалем.

В начале февраля боевики оппозиции — душманы — расстреляли военную машину, которая патрулировала участок дороги в окрестностях Кабула. Десять солдат, офицер и водитель, призванные из запаса на несколько недель, погибли.

Это были первые человеческие жертвы, которые пришлось увидеть Борису Громову.

20 февраля в Кабуле вспыхнуло настоящее восстание.

Гарнизоны, находившиеся в столице и разбросанные вокруг города, были блокированы местным населением. Боевые отряды оппозиции обстреливали военные городки и заставы вокруг Кабула. Все дороги, в том числе и основная, на перевал Саланг (позже ее назовут «Дорогой жизни»), были перекрыты, подвоз боеприпасов и продовольствия прекратился.

На улицах Кабула строились баррикады, переворачивались и сжигались машины.

Командование армии, имея в войсках 80 % военнослужащих, призванных из запаса, не могло организовать активного противодействия. С большими усилиями ситуацию все-таки удалось взять под контроль. Урок был суровый. Легенда о «дружественном окружении» приказала долго жить. Пришло время реально оценивать ситуацию. Гибель солдат вынудила командование серьезно заняться обеспечением безопасности по военным стандартам. А советское военное и политическое руководство в срочном порядке начало замену запасников на кадровых военнослужащих…

— Наша дивизия вошла в Афганистан 25 декабря, и вот прямо на марше был снят начальника штаба, — вспоминает Лев Борисович Серебров, бывший начальник политотдела 108-й мотострелковой дивизии. — Сняли его за проступок, в котором нужно было бы еще разобраться, но шла операция по вводу войск и устраивать расследование было некогда… Дело в том, что он решил выполнять самостоятельные задачи и вовремя не оказался на том месте, где обязан быть — в штабе дивизии. Его сняли в начале нового, 1980 года, а уже 18 января прибыл Борис Всеволодович Громов.

Когда мы входили в Афганистан, никто и не думал о войне. Население высыпало на обочины дорог. Декабрь. Холодно, мороз. Первый населенный пункт — Ташкурган. Это еще до перевала Саланг. Всего километров 80 от границы. Равнина. Только-только предгорья начинаются. Пять утра. Солнце слепит. Высыпала на обочину вся детвора. Стоят прямо на снегу. Голые. Босые. Ноги красные, как у гусей. Солдаты стали с себя стаскивать все, что только можно, и одевать этих ребятишек. Они нас приветствовали. Мы практически до Кабула шли, как на учениях.

Вот только на Саланге нам пришлось туго. Там тоннель длинной три километра. Мы поставили КП дивизии между танковыми батальонами. А танки с хранения, личный состав призван из запаса. Аккумуляторы никакие. Воздуха в баллонах нет. Водители боятся заглохнуть, поэтому при остановке двигателей не глушат.

Вдруг встали посреди тоннеля. Дышать нечем. Задыхаемся. Мы с комдивом, поняли, что дело плохо. Рванули к выходу. Пробежали километра полтора. Слава богу сил хватило. Смотрим, стоит какая-то машина, свесилась в пропасть. На ней кухня, что ли. Все вокруг бегают, не знают, что делать. Вот из-за этого вся колонна стоит!

Сбросили машину в пропасть. Колонна пошла. К счастью, обошлось без жертв.

В феврале точно таким же образом в тоннеле застряла зенитно-ракетная бригада. Никому не нужная там, в Афганистане, между прочим. Боялись ведь, что могут быть нарушения границы американскими самолетами, Пакистан рядом. В феврале зенитчиков вывели. Так вот, 23 человека из этой бригады погибли в тоннеле. Перестреляли друг друга. Колонна остановилась. Люди начали задыхаться. Видно, что-то померещилось, стали палить куда попало…

18 января в дивизию прибыл Громов.

Борис Всеволодович сразу произвел впечатление уверенного в себе человека и грамотного командира. Приятное, мужественное лицо, правильная речь. Сдержанный, но не сухой.

Мы с ним с первого дня почувствовали друг к другу расположение. Поселились тоже вместе. Тогда ведь и условий никаких не было. Размещались в «кунге» — автобусе таком, приспособленном для транспортировки, потом «бочки» нам прислали. Там уже нас трое офицеров было.

Чем больше я Громова узнавал, тем больше тянуло к этому человеку. Он располагает к себе. В нем нет злобы. Он старается увидеть в любом прежде всего доброе и поверить. Но если разочаровывается в человеке, то уже навсегда. Правда, разочарование наступает только после многократной проверки. Кстати, и сейчас так. Таков его стиль работы, таково и отношение к людям.

Он был настоящий начальник штаба — жесткий и очень грамотный, к тому же умел предъявлять требования так, что люди на него не обижались, потому что все только по делу.

Невероятная работоспособность!

Занимался делами штаба и днем и ночью. Ну, в Афганистане, сказать по правде, кроме работы особенно и делать-то нечего. Спал урывками. Всегда в курсе всех вопросов. В любой момент готов проводить операцию и, при необходимости, заменить комдива.

Помню, в мае 1980 года Валерий Иванович Миронов был в отпуске, улетел по делам семейным в Термез. Борис Всеволодович остался за него, тут и случилась неприятность. Это

было 9 мая 1980 года, как раз на праздник Победы. Дивизия была разбросана. 181-й полк блокировал дорогу, заодно охранял тюрьму. Подразделения расположились лагерем, совершенно по-походному. И вот там взорвался склад боеприпасов.

Как потом выяснилось, причиной была элементарная беспечность.

Прапорщик выдавал боеприпасы. При нем находились двое солдат, которые эти боеприпасы носили. Прапорщик выронил гранату, из нее выскочила чека. Он увидел и бросился бежать. Взрыв! И тут началось… Боеприпасы рвались трое суток!

Ракетные снаряды разлетались веером в разные стороны. Подойти поначалу было невозможно. А ведь кругом люди, материальные ценности.

«Комиссар, поехали!» — сказал мне Громов, когда ему доложили о ЧП. Здесь я увидел его в чрезвычайных обстоятельствах.

Склад превратился в настоящее пекло, но все равно Громову удалось организовать работу людей, спасти технику и вывезти из зоны поражения многое, что находилось поблизости. Громов не уходил до тех пор, пока все не кончилось. Он реально рисковал жизнью и не один раз. Это не показуха. Своим примером он заставлял людей забыть об опасности и делать дело. Его организованность и спокойствие помогли людям прийти в себя. Командир находился и работал в самом огне. Это все видели.

Такое для Громова очень характерно. Если он посылал людей в бой, то и себя не щадил.

Начальник штаба дивизии в иерархии 40-й армии не очень большая фигура. В армейском аппарате достаточно генералов. Он только полковником был тогда. Но Громов быстро проявил себя как человек, который умеет организовать бой и при этом бережет людей.

Кстати, через всю его судьбу в 40-й армии прошла забота о солдатах и офицерах. Он напрасно никогда людьми не рисковал.

Если Громов руководил операцией, то доверие к нему со стороны солдат было невероятное. Я не раз видел его в ходе военных действий. Чем острее и напряженнее обстановка, тем он хладнокровнее, тем увереннее в себе, тем жестче спрашивает. Он знает все, и положительные стороны, и отрицательные, всю динамику складывающейся боевой обстановки и очень умело все возможности использует.

Я заметил, что многие старались подражать ему, даже в поведении. Такое сейчас нечасто увидишь.

На войне быстро складывается мнение о человеке. Тут он сразу раскрывается, вся жизнь на виду — в бою, на отдыхе и в

разговоре. Ведь все время вместе.

Я знаю людей, которые хотели бы найти в Громове недостатки. Настоящий лидер всегда имеет недоброжелателей и завистников. Да и вообще, если человек на виду, то к нему все присматриваются.

Недостатки у каждого есть. Мне, например, не по душе его манера разбавлять свою речь матом. Но надо признать, что делал он это настолько беззлобно и никак не относительно к какому-нибудь конкретному человеку, то есть не оскорбительно и в то же время так естественно, что постепенно просто перестаешь замечать, а особенно в острых и напряженных ситуациях.

Я ему поначалу даже делал замечания. Очень хотелось, чтобы и этого у него не было. Но постепенно привык и сам перестал замечать. Это его стиль. Он никого не обижал.

Помню курьезный случай. Разболелся у него зуб. Рядом госпиталь. Только-только прибыл, начал разворачиваться. Там был стоматолог — молодой парень в звании старшего лейтенанта. Как и все остальные люди, Громов зубных врачей старался избегать. Комдиву Миронову надоело смотреть на его мучения и он приказал: «Садись в машину, поехали лечиться!» Вот мы втроем приехали в госпиталь.

Старший лейтенант посмотрел и говорит, что зуб можно вылечить, но мы только приехали, ни аппаратуры, ни лекарств, где что толком еще не разобрался, одним словом, сейчас возможности есть только для удаления. Громов согласился — рви, говорит. Стоматолог спрашивает, что будем делать, укол обезболивающий или выпьете сто граммов спирта. Громов говорит — лучше спирт.

Ну, выпили мы за успешное удаление. Посидели.

— Ну как, готовы?

— Готов.

И он ему удалил зуб.

Выпили еще за успешную операцию и отправились отдыхать. Наутро выяснилось, что лекарь вырвал здоровый зуб!

Что бы на месте Громова другой сделал?.. Страшно подумать!

Громов хорошенько ругнулся и снова отправился на операцию.

Он не злопамятный. Ну, обматерил этого молодого специалиста по-свойски и дал вырвать еще один зуб.

Самое привлекательное в нем то, что он верный друг и хозяин своего слова. Если Громов сказал — сделаю, можете не сомневаться — будет сделано.

Если он, даже между прочим, сказал, что запомнит, можете не сомневаться — не забудет…

Сегодня точно так же. Ставлю перед ним какой-то вопрос. Он говорит — подумаю. Можно ни минуты не сомневаться, пройдет какое-то время и он скажет, что он по этому поводу решил. Может отказать, может поддержать, но чтобы забыл, такого не бывает.

Всегда умел принимать решения быстро, но не поспешно. Давай, давай, бегом, одна нога тут, другая там — это не его стиль. Если надо, он подумает и посоветуется. Но если убежден, что правильное решение можно принять сейчас, он его тут же и примет.

Все, кто сегодня с ним работает, достойные люди. Это всей жизнью проверенные люди, к тому же они четыре года в губернаторской команде: Леша Пантелеев, Игорь Пархоменко — и ведь все люди армейские. Кот Виктор Севастьянович и тот же Шилин Виктор Карпович, Чуркин Николай Павлович — афганцы, которым он верит, как самому себе.

Мы с ним и в академии Генштаба учились вместе, только я на курс раньше. Я закончил в 1983-м, он в 1984-м. Во время совместного обучения постоянно встречались семьями. У Громова росли два сына. Очень хорошо помню его первую семью и жену Наташу. Она была надежным человеком. Сколько трудностей выпало на ее долю! И прежде всего эти долгие афганские командировки, когда супруги могли только переписываться. Наташа — это саратовская любовь Бориса — первая. Он вообще верный. Верный в дружбе. Верный в любви. И то, что произошло… Наташина гибель в авиакатастрофе стала для него огромной трагедией.

Вот и вторая его жена, Фаина, — замечательный человек. Очень важно, что у Громова — крепкий тыл.

Я его мальчишек помню еще крохами: Андрея, Максима. Отличные ребята, теперь, конечно, уже взрослые молодые люди. И просто замечательно, что у Бориса с Фаиной родилась еще дочка, маленькая Лизонька…

Чем больше живу на свете, тем больше убеждаюсь, что не умеют люди учиться на чужих ошибках. И не только отдельные люди, но и целые народы, крупнейшие и богатейшие страны, считающие себя лидерами человечества.

Если вы наблюдаете за ситуацией в Ираке, американцы сейчас попали там в ситуацию, абсолютно такую же, как и мы в Афгане.

Американцы тоже вошли в Ирак, можно сказать, прогулочным шагом. Неприятности начались потом. Мусульмане вообще не терпят на своей территории неверных. Мы американцам говорили об этом, когда еще они полезли в Афганистан. Мы предупреждали — не будет у вас там спокойной жизни. Не примут они ваших

порядков. Мы были правы, все повторилось. Беспрерывные нападения, обстрелы и жертвы. То же происходит в Ираке. Американцы еще долго будут расхлебывать…

Вот мы, после такого спокойного входа в Афганистан, вдруг попадаем в ситуацию, когда вокруг стрельба. Никто на нас поначалу в атаки не ходил. Все исподтишка. Те же самые дети. Дают солдату сигарету, тот закурил — отравлена. Резинку жевательную дают — отравлена. Из-за угла выстрел. Утром колонна прошла нормально, возвращается — заминировано, начинаются подрывы.

Американцы объявили, что начинают операции в каких-то районах. Не выберутся они теперь из этих операций. С техникой в горы не полезешь. Авиация малоэффективна в горах. Придется посылать людей. А солдаты в горах очень уязвимы. Вот мы десять лет находились в такой ситуации в Афганистане. У нас каждый день были потери. Больше, меньше, но были.

Дороги необходимо охранять (растянули всю армию по дорогам), иначе ничего никуда не доставишь. Сплошные блокпосты. Американцы сейчас в это втягиваются. Они тоже замечательно умеют наступать на грабли…

К весне 1980 года мы попали в ситуацию постоянных боевых действий. И для того, чтобы решать поставленную задачу, необходимо было не только умело вести военную программу, но быть в курсе политической ситуации. Самым подробным образом знать все взаимоотношения в руководстве ДРА, а также и в стане оппозиции, всех полевых командиров, кому можно доверять, кому нет, и очень много другого, что относится к сфере политики и дипломатии. Не имея таких знаний и умений, свою военную задачу мы полноценно выполнить не могли.

Весь первый год ушел на то, чтобы это понять. Постепенно появились командиры, которые эту непростую науку освоили блестяще, вот почему их постоянно возвращали в Афганистан, как это получилось с Громовым. Уже на третий год войны всем в Союзе, кто отвечал за проведение операции в Афганистане, стало понятно, что это совершенно особенная война и успешно ее вести могут далеко не все военачальники, даже с большим количеством звезд на погонах.

Нам приходилось подбирать местных руководителей, ставить их на должности, оказывать им всю возможную помощь, назначать к ним советников. От того, как успешно мы подбирали людей, зависели в итоге жизнь и здоровье наших солдат и общий результат военной деятельности…

Безопасность и возможность контролировать ситуацию в зоне своей ответственности необходимо было обеспечить прежде всего

для тех, кто охранял дороги Афганистана. Это они в своих военных городках и на блокпостах и особенно во время рейдов постоянно находились под ударом.

Для этой работы из Москвы были присланы лучшие военные специалисты, офицеры и генералы Военно-инженерной академии имени Куйбышева.

Работа оказалась трудной. Не стоит говорить, что она была опасной, это и так понятно. На войне нет безопасных мест. И все же группа офицеров, разъезжающая по дорогам и периодически разбредающаяся в местах, где моджахедам было удобнее всего атаковать транспортные колонны, вполне могла стать добычей душманских банд, рыскавших поблизости.

Громов руководил одной из групп, которая прошла по основной трассе, «Дороге жизни», от Кабула до перевала Саланг и далее на север до границы с Советским Союзом.

Местность осматривалась очень внимательно. Было известно, например, что на этом повороте трассы колонны уже не раз подвергались обстрелу. Значит, здесь необходимо оборудовать заставу. Место, где ее удобнее всего расположить, подобрать не так-то просто. Очень много различных условий должно сойтись. Прежде всего хороший обзор. Участок должен простреливаться с расположенных на заставе огневых точек, кроме того и сама застава должна размещаться так, чтобы ее удобно было защищать.

Кажется, наконец место найдено и все довольны, но тут офицер связи сообщает: рация работает ненадежно — выступающая скала перекрывает эфир. В другом случае возражает артиллерист: данное место находится слишком низко, огонь придется вести вслепую. Поиск продолжается снова. Больше месяца заняли поездки и составление проектов.

После утверждения доклада командующим началось строительство. Работали на совесть, понимая, что от надежности сооружений напрямую зависит жизнь людей. Из камня были сложены мощные защитные сооружения. Казармы для солдат строили так, чтобы они могли укрыть даже при прямом попадании мины. В скальном монолите пробивали траншеи полного профиля, чтобы солдат мог перебежать из казармы на свою огневую позицию, ни разу не показавшись противнику. Где это было возможно, строили полевые кухни и даже небольшие русские баньки.

Так в относительно короткое время была создана эффективная система охраны объектов и трасс. Специалисты военно-инженерной академии имени Куйбышева сделали большое дело. Их проекты и расчеты позволили создать

оборонительную систему, которая, с небольшими изменениями, просуществовала все девять лет и спасла многие тысячи жизней.

В начале марта была получена директива командующего 40-й армией генерала Тухаринова о подготовке и проведении боевых действий в приграничной провинции Кунар, восточнее Джелалабада. Предстояло усиленным мотострелковым полком пройти вдоль афгано-пакистанской границы к небольшому городку Асадабад, где находился правительственный гарнизон, окруженный моджахедами, снять блокаду дороги и города.

Такова была первая боевая операция, которую предстояло разработать и провести начальнику штаба 108-й мотострелковой дивизии полковнику Громову. В то время он уже начал понимать, как хорошо осведомлены о намерениях советских и особенно правительственных войск полевые командиры моджахедов. Агентурная сеть оппозиции работала превосходно. Осведомители и разведчики присутствовали везде, не исключая штабов и правительства республики. С этим невозможно было бороться. Любой документ, оказавшийся в руках афганских друзей, через несколько минут изучался лидерами оппозиции. При подготовке любого плана это приходилось учитывать.

Собственная разведка в 40-й армии в то время только начинала складываться.

Предстоящая операция была одной из многих, цель которых состояла в перекрытии путей снабжения душманов всем необходимым через афгано-пакистанскую границу.

Границы в привычном понимании не существовало. Ее заменяла условная «линия Дюранда».

«Линия» эта возникла после окончания войны Англии против Афганистана (1878–1880 годы). Граница разрезала по живому территорию, по которой не одно тысячелетие свободно кочевали пуштунские племена. Пуштуны продолжали жить и кочевать так же, как и раньше, не обращая внимания на какие-то условные линии. В горах существовало множество дорог и троп, большинство из которых никто, даже при большом желании, не мог контролировать. Движение прекращалось только в разгар зимы, когда перевалы заносило снегом.

После введения советских войск «линия Дюранда» стала большой проблемой. Как к этому ни относись, но она являлась официальной международно признанной границей. Отряды боевиков оппозиции, преследуемые правительственными или советскими войсками, пересекали «линию Дюранда», и преследование прекращалось. На пакистанской территории в нескольких километрах от «линии Дюранда» были расположены многочисленные базы подготовки боевиков, склады вооружения и

продовольствия, и все это по тайным тропам потоком шло на территорию Афганистана. Моджахеды чувствовали себя здесь уверенно и фактически контролировали обширный район, прилегающий к «линии Дюранда». Размещенные в этой зоне правительственные войска по большей части оказывались в блокаде и едва могли защитить самих себя.

Операция готовилась тщательно. Были изучены данные, полученные разведкой. К тому времени уже появились агенты среди афганцев, правда, было их пока немного и перепроверить их сообщения было сложно. Хорошо поработала воздушная разведка. Однако с первых дней операции войска сталкивались с неприятными неожиданностями. Вся военная мудрость, заключавшаяся в боевых уставах и уложениях, здесь нередко оказывалась бесполезной. К примеру, раздел «Ведение боевых действий в горах» — обеспечение движения войск. По правилам положено в голову колонны выставлять подразделение саперов, которое, под охраной танкистов и мотострелков, ведет разминирование, с помощью специальной техники расчищает дорогу.

Согласно классическому построению в начало колонны был поставлен огромный БАТ, предназначенный именно для того, чтобы расчищать завалы. Когда дошли до первого из них, БАТ был в упор расстрелян и выведен из строя. Завал моджахеды устроили в таком узком месте, что обойти тяжелую машину не было никакой возможности. Чтобы открыть проход, пришлось столкнуть ее в пропасть.

Очередной сюрприз не заставил себя ждать.

Участок дороги, прорезанный на склоне отвесной скалы, был на протяжении пятидесяти метров снесен взрывом. Колонна остановилась, и тут же сверху посыпались камни, начался интенсивный обстрел, возникли неразбериха и паника. Положение удалось поправить, только вызвав вертолеты. Это был суровый урок.

Выход из нештатных ситуаций приходилось искать в ходе самой операции. Саперы — великие изобретатели, придумали и соорудили специальный кумулятивный заряд, с помощью которого можно было вгрызаться в скалу, пробивать новую полку и восстанавливать движение по горным дорогам над пропастями. В будущем такие заряды готовились заранее.

Первая операция научила многому. Прежде всего тому, что движение по дороге в горах обязательно должно прикрываться сверху — справа и слева. Для этого создавались отдельные взводы и даже роты специально подготовленных бойцов, которые, пользуясь альпинистским снаряжением, шли по горам на

большой высоте над дорогой, кроме того, колонну на марше прикрывали боевые вертолеты и штурмовики.

Авиацию вызывали несколько раз. Но для того, чтобы штурмовики и вертолеты могли работать эффективно, в колонне должны находиться авианаводчики. Иначе удары будут наноситься приблизительно, по площадям, а могут попасть и по своим подразделениям, прикрывающим колонну на склонах ущелий. Такое случалось.

Пришлось пересмотреть многое — начиная от построения войск для движения и кончая отработкой взаимодействия с авиацией, артиллерией и управления огнем.

Если, к примеру, в колонне была артиллерия, то она практически не использовалась для отражения атак. Наводчики орудий ничего не видели, засечь цели можно только с высоты.

С 1980 года для Афганистана начали специально готовить артиллерийских корректировщиков. Они и авиационные наводчики вскоре стали самыми ценными людьми в армии, действовали только с группой прикрытия и охранялись не хуже, чем генералы…

В течение лета ожесточенность боев возрастала. Теперь войной был охвачен весть Афганистан.

Подразделения 108-й дивизии постоянно находились в бою. Объекты, которые дивизия охраняла — дороги, населенные пункты, аэродромы и военные базы, — постоянно подвергались атакам моджахедов.

Самыми распространенными боевыми операциями первого лета стали рейды вдоль дорог. Проводить их было необходимо потому, что главными объектами атак бандформирований оппозиции становились прежде всего транспортные колонны. Для боевиков это были главные боевые операции, за которые полагались награды и премии, и, что еще важнее, тут им доставалась богатая добыча. Вот почему вдоль трасс в укромных местах, лесах, горных ущельях и пещерах постоянно накапливались формирования моджахедов. Для того чтобы по дорогам можно было ездить, пространство по обе стороны дорожного полотна приходилось регулярно «чистить». Операции проводились обычно силами одного-двух батальонов, которые проходили вдоль дорог, уничтожая и захватывая базы оппозиции.

Это были трудные и опасные операции прежде всего потому, что никто не мог предсказать заранее, с чем придется столкнуться. О противнике было известно только то, что он тут есть. В результате сами «чистильщики» нередко попадали в такие переделки, что их приходилось выручать, мобилизуя дополнительные силы.

В одной из таких операций, которую Громов проводил лично, его БТР попал в засаду.

Произошло это неподалеку от Кабула на трассе, ведущей в Хайдарабад. Из донесений разведки было известно, что здесь «кто-то» есть и район необходимо «почистить». В том, что «кто-то» есть, сомневаться не приходилось. Тут регулярно происходили нападения на колонны, и, что еще хуже, из этого района уже несколько раз проводились обстрелы штаба 40-й армии, расположенного в Кабуле.

Командующий армией Тухаринов лично дал указание Громову обезопасить этот район.

Вначале продвижение колонны было спокойным. Приблизились к первому перевалу через невысокий горный хребет. Сразу за перевалом располагался кишлак, где вроде бы находились душманы.

Выслали вперед разведку.

На радийной машине, взяв небольшое прикрытие, следом за разведкой двинулся Громов. Он хотел подняться на перевал и своими глазами увидеть кишлак, который возможно придется брать с боем.

Возле самого перевала машина была обстреляна.

Такое случилось в жизни Громова в первый раз, когда стреляли не поблизости и не холостыми, а боевыми в машину, где он находился. Именно в него стреляли!

Морально Громов был готов к этому. Он понимал, что участвует в реальной боевой операции, что рано или поздно подобное обязательно случится. Ощущение, однако, оказалось ошеломляющим.

Обстрел деморализует человека. При первых жестких ударах пуль по хилой броне БТР в душе возникает паника.

Сознание, что рядом свои, что под рукой рация и нужно только сделать необходимые распоряжения, как-то мало помогает.

Это оцепенение и тяжелая тоска растягиваются на десяток секунд, которые кажутся вечностью. Время становится тяжелым и неподвижным, кажется, что из этого мертвого времени нет выхода. Когда же из оцепенения удается вырваться, оно сменяется суетой. И тут конечно же рация (кто только такую безобразную связь придумал?) отказывается работать, никто на твои призывы не откликается!

Обстрел прекратился сам собой…

Потом стало известно, что душманы отошли в горы, Обстрел вел их арьергард. Кишлак за перевалом был пуст…

Тяжело и болезненно давался опыт войны в горах.

Для того чтобы обезопасить колонны, необходимо, как уже сказано, блокировать высоты, где могли укрываться душманы.

На одном из участков, где дорога проходила на высоте двух километров, на вершину, что поднималась на километр выше, отправили шесть разведчиков. Оттуда они могли контролировать все подступы к трассе. Склоны горы предварительно обработали артиллерией. Прикрывая разведчиков, кружили вертолеты.

Подниматься по крутому склону было очень трудно. К тому же стояла страшная жара. Стараясь освободиться от лишнего груза, ребята оставили на склоне теплые вещи. Ночью ударил мороз. На вершине горы он был особенно жестоким. Утром попробовали забросить разведчикам одежду и дополнительное питание с вертолетов, но все скатывалось вниз по крутому склону.

Пришлось отправлять спасательную группу. Кое-как разведчиков спустили вниз. Двоих отправили в госпиталь с воспалением легких, у других были обморожения рук, ног и лица…

Самое неприятное, к чему привыкнуть труднее всего, это то, что опасность подстерегает повсюду.

Каждый день посты и заставы подвергались внезапным обстрелам и нападениям. Не легче приходилось тем, кто был «дома», то есть на базе.

Боевые действия, которые вела дивизия на протяжении всего лета, проходили в основном в окрестностях Кабула.

Некоторые операции были успешными, другие не очень, но постепенно люди привыкали, набирались опыта, приспосабливались к войне.

Летом наконец был получен приказ министра обороны, в котором подробно говорилось об условиях службы в составе Ограниченного контингента. Замена офицеров будет проводиться через два года. Стало понятно, что война затянется надолго.

Б. В. Громов:

Есть такая провинция Фаррах на западе страны, на границе с Ираном. Мы проводили в горном массиве операцию по очистке местности от банд моджахедов, блокирующих дороги в этом районе.

В горы мы сразу входить не стали. Имевшийся опыт подсказывал, что поспешные действия всегда оборачиваются большими неприятностями. Война в горах и ущельях — главный конек афганцев. За две тысячи лет они доказали это множеству завоевателей, начиная с Александра Македонского и Чингисхана и кончая девяностотысячным английским экспедиционным

корпусом, почти поголовно истребленным в здешних ущельях.

Подойдя к горам, мы остановились на равнине и начали изучать обстановку.

Получилось так, что я поставил штаб дивизии на равнине, несколько в стороне от расположения войск. Место выбрал с учетом хорошего обзора. Отсюда очень удобно было управлять войсками. О том, что место это открытое и ничем не защищенное, я тогда не подумал, хотя воевал уже второй год.

Опыт, конечно, дело наживное, но на войне он оплачивается очень дорого. В этом мне пришлось убедиться.

На второй или третий день это случилось. Где-то ближе к вечеру, когда напряжение спадает, боевые действия затихают, я сидел с биноклем на своем командном пункте. Ну, командный пункт — понятие условное. Три или четыре бронетранспортера, два из них — радийные машины. Окопы вырыты. Две кунги и машина обычная с домиком, в котором можно жить и работать. Жара сумасшедшая. Прямо на земле стоят столы переносные, табуретки. Связь, телефон, ну, что должно быть обычно. Все это чуть заглублено. Вокруг насыпан бруствер. Это мы всегда делали, потому что вполне возможны обстрелы.

Я смотрю на горный массив, прикидываю, как нам лучше туда входить, и в этом жарком мареве мне кажется, что я вижу какие-то фигуры. Спрашиваю артиллерийского наблюдателя: «Смотри, что это там, почему доклада нет?!» Прекрасно, конечно, понимаю, что это духи. Чалмы, шаровары — спутать невозможно… Просто поверить не могу глазам своим. С какой стати, под вечер, да еще так близко… Там же перед горной грядой, откуда эти-то пришли, войска наши стоят. Как они духов пропустили?!

Точно, духи! Идут не куда-то, а именно к нам. Смотрю налево, направо, то же самое. Назад… И оттуда прут. Ну, это уж совсем непонятно. Как такое могло получиться?! А ведь они не случайно шли к нам, понимали, что это командный пункт. Догадаться, конечно, не трудно — машины радийные стоят, антенны развернуты.

Афганцы вовсе не тупые и дикие, как у нас часто любят представлять. Они сообразительные, предприимчивые, решительные солдаты, очень хорошо умеют воевать.

Командный пункт находился, как я сказал, немного в стороне от войск. После этого никакой обзор уже не мог соблазнить меня на такое расположение КП. Я всегда размещал его в окружении войск, чтобы невозможно было прямо на КП выйти. К тому же все мы уже хорошо знали, что бывает с теми, кого духи захватывают в плен. Лучше уж погибнуть.

Вот так: век живи, век учись.

Все получилось настолько внезапно, что поначалу трудно было сообразить, как из этого кошмарного положения выбираться. Под рукой практически никого. Ну хоть бы взвод какой-нибудь. Только штабные офицеры, водители и связисты. У меня даже автомата как назло не было, только пистолет. Ни каски, ничего.

Духи стали сходиться, начался сумасшедший обстрел, пули кругом засвистели.

Плохо было и то, что авиация только-только ушла. Я ее сам отпустил. Вечер ведь. А так у нас всегда сидела пара вертолетов в готовности.

Как могли, организовали круговую оборону. Вот тут я в новом, неожиданном свете многих людей увидел. Кто-то начал со страху палить куда попало, кто-то молился. Особенно поразил меня один парень с Украины. Рыжий такой, здоровенный, очень боевого и бравого вида. И вот я увидел, как человек мгновенно впадает в панику и становится неуправляемым. Он начал орать. Просто дико орать, мол, надо что-то делать, нас сейчас всех перебьют! Пришлось этому, рыжему, ну буквально по башке дать, чтобы он утих и других не будоражил.

Сказал артиллеристу, чтобы вызвал огонь на себя. То есть не полностью на себя, у пушкарей, конечно, были координаты командного пункта. Попроси, говорю связисту, чтобы обработали площади с недолетом и перелетом метров в триста — «на шаг» — так у артиллеристов это называется.

Тогда мы зависели только от того, как пушкари сработают. Они сделали все ювелирно. Это нас спасло.

Ощущение от всего этого было очень сильное. Запомнилось на всю жизнь. Больше мы таких ошибок не совершали.

Глава четвертая
ЛУРКОХ

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

О награждении орденами и медалями СССР военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота

За успешное выполнение задания по оказанию интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан наградить:

…

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

…

Громова Бориса Всеволодовича — полковника Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. Брежнев Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе Москва. Кремль.

21 октября 1980 г.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Громов Борис Всеволодович, полковник, начальник штаба — заместитель командира 108-й мотострелковой дивизии 40-й общевойсковой армии ТуркВО.

Представляется к награждению орденом КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ.

Год рождения 1943, русский, чл. КПСС.

В Вооруженных Силах с августа 1962 г.

Краткое конкретное изложение боевого подвига или заслуг.

Находясь в составе Ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан принимал непосредственное участие в разработке боевых операций по уничтожению банд мятежных формирований.

Провел 2 операции, в результате которых при

умелой организации и непосредственном руководстве было уничтожено 706 человек живой силы противника, захвачено 150 единиц стрелкового оружия, уничтожен склад с боеприпасами и взяты ценные документы, по которым раскрыта агентура мятежников в Генеральном штабе Народной Армии и в Министерстве Внутренних Дел Демократической Республики Афганистан.

Вывод: За участие в разработке и проведении боевых операций по уничтожению банд мятежных формирований достоин награждения орденом КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ.

Командир мотострелковой дивизии полковник Миронов 31 июля 1980 г.

ПРИКАЗ

Министра обороны СССР По личному составу № 01147 28 ноября 1980 г. г. Москва назначить:

…

3. Полковника *Громова Бориса Всеволодовича* — командиром 5-й гвардейской дивизии, освободив его от должности начальника штаба — заместителя командира 108-й мотострелковой дивизии.

Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Устинов С повышением по службе Громова поздравлял уже новый командующий, генерал-лейтенант Борис Ткач. Но первым позвонил из Ташкента командующий ТуркВО генерал Максимов, который и рекомендовал Громова на эту должность.

На посту комдива Громов сменил генерала Юрия Васильевича Шаталина, который впоследствии стал командующим внутренними войсками.

5-я дивизия в это время вела боевые действия в горном массиве Луркох.

Войска находились тут уже больше месяца — очень большой срок для подобной операции — и к тому же несли потери. Не успев даже познакомиться со всеми подразделениями, Громов отправился в Луркох.

Место оказалось весьма необычным и сильно напоминало декорации, на фоне которых ставятся фильмы о страшных инопланетных мирах.

Выжженная каменистая равнина, по которой разбросаны

черные скалы. Равнину окружают голые, без единой травинки, горы, вершины которых поднимаются выше трех километров. Здесь, кажется, нет места никакой жизни.

В глубине горного массива моджахедами оборудован неприступный лагерь, откуда через радиальные расходящиеся ущелья они могли выходить в различные места и, самое главное, совершать набеги на стратегическую дорогу, ведущую в Кандагар, по которой постоянно шли колонны машин.

В течение двух дней Громов выслушивал доклады тех, кто планировал и выполнял операцию в Луркохе. Выслушал он также и командира афганской пехотной бригады, действовавшей совместно с 5-й дивизией. Бригадой это подразделение назвать можно было только условно. Боевая численность составляла всего 115 человек. Однако именно командир афганской бригады занимал самую решительную позицию и требовал немедленного наступления и уничтожения базы. «Министр (имелся в виду афганский министр обороны), направляя нас сюда, требовал самых решительных действий», — настойчиво повторял комбриг.

— Кто пойдет первым? — спросил его Громов как бы невзначай. Он воевал уже больше года и неплохо изучил союзников.

Оказалось, что первыми должны идти советские. У афганцев сил пока маловато, но они тоже готовы биться не щадя себя.

Ситуация знакомая. Афганскому министерству обороны хотелось как можно скорее доложить политическому руководству об успешном проведении операции по уничтожению крупной военной базы моджахедов. База эта, как кость в горле, сидела на дороге в Кандагар — крупнейшей трассе, связывающей север и юг Афганистана. Недаром для проведения операции в Луркох направлена «целая пехотная бригада». Афганские бойцы и командиры будут прекрасно выглядеть на фотографиях в газетных отчетах возле разрушенных укреплений и гор трофейного оружия.

Громов, конечно, тоже понимал, что база в Луркохе должна быть уничтожена. Однако каждая попытка продвинуться в глубь массива наталкивалась на необычайно упорное сопротивление. Похоже, лагерь этот был не просто важным узлом базирования, но и своего рода объединенным командным пунктом войск оппозиции. Не исключено, что в перспективе он должен стать центром одной из первых освобожденных территорий Афганистана, управляемых оппозицией. Таков был расклад политический.

С военной точки зрения операция по штурму представлялась очень трудной. Лагерь прекрасно подготовлен к обороне,

огромные запасы боеприпасов и продовольствия позволяли душманам держаться несколько месяцев. Для того чтобы войти в ущелье, необходимо разминировать подходы, делать это придется под перекрестным огнем. Занять горные склоны, чтобы исключить обстрел, очень трудно. Душманы прекрасно устроились и закрепились, все ущелье и склоны перед ними как на ладони. Высадить в глубине массива десант, что настойчиво предлагали афганцы, невозможно, прежде всего потому, что неизвестно точное место размещения базы. К тому же дивизия не располагала фронтовой авиацией и достаточным количеством вертолетов, для того чтобы надежно прикрыть десантников.

Оказавшись на дне ущелья, десант потеряет устойчивую связь с центром, а это равнозначно гибели. Авиационных комплексов с ретрансляторами, которые бы висели над горами во время боевых действий, тогда еще не было.

Фактор внезапности, на который так упирали афганцы, предлагая заброс десанта в глубь массива, теоретически мог сыграть свою роль, но только в том случае, если об этом не знали союзники.

Исходя из этого, Громов принял решение хорошенько обработать массив артиллерией, заминировать выходы из ущелий и выставить укрепленные заслоны, которые перехватывали бы диверсионные группы душманов. Таким образом, автотрасса на Кандагар будет прикрыта, а это главное.

Работа по блокированию горного массива Луркох была проведена в течение пяти дней, после чего подразделения вернулись в казармы. Громов понимал, что это решение временное. Базу необходимо уничтожить, но сделать это он собирался несколько позже и малой кровью.

Спустя несколько месяцев Луркох начал напоминать о себе. На укрепленной базе в горах снова собирались командиры бандформирований. Возобновились нападения на сторожевые посты и заставы, начались прорывы душманов к дороге на Кандагар. Делались попытки расширить захваченную территорию.

Пришла пора покончить с бандитским гнездом в Луркохе, так чтобы больше не пришлось о нем вспоминать. Громов дал приказ штабу разработать операцию.

К этому времени он уже полностью контролировал ситуацию в зоне ответственности своей дивизии, знал всех командиров и бойцов. Готовя штурм Луркоха, он не собирался спешить и планировал сделать все так, чтобы жертв было как можно меньше. Этот принцип Громов считал основным при разработке любой операции. Однако в его расчеты вмешались

непредвиденные события.

В дивизию прилетел генерал Хахалов. Он должен был выполнить приказ главкома ВВС маршала П. С. Кутахова — проверить эффективность применения штурмовика Су-25 в горных условиях. По замыслу Кутахова, Хахалов должен был практически сразу после бомбово-штурмового удара попасть на место событий и оценить и зафиксировать (отснять на пленку) действия авиации.

Громову не хотелось верить, что такие приказы возможны. По сути, это значило послать человека на верную смерть. Легко представить, как встретят «проверяющего» разъяренные бомбардировкой душманы.

Громов да и командование 40-й армии были убеждены, что такого рода работу следует делать не в боевых условиях, а на полигонах.

Все попытки убедить маршала Кутахова отменить приказ успеха не имели.

Несколько дней Хахалов находился на границе Луркоха. Громов делал все возможное, чтобы генерал не попал туда, куда стремился. Но когда Борис Всеволодович ненадолго уехал, Хахалов и сопровождающие его лица, после очередной бомбардировки, на двух вертолетах отправились по горным ущельям в глубь массива.

Назад никто не вернулся.

Пришлось забыть о запланированных сроках операции и после мощнейшей артиллерийской и авиационной обработки с жестокими боями пробиваться к центру массива. Во что бы то ни стало необходимо было забрать хотя бы тела.

Когда дивизия наконец овладела Луркохским укрепрайоном, здесь были найдены обломки вертолетов и останки офицеров. Над летчиками и генералом, а он был в форме, жестоко издевались. Им выкололи глаза и отрезали уши…

База в Луркохе была действительно сделана по последнему слову инженерной техники. В скалах спрятаны прекрасно оборудованные хранилища, бетонные бункеры соединены тоннелями.

Все сооружения были взорваны, район заминирован.

Снова о черных скалах Луркоха Громов услышал только в 1985 году. Душманы попытались возродить разрушенную базу, но после серии массированных бомбово-штурмовых ударов Луркох уже не доставлял беспокойства.

— Я прибыл в Афганистан в апреле 1981 года в должности командира 27-го гвардейского истребительного авиационного

полка, — вспоминает Виктор Севастьянович Кот, Герой Советского Союза, командующий авиацией 40-й армии, — базировались мы до этого в Казахстане. Вернулись на базу в июле 1982 года, то есть работали в Афганистане 400 дней.

Полк располагался на трех точках. Первая — Баграм, вторая — Кандагар и третья — Шинданд. Нам приходилось решать широкий круг задач, свойственных и не свойственных истребителям. Это охрана неба прежде всего на границе с Пакистаном, а в Шинданде — с Ираном, а также нанесение бомбово-штурмовых ударов и участие в операциях, проводимых 40-й армией.

Здесь у нас начались контакты с Б. Громовым. Нам нередко приходилось выполнять совместные задачи в полосе действий его дивизии. Работы там хватало.

Уже в первые годы в Афганистане Борис Всеволодович хорошо узнал основные направления военных действий и при своих уникальных аналитических качествах очень многое понял. Его тоже за это время узнали и оценили. Для военного он человек удивительно деликатный, но при этом умел работать так, что дисциплина и порядок были на самом высоком уровне.

Что такое Афган, что такое горы, внезапные порывы ветров, сложнейший рельеф, немыслимая теснота? Летчику тут необходимы ювелирная техника и знание местности. А ведь ротация летного состава проходила через год. Только пилот набрался опыта, его сменяет новый, который, даже будучи мастером, должен еще освоить полеты в горах. Старались менять поэскадрильно, но, что ни придумывай, а пополнение все равно нужно обучать. В боевых условиях это неизбежные издержки и потери.

Поэтому мы отработали своеобразную тактику. Первый вылет — разведка на тот или другой объект. Испытываем возможности новичков, обучаем летать ночью. Не все летчики могут ночные полеты освоить, в каждом полку таких максимум человек шесть — восемь. И только потом боевой вылет.

Аэродромы гудели круглосуточно.

Как командир полка и как летчик, совершивший более 600 боевых вылетов, я могу со спокойной совестью сказать, что мы не убили ни одного своего солдата, ни одного кишлака не разбомбили просто так. Наносили удары только по целям. А ведь мы работали бомбами обычными (не теми электронными с лазерной и космической наводкой, как американцы в Ираке), причем расстояние между целью и наводчиком — 200–300 метров, да еще в горах. Наши летчики обрабатывали цели с ювелирной точностью. Так же чисто работал и Громов. Он никому

не прощал напрасных жертв и требовал вести огонь только по конкретным целям. Потому приходилось много времени и сил отдавать разведке, организации целеуказания. Это значит, нужно найти цель, опознать, не демаскировать ее и дать координаты, порой в прямом контакте, вызывая огонь на себя. Так работали разведчики, десантники, особенно диверсионные группы.

Что мне особенно нравилось в Громове — он никогда не спешил. Все делалось для того, чтобы жертвы были минимальными.

Начальству такое не всегда нравилось, и порой Борису Всеволодовичу приходилось трудно. Я все это прекрасно знаю, ко мне в полк тоже приезжали инспекторы и спрашивали: почему все у вас так затянулось, когда же вы тут закончите? Раздраженно, знаете, так говорили.

Я не спорил и просто предлагал: садитесь в кабину второго пилота, и давайте пройдем по Гиндукушу, чтобы стали понятны расстояния и условия, в которых приходится работать. От Пандшерского ущелья и до китайской границы — это огромное расстояние и сплошные горы. Сколько тут кишлачных зон! Точно так же по северу и востоку.

Теперь посмотрите на наше вооружение. Мы уже отметали все образцы бомб начиная с 1938 года выпуска и до 1980-х. Потом пришлось бросать те, что были не кондицией. У них было по три ушка, а у нас подвески рассчитаны на два. Третье ушко приходилось отпиливать. Это, по сути, уже анекдот. Боевые действия при таких условиях теряют здравый смысл.

Вот в 1982 году от Пандшера до Саланга, на всем протяжении Гиндукуша, проводилась операция по уничтожению бандформирований. Там три командира полка получили звания Героев Советского Союза — командир 50-го полка Виталий Егорович Павлов, бывший командующий, ушел сейчас из авиации, Кузнецов — командир 345-го парашютно-десантного полка, и я — командир 27-го гвардейского полка. Около шести тысяч десантников мы высадили на этом участке, поэтапно в течение месяца.

Представляете картину! Подходит группа вертолетов, высаживают десантников на блокпосты, для вертолета с вооружением это два-три человека, а надо их хотя бы отделение, ну четыре-пять человек, чтобы работать могли, свои обязанности исполнять. Высота минимум три с половиной тысячи метров. И вот в этих условиях теряем один вертолет, теряем другой. Случалось, не на те площадки садились, в зоны, занятые противником, а тут около ста машин и все в воздухе.

Вот когда слышишь по рации: «Сережа, прощай!» — и всякое

такое… Вертолет горит, падает и с вертолета в такой ситуации не спастись… Ну и как тут себя чувствуешь?! Уже не важно, подготовленный пилот ты или новичок.

Самое сложное, конечно, было вытаскивать наших раненых солдат, находящихся в горной местности. Делать это приходилось обычно ночью. Представьте, как ночью вертолету садиться где-то на склоне или спускаться на самое дно ущелья при подсветке БТР или машин, а в некоторых случаях садиться приходится только со своим освещением. Но эвакуировать надо, вытаскивать надо…

Не менее сложную работу вертолетчикам приходилось вести с группами специального назначения, задачей которых была борьба на караванных путях, по которым моджахеды подвозили боеприпасы и пополнение.

Сообщения о выходе очередного каравана поступали из разведцентра 40-й армии. Однако в конце 1982 года у командиров дивизий уже имелась собственная, весьма эффективная, информационная сеть и на местах прекрасно знали о том, что готовится или происходит в зоне ответственности дивизии. Разведотдел дивизии наладил отношения не только с местной властью, но и простыми дехканами, жителями провинций и уездов. По их сообщениям, тщательно проверенным и перепроверенным, готовились рейды и засады на караванных путях.

Группа специального назначения делилась на несколько подгрупп, обеспечивающих огневое воздействие, захват, прикрытие. Действия каждого человека отрабатывались до мелочей. От слаженности зависели успех операции и жизнь людей.

Выход в район проведения операции был, пожалуй, самым трудным делом. Прежде всего потому, что группа должна была оказаться в нужном районе никем не замеченной.

Опыт нарабатывался постепенно. Поначалу группы спецназа забрасывали на место с техникой — бронетранспортерами и даже танками. Никакой скрытности в этих случаях достигнуть невозможно. Когда неэффективность такой работы стала очевидной, попробовали отправлять своим ходом. Но марш-бросок на 100 километров в условиях гор — это адский труд даже для самых подготовленных бойцов и к тому же занимает немало времени. В конце концов были созданы вертолетные эскадрильи, которые действовали исключительно в интересах спецназа.

Начало операции выглядело так. Вертолет с подразделением специального назначения вылетал на задание. Через некоторое время делал зависание и обозначал высадку десанта. На самом

деле никто не высаживался. Вертолет уходил в другой район, третий, четвертый и после реальной высадки десанта в нужном месте делал еще несколько ложных зависаний и только потом возвращался на базу.

Приходилось считаться с тем, что оппозиция располагала великолепной разведкой, для ее ведения привлекалось местное население. На вершинах гор выставлялись специальные посты. Информация передавалась всеми возможными способами — кострами, зеркальными «зайчиками», с помощью портативных радиостанций… Следили за каждым шагом. Незаметно высадиться и устроить засаду было исключительно трудно. Вот почему спецназовцы постоянно придумывали новые необычные способы высадки десантов. Надо признать, что в этом деле они достигли совершенства. Подавляющее большинство операций заканчивалось разгромом караванов мятежников.

Очень эффективно работала по караванам и штурмовая авиация.

— В первые месяцы на «линии Дюранда» настоящий конвейер был организован, — продолжает Виктор Севастьянович Кот. — Машины привозят по горным дорогам моджахедов, те три дня воюют, их сменяют и привозят новых. Постоянная ротация, регулярное снабжение оружием и боеприпасами.

Что сделала авиация? Мы очень быстро отбили у моджахедов привычку ездить днем. Они стали ездить ночью, но с включенными фарами. Смотришь сверху — извилистые горные дороги светятся, как огненные змеи. Съезда нет. Разбиваем их классически. В начале перебиваем и в конце. Все, что внутри, — стоит. Через несколько минут из вражеской техники получается огромный костер.

После этого с воздуха дороги минируем. Они, конечно, мины растащат. Но сколько времени на это уйдет!

Вскоре душманы перешли на подфарники. И как только слышат гул авиационного двигателя, сразу встают и выключают все, что может светиться.

Мы стали минировать дороги бомбами с задержкой по времени. То есть ставим взрыватель на срабатывание через какое-то время после падения, на тридцать минут, на час. Самолеты улетели. Машины пошли, а тут бомбы и начинают взрываться. Таким образом мы пути снабжения перекрыли. Прекратили регулярную подпитку.

Обычно у нас получалось до двух тысяч самолето-вертолето-вылетов на такую операцию. Продолжительность операции максимум десять дней. В сутки выполняем по 200–250 вылетов.

Это очень большой объем работы. К тому же летать приходится преимущественно ночью.

Вот я по Пандшеру летал на МиГ-21. Сделал 137 вылетов. Начал 1 мая и закончил 31 мая. По «арифметике Пупкина» примерно четыре вылета ежедневно. Это в горах!

Пролеты по ущельям. Есть тупиковые, есть извилистые и есть колодцы. Эти колодцы… Если, не дай бог, полный форсаж не воткнешь, из этой дыры не выберешься.

Подлетаешь на высоте 6500 метров, а цель на уровне — 1000, значит, на 5500 метров я ухожу в колодец, работаю, а потом выбираюсь оттуда. Сбрасываю боеприпасы в любом случае, потому что иначе не вытянуть.

Вот такая работа. Она в основном для асов, для опытных и подготовленных летчиков…

Летчики Бориса Всеволодовича Громова любили. Он был один из тех командиров, которые знают цену авиации и умеют ее использовать. Это Громов показал на всех постах, которые он занимал в Афганистане, начиная с командира дивизии, где у него была отдельная эскадрилья, которая работала на 5-ю мотострелковую дивизию, и кончая командованием всей 40-й армией.

Немного найдется таких генералов и командующих, которые бы так душевно и с пониманием относились ко всем видам и родам войск. Это понимание и умение эффективно использовать всю гамму возможностей — одна из главных составляющих военного таланта Бориса Всеволодовича Громова.

И еще один его принцип: чтобы сделать правильные выводы, необходимо находиться в центре событий, быть их участником…

Глава пятая
ГЕНЕРАЛ ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

17 февраля 1982 года Борису Всеволодовичу Громову присвоено звание генерал-майора. Он представлен командованием к званию Героя Советского Союза (награжден орденом Красного Знамени).

На этом первая командировка Громова в Афганистан закончена. Он отзывается в Москву и становится слушателем академии Генерального штаба.

Более успешного развития военной карьеры и представить трудно.

В тридцать девять лет — генерал, орденоносец, слушатель самого престижного в армии учебного заведения, после окончания которого открываются, можно сказать, космические высоты.

Б. В. Громов:

— В те дни я с некоторым, в общем-то, облегчением решил, что Афганистан для меня позади. Внутренне я гордился, что выдержал да к тому же остался живым и здоровым. Даже ранен не был. Разве что гепатитом переболел, но по сравнению с тем, что могло случиться, это было не слишком большой бедой.

Два года учебы в академии Генерального штаба пролетели быстро. В свободное от занятий время удалось побывать во многих театрах, на выставках, насладиться настоящим большим спортом. Самое приятное, что после долгой разлуки вся наша семья, наконец, была вместе.

Во время отпуска между первым и вторым курсом мы всем семейством отправились на машине, которую купили после возвращения из Афганистана, самые дешевые «жигули» («копеечку»), в Крым. Впервые я так долго находился за рулем, но, по оценке своих близких, с вождением справился хорошо.

Недели две купались в море и загорали на полную катушку. Потом вернулись в Москву.

Наступило время распределения. Нас было пять человек, закончивших учебу полностью на отлично. Тем, кто получил золотую медаль, предоставлялась возможность выбирать место службы (из тех, которые будут предложены). Скажу сразу, что пользоваться правом выбора места службы не собирался. Решил — поеду, куда направят.

Но все же интересно вспомнить, как нас распределяли. С

этим связана забавная история.

Мы, пятеро медалистов, пришли все вместе к кадровику. Стоим в приемной. Пришлось подождать. Через четверть часа появляется цветущий, кругленький (щеки из-за спины видать) полковник, всю свою жизнь в Москве просидевший, и бодро объявляет:

— Товарищи генералы, сейчас будем рассматривать имеющиеся для вас предложения. Идем по алфавиту. Ачалов… Чичеватов, Громов, Миронов…

Мы все: «Ха-ха-ха! Ничего себе, по алфавиту?!»

Только потом поняли, что алфавит здесь был свой.

Ачалов и Чичеватов направляются в ГСВГ — Западную группу войск — среди равных они получились равнее всех. Остальные — «куда пошлют по собственному желанию».

Меня назначили первым заместителем командующего общевойсковой армией, которая дислоцировалась в Ивано-Франковске, в Прикарпатье.

На новое место службы отправились всей семьей. За пять месяцев я объездил вдоль и поперек все Прикарпатье и Закарпатье.

В 1985 году мне предложили избираться в местные органы власти. Тогда я столкнулся с ситуацией, когда нужно было ездить по предприятиям, колхозам, совхозам и выступать перед людьми. Наука оказалась нелегкой, но в конце концов я ее освоил. Если сказать честно, то самыми трудными во всей выборной кампании были широкие украинские застолья. И отказаться нельзя, и выпить, хочешь не хочешь, приходится — иначе обида.

21 февраля, накануне выборов, всей семьей поехали на горную турбазу. Вернулись на следующий день, и дежурный мне доложил, что несколько раз звонил заместитель начальника Генерального штаба генерал армии В. И. Варенников.

С Валентином Ивановичем Варенниковым я встречался в Афганистане. Правда, всего один раз, когда он на несколько часов прилетал к нам в дивизию под Шинданд.

Удивило и то, что он звонил мне, а не командующему.

Часов в одиннадцать 23 февраля мне удалось связаться с Валентином Ивановичем, он предложил мне срочно прибыть в Москву. Я прилетел уже на следующий день.

Беседу со мной Варенников начал без предисловий:

— Покажите на карте, в каких районах Афганистана вы бывали.

Показал и доложил, что знаю Кабул и его окрестности, дорогу Кабул — Саланг и далее до самой советской границы, практически весь запад и еще несколько районов.

Как я понял, Варенников был удовлетворен. Он сказал мне, что согласно решению Генерального штаба вводится новая должность: генерал для особых поручений — начальник группы представителей Генштаба в Афганистане.

Такой опыт в Вооруженных силах уже имелся. Во время Великой Отечественной войны в армии работал целый институт офицеров Генерального штаба. Как правило, это были опытные военачальники, которые наделялись широкими полномочиями. Они принимали непосредственное участие в планировании и проведении войсковых операций, а также контролировали выполнение директив Ставки Верховного главнокомандующего и приказов Генерального штаба. Этим фронтовым опытом решили воспользоваться теперь в Афганистане.

ПРИКАЗ

Министра обороны СССР По личному составу № 0142 9 марта 1985 г. г. Москва назначить: 1. Генерал-майора *Громова Бориса Всеволодовича* — генералом для особых поручений начальника Генерального штаба — начальником группы представителей Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, освободив его от должности первого заместителя командующего и члена военного совета 38-й армии.

Заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза С. Ахромеев — В мою группу входило еще три офицера, — продолжает Борис Всеволодович, — которых откомандировало Главное управление боевой подготовки, Главное оперативное и Главное разведывательное управления Генерального штаба. Подготовка к поездке заняла около месяца.

Мне не пришлось долго «входить» в обстановку. Несколько сложнее было прибывшим со мной офицерам — полковникам Юрию Сергеевичу Котову, моему однофамильцу Геннадию Борисовичу Громову и Валерию Петровичу Петриченко. Из них только один до этого служил в Афганистане, остальные попали в 40-ю армию впервые.

В работу группы представителей никто не имел права вмешиваться, за исключением самого маршала Ахромеева.

Мы понимали, что такая свобода действий накладывает особую ответственность. Наша группа — «глаза и уши»

начальника Генерального штаба. Доклады должны были составляться прежде всего компетентно и честно. Посылая нас в Афганистан, маршал Ахромеев рассчитывал на получение объективной и качественной аналитической информации о происходящем как в 40-й армии, так и в афганских правительственных войсках из первых рук.

Понятно, что должность генерала для особых поручений была в высшей степени ответственной. Любой, даже самый объективный отчет в Москву, нередко сказывался на карьере и судьбе упомянутых в нем офицеров и военачальников. Поэтому докладывать приходилось не только честно и объективно, но взвешенно и очень деликатно.

Основной своей задачей я считал оказание помощи командованию 40-й армии таким образом, чтобы при планировании и проведении боевых действий была сведена до минимума возможная гибель солдат и офицеров, проходящих службу в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

— Находясь в роли независимого эксперта при руководстве 40-й армии, как генерал по особым поручениям Громов сыграл важную роль, — вспоминает Виктор Севастьянович Кот. — В 1984–1985 годах операции в Афганистане кардинально изменились. До этого мы работали как бы втайне, втихаря, если можно так выразиться. Даже хоронили погибших солдат и офицеров тайком, как будто это какие-то случайно погибшие военнослужащие. Просто прибыл гроб с телом. Откуда, что и как, никто не сообщал.

С 1984 года началось переосмысление роли наших войск, шел уже пятый год войны, и о ней стали наконец нормально говорить.

До этого о подвигах, героях и потерях не писали. Это была неприятная ситуация. Теперь стали сообщать.

Но вместе с тем с 1984 по 1986 год и была самая активная фаза войны. Начались крупнейшие операции. Уже поднимается вопрос о выводе наших войск, а в связи с этим неизбежна активизация боевых действий. До вывода войск необходимо создать преимущественное положение для афганского режима, который мы поддерживали.

В это время наши войска несли самые большие потери.

Вот у меня есть такая карта, на которой отражены боевые потери авиации за эти годы. Из нее видно, насколько возросла активность противодействующей стороны.

Появилось новое оружие. ПЗРК — переносные зенитные ракетные комплексы — «Стингер», наши «Стрелы», ракеты «Блоупайп». Душманы также набрались боевого опыта, прошли

профессиональную подготовку. Это был уже очень серьезный противник.

В 1984 году мы потеряли 47 летательных аппаратов. При помощи ПЗРК сбито пять, ДШК — 29, стрелковым оружием — 13, стрелковое оружие эффективно против авиации на малых и предельно малых высотах.

1985 год — 62 боевые потери. Практически целый полк по штатам мирного времени был выведен из строя. Семь машин — от ПЗРК, от ДШК — 26, остальные — от стрелкового оружия.

В 1985–1986 годах нас практически посадили. Мы пришли к тяжелым боевым потерям и стали вести боевые действия преимущественно в условиях ночи. Секли нас за сбитую технику безбожно. Каждая потерянная боевая единица — это необходимость отчитываться перед высшим начальством всех — от командиров полков и дивизий до командующего воздушными силами и самого командующего 40-й армией.

Судили просто: если потери в районе аэродрома — значит, виновата охрана аэродрома, если в зоне боевых действий, то командование.

Напомню, как приходилось работать. Выходили на точки с высоты восемь, а то и десять тысяч метров, оттуда спиралью быстро снижались на аэродром, чтобы не попасть в зону поражения. Ведь охрану аэродрома, блокпосты, расширять беспредельно невозможно. Это нужно три армии, чтобы все аэродромы и вертодромы (а их было очень много) надежно прикрыть.

Покоя не было ни для кого, в том числе и для представителя Генерального штаба. Секли и его.

Главная задача Громова — дать высшему начальству объективную картину обстановки и свою оценку действий 40-й армии. Начнешь слишком драматизировать обстановку — плохо, полетят многие, в том числе невинные, головы. Нарисуешь благостную картину, еще хуже может получиться, да и докладам твоим перестанут верить.

Тогда 40-й армией командовал Виктор Петрович Дубынин. Мне пришлось служить с тремя командармами: это Игорь Родионов, впоследствии ставший министром обороны; потом Дубынин, по всем боевым действиям я с ним прошел; и, наконец, Борис Всеволодович.

Когда Громов был представителем Генерального штаба, он полностью владел информацией и знал обстановку прекрасно. Доклады его были исключительно грамотные и объективные, они никогда излишне не будоражили начальство и не работали на чьи-либо интересы. Честные отчеты исключительно грамотного и

полностью информированного человека.

У нас, в армии, как и везде, хватает своих гениев и теоретиков. Одни убеждены в том, что смысл войны в победе любой ценой и призывают не считать потери — победителей, мол, не судят. Другие убеждены, что воевать нужно вообще без потерь. Таким лучше играть в шахматы или компьютерные игры. То и другое, мягко выражаясь, несерьезно.

Там, где идут реальные боевые действия, потери неизбежны. Тем более что на седьмой год войны моджахеды уже не те, что были несколько лет назад. Вооружение современное, выносливость и подготовка железные, помощь — лагеря и учебные центры по всей территории Пакистана. Как же, воюя с профессионалами, обойтись без жертв?

Но все равно, каждая потеря летчика — это ЧП. На металл мы уже не обращали внимания, его можно заменить. Главное — человеческая жизнь. Первый вопрос начальства: «Летчик цел? Экипаж цел?»

Если машину можно вытащить, то сначала оценим: а стоит ли? Не возникнет ли новых потерь? В принципе мы почти ни одной машины не оставили, если можно было эвакуировать. Ну а уж если не могли, делали подрывы на полное уничтожение.

Вот представьте себе работу Громова в то время. Сначала нужно быть участником событий, а уж потом писать об этом доклад. Громов работал именно так. А ведь доклад не просто кому-то, а маршалу Ахромееву или Варенникову, это исключительно грамотные, дотошные, требовательные люди. Абы какую бумагу им не подсунешь.

Борис Всеволодович всегда имел свое мнение. Он, как бы упреждая события, составлял свой анализ заранее. А в это время происходила масса важнейших событий. Смена руководства здесь в Афганистане, смена руководства у нас в стране, и на все это нужно было реагировать, все учитывать.

Громов понимал, что для решения афганской проблемы одних бомб мало. Необходимо развязывать политические узлы, и с Пакистаном прежде всего. Дальнейшая судьба Афганистана зависит напрямую от соседей.

Громов уже тогда подготовил доклад о том, что война в Афганистане бесперспективна. К таким выводам он пришел в числе первых. Но он это обосновал и аргументированно изложил в своем рапорте. Его выводы послужили веским доводом в пользу того, что, наконец, было принято решение — из Афганистана нужно уходить.

Тут важно понимать и то, что народ Афганистана в этот период находился по своему развитию и менталитету в XIV веке и

перевести его на шесть столетий вперед ни убеждением, ни силой было невозможно.

Вот в чем смысл его работы как представителя Генерального штаба. Ведь можно было писать в донесениях то, чего от него ждали и хотели услышать. Можно было поднять серьезное волнение по поводу потерь. А потери были большие. Причем не всегда боевые. В той же 108-й дивизии однажды 30 человек сгорели в палатке.

Вернулись ребята из рейда еле живые от усталости, больше десяти дней были в Черикаре под прицельным огнем. Вернулись, помылись и завалились спать. Дежурный стал разжигать буржуйку. Заправлял соляркой из ведра, разлил, вспыхнул огонь… Все сгорели!

Случались и боевые потери, когда из роты оставалось девять человек. О таких фактах и Дубынин в своей книге пишет, при желании из них огромное дело можно раздуть! Многим бы не поздоровилось, даже невиновным.

Пишут, что кто-то из наших чуть не сбил свой вертолет за то, что экипаж не хотел садиться на площадку, которая простреливалась. Ну, это уже вранье! Такого не было. Если сесть можно, никакой обстрел не остановит, наши летчики обязательно задание выполняли.

Громов признавал только честные доклады. Как сам докладывал, так и других к этому приучал. Потому что на потери можно списать всё. К примеру, боевая потеря и небоевая. Это ведь, как взглянуть.

Сгорели люди в палатке. Но ведь это на войне, и если это перенести в разряд боевых потерь, то и отвечать за халатность и разгильдяйство не нужно.

Возьмите летчика. Где-то его обстреляли, он получил нервный стресс, а по возвращении из района боевых действий при посадке покалечил машину. Что это? Плохая профессиональная подготовка или результат перенесенного стресса? Есть о чем подумать.

Все, кажется, очень просто и точно. Боевые потери — это результат воздействия противника, а желательно еще и на контролируемой им территории, хотя запустить «Стингер» могут из кустов возле аэродрома. А психология — это все бабьи фокусы. Это, мол, для писателей и журналистов. Были люди и в самом высоком руководстве, которые именно так и рассуждали. Многие, но только не Громов.

3 мая 1985 года Громову позвонил помощник генерала армии Варенникова по авиации:

— Вы знаете генерала Евгения Ивановича Крапивина, командующего ВВС Прикарпатского военного округа?

Громов прекрасно знал генерала Крапивина, они еще недавно работали вместе в Прикарпатском ВО, а до этого учились в академии Генерального штаба. Прекрасный военный летчик, удивительно легкий человек — душа курса. Не так давно он провожал Громова в Афганистан.

— У нас есть данные, что генерал Крапивин погиб. Разбился.

— Погиб?! Как это командующий в мирных условиях мог разбиться?!

— Подробности пока не известны. Передали, что самолет, на котором он летел, потерпел катастрофу.

Работать Громов больше не мог. Разболелась голова. Он просто сидел за столом, глядя перед собой. И вдруг… Эта мысль пронзила его, как электрический разряд!

Незадолго до майских праздников он разговаривал по телефону с женой, и Наташа сказала, что на праздники собирается лететь в Москву.

После перевода Громова в аппарат Министерства обороны ему выделили квартиру. Наташа хотела эту квартиру посмотреть. Правда, она собиралась лететь на гражданском самолете…

Громов схватился за телефон и начал обзванивать всех, кто мог хоть что-то знать. Никто ни в министерстве, ни в Генштабе ничего не мог толком объяснить. Отделывались туманной фразой — «пока выясняем». Однако во всех этих отговорках Громову слышалась страшная пауза. Так бывает, когда человек знает, но не находит в себе сил сказать прямо…

Наконец он просто учинил допрос летчикам из группы Варенникова. И они рассказали…

На борту самолета Ан-26, которым Крапивин вылетал на совещание к главкому ВВС, вместе с генералом находились два его сына, Андрей и Александр, на месте правого пилота сидел сын космонавта Валерия Быковского… Была в самолете и жена Громова — Наташа…

Диспетчер Львовского аэропорта перепутал воздушные эшелоны для военного и гражданского самолетов. Погибли все…

Наутро Варенников выделил Громову самолет, и днем Борис Всеволодович прибыл на Украину. Все, что осталось от людей, было запаяно в цинковые гробы. Один гроб Громов привез в Саратов…

А уже 10 мая Борис Всеволодович Громов был в Москве у начальника Генерального штаба. Сергей Федорович Ахромеев выразил соболезнование и предложил остаться в Союзе.

Генерал подумал и отказался. Все, что случилось, ему легче

будет пережить в Афганистане. Двух своих сыновей он оставил на попечение родителей жены в Саратове.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета О награждении орденами и медалями СССР военнослужащих, рабочих и служащих Советской Армии За успешное выполнение задания по оказанию интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан наградить:

…

ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ *Громова Бориса Всеволодовича* — генерал-майора.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. Громыко Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Ментешашвили

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Громов Борис Всеволодович Генерал-майор с 17.02.1982 Генерал для особых поручений начальника Генерального штаба — начальник группы представителей Генерального штаба с 9 марта 1985 г.

Год рождения 1943-й, г. Саратов Член КПСС с января 1966 г.

Заслуги, за которые представляется к награждению Генерал-майор *Громов Б. В.* имеет почти трехлетний опыт непосредственного участия в боевых действиях против мятежных формирований в Афганистане.

Умело используя этот опыт, уверенно руководит деятельностью группы представителей Генштаба в ДРА по осуществлению контроля за выполнением приказов министра обороны СССР и директив Генерального штаба, а также по своевременному обеспечению командования информацией о военно-политической обстановке в ходе боевых действий.

Глубоко анализируя обстановку, делает правильные выводы и вносит обоснованные предложения по вопросам организации борьбы с мятежными группировками.

Активно участвует в обобщении боевого опыта советских и афганских войск и методов действий противника, чем способствует повышению эффективности боевых операций, проводимых против мятежников.

Находясь непосредственно в районе боевых действий, проявляет мужество и решительность, уверенно оценивает обстановку и, оказывая практическую помощь командирам соединений и частей, активно воздействует на ее развитие в пользу советских и афганских войск.

Вывод. За большой вклад в дело борьбы с мятежными группировками в ДРА и проявленные при этом мужество, инициативу и решительность достоин награждения орденом Красного Знамени.

Начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза С. Ахромеев 16 августа 1985 г.

СЛУЖЕБНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

на генерал-майора *Громова Бориса Всеволодовича* — генерала для особых поручений начальника Генерального штаба — начальника группы представителей Генерального штаба Вооруженных Сил СССР 1943 года рождения, русский, член КПСС с 1966 года. Образование — Военная академия Генерального штаба имени К. Е. Ворошилова в 1984 году, в Вооруженных Силах с 1962 года.

Генерал-майор *Громов Б. В.* в должности генерала для особых поручений начальника Генерального штаба — начальника группы представителей Генерального штаба Вооруженных Сил СССР зарекомендовал себя с положительной стороны. Трудолюбивый и добросовестный генерал. Имеет большой опыт непосредственного участия в боевых действиях против мятежных формирований в Афганистане. Способен быстро принимать целесообразные решения и настойчиво проводить их в жизнь. Свободно разбирается в оперативной и военно-политической обстановке, вносит обоснованные предложения по вопросам организации борьбы с мятежными группировками.

Находясь непосредственно в районах боевых

действий, проявляет мужество и решительность, оказывает практическую помощь командирам соединений и частей по вопросам организации борьбы с мятежными группировками. Идеологически выдержан, моральные качества высокие. Государственную тайну хранить умеет. Делу КПСС и социалистической Родине предан.

Вывод. За большой вклад в дело борьбы с мятежниками в ДРА, проявленные при этом мужество и решительность, достоин награждения орденом Красного Знамени.

Первый заместитель начальника Генерального штаба генерал армии Варенников 29 августа 1985 года Громов был убежден, что основная задача, стоящая перед группой, сформированной начальником Генерального штаба, состояла в том, чтобы при планировании и проведении боевых действий была сведена к минимуму возможная гибель солдат и офицеров, проходящих службу в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Задача эта комплексная, затрагивающая все стороны армейской жизни. Но была и одна деликатная проблема, о которой не принято говорить, но влияние ее на ход боевых действий значительно и, к сожалению, чаще всего негативно.

Это касается визитов больших генералов.

Примеров тому немало. Громову запомнился эпизод, случившийся во время проведения войсковой операции в ущелье Пандшер, планируемой на лето 1985 года. Случай, потребовавший от самого Громова таких действий, на которые он до этого не решался.

В 40-ю армию приехал известный генерал, один из прославленных полководцев Великой Отечественной войны. Когда он спускался с трапа самолета, на его танковом комбинезоне сверкнула звезда Героя Советского Союза.

В штабе 40-й армии генерал заслушал краткий доклад командующего о ходе операции и сразу начал ставить уточняющие задачи.

То есть генерал попросту взял на себя управление операцией, даже не выслушав толком командование и советнический аппарат.

Сам Громов, к примеру, несмотря на многолетнее присутствие в Афганистане и свою должность генерала по особым поручениям, высказывался по плану проводимых операций только

в том случае, если его спрашивали.

Оказавшись на командном пункте армии в Баграме, только что прилетевший генерал с ходу начал изменять замысел операции. «Смелее, решительнее, неожиданнее надо действовать, товарищи! Если бы мы так осторожничали в Великой Отечественной, то победы бы нам до сего дня ждать пришлось».

Некоторые из принятых приезжим генералом решений вызывали крайнее недоумение. Например, он приказал перебросить основные силы 201-й мотострелковой дивизии на Южный Саланг. Но для этого как минимум нужно было подготовить саму дивизию и обеспечить ее безопасность во время совершения марша…

А очередное приказание — высадить десант в «зеленую зону» — привело всех в состояние шока. Для послуживших в Афганистане стало аксиомой, что такого рода операция, не подготовленная предварительно, приведет к гибели десанта и задействованных в заброске вертолетов. Зеленые зоны были обжиты душманами и активно ими использовались. Печальный опыт такого рода операций прекрасно известен летчикам…

— Как-то проводили операцию совместно с войсками ДРА, — вспоминает Виктор Севастьянович Кот. — Афганцы предложили: «Давайте используем фактор внезапности. Рано утром, двумя волнами высадим десант». — «Не получится, — говорю. — Там, где проводится операция с участием афганских войск, внезапности не может быть по определению. Уж кто-то из них обязательно земляков предупредит».

Но беда в том, что большие генералы прибыли тогда из Москвы. Им хотелось отметиться красивой операцией и научить нас, как нужно вести современную, мобильную войну. Они афганских генералов активно поддержали. Настояли.

Генерал-лейтенант Сафронов был советник, опытнейший человек — и того уломали.

Еще раз предлагаю нормальный вариант — поднимаем три полка Су-25, делаем несколько заходов, расчищаем всё это пространство, а потом высаживаем десант.

Еще лучше за сутки, как следует, обработаем эти горы, заминируем и будем спокойны. Там ведь не кишлачная зона, там полностью горный массив, ничто не мешает бомбить.

— Нет, в таком случае не будет никакой внезапности.

Ну что поделаешь?! Уговорили наших советников.

Начали операцию. Афганцы высаживают десант. Ни один вертолет не возвращается.

Как потом выяснилось, моджахеды к встрече подготовились

прекрасно. Вертолеты сразу попали под мощнейший обстрел от ПЗРК «Стингер» и «Стрела» до ДШК и стрелкового оружия. Это море огня. Кто не видел, не поймет. Просто страшно! Конечно, разве можно тут винить летчиков. Последний вертолет десантный до дома не дотянул, упал на батарею.

Сразу афганцы обвиняют нас. Русский командир полка струсил, не стал высаживать десант.

Отвечаю: «Командир полка не виноват. Он дисциплинированный человек. Я ему поставил задачу, притом задачу поставил с записью. При обстреле высадку десанта не производить. Если вы считаете, что он поступил неправильно, объясните мне почему. Он выполнил приказ. У меня к нему вопросов нет».

На другой день снова собрали всех советников и решили проводить специальную операцию.

Так вот, штурмовики обрабатывали этот район целую неделю, а когда его взяли, я отправился посмотреть, что же мы там долбили.

Страшное дело! Там опорные пункты — пещеры специально оборудованные. Их открывают, в них по сорок трупов! Это была мощнейшая система укреплений. Горы боеприпасов. После этого даже перестали показывать захваченное у душманов оружие. Там было столько, что его просто складывали в огромные кучи и подрывали. И вот эту базу хотели взять на «ура», на внезапность!

Пошли на поводу у афганцев и прибывшего начальства. Повторю, советники были очень опытные командиры. Тот же Сафронов — бывший командующий 36-й воздушной армией, служил заместителем командующего на Дальнем Востоке. Человек подготовленный, как и другие советники. Но их уговаривают!! Вот какое может быть давление! Советники, в свою очередь, уговорили командующего и министра обороны. Ну а результат… Я уже рассказал.

Пришлось Громову просить командарма организовать ему, как бы случайно, встречу с высоким гостем наедине. Тут он прямо доложил высокому гостю о возможных последствиях его приказов. Доклад был обильно проиллюстрирован рядом убедительных примеров из реальной афганской жизни.

В результате генерал свои приказы отменил, но обида, ее он даже не особенно скрывал, осталась: «Какой-то выскочка-штабист критикует решения, принятые опытным полководцем. Да я командовал дивизией, когда этот мальчишка еще не родился!»

Громов прекрасно понимал, что генерал, вернувшись в Москву, может организовать ему массу неприятностей, а при желании вовсе перечеркнуть его карьеру. Но даже такое будущее

не могло идти ни в какое сравнение с человеческими жертвами, которые могли бы появиться в результате выполнения подобных приказов.

Конечно, солдат должен подчиняться приказам вышестоящего начальника — это основное положение Устава. Но нельзя заставить солдата не думать. Громов по крайней мере таким солдатом быть не желал и не мог…

Ну а главное, к чему Громов пришел в этот непростой период своей жизни, — твердое убеждение в том, что на афганской эпопее пора ставить точку. И заканчивать войну необходимо как можно скорее. Присутствие советских войск не приносило и не могло принести ничего хорошего этой стране, живущей, по сути, в XIV веке, стране с чужой непонятной религией и патриархальным укладом.

Ситуация в Афганистане уже несколько лет была совершенно тупиковой. Власть, которую держали на своих штыках советские войска, слабела с каждым днем.

Все чаще вспоминал Борис Громов прочитанную им книгу по истории Афганистана и все больше поражался тому, как всё происходящее напоминает то, что уже много раз испытала эта страна, не желающая жить по законам, навязанным со стороны. Народы, населяющие горы и пустынные плоскогорья этой суровой земли, опять доказывали, что их невозможно заставить делать то, что им не нравится.

В последние столетия упрямая Англия трижды наступала на афганские грабли. Не удалось избежать этого и Советскому Союзу.

Беда была в том, что не только иноземцы, но и своя нынешняя афганская власть не устраивала эту страну, вот почему правительство Афганистана не могло закрепить результатов боевых действий 40-й армии. Вместо того чтобы задуматься о том, что же в ней самой не устраивает собственный народ, требовала от своих иноземных защитников все новых военных операций.

Вот то единственное, что кабульские лидеры научились делать просто замечательно. Раздувая и драматизируя события, они постоянно добивались военной и экономической помощи. Выражаясь медицинским языком, кабульский режим переродился в паразита, присосавшегося к телу своего огромного соседа. Такое уже не могло называться ни сотрудничеством, ни интернациональной помощью. Это превратилось в болезнь, от которой нужно лечиться.

Военные уже давно поняли, что войска необходимо выводить. Руководитель Оперативной группы МО СССР генерал армии

Варенников и представитель Генштаба генерал Громов в своих докладах обоснованно писали о том, что силовое решение афганского кризиса невозможно и чем раньше будут выведены войска, тем меньше будет возвращаться в Союз запаянных гробов и покалеченных людей.

Громов прекрасно понимал, как сложно сейчас руководителям страны принять решение о выводе войск. Это означало признать свою ошибку перед всем миром, увидеть ликование заклятых идеологических врагов. Решение о выводе войск для людей, находившихся у власти в СССР, было страшнее смерти. Это станет потерей лица, признанием бессилия самого прогрессивного строя на земле. А ведь в принципе все просто. Необходимо усвоить главную мысль: ни о каком поражении советских войск в Афганистане речь не идет. Нет тут ничего похожего на паническое бегство американских войск из Вьетнама. Советские войска в Афганистане всегда выполняли поставленные перед ними задачи. Разве виноват советский солдат в том, что освобожденные им территории не осваиваются афганской властью, не становятся территорией мирной жизни? Подобных задач армия решить не может, да и не ее это дело. И все-таки… Все-таки… Громов понимал, что при нынешнем руководстве решение о выводе войск не будет принято.

Осознание всего этого отравляло жизнь. Громов, пожалуй, даже обрадовался, когда генерал В. И. Варенников сообщил, что время его афганской командировки подошло к концу.

В общей сложности Борис Всеволодович пробыл в Афганистане три с половиной года. Это очень много.

Очередная афганская командировка завершилась вполне успешно.

1 апреля 1986 года Громов был назначен командующим 28-й армией и отправился в Белоруссию.

7 мая 1987 года ему присвоено очередное воинское звание генерал-лейтенанта.

Война, кажется, стала для него прошлым.

— Я заканчивал академию Генштаба в 1985 году. Громов закончил в 1984-м, — вспоминает начальник тыла 40-й армии Вячеслав Александрович Васенин. — Я уехал в Гродно в 28-ю армию, он оказался снова в Афганистане. Через год в 28-ю приходит командующим Громов. Я оказался его заместителем по тылу.

У Бориса Всеволодовича Громова есть такая интересная Он четко разделяет все свое окружение по тому принципу, с кем ему придется больше, а с кем меньше работать.

Например, начальник политотдела. Важная персона, но с ним много работать не придется. А вот есть заместитель по вооружениям и заместитель по тылу. От этих в первую очередь зависит боевая готовность. С ними придется работать постоянно. Следовательно, и отношение особое.

Он и в свободное время чаще всего был с нами.

Наступает воскресенье. Громов звонит: «Вячеслав Александрович, мы тут с замом по вооружениям на Неман собираемся съездить. Ты как?»

Приезжаем на Неман. Мы с семьями, он один. У него тогда эта трагедия произошла уже. Берем консервную банку, ставим ботинки вместо ворот и начинаем гонять эту банку, как в детстве. Шашлык приготовим, искупаемся. Часа два-три, зарядились и сворачиваемся.

При работе с ним было ощущение свободы, он никого не сковывал, очень ценил людей инициативных. И это, заметьте, при полном понимании того, что инициатива часто ведет к перерасходу материальных и денежных средств. Это понятно. Ведь инициатива не планируется. Значит, на такие мероприятия деньги можно брать только из плана. Это, сами понимаете, не приветствуется. Громов умел находить золотую середину. Он не сковывал инициативу подчиненных, но и за расходованием плановых средств следить не забывал. Одним словом, инициатива должна быть разумной. Можно выполнить задачу с перерасходом средств, а можно с экономией. Такого рода инициатива всегда приветствуется, но при этом экономия не должна приводить к ухудшению результата.

Все остальные армии Белорусского военного округа были танковые, и только 28-я — общевойсковая. Здесь все мы получили соответствующий опыт в управлении, причем опыт разнообразный и новаторский, по всем видам обеспечения, в том числе и по разведке, химзащите, инженерным делам.

Тогда я заметил, как много внимания уделяет Громов вопросам взаимодействия между войсками. Это его конек. Умение наладить надежное управление в самых сложных условиях боевых действий и является основной его силой, в этом и состоит его полководческий талант.

Пришло время, Громова вызвали в ЦК КПСС и сообщили о переводе в Афганистан. Через некоторое время туда же направили и меня.

ПРИКАЗ

Министра обороны СССР По личному составу № 0336 1 июня 1987 года г. Москва

§ 1. Назначить: 1. Генерал-лейтенанта *Громова Бориса Всеволодовича* — командующим 40-й армией, освободив его от должности командующего 28-й армией.

Министр обороны СССР Генерал армии Д. Язов — Уехал я в Афганистан на десять дней раньше Громова, — продолжает свой рассказ Вячеслав Александрович. — Борис Всеволодович провожал меня и сказал, чтобы я готовил для него плацдарм. Готовить для него, конечно, ничего не надо было. Афганистан он знал лучше всех.

В отличие от Громова мне было много сложнее. Я попал в Афганистан впервые. Просто счастье, что работать мне пришлось с таким опытным командиром.

Первый его совет мне был такой — пока не освоился, не высовывай башку.

Замом по вооружениям был Сергей Александрович Маев. Он мне тоже очень помог разобраться в обстановке и делах. И именно с нами, как я уже говорил, Громов наиболее плотно работал.

Глава шестая
ОПЕРАЦИЯ «МАГИСТРАЛЬ»

Этот документ из афганского архива публикуется впервые. Думается, даже очень далеким от военной профессии людям будет интересно узнать, как выглядит расписанный до мельчайших подробностей оперативный план крупнейшей армейской операции, подготовленной штабом генерала Б. В. Громова.

БОЕВОЙ ПРИКАЗ 40 А № 042

10. 11. 87 г.
КП-КАБУЛ, карта 50.000, издание 1983 г.

Обстановка в районе Хост остается сложной и напряженной. Мятежники не оставляют попыток взять под свой контроль всю территорию округа. Основные усилия мятежников направлены на:

— продолжение экономической блокады путем срыва торговли с Пакистаном;

— обстрел г. Хост с целью вызвать панику среди местного населения и вынудить покинуть город;

— уничтожение сторожевого поста на 36-м караванном маршруте и возобновление поставок оружия во внутренние провинции Афганистана.

Старейшины племен в округе Хост отвергают контакты с народной властью. Племена достаточно вооружены и способны поставить под ружье до 20 тысяч человек.

Общая группировка мятежников в районе боевых действий составляет 76 отрядов и групп — 4420 мятежников.

Возможный характер действий мятежников при проводке колонны:

— минирование дороги и господствующих высот вдоль нее;

— создание завалов и разрушений на отдельных участках дороги;

— интенсивный обстрел колонн с заранее подготовленных позиций;

— активная борьба с воздушными целями с применением ПЗРК «Стингер», других средств ПВО;

— сопротивление войскам будет нарастать по мере приближения к базе в районе СРАНА.

РЕШИЛ: Ударами авиации по перевальным участкам караванных путей изолировать район боевых действий от проникновения бандформирований.

Используя результаты огня артиллерии, удары авиации с утра 22 ноября выдвижением 108 мед, 191 омсп во взаимодействии с ВС ДРА, занятием господствующих высот, блокировать дорогу в районе к. ДАРА, ЗАВУ, ГЕЛЬГАЙ, иск. пер. САТУКАНДАВ, 103 вдд с утра 23 ноября во взаимодействии с 76 пп ВС ДРА овладеть и удерживать перевал САТУКАНДАВ.

В ходе боевых действий быть в готовности к проведению десантирования 103 вдд и 345 оддп.

В течение 23–26 ноября провести переговоры с племенем ДЖАД РАН с целью подписать договор о проводке колонны с материальными средствами по маршруту ГАРДЕЗ, ХОСТ для ВС ДРА.

В случае отказа подписать договор ВС ДРА с утра 27 ноября осуществляют блокирование участка дороги от перевала САТУКАНДАВ до НАСРИАКА—ЗМАРАТ — силами 25 пд и 37 дшбр ВС ДРА.

С 4 по 17 декабря осуществить проводку колонны по маршруту ГАРДЕЗ — ХОСТ для ВС ДРА с материальными средствами.

С 17 до 20 декабря осуществить снятие подразделений с блока вдоль дороги ГАРДЕЗ — ХОСТ и осуществить выдвижение частей и соединений в пункты дислокации.

Одновременно в период проводки колонн выставить 67 пп на перевале САТУКАНДАВ с целью обеспечения беспрепятственной проводки колонны из ГАРДЕЗА в ХОСТ для ВС ДРА.

Боевые действия провести в 5 этапов: I. Выдвижение и захват пер. САТУКАНДАВ.

II. Ведение переговоров с племенем ДЖАДРАН.

III. Захват и выставление сторожевых постов вдоль дороги от пер. САТУКАНДАВ до ХОСТ.

IV. Проводка колонн с материальными средствами для ВС ДРА.

V. Выход из боя и возвращение в ПД.

ПРИКАЗЫВАЮ: а) 103 вдд 20. 11 совершить марш в район боевых действий и к исходу 21. И сосредоточиться в районе ГАРДЕЗ.

С утра 22–23. 11 после проведения огневой подготовки во взаимодействии с подразделениями ВС ДРА захватить пер. САТУКАНДАВ и блокировать дорогу на участке: ГЕЛЬГАЙ — ШВАК, с задачей не допустить выхода мятежников к коммуникации и обеспечить беспрепятственное движение колонн на охраняемом участке.

КП иметь в районе: отм. 2815.

В ходе боевых действий быть в готовности к проведению десантирования. б) 108 мед 20. 11 совершить марш в район боевых действий, к исходу 20. 11 сосредоточиться в районе ГАРДЕЗ.

С утра 22. 11 после огневой подготовки перейти к обороне в полосе: иск. ГЕЛЬГАЙ, имея передний край по рубежу к. ДАРА, к. ГЕЛЬГАЙ, с задачей не допустить выхода мятежников к коммуникации и обеспечить беспрепятственное движение колонн на охраняемом участке.

Справа переходит к обороне 103 вдд.

КП дивизии иметь в районе (1128). в) 191 омсп 18. 11 совершить марш в район боевых действий и к исходу 18. 11 сосредоточиться в районе ГАРДЕЗ.

С утра 22. 11 после проведения огневой подготовки перейти к обороне на своем участке, с задачей обеспечить подразделениям 103 вдд и подразделениям ВС ДРА захват пер. САТУКАНДАВ. Справа переходит к обороне 103 вдд.

КП полка иметь в районе отм. 2669. г) 56 одшбр со средствами усиления к исходу 25. 11 переходит к обороне на участке: иск. к. УБАМТАЙ, НАВАЙКОВ с задачей не допустить мятежников к коммуникации и обеспечить беспрепятственное движение колонн на охраняемом участке.

КП иметь в районе к. ШАБАКХЕЙЛЬ. д) 345 опдп к исходу 29. 11 быть в готовности овладеть господствующими высотами и обеспечить беспрепятственное движение колонн с материальными

средствами. е) 149 мсп — резерв руководителя боевыми действиями. К исходу 20.11 сосредоточивается в г. КАБУЛ и обеспечивает проводку колонн по маршруту КАБУЛ — ГАРДЕЗ. ж) 66 омсбр — резерв руководителя боевыми действиями. 21. 11 сосредоточиться в ПД 56 одщбр и быть в готовности к выполнению поставленных боевых задач.

Артиллерии:

— обеспечить выход соединений и частей в район боевых действий;

— воспретить попытки мятежников выйти из окруженных районов, а также подход их резервов;

— выполнять задачи по вызову;

— выполнять задачи по дистанционному минированию местности.

Авиации: В ходе создания группировки, выдвижения соединений и частей для выполнения боевой задачи прикрыть их от воздействия противника.

Осуществлять поддержку войск в ходе боевых действий, перевозки личного состава и МТС, эвакуацию раненых и больных.

ВВС армии в ходе самостоятельных боевых действий с 9 по 22 ноября бомбо-штурмовыми ударами нанести поражение вскрытым группировкам мятежников.

При создании группировки, выдвижении в район боевых действий, на блоки — прикрыть войска от ударов мятежников.

Обеспечить ретрансляцию команд и сигналов.

Быть в готовности по дополнительной команде десантировать подразделения 345 опдп и 103 вдд.

Для выполнения боевых задач выделить ресурс — 720 вылетов фронтовой авиации, в том числе 160 — в резерве, 840 вылетов армейской авиации и вылетов специальной авиации — 120.

Подразделениям ПВО:

— основные усилия средств ПВО сосредоточить на прикрытии КП ОГА, дивизий, полков с восточного и юго-восточного направлений;

— оповещение о воздушном противнике организовать через КП ПВО армии.

Инженерным подразделениям:

— провести инженерную разведку маршрутов выдвижения войск в районы боевых действий, районов развертывания ПУ, огневых позиций артиллерии и вертолетных площадок;

— оборудовать пункты водоснабжения;

— провести спецминирование вероятных маршрутов движения караванов, выхода мятежников к коммуникациям.

Подразделениям химической защиты:

— вести постоянную химическую и бактериологическую разведку районов боевых действий;

— уничтожать боевую силу и материальные средства противника, а также его огневые точки;

— применять дымовые средства для маскировки маневра на поле боя и ослепления огневых точек противника.

Тыловое обеспечение: Для организации бесперебойного тылового обеспечения войск в ходе боевых действий создать базовый район в 56 одшбр (ГАРДЕЗ).

К 20. 11. 1987 г. запасы материальных средств в базовом районе создать в размерах: Горючего: БА — 3,0 заправки ДТ — 3,0 заправки Продовольствия: 30 с. дач котлового пайка и 15 с. дач горно-зимнего рациона.

Для организации помывки в каждом полку иметь ДДА и комплект белья на 100 % личного состава.

Медицинское обеспечение организовывать штатными силами и средствами медицинских служб дивизий и полков.

Эвакуацию раненых и больных из районов боевых действий осуществлять вертолетами в омедр 56 одшбр с последующей эвакуацией в ЦВГ и ВИГ КАБУЛ.

Время готовности к боевым действиям — 17. 11. 1987 г.

СОСТАВ ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ: Руководитель боевыми действиями генерал-лейтенант ГРОМОВ Б. В.

Заместитель руководителя боевыми действиями генерал-майор ПИЩЕВ Н. П.

Начальник штаба ОГ подполковник ТУРЛАЙС Д. А.

Операция сложилась. Командующий 40-й армией генерал-лейтенант Борис Всеволодович Громов понял это. Да, в боевом приказе расписано практически все, что должны делать части и подразделения для того, чтобы получить тот результат, на который операция рассчитана. Но и боевой приказ — это еще не все. В каждой операции, как в шахматной партии, обычно существует свой, глубоко спрятанный, порой совершенно незаметный главный ход. Он может быть придуман заранее, но может возникнуть и по ходу игры. Так бывает. В неимоверно стиснутой позиции, когда и шевельнуться невозможно, делается незаметный ход, где-то в углу на далекой, неинтересной, кажется, совершенно бесполезной периферии, и внезапно все становится до изумления просто. Именно сейчас, накануне операции, Громов этот ход увидел. Решилось последнее, что его волновало. Теперь все сложилось.

Громов вызвал начальника оперативного отдела штаба Чуркина и в ожидании его начал ходить по комнате в бывшем дворце Амина, которая была его кабинетом. Сам того не замечая, Громов едва слышно напевал, и это значило, что настроение у него отличное…

Теперь и ему самому стало понятно, почему раньше он отвергал вариант за вариантом все планы, предложенные оперативным отделом штаба…

Начальник оперативного отдела штаба 40-й армии Николай Павлович Чуркин в последние дни, похоже, опасно приблизился к состоянию нервного срыва. Семь подготовленных его отделом вариантов операции «Магистраль», разработанные во всех подробностях, хоть завтра начинай, были каким-то непонятным образом, без объяснений, отклонены. Вернее сказать, как бы даже не отклонены, а отложены как резервные (впрочем, скорее всего это надо понимать, как вежливую форму отказа). Такого еще не было. Ну, два, три варианта… Ведь это же не эскизы на бумажке. Порвал один и нарисовал другой. Над каждым вариантом по нескольку суток, а перед сдачей без сна и отдыха, работал весь оперативный отдел армии. И что в результате? После тщательной разборки и горячего одобрения начальника штаба армии Афганистана — да и Громов вроде бы обсуждал все с интересом — поступало указание готовить новый план.

Беда в том, что в этот раз Чуркин не мог понять, чего хочет от него командующий. А ведь они не вчера начали работать вместе. Кажется, уж знали друг друга, как родные.

Все предложенные планы операции были сделаны на высшем уровне. Впрочем, иначе и быть не могло у Николая Павловича,

отличного специалиста, к тому же за несколько лет работы в Афгане во всех тонкостях освоившего театр военных действий.

«Магистраль» была очередной в ряду операций, которые начали проводиться вскоре после введения войск, когда стало ясно, что для того, чтобы выполнять задачи, поставленные перед Ограниченным контингентом, необходимо отрезать боевиков от их баз в Пакистане. Отрезать — это, конечно, сильно сказано, но, по крайней мере, максимально затруднить переброску людей, оружия и продовольствия по горным тропам Гиндукуша через пресловутую «линию Дюранда», исполняющую роль афгано-пакистанской границы. Такие операции с большим или меньшим успехом проводились примерно раз в год. «Магистраль» хотя и была из того же разряда, но задумана несравненно масштабнее.

— В Афганистан я был направлен с должности начальника оперативного отдела 4-й армии, которая располагалась в Баку, — вспоминает начальник оперативного отдела 40-й армии Николай Павлович Чуркин. — К слову, тогда я был самым молодым начальником оперативного отдела армии Вооруженных Сил Советского Союза, подполковник на генеральской должности.

Меня направили в 40-ю армию начальником оперативного отдела штаба, а эта должность укомплектовывалась тогда выпускниками академии Генерального штаба. Я академии не кончал, но уже три года проработал в этой должности в 4-й армии. Начальник оперативного отдела, по сути, первый заместитель начальника штаба армии. Он занимается подготовкой и контролем за проведением операций.

Работа наша состоит из трех разделов. Первый осуществляют направленны. В каждую дивизию, полк, во все виды войск, отделом рассылаются наши работники, которые за каждую воинскую часть отвечают. Они готовят сводки, приказы, распоряжения, всю обстановку обобщают: и боевой численный состав, и сторожевые заставы, колонны, боевые действия, потери, и мне докладывают, а я уже, на основании этих данных, докладываю командующему обстановку по всему Афганистану.

Второй отдел занимается оперативной подготовкой и информацией — подготовкой учений, тренировок, взаимодействия, докладов, различных сборников. Но плюс ко всему тут работают люди, которые ведут оперативную обстановку по всей армии, готовят сводки, распоряжения для Генштаба, для округа и для Ставки, которые я подписывал и отсылал в высшие инстанции раз в неделю.

Третье направление — это организация командных пунктов и штабов. Мои офицеры следили за тем, как там налажена связь, как летают «ртишки» и вертолеты, для того чтобы увеличить зону

действия радиосвязи.

Была еще отдельная группа боевой готовности. В ее ведении — все распоряжения о боевой готовности, боевое дежурство, средства связи, командные пункты. Вот какое хозяйство!

В центре боевого управления (ЦБУ) сидела дежурная группа в составе связиста, тыловика, разведчика, оператора, артиллериста, пэвэошника, химика. Это постоянное круглосуточное дежурство. Планирование боевого применения авиации и артиллерии, дежурных сил и средств происходило каждое утро. Внезапно сложившиеся задачи уже мне решать. Говорю артиллеристу:

— Нанести удар вот сюда силами этими и этими. Записывай.

Летчику:

— Дежурное звено. Пару вылетов сделать сюда и сюда. Всё. Потом доложите.

И так далее.

Вот мое хозяйство.

В первые дни работы с Громовым мне пришлось проводить операцию за Черными горами, в районе ныне знаменитых пещер Тора-Бора. Закончил операцию, вывел войска, и меня сразу вызвали в штаб.

Зашел, доложил о прибытии. Громов говорит: «Вот тебе два часа времени. Подготовь справку. Писать много не надо, только самое главное».

Через два часа я пришел со справкой, доложил и понял, что сделал все так, как надо. С тех пор мне постоянно приходилось командующему такие доклады делать.

Организованность, контроль — регламент, как мы говорим, — это, на мой взгляд, отличительная черта его работы. Я это после первой же встречи понял, и мне понравилось.

У каждого были четко сформулированные задачи, и мы их выполняли. Времени, правда, постоянно не хватало. Спал по четыре часа в сутки.

Когда командир видел, что люди выдохлись, он говорил: «Все в бассейн (это около штаба), будем плавать».

Я не плавал. Где-нибудь пристраивался и на пятнадцать минут проваливался. Проснусь и снова могу работать.

Знаю, что он говорил другим: «Тихо! Не шумите, пусть пятнадцать минут поспит».

Вот отношение.

Настоящий командир, в высшем понимании этого слова. Не только для меня, для всех.

Когда уезжал в Афганистан, я уже много слышал о Борисе Всеволодовиче, но до того мы с ним не были знакомы и не встречались. Пути наши никак не пересекались. Мне говорили о

нем, как о грамотном, порядочном генерале, который знает цену людям, службе и государству.

Борис Всеволодович был назначен командующим через год после того, как я туда прибыл. Это он уже в третий раз приехал, командующим 40-й армией, после того как побыл командующим 28-й общевойсковой армией в Гродно. И вот, когда я начал служить под его началом, то по-настоящему понял и почувствовал человека, который руководит, командует и которому можно полностью доверить не только армию, но и более крупное объединение.

Большую концентрацию опыта, знаний, умений и высоких человеческих качеств трудно объединить сразу в одном человеке. Тем более что в Афганистане Громов успел побывать в разных должностях: и начальником штаба, и командиром дивизии, и представителем Генерального штаба, и, наконец, командующим 40-й армией на последнем, самом трудном этапе, завершившемся выводом войск. Тут поневоле приходилось проявлять и военные, и дипломатические таланты. Ведь он занимался не только войсками, но и поддержанием афганской власти на местах. К тому же необходимо было реагировать на появление новых видов оружия, например ракет «Стингер», и организовывать проведение таких широкомасштабных операций, как «Магистраль», которая разрабатывалась и осуществлялась в 1987 году.

Это была операция по стабилизации обстановки в Южном Афганистане и проводке колонн с продуктами и иными материальными ценностями для поддержания нормальной жизни в провинции Хост, которая оказалась, по сути, блокированной. С одной стороны горы всё заминировано, а с другой — Пакистан. Там были самые мощные лагеря «духов», подземные госпитали и базы.

Проводилась операция под эгидой доставки продовольствия, на самом же деле ставилась цель разгромить основные силы «духов», расчистить минные поля и обеспечить стабильные связи с провинцией. «Магистраль», таким образом, позволила решить несколько концентрированных оперативных, а правильнее сказать, даже стратегических задач.

Тогда мы уже начали готовить вывод войск.

В этой операции были отработаны и проверены на практике многие узловые моменты, которые потом позволили нам успешно провести вывод войск из Афганистана. Использование маневренных групп, саперных подразделений, поддержание надежной связи на всех уровнях было отработано и отлажено в «Магистрали».

Тогда особенно стала заметна роль командира. Громов четко

руководил и никогда не терял управления. Все действия в Афганистане, начиная с поддержки местных властей до проведения боевых операций разного уровня, обеспечение безопасности и снабжения — это всё было за ним и все нити управления были в его руках.

Борис Всеволодович — собранный и организованный человек. Он умел наладить такую же четкую работу на всех уровнях в армии. При нем был введен неизменный регламент мероприятий.

Все знали, что в восемь утра, несмотря ни на что, обязательно будет планерка — планирование боевых действий, инструктаж заместителей и начальников основных управлений, отделов и служб.

Все знали, что подведение итогов — это вторая половина каждого месяца.

Проведение военного совета — третья неделя месяца.

Все планово, вбито раз и навсегда, и ясно было всем, что ход армейской жизни не нарушится ни при каких ситуациях, что всегда будут поставлены задачи и организован четкий контроль за их выполнением. Такое понимание — самое основное, самое главное в армии. На этом зиждется система управления. И все это было так замечательно выстроено, что одно мероприятие другому не мешало, они все шли своим чередом, и это оказывало на людей исключительно благотворное действие.

Поражали его умение владеть собой, его сдержанность. Мне ни разу не пришлось видеть, чтобы у него сдали нервы. У него всегда хватало сил сдержать себя, более того, сдержать других. При нем никто никогда не ругался и не кричал. Но если нужно, он всегда умел сказать так, что мало не показалось бы. Было ясно — тут закон, тут власть, и эта власть незыблема. Эта власть твердо контролируется человеком, знающим всё.

Правильно нарисовать стрелу на карте, конечно, важно. Многие, даже среди военных, думают, что это и есть главная задача полководца. Но ведь эту стрелу понесет на своих плечах Ваня-взводный со своими солдатами. Саперы со своей техникой, летчики на самолетах, вертолетах, артиллеристы и танкисты. Пешком, вплавь и по воздуху, в песках, горах, грязи и снегах — все это направление на карте должны пройти по заминированной стреляющей земле живые люди — солдаты. Забота о том, чтобы войска могли выполнить задачу полностью, но при этом потерять как можно меньше человеческих жизней — вот это уже настоящий талант полководца, довольно редкий во все времена.

Еще очень важно доскональное знание местности, в которой проходят боевые действия. Горы — это одно, зеленка — другое, знойная пустыня — третье.

В горах даже летом может быть холодрыга такая, что надо надевать на себя все, что имеется, а внизу, в пустыне, в это же время шестидесятиградусная жара — такое пекло! Приходилось останавливать боевые действия, чтобы солдатики на своих рубежах могли хоть ненадолго спрятать голову в тени. Жара — страшная штука! Люди теряли сознание — тепловой удар, но это все-таки немногие, а вот многие теряли чувство ориентировки и реальности.

Я сам испытывал такое состояние. Тебе что-то говорят, ты киваешь головой, но совершенно ничего не понимаешь и даже толком не знаешь, где ты находишься и что тут делаешь. Пошла команда. Все «ура!» и ты «ура!». Встряхнулся, побежал, куда, зачем — непонятно. Этот страшный солнцепек доводил до помутнения мозгов человеческих.

Так вот, все это учитывалось и по возможности делалось так, чтобы конкретные условия, в которых приходилось воевать, как можно менее болезненно сказывались на физическом и моральном состоянии человека, который должен поставленную задачу не только выполнять, но и остаться живым.

Не случайно потери после прихода Бориса Всеволодовича на место командующего намного сократились.

Все боевые действия при нем имели обязательное качество — создание необходимых условий для сохранения жизней солдат. То есть — не только наука побеждать, но еще и наука, как побеждать с наименьшими потерями. Это была, говоря высокими, но справедливыми словами, школа любви к человеку, к своему солдату, к тому, кто тебе делает погоны и большие звезды на них.

Этот подход должны были, как «Отче наш», усвоить все служившие с Громовым офицеры. Каждый знал, не дай бог он по небрежности или спешке не убережет своего солдата или сработает по принципу «свистнул — пошел»! Только четкая отработка всех возможных вариантов, только налаженная координация действий между всеми родами войск могли принести тот успех, который гарантировал минимальные потери, этому всегда уделялось огромное внимание. Не могло даже мысленно возникнуть такой ситуации, когда на подготовку не хватило бы времени и потому пришлось провести операцию даже не очень крупного масштаба «на авось». Тут все прекрасно знали, что за «авось» будет самая серьезная расплата. Громов может понять и простить многое, но неоправданные людские потери не простит никогда.

При Борисе Всеволодовиче было сделано специальное большое поле для организации взаимодействия, так называемый «ящик с песком». Прямо за штабом, за дворцом Амина. Перед

каждой операцией в этом ящике строились макеты местности и во всех подробностях разбирались боевые действия любого масштаба. Офицеры советских войск с привлечением афганских (если операция совместная) отрабатывали взаимодействие, чтобы каждый знал свой маневр, понимал каждую команду, которая подается, что за этой командой кроется, что должно делать то или иное подразделение и какой результат будет достигнут.

В этом и была одна из основных составляющих успеха 40-й армии под командованием Громова. Это помогло резко сократить потери при том, что намеченный результат всегда бывал достигнут. Колонны должны дойти, связь должна быть постоянной, взаимодействие исключительное, авиация работает, разведчики идут по маршрутам, саперы делают проходы в минных полях, десанты высаживаются, если есть необходимость применения этих десантов.

Если где-то сбили самолет и «комар запищал» — значит, летчик жив, его необходимо вытащить — это закон. Сразу обдумывались разные варианты поисково-спасательного обеспечения. Либо это специально обученные подразделения на вертолетах высаживались по свежим следам, пока «духи» не успели найти, подлететь и летчика выхватить; либо пошел десант, дежурное штурмовое подразделение; либо это были боевые действия диверсионных групп или десантных войск пешим порядком, а то и войсковая операция, чтобы спасти жизнь даже одного человека. Все продумывалось, все расставлялось на свои места, с целью достижения успеха не любыми средствами, а именно без потерь и в тот промежуток времени, когда это может принести успех.

Никогда я не замечал, чтобы у Громова была зависть к чему-то или кому-то. Он умел радоваться успехам других.

Если ему рассказываешь о знакомых людях, он так внимательно слушает, сразу ясно, что это не игра, его действительно очень интересуют люди. Всегда вспомнит что-то хорошее о человеке и просит передать ему привет. Это редкое качество командира, который бережет солдата на поле боя и ничуть не изменяется после того, как расстался со своими сослуживцами по различным обстоятельствам жизни. Солдаты и офицеры это чувствуют. Для них нет ничего дороже такого отношения, и потому в ответ они готовы жизнь отдать за командира.

Людям на самом деле не нужны пинки и плети. Им необходимы доверие и уважение. Каждый знает себе цену и знает о своих недостатках. Догадывается о том, что командир тоже все о нем знает. И когда, зная, кто чего стоит, вышестоящий не

надоедает своим подчиненным вечными попреками, создается совершенно иной уровень общения.

К сожалению, в нынешней жизни такие отношения — большая редкость. Умение создать атмосферу доверия и ответственности, я считаю, определяющей чертой души и таланта Бориса Всеволодовича Громова.

Необычный характер операции «Магистраль» состоял в том, что она была многовариантная. Варианты различались по времени, направлениям главных и вспомогательных ударов. Они были разработаны подробнейшим образом и доведены до всех участников вплоть до батальонов и рот. Каждый командир в любом варианте знал свой маневр.

Казалось бы, к чему такая огромная масса работы? Разве не проще разработать до тонкости одну операцию и провести ее внезапно и точно? Но тут надо учитывать особый характер Афганской войны, который для Громова был совершенно ясен.

— Крупные операции обычно проводились совместно нашими и правительственными афганскими войсками, — вспоминает В. А. Васенин. — Следовательно, для моджахедов ничего тут не могло быть тайной. Достаточно вспомнить операцию в Пандшерском ущелье против Ахмад-шаха Масуда, когда он, зная все о намеченных мероприятиях, заранее вывел свои войска и запланированные удары пришлись по пустому месту.

Допустить такое в операции «Магистраль» Громов не имел права. Он как раз из тех редких в России людей, которые учатся не столько на своих, сколько на чужих ошибках.

Громов изначально исходил из того, что все тайное в совместных операциях становится явным для противника, у которого везде существуют информаторы.

Какой же способ можно было противопоставить этой убийственной прозрачности совместных действий? Только многовариантность.

Противник, конечно, раньше или позже узнавал обо всех разработанных операциях, но не мог знать, какая из них будет выбрана.

Главное решение Громов принимал в последний момент. Только таким образом можно было рассчитывать на успех.

Понятно, что подготовка крупной совместной операции — огромная работа. Основное время уходило на ее разработку. На завершающем этапе операция отрабатывалась в ящике с песком на точном макете того региона, где будут осуществляться боевые действия. Там все уяснялось до тонкости, и я, например, уже в точности знал, в какой срок до минуты, где и в каком количестве

должны быть сосредоточены те или иные запасы материальных средств. Я и все мои подчиненные понимали, что малейшее опоздание ставит под угрозу всю операцию.

В операции «Магистраль» мы должны были осуществлять подвоз боеприпасов, горючего и продовольствия от Кабула и до Гардеза (130 километров). В Кабуле, на Теплом стане мы сосредоточивали все необходимые запасы материальных средств, это многие тысячи тонн. В течение недели должны были всё перебросить. К тому же все это надо протащить так, чтобы по возможности избежать потерь.

На блоки, прикрывать трассу, выставлялась 103-я десантная дивизия. Руководил этой операцией Георгий Васильевич Кондратьев. И вот он мне звонит (чуть больше суток осталось до начала операции): «Вячеслав, подай мне еще тысячу машин с боеприпасами».

Вот это просьба!! Машина — десять тонн. Это значит десять тысяч тонн!

— Ладно, — говорю, — я их тебе подам, но где ты их поставишь и разгрузишь, ты ведь не успеешь?!

— Только доставь, — говорит, — об остальном можешь не беспокоиться.

Как не беспокоиться, если я знаю, что через сутки дивизия, прикрывающая трассу, должна сняться и встать туда, где ей надо находиться согласно приказу командующего. Если она уйдет, я не смогу эту тысячу машин обратно вытащить!

Тысяча машин — не шутка! А ведь еще нужно обеспечить фронт погрузки. Ну ладно, я с этим справлюсь. Отправляем колонну. Расстояние между машинами сто метров или даже пятьдесят. Представляете, на сколько километров растягивается колонна?! Это уже полпути. Отправляем колоннами по пятьдесят машин. Колонна загрузилась — пошла, загрузилась — пошла. И таких колонн двадцать! Фронт погрузки — это запакетировать груз, поднять в кузов, поставить и укрепить — минимум десять минут на машину. Уже сто минут на десять машин. Все это нужно рассчитать.

Так вот, мы сумели за сутки подать тысячу машин в Гардез! Кондратьев их там разгрузил, успели все вытащить, и дивизия, которая стояла на блоках, на всех 130 километрах дороги, вовремя вышла и заняла свое место по боевому расписанию.

Вот пример взаимодействия, которое работало четко и успешно даже в экстренных ситуациях. Это воспитано Громовым, это как раз и есть его школа. Такое взаимодействие основано на оптимальном сочетании инициативы и полной личной ответственности. Иным способом экстренную ситуацию

разрешить нельзя, не нарушив строгой плановости боевого расписания операции.

Когда начинаешь анализировать организацию взаимодействия боевых частей, которой Борис Всеволодович добивался, то прежде всего нужно отметить, что это не механически тупое и четкое сочетание, действующее наподобие часового механизма, а живое творческое, инициативное сотрудничество, основанное на знании плана и понимании цели. Ведь как ни хорошо действие часового механизма, но попадание в него ничтожной песчинки разрушает его работу. И если в ящике с песком план сложнейшей операции можно разобрать и довести до полного блеска, то в жизни каждому командиру приходится самому попадать в экстремальные ситуации, постоянно возникающие в ходе боевых действий и всеми доступными способами самому приводить ситуацию к плановой. Только в таком случае сложнейшая машина армии будет работать четко. Вот главное, чего умел добиваться Громов и что следует назвать основной составляющей его полководческого таланта.

По сути дела, операция «Магистраль» стала прекрасной подготовкой к выводу войск, который произошел через некоторое время и обеспечивался именно таким образом.

В ходе боевых действий могут возникать самые неожиданные препятствия и опасности, над которыми не властен и командующий. Порой они исходят не от противника, а из собственных высоких штабов и министерств.

Операция «Магистраль» началась с артподготовки и действий авиации, которая с десятков Ан-12 выбросила мощный десант.

Десант этот был полностью уничтожен уже в воздухе… Моджахеды, конечно, были оповещены о таком начале операции и сосредоточенным огнем всех имевшихся в их распоряжении средств буквально изрешетили… набитые ватой чучела «десантников».

Вот он, тот самый «тихий ход» большой шахматной партии под названием «Магистраль», которому так радовался накануне операции Борис Громов. Ход этот пришел ему в голову, когда, сидя вечером в своем кабинете, он ненароком вспомнил эпизод из истории Афганистана, который в те давние времена назывался Бактрией.

Это было время нашествия монгольского. В сражении под Гератом сын Чингисхана Тулуй применил одну из множества военных уловок, на которые были так горазды монгольские полководцы.

Для того чтобы устрашить противника, а заодно раскрыть все

его резервы, Тулуй велел своим воинам сделать соломенных кукол и посадить их на запасных коней (у каждого монгольского конника были одна-две запасные лошади).

Утром защитники Герата увидели огромное войско, во много превосходящее то, о котором было известно. Началась паника. Так была выиграна та давняя битва.

Тогда и мелькнула мысль о «соломенных десантниках», которые своими «жизнями» откроют дорогу живым солдатам к перевалу Сатукандав. Тайный «тихий» ход, о котором накануне операции знал только начальник оперативного отдела Чуркин. Ему и пришлось в срочном порядке, и никому ничего не объясняя, укомплектовать целый полк «ватных десантников».

— Зрелище было потрясающее! — продолжает В. А. Васенин. — Мощнейшая оборона моджахедов раскрылась на всю глубину. Ведь самолеты летят и летят, «десантники» прыгают и прыгают, а с земли навстречу им сплошные потоки огня!

Если бы такое увидел какой-нибудь проверяющий из не посвященных в тайные замыслы Громова, то трудно даже представить, что он бы пережил. Не исключено, что и «кондратий» мог хватить. Но перед этим он, пожалуй, успел бы отстранить Громова от проведения операции.

Вся годами подготовленная и надежно спрятанная («духи» прекрасно умели это делать) система обороны на этом важнейшем плацдарме была за один ход полностью раскрыта. Артиллерия и штурмовая авиация массированным налетом накрыли огневые точки, и освободилась дорога для наших солдат.

Успех операции решился на первом этапе. Дальнейшее, как говорится, уже дело техники. Вот почему так важно было, чтобы именно вначале никто не помешал…

Перед выводом войск Громов запретил мне самостоятельно летать и ездить. Только вместе с ним. Почему запретил? Получилось так, что в последние месяцы я стал часто попадать под обстрелы.

Был такой начальник строительства дорог и аэродромов генерал Шариф-хан. Афганец. Хороший мужик. Его ведомство и моя комендантская бригада, которая ведала поддержанием и строительством дорог и аэродромов, занимались по сути одним и тем же. Поэтому мы с ним часто ездили по объектам вдвоем.

8 августа 1988 года первый этап вывода войск заканчивался отправкой большой колонны из Кабула. С Теплого стана. Были торжественные мероприятия, у меня тогда впервые появилась видеокамера, и я много снимал.

Потом мы поехали с Шариф-ханом по нашим объектам. Я заснял генерала залезающим в БТР и даже подумать не мог, что

больше не увижу его живым. Сам устроился сверху, чтобы снимать. Шариф-хан тоже хотел ехать наверху, но начальник автодорожной службы воспротивился категорически. За генералом «духи» охотились персонально.

Проехали Баграмский перекресток и в районе южной окраины Черикара из гранатомета подстреливают наш БТР. Я наверху, генерал Шариф-хан внутри. Кумулятивная струя буквально прожигает его насквозь. БТР загорелся. Второй БТР начал вести огонь, но это стрельба вслепую, там зеленка, ничего не видно. Я по связи вызвал еще один БТР и доложил, что меня обстреляли. Борис Всеволодович сразу об этом узнал и принял меры. Уже через пятнадцать минут авиация это место обработала, и мы смогли оттуда убраться. Вскоре здесь была построена новая застава 21А имени генерала Шариф-хана.

Ну, чтобы там ни было, план нужно выполнять. Поехали дальше. В Пули Хумри прибыл, все проверил: трубопроводную бригаду, противопожарную защиту, госпиталь.

Здесь размещалась бригада материального обеспечения. Это огромнейшая организация, больше трех тысяч человек и 1800 единиц техники, да еще полк стоял, которым командовал сын генерала армии Варенникова.

Там на следующий день случилось попадание ракетного снаряда на территорию склада. Начали рваться боеприпасы. Пришлось очень много поработать, даже Борис Всеволодович приезжал.

Жертв, помнится, не было, но материально пострадали люди, особенно вольнонаемные. У вольнонаемных цель простая — они приехали, чтобы заработать. И вот всё, что они сумели приобрести через наш военторг, перед выводом войск сгорело и погибло.

Борис Всеволодович дал команду собрать по всей армии деньги, кто сколько сможет, чтобы возместить потери вольнонаемным. Действительно, два года люди служили, рискуя жизнью, завтра уезжать, а у них все накопленное пропало.

Всем миром собирали. Это тоже характер Громова.

Когда я из Пули Хумри возвращался, меня снова обстреляли и впереди в БТР сопровождения были потери. Вели огонь из крупнокалиберного пулемета (12,7 миллиметра). После этого мне Борис Всеволодович и запретил ездить.

— С большим пониманием Громов относился к саперам, — вспоминает Николай Николаевич Еловик, заместитель командующего инженерными войсками 40-й армии. — Это понятно, а в Афганистане в особенности — без саперов

невозможно было ходить и ездить по земле. Мины кругом.

Самой масштабной операцией перед выводом войск была, конечно, «Магистраль». Войска «топтали» дорогу из Гардеза на Хост, Борис Всеволодович руководил боевыми действиями.

Перевал Сатукандав я никогда не забуду. Там мины лежали в несколько слоев, «духи» годами минировали. Сколько мы там мин поснимали, одному Богу известно.

Тогда весь черикарский саперный полк принимал участие в операции. Прошли перевал, спустились вниз в ущелье, отряд обеспечения движения прошел. Слева, справа, на блоках сидели 345-й полк парашютно-десантный, знаменитый «вострotинский» и 103-я дивизия, которой Павел Сергеевич Грачев командовал.

Наступила примерно середина этой операции, и тут «духи» взорвали мост на Саланге, до тоннеля со стороны Черикара. Громов меня вызывает, говорит: «Николай Николаевич, садись-ка в вертолет и как можно быстрее восстанавливай мост».

Прилетели в Черикар, сели на броню, приехали, посмотрели, картина страшная — даже опоры разрушены. Но… глаза боятся, руки делают. Приступили к работе. На третий день мы этот мост восстановили.

У нас имелся стандартный набор ферм — для большого автодорожного моста. Быстро сделали опоры из фундаментных блоков, натянули этот мост, и движение восстановилось. Когда я Громову доложил, то, похоже было, что он удивился. Не ожидал, видимо, такой прыти.

В Афгане я при трех командующих служил. Сначала был Игорь Николаевич Родионов, потом покойный Виктор Петрович Дубынин, после него Борис Всеволодович Громов пришел.

При Родионове нас за потери не очень ругали, лишь бы был результат.

Тогда московские «бугры» — приезжие начальники больше командовали и, конечно, старались показать, на что они способны. Им до людей дела нет, был бы результат. Да и кого они тут знают — приехали, повоевали, очередной орден навесили и уехали. Туристы — одним словом.

Сергеев, который Приволжским округом командовал, тогда начальником штаба был. Так вот он посчитал, что приезжало комиссий больше, чем дней в году.

При Дубынине уже стали нас крепко журить за потери.

Ну а когда командующим стал Громов, то за каждого убитого и раненого приходилось отчитываться всем, от командира взвода до генерала и так, что мало не покажется.

Он говорил: что, у вас техники не хватает? Долбите, пока горы с землей не сравняются, только потом солдата пускайте.

Забота о солдатах — одна из его величайших заслуг. Он огромное количество людей от смерти и ранений уберег. За это ему просто цены нет.

При нем много заметных дел происходило. И крупнейшие операции, и переговоры, и встречи с иностранными журналистами, которых до этого в Афганистан просто не пускали, и, наконец, вывод войск. Все это при нем.

Важно и то, что он работал в очень хорошем контакте с генералом армии Валентином Ивановичем Варенниковым, который был начальником оперативной группы Министерства обороны в Афганистане. Друг друга они понимали с полуслова, поэтому все задачи выполнялись без проблем.

Ну а саперы — войска боевого обеспечения. Все, что нам приказывали, мы делали — будь то борьба с минами и минирование, особенно границы с Пакистаном, где нас больше всего тревожили караваны. Саперы Громова никогда не подводили. При нем каких-то проблем со взаимодействием не возникало. Он сумел сплотить людей, и работали все дружно без лишнего напряга, насколько это возможно на войне.

Каждое утро в 7.00 на ЦБУ. Постановка боевых задач. Каждый день — ни выходных, ни праздников. В любой момент будь готов ответить на любой вопрос. Мы, саперы, всегда там присутствовали.

У саперов очень широкий круг обязанностей. Прежде всего дороги. Они должны быть в рабочем состоянии. Ремонт, разминирование, постоянное наблюдение — все эти задачи лежат на саперах.

Разминирование и расчистка проходов в наступлении, установка минных полей при оборонительных действиях — это тоже головная боль инженерных войск.

Для обеспечения безопасного движения колонн саперы всегда идут впереди и первыми принимают на себя удары.

Очистка воды — тоже забота саперов. В Афганистане сырую воду просто так нельзя пить. Тут же подхватишь тиф или холеру. Пить можно только специально обработанную, обеззараженную воду. Агрегаты по очистке воды — у саперов, они их устанавливают и обслуживают.

Фортификационное оборудование сторожевых застав, окопы, стены, блиндажи, та же маскировка — все делают инженерные войска. Вот если, например, узел связи развернулся, то там ничего не должно быть видно, кроме антенны, ее, понятно, не спрячешь. Ну и многое другое — снабжение войск инженерными боеприпасами и весь шанцевый инструмент, лопаты, кирки, ломы

и другое, без чего воевать нельзя, — в ведении саперов. И все перечисленное лишь небольшая часть стоящих перед ними задач.

— Конечно, «духи» очень не любили, когда мы работали и всячески старались помешать, — продолжает свои воспоминания Николай Николаевич. — Нередко случались засады и обстрелы.

Я и сам в такие переделки попадал. Когда мы возвращались в Джелалабад, танки, которые нас сопровождали, отстали и мы попали под обстрел. Первый бронетранспортер был подбит, весь экипаж сгорел, я ехал на втором, и мы стали отстреливаться. Где-то около часа отбивались, пока танки не подошли.

Мы уже начали кричать на всех частотах, что нас забивают. Ну а что у нас — только автоматы, два пулемета (но один сгорел на первом БТР) и четыре гранатомета. Хорошо, танки вовремя подоспели.

Случалось ходить по минным полям. Спинным мозгом мины чуял, как любой сапер. Это опыт прежде всего. По минному полю, конечно, старались реже ходить, но когда приходилось, то у меня на этот случай всегда был щуп с собой.

Миноискателями тоже пользовались. Но более-менее совершенными они стали только под конец войны. А те, что присылали сначала, не очень помогали. Эффективность их невысока. Нужно быть музыкантом с абсолютным слухом, чтобы в нюансах писка разобраться. У нас собаки в основном мины искали.

В Афгане все страны мира работали против нас, каких только мин не было. Настоящая саперная академия. Мы все новые образцы, которые извлекали, выхолащивали и отправляли в Союз на изучение.

Там ведь и с современным миноискателем трудно было работать. К примеру, как обнаружить итальянские мины с пластмассовым корпусом, у которых только жало ударника металлическое, даже пружина спусковая и та из пластмассы? Действительно, нужно быть большим музыкантом, чтобы различить в наушниках миноискателя тончайшие изменения звука.

Много пакистанских мин было, много китайских и все-таки самые неприятные — итальянские. Они до того хитро были настроены, что даже под тралом танковым не срабатывали. Там механический взрыватель, и нужно соединение нескольких условий, чтобы произошло срабатывание. Трудно такую загадку разгадать. Предполагали даже, что там во взрыватели воздух закачивался. Ничего подобного! Нужно было, чтобы в течение не менее трех секунд большое давление создавалось на взрыватель.

Получается, что танковый трал прокатывается через мину без последствий, а когда наезжает сам танк, то как раз под вторым, третьим катком мина взрывается. Долго мы разобраться не могли, что к чему. Вот такие дела.

В Афганистане саперам пришлось столкнуться с огромным количеством сюрпризов. С самыми неожиданными минами-ловушками. Особенно подлым приемом стали мины в виде детских игрушек. Их разбрасывали возле школ и кишлаков. Ребенок игрушку схватит и всё. Очень ловко «духи» маскировали мины под пачки из-под сигарет, фляжки с водой. Это была война против собственного народа. Моджахеды воевали не только против советских, они убивали своих — тех, кто не хотел к ним идти, пусть даже и не поддерживал существующий режим.

В современнейших лабораториях разрабатывались новые способы маскировки мин и установки их на неизвлекаемость. Гордящиеся своей гуманностью европейцы и американцы поставляли в Афганистан эти страшные сюрпризы, которые еще многие десятилетия после войны будут убивать и калечить все живое. Даже против щупа придумали специальные мины. Щуп коснулся корпуса — сразу замыкание и взрыв.

— Подрывов много было, — продолжает Николай Николаевич. — Особенно много потерь от мин пришлось на 1986-й — половину 1987 года. Поэтому у нас даже батальоны переформировывались из батальонов специального минирования в батальоны разгорождения.

Любую колонну нужно было проводить и сопровождать, иначе она далеко не уедет. Тут ведь как? Голова колонны подорвалась, значит, всю колонну можно бить, особенно на узких дорогах в ущельях. Там подорвавшуюся машину не обойдешь.

Как сейчас в Чечне! Чеченцы из Афгана опыт брали. А вот наши почему-то не подумали, как им свой опыт применить, всё на старые грабли наступают. Это очень хорошо видно сейчас.

Операция «Магистраль» велась совместно с афганскими правительственными войсками. В штабе армии проходила организация взаимодействия.

До начала боевых действий в штабе собираются основные командиры. Дается четкая установка — кто, куда, когда и в какое время будет выдвигаться, кто обеспечивает продвижение. В начале операции «Магистраль» мы все сосредоточились в Гардезе у полковника Евлевича, он был командиром 56-й дивизии, сейчас заместитель главкома Сухопутных войск.

Из этого базового района мы начинали выдвигаться. Сначала шли бойцы на блок, слева, справа и впереди каждой группы —

саперы, никто без саперов никуда не пойдет. Блоки занимают господствующие высоты. После того как это сделано, дают команду к движению основным силам. Тогда опять идем мы — обеспечивая движение, и за нами начинает двигаться вся основная масса войск. Впереди танки с тралами и БМР — боевые машины разгорождения — тоже с тралом впереди, потом не меньше четырех танков, пять-шесть БМП, для прикрытия, саперы не должны работать под огнем. Но случалось, и нередко, что мы оказывались под обстрелом. Там ведь «духи» кругом, маленькими группами из какой-нибудь пещеры выскочили, обстреляли и скрылись.

Первый день мы выдвигались в Гардез. Подошли к самому перевалу Сатукандав, высота там примерно два с половиной километра, но очень длинный и сложный подъем, а потом долгий спуск, да к тому же там «полку» взорвали. «Полка» — это участок дороги над пропастью. Пришлось восстанавливать. Перевал прошли. В ущелье мин, конечно, поменьше, но от этого не легче. Там с одной стороны даже не наши сидели на блоке, а зеленые, то есть афганцы, на них всегда мало надежды. И на третьи сутки первый мой БМП во главе с полковником Проворовым вошел в Хост!

Это было главное событие!

Там мы впервые с иностранными наемниками столкнулись, в основном из Пакистана. Обкуренные все! По ним стреляешь, а им до лампочки, прут, как бешеные. Так и вспоминались сразу кинофильм «Чапаев» и знаменитая психическая атака. Да, много было всяких чудес.

В июне 1987 года на пост командующего 40-й армией приходит Громов. Все сразу чувствуют это. Вот отчет о потерях. Его составлял командующий авиацией 40-й армии Герой Советского Союза Виктор Севастьянович Кот.

Потери авиации снижаются практически в два раза. А перед этим моджахеды буквально посадили авиацию 40-й армии на землю. Теряли в год шестьдесят машин — почти целый полк. При этом при Громове не стали меньше летать. Наоборот, интенсивность действий авиации возросла.

Высший командир всегда может списать потери на неподготовленность или бесталанность подчиненных, которые непосредственно командуют людьми и посылают их в атаку. Это правильно в случае, если сам этот высший командир, готовя свою операцию, думает не только о том, чтобы провести свои подразделения из пункта «А» в пункт «Б», несмотря ни на какие потери.

При этом Громов не пытался командовать авиацией. Он ставил задачи. Задачи самые разные. Порой для их выполнения привлекалась дальняя бомбардировочная и транспортная авиация, базировавшаяся на территории Союза. Хотя у самой 40-й армии боевой численный состав (БЧС) авиации был огромный — 1840 машин.

— Когда Б. Громов стал командующим, — вспоминает Виктор Севастьянович Кот, — мы с ним тесно поработали. Самый напряженный был период.

Я не сползал с командного пункта, ну и он. Потому что велись постоянные обстрелы, характерные для последней фазы нашего пребывания в Афганистане. В 1987 году уже началась заключительная операция перед выходом из Афгана — «Магистраль». Моджахеды поняли это и увеличили активность.

В самом конце, когда Громов готовил вывод войск, началась работа с противостоящими группировками, с тем чтобы сложнейшая операция прошла без боев.

Переговоры были проведены так, что выход армии прошел практически без потерь! Я думаю, подобных прецедентов в минувшей военной истории найдется немного. Ведь надо было так все организовать, чтобы люди, которыми двигало чувство мести, не бросились на уходящего противника. Напоследок всегда хочется укусить как можно больнее.

Именно дипломатические способности Бориса Всеволодовича позволили ему блестяще провести заключительную операцию. А ведь группировка была очень значительная, до 140 тысяч по численности плюс огромное количество разнообразной техники. И все в движении. Особенно сложно постоянно держать все нити в руках.

Конечно, ему удалось это еще и потому, что за ним стояла настоящая сила. Противник, может быть, и ненавидел, но и уважал его, как всегда уважают сильного врага. Слово Громова имело вес в лагере моджахедов, он всеми этими возможностями в полной мере воспользовался, чтобы не просто вывести своих солдат живыми из огня, но выйти достойно, с поднятой головой.

В последние месяцы он почти не спал и все время проводил на командном пункте. Многие смотрели и думали — насколько же его хватит? Хватило до конца! Вот и сейчас четыре года многие смотрят на губернатора Громова и думают, насколько еще его сил хватит. Ведь он и сейчас работает с не меньшей интенсивностью, без суббот и воскресений. И ведет все дела: от экономики, школ, больниц, дорог до политики и футбола. Он

никогда не сидит на одном месте. Все время в поездках. Так же он работал в Афганистане. Встречи, прямой разговор с первыми лицами и теми, кто делает дело, — это его стиль.

— Когда мы воевали, — продолжает Виктор Севастьянович, — нам никто не помогал. Ни главком ВВС, ни начальник Генштаба. Нам ставили задачи, мы их выполняли. Это и есть лучший стиль руководства в армии. Вы отвечаете передо мной, а я отвечаю перед теми, кто наверху.

Везде, где Громов бывал, он шел в полный рост. Один только раз упал, когда при выходе из вертолета мы попали под обстрел, да и то потому, что те, кто был рядом, его повалили.

Кстати, он никогда не комментировал при подчиненных действия начальников, как бы он к их приказам и распоряжениям ни относился. Все важные решения принимал сам и нес за них полную ответственность, не перекладывая на подчиненных. Всю полноту ответственности несет командир — вот его кредо.

Умеет ценить людей, ценить дружбу, порядочность в отношениях и не прощает предательства. Не переносит, когда стараются делать карьеру или получать привилегии через хорошие отношения с ним. Такого он не прощает.

Как мы с ним всегда работали? Он садится в самолет или вертолет, и я сажусь. Он надел парашют, и я надел. Если я сниму парашют, и он тоже снимет. Кругом горы. Высота четыре-пять тысяч и более. Если что-то случится, садиться некуда.

По возрасту мы с Борисом Всеволодовичем практически ровесники, я старше на три года и один день.

Мне нравится, как он ведет себя. Держится независимо, не беспокоится, что там о нем думают. Он никогда не даст превратить себя в игрушку. Самостоятельно строит свою политику и решает вопросы. С ним работать приятно, хотя и не легко.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета О присвоении звания Героя Советского Союза генералу армии *Варенникову В. И.,* генерал-лейтенанту *Громову Б. В.* и рядовому *Игольченко* С. *В.*

За успешное выполнение задания по оказанию интернациональной помощи Республике Афганистан и проявленные при этом мужество и героизм присвоить

звание ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА с вручением ордена ЛЕНИНА и медали «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА»: *Варенникову Валентину Ивановичу* — генералу армии *Громову Борису Всеволодовичу* — генерал-лейтенанту *Игольченко Сергею Викторовичу* — рядовому Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. Громыко Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Ментешашвили Москва, Кремль 3 марта 1988 г.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Громов Борис Всеволодович Генерал-лейтенант с 7. 05. 1987 г.

Командующий 40-й общевойсковой армией ТуркВО 1943 г. Саратов, русский, чл. КПСС с 01. 1966 г.

Участие в боевых действиях: с 18. 01. 1980 по 17. 08. 1982, с 9. 03. 1985 по 1. 04. 1986 и с 1. 06. 1987 года в ДРА.

Заслуги, за которые представляется к награждению: В должности командующего 40 ОА с июня 1987 года. Ранее проходил службу на территории ДРА в должностях: начальника штаба — заместителя командира 108 мед — с 18. 01. 1980 г. по 8. 11. 1980 г., командира 5 гв. мед — с 28. 11. 1980 г. по 17. 08. 1982 г., генерала для особых поручений начальника ГШ ВС СССР — начальника группы представителей Генерального штаба — с 9. 03. 1985 г. по 1. 04. 1986 г. За время командования дивизией, а в последующем армией, показал себя зрелым и талантливым военным руководителем, смелым, решительным и мужественным генералом. Активизацию и повышение результативности боевых действий видит в постоянном и настойчивом обучении руководящего состава армии, дивизий, бригад, полков способам ведения боя в сложных условиях горно-пустынной местности, практике работы по укреплению воинской дисциплины, правопорядка в войсках, поддержанию техники и вооружения в постоянной готовности к боевому применению.

Заключение старших начальников: Стоящие перед армией задачи по оказанию интернациональной помощи

Республике Афганистан, закреплению народной власти и расширению контролируемой территории в целом выполняются успешно.

При его непосредственном участии разрабатываются практически все боевые операции, проводимые соединениями и частями…

Под командованием генерал-лейтенанта *Громова Б. В.* соединения и части армии за период с июня по декабрь 1987 года уничтожили И 295 мятежников, 82 ПЗРК, 105 ЗГУ, 388 минометов, 387 ДШК, 220 безоткатных орудий, 434 гранатомета, 2846 единиц стрелкового оружия, 168 складов с оружием и боеприпасами, медицинским, вещевым имуществом и продовольствием. Захвачено 310 мятежников, 21 ПЗРК, 52 ЗГУ, 2,5 млн. боеприпасов к ЗГУ и ДШК, 79 пусковых установок и 3185 реактивных снарядов, 50 минометов и 24 431 мина к ним, 52 безоткатных орудия и 19 479 выстрелов к ним, 123 РПГ и 15 681 фаната к РПГ, 1466 единиц стрелкового оружия и более 7 млн. шт. патронов, 608 различных складов с боеприпасами, вещевым, медицинским имуществом и продовольствием.

Эти результаты позволили значительно сократить зоны влияния банд, расширить контролируемую народной властью территорию, создать нормальные условия для жизни и труда крестьян во многих кишлаках ряда провинций Республики Афганистан.

Спланированные и проводимые генерал-лейтенантом *Громовым* боевые действия независимо от масштаба и количества привлекаемых войск всегда отличаются дерзостью, решительностью, смелостью и мужеством офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат и, как правило, высокой результативностью.

Благодаря умелому руководству войсками армии, активному и результативному проведению боевых действий против бандформирований мятежников в Республике Афганистан созданы условия для расширения и укрепления народной власти на местах, усиления активности и боеспособности Вооруженных Сил республики, позиций революционных сил в стране.

Вывод: За умелое руководство войсками в боевой обстановке и успешное проведение боевых действий, личное мужество и героизм, проявленные при оказании интернациональной помощи Республике Афганистан, достоин присвоения звания Героя Советского Союза с

вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Командующий войсками Краснознаменного Туркестанского военного округа Генерал-полковник Н. Попов 30 декабря 1987 г.

Достоин присвоения звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА с вручением ордена ЛЕНИНА и медали «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА».

Главнокомандующий войсками Южного направления Генерал армии М. Зайцев 5 января 1988 г.

Глава седьмая
НА МОСТУ

Есть категория людей, которые от природы отмечены высокими качествами и этим располагают к себе. Одарены организаторскими способностями, а с военной точки зрения — высоким полководческим талантом. Но кроме того, есть еще более редкий талант, который позволяет правильно оценивать обстановку в стране, потребности и настроения народа, сделать правильные выводы, определить пути и направления, способствующие развитию страны в целом. Их не так много, таких людей, они способны выполнить дело любой сложности. К этим людям с полным правом можно отнести и Бориса Всеволодовича Громова.

— Я его знаю уже много лет, — вспоминает генерал армии Валентин Иванович Варенников. — Фактически с начала тех событий, которые были в Афганистане. Получается двадцать с лишним лет. С первых дней знакомства он произвел на меня впечатление очень способного военачальника. Впоследствии я утвердился в этих выводах. У меня такая возможность имелась, потому что Борис Всеволодович проходил службу в Афганистане три раза, а в общей сложности — пять с половиной лет. Ни у кого большего афганского стажа не отмечалось.

То, что он был в Афганистане трижды, по стажу больше всех, заслуженно награжден пятью боевыми орденами и стал Героем Советского Союза, — говорит о многом. Громов утвердил себя как прекрасный военачальник, способный решать крупные задачи.

Особенно проявился его талант, когда Борису Всеволодовичу пришлось командовать 40-й армией. Это была третья его командировка в Афганистан. Он провел лично ряд блестящих операций. Наиболее яркой я считаю «Магистраль». Эта крупная войсковая операция имела военно-политический характер.

Обстановка в то время сложилась весьма тревожная. Моджахедам удалось блокировать Хост и весь Хостинский округ. Необходимо было снять блокаду и обеспечить население и армию продуктами и вооружением. Самолетами сделать это не представлялось возможным, взлетно-посадочная полоса там могла принимать только маленькие аппараты. По общим расчетам туда нужно было доставить более 25 тысяч тонн продовольствия и различного оборудования.

Поначалу была сделана попытка договориться с

моджахедами, блокировавшими Хост, да и вообще со всем альянсом семи о беспрепятственном пропуске колонн с продовольствием и необходимыми мирными грузами. Они от наших предложений отказались. Тогда была разработана боевая операция. Ее проводил Громов вместе с министром обороны Афганистана.

Военно-политический характер операции определялся еще и тем, что в это время проводилась лое-джирга. На ней обсуждалась обстановка в стране. Было принято обращение лое-джирги к народам и племенам Афганистана, прежде всего племени джадран, чтобы они прислушались к мнению лое-джирги и разрешили провести в Хост колонны с гуманитарным грузом.

Операция проводилась в два этапа. Первый — это захват перевалов. Если бы войска овладели перевалами до Гардеза, то дальше все было бы видно как на ладони, то есть создавалось господствующее положение и можно было успешно решать основную задачу проводки колонн.

После захвата перевалов планировалась пауза, с тем чтобы лое-джирга могла провести переговоры с моджахедами, оппозиционным альянсом семи и местными племенами, с тем чтобы получить свободный проход для колонн. Пауза получилась довольно длительная. Не хотели лишних жертв. Это была умная позиция правительства Афганистана, в полной мере отражавшая идеи политики национального примирения. После того как оппозиция, полевые командиры и племена отказались от переговоров, операция была проведена до конца.

Провезли все, что было необходимо. Колонны не имели потерь. «Магистраль» вошла в историю Афганской эпопеи и современную военную науку, как одна из блестящих операций.

Следует сказать, что все те операции, которые провел Громов, были на высоте, в том числе и на завершающем периоде — имеется в виду вывод войск.

Обеспечивался вывод войск в два этапа. Первый — с 1988 года и второй — зимой 1988/89 года. Оба были проведены фактически без потерь, не считая столкновения на Южном Саланге. Но там была совершена провокация.

В то время проходила замена наших войск, которые стояли на охране Южного Саланга, на правительственные афганские войска. Я лично предлагал Ахмад-шаху Масуду, чтобы Южный Саланг охранялся полностью его отрядами и чтобы его отряды не позволяли никому обстреливать наши колонны. Ахмад-шах не захотел в этом участвовать, к сожалению. Мы с послом, Юлием Михайловичем Воронцовым, планировали встретиться с Ахмад-шахом и обо всем договориться, но он трижды сорвал встречу.

Тогда и случилось то, единственное, боевое столкновение. А в основном вывод войск прошел безупречно.

Это, кстати, очень точный показатель отношения народа Афганистана к советским войскам. В Кабуле проводы были очень торжественными. Присутствовали президент, все руководство страны и, по сути, все население города. Были и цветы, и слезы. Это было искренне. Конечно, имелись и моджахеды, которые просто мечтали, как призывал тот же Гульбедин Хекматияр, устроить напоследок уходящим советским войскам кровавую баню. Ничего не получилось. Ни одной боевой потери личного состава и техники. Это очень важно. И главная заслуга тут принадлежит командующему 40-й армией генералу Борису Громову.

— Мы выходили, а наши места занимала афганская армия, — вспоминает В. А. Васенин. — Все рассчитано. Тыл ни минуты не должен оставаться пустым.

Как и было оговорено, мы все передавали правительственным афганским войскам. Военные городки с полным благоустройством. Вселяйся и живи. Постели застилались новым бельем. Кондиционеры, если они там стояли, не снимались, часы висели, телевизоры и холодильники работали. Обстановка в кабинетах и комнатах отдыха сохранялась. Все принималось по актам.

Я лично передавал трубопровод длиной 450 километров. По нему подавалось горючее. Ни много ни мало — миллион тонн топлива в год! В основном это был авиационный керосин для наших ВВС.

Наверху, на Саланге, стояла 43-я насосная станция, и оттуда до самого Баграма горючее шло самотеком прямо на аэродром. Этот участок моджахеды полностью уничтожили. Министр обороны Язов приказал мне восстановить его. Это было 25 января. Срок дал до 4 февраля.

Язов почему-то называл меня Васильевым.

— Товарищ Васильев, ставлю вам задачу — восстановить трубопровод и передать по акту афганскому командованию.

Вот я и передавал трубопровод в Баграме… сержанту, потому что афганский трубопроводный полк разбежался. Я был вынужден передать трубопровод простому сержанту! У него была печать. Составили акт. Сержант приложил печать и получил в свое распоряжение огромный исправный трубопровод. Он, конечно, сразу бы стал миллионером… если бы в трубах был керосин, а не вода!

На этом трубопроводе мы постоянно несли потери и в людях, и по горючему. Если посмотреть по годам, то в среднем не меньше шести процентов. То есть теряли примерно 60 тысяч тонн горючего в год. «Духи» постоянно атаковали трубопровод. Они прекрасно понимали его значение. Покоя тем, кто там работал и охранял его, не было никогда.

К августу 1988 года потери горючего увеличились до 12 процентов. А в январе, перед выводом войск, они составили около 25 процентов! Думаю, что те афганцы, которые жили возле этого трубопровода, до сих пор торгуют авиационным керосином.

Случалось, и не раз, что по трубе шло некондиционное топливо. Техник берет пробу и видит в керосине пузырьки воздуха. Топливо пришло, в течение восьми часов отстоялось и уже должно быть кондиционным. Но пузырьки держатся, не исчезают. А воевать надо! Самолеты постоянно летают. Тут уже приходится заниматься переброской. У нас были Ми-8, Ми-26 — вертолеты-танкеры. Приходилось их загружать кондиционным топливом и перебрасывать на необходимые направления. С одного вертолета можно заправить сразу шесть танков.

В это время некондиционное топливо отстаивалось и потом применялось, а если не отстаивалось, то шло на отопление, ведь у нас не было ни газа, ни угля, ни дров. Кухни, отопление помещений — все работало на соляре и некондиционном топливе.

У нас было два трубопровода — на Кушкинском направлении до Шинданда и от Термеза до Баграма. Велся строгий учет диверсий на трубопроводе. Как только на гарнизонных насосных станциях изменяется давление, тут же БТР с саперами уходит по линии устранять повреждения. Это нелегкая и опасная работа. «Духи» не только разрушали трубопровод, они минировали подходы, делали засады на ремонтников. А труб больше четырехсот километров! Все же мы с помощью инженерных войск справлялись с этими задачами.

Инженерные войска — это очень важно. Мы с ними постоянно сотрудничали. Представьте — диверсия на трубопроводе. Хлещет горючее, а подойти-то нельзя, там фугас, мины. Поэтому мы всегда вместе с саперами работали.

Дорожно-комендантская бригада действовала четко по восстановлению дорог, по пропуску колонн. Автомобильных колонн было очень много. Только одних батальонов подвоза пятнадцать, а в каждом батальоне по триста с лишним единиц техники. Да еще батальоны в дивизиях, да в отдельных бригадах, в авиации тоже свои батальоны подвоза. Гигантское хозяйство.

Интересно строилось в 40-й армии управление этим

хозяйством. Система была отработана при Громове.

В каждой колонне имелся авианаводчик. Это офицер ВВС, который прекрасно ориентируется на местности и по карте, у него радиостанция «Ромашка». Самолет-ретранслятор («ртишка») типа Ан-26 постоянно барражировал в воздухе, и, если совершалось нападение на колонну, авианаводчик по рации через ретранслятор связывался с ЦБУ — центром боевого управления. Тот ставил задачи авиации и артиллерии, и немедленно наносился удар.

Борис Всеволодович отладил взаимодействие так, что не более чем через 15 минут после нападения «духи» получали полноценный ответ.

Через каждые 30–40 километров стояли диспетчерские посты. Там была связь КВ-диапазона, и все сведения поступали на Центральный диспетчерский пункт, который был постоянно в курсе всего, что касалось продвижения любой колонны.

Была четко отработана система защиты самой колонны. Вместе с ней двигались БМП, тягачи, эвакотягачи. Всегда имелись передвижные зенитные установки. Не против авиации, ее у моджахедов не было, а для того, чтобы отстреливаться в горах, когда колонну атакуют с крутых склонов и скал. В этом случае зенитки — очень эффективное средство обороны. Ведь главная работа в Афганистане состояла именно в проведении различных колонн.

Огромное значение имела борьба с инфекциями. Поначалу в Афганистане от инфекционных болезней погибало больше людей, чем от боевых действий. Дизентерия, гепатит, амебиаз, различные лихорадки, малярия и прочее косили не только солдат, но и офицеров, не исключая высшего командования. Все мы чем-то переболели. С этим приходилось бороться не менее напряженно, чем с моджахедами. По-настоящему сумели справиться с этой бедой только при Громове. При нем была введена в постоянное употребление знаменитая таблетка глукамевит, которая предотвращает различные формы кишечных заболеваний. Если командиры следят за тем, чтобы три раза в день солдаты принимали эту таблетку, то гарантированно никто не подхватит кишечную инфекцию. Появилось много других препаратов, разработанных нашими военными медиками, которые были введены в снабжение и довольствие военнослужащих.

Проверено, что иммунитет людей, временно пребывающих в Афганистане, терялся примерно через полтора года, поэтому роль витаминов, свежих продуктов была необыкновенно высока. Консервированная пища разрушает иммунитет. Мы очень серьезно следили за разнообразием питания, снабжали армию

свежими продуктами и цельным молоком, которого вы сейчас в московских магазинах не найдете. Даже коров держали, хотя сено для них приходилось завозить самолетами. У нас в полку связи имелись три коровы и лошадь. Командовала ими замечательная женщина по имени Валя. К великому сожалению, она погибла. Спасала своих коров, которые забрели на минное поле, и подорвалась.

Еще одно важное и печальное дело, которому Борис Всеволодович уделял много внимания, — это отправка в последний путь наших гвардейцев.

Самолеты с цинковыми гробами называли «черными тюльпанами». У меня в документах это похоронное ведомство значилось как контрольная группа. Контрольная группа имела свои пункты, куда доставлялись погибшие военнослужащие, там работали судмедэкспертиза, мастерские по запайке цинков, изготовлению гробов. На этих пунктах трудились солдаты, и работа у них, сами понимаете, была очень тяжелая, нередко прибывали расчлененные трупы, которые нужно было собирать и сшивать, делать все необходимое, чтобы привести погибшего в надлежащий вид. На такой работе долго не выдержишь.

Кроме того, контрольная группа следила, чтобы было как можно меньше безвестных потерь, максимально уменьшала их количество.

Существовал жесткий приказ Верховного — в течение семи дней погибший должен быть доставлен на родину и передан родственникам.

На всех аэродромах у меня были пункты, где этот печальный груз оформлялся и с сопровождающими отправлялся на родину.

Медицина. Главная забота командующего. Восемь инфекционных госпиталей. Один госпиталь особо опасных инфекций и Центральный госпиталь в Кабуле.

Медицине Борис Всеволодович уделял особое внимание. Каждый праздник он обязательно посещал какой-нибудь госпиталь. Там проводил награждения, выдавал подарки. Раненые и больные люди видели своего командующего и знали, что о них помнят.

Начальники госпиталей остались друзьями Громова. Многие и сейчас работают с ним. К примеру, Андрей Андреевич Люфинг, он помощник губернатора, или Юрий Викторович Немытин — советник губернатора, начальник Красногорского госпиталя.

От медиков в Афганистане зависело очень многое.

— Я приехал в Афганистан в 1985 году, — вспоминает Юрий

Викторович Немытин, начальник медицинской службы 40-й армии. — С Борисом Всеволодовичем Громовым нас особенно сблизило то, что мы оказались земляками. Мои родители и его семья проживали в одном городе — Саратове.

Общение с Борисом Всеволодовичем очень помогло мне разобраться в той ситуации, которая сложилась в Афганистане к 1985 году.

Обстановка была непростая по нашей медицинской линии, особенно в смысле инфекционных болезней, ощущалась большая нехватка госпитального фонда. Он эту ситуацию прекрасно понимал и, будучи работником Генерального штаба, очень помог нам сформировать новые медицинские учреждения, новые направления. Его участие в создании центрального госпиталя неоценимо. Без него мы не смогли бы так быстро разделить терапевтический и хирургические потоки, что очень важно для своевременного оказания помощи раненым. С его поддержкой мы смогли в кратчайшие сроки завершить строительство из модулей терапевтического корпуса на 150 коек. В результате большая часть больных и раненых теперь оставалась в 40-й армии, пополняя боевые части опытными, обученными солдатами и офицерами, каждый из которых, можно сказать, стоил нескольких новобранцев.

Как формировалась медицинская служба в 40-й армии?

К 1985 году боевые действия достигли большой интенсивности и в дальнейшем только нарастали. Принимались меры для улучшения медицинской службы, наши доклады всегда находили поддержку. В эти годы мы были на Гератском направлении, туда были выдвинуты 1-й и 112-й мотострелковые полки. Туда же был переведен и медицинский взвод. В течение трех месяцев мы его развернули и оснастили операционными и реанимационными отделениями. То же самое было сделано в интересах всего Шиндандского направления, где в кратчайший срок, за полтора года, мы выстроили инфекционный госпиталь. Как бы ни велась профилактика актуальных инфекций для Афганистана, заболеваемость носила весьма интенсивный характер. Гепатит «А», малярия, паратифозные инфекции — все эти болезни мы могли лечить в Шиндандском инфекционном госпитале.

Понимая, что жизнь людей зависит от своевременного оказания помощи, мы получили возможность дополнительно укомплектовать штат отделений интенсивной терапии и реанимации с операционными блоками для инфекционных больных. Поэтому ситуация со своевременным оказанием медицинской помощи сразу и намного улучшилась.

Бориса Всеволодовича мы все провожали с большим сожалением, когда он уезжал командовать армией в Гродно. Зато сколько было радости, когда он вернулся на смену Виктору Петровичу Дубинину. Мы понимали, что тут будет полная преемственность. Особенно это порадовало меня, потому что я в то время был уже начмедом армии и мне предстояло работать с замечательным командиром.

Можно сказать, что выбор, сделанный Генеральным штабом, а он всегда непростой (трудно найти достойного человека на столь ответственный пост), оказался очень удачным. Армия начинала готовиться к выходу на родную землю, и руководить этим сложным процессом мог человек, обладающий не только военным талантом, но и большой политик и дипломат. Необходимо было совершенно в новых условиях выстраивать отношения и с правительством Афганистана, и с его армией, и в то же время с моджахедами, без чего немыслимо было бы вывести армию без потерь.

Нами, военными медиками, совместно с Борисом Всеволодовичем, была разработана новая медицинская концепция по созданию групп усиления для медицинских батальонов и рот, которые являлись базовыми для проведения операций. Для армейских операций — своя концепция. Цель — максимально сократить срок оказания медицинской помощи во время и сразу после боя.

Классическая схема такова. В роте — санинструктор. В батальоне — фельдшер. В полку — врач. В дивизии — медицинский батальон. В армии — уже полный набор госпиталей. То есть прежде чем попасть в госпиталь, пострадавший проходит последовательно несколько этапов.

Как сделать так, чтобы раненый в максимально короткий срок получил квалифицированную помощь, минуя классические этапы эвакуации. Ведь любая потеря времени может означать смерть.

У нас были специальные транспортные средства, прежде всего вертолеты, оснащенные всем необходимым для поддержания жизни пострадавшего, и мы имели возможность доставить раненого на операционный стол в кратчайшее время. Появились медицинские БТР, там тоже можно было в ходе транспортировки делать все необходимое по жизненным показаниям.

Было налажено прямое сообщение между полем боя и госпиталем. Солдат знал, что, если он будет ранен, его никогда не бросят, более того, не позже чем через полчаса он окажется там, где ему будет оказана квалифицированная медицинская

помощь. С таким сознанием гораздо спокойнее идти в бой.

Отработанная в 40-й армии система спасла тысячи жизней.

Громов поддерживал врачей, предоставляя возможность постоянно учиться, защищать диссертации, заканчивать военные медицинские вузы и академии. Врачи отвечали ему взаимностью и после учебы возвращались назад. Это были очень ценные медицинские кадры.

В последние годы у нас появились специальные самолеты типа Ан-24, Ил-78 и Ту-154, оборудованные всем необходимым для поддержания жизни, которые могли доставлять раненых из Афганистана напрямую в крупнейшие медицинские центры страны. Эти самолеты спасли тысячи жизней.

Борис Всеволодович был частым гостем в центральном госпитале. Он внимательно изучал быт раненых и сразу принимал меры, которые обеспечивали их безопасность, так как моджахедами предпринимались, и неоднократно, попытки терактов на территории госпиталей. Громов делал все возможное для обеспечения раненых всеми видами довольствия. Он сам ходил по палатам, беседовал с ранеными, вникал в их проблемы, расспрашивал о семьях и помогал. Особенно он любил беседовать с молодыми офицерами.

Внимание к людям — отличительная черта последнего командарма 40-й. Она проходит через всю его жизнь, и за это все, работавшие с Громовым, его особенно уважали. Дальнейшая деятельность Б. Громова на высших командных постах в МВД и армии, а затем в Государственной думе и Московской области, только подтверждает редкостное сочетание в этом человеке организационного и политического талантов.

— Под руководством Бориса Всеволодовича разрабатывался план вывода войск из Афганистана, — вспоминает Н. П. Чуркин. — С этим планом он меня в Москву посылал, и я его визировал у Язова, Ахромеева и Варенникова. И после того как все подписали, в том числе министр внутренних дел, план был завизирован председателем КГБ.

Это было необходимо для того, чтобы войска всех ведомств во время этой уникальной операции управлялись из одного центра. В ином случае шансы на успех резко снижались. Тем более что именно под прикрытием мотоманевренных групп пограничников выходили последние части, а пограничники тогда были в подчинении КГБ.

Вспоминаю не совсем обычный случай. Незадолго перед выводом войск нам пришлось проводить в Кабуле большую

международную пресс-конференцию. Это было для всех нас, в том числе и для Бориса Всеволодовича, совершенно новым делом. В то время никто в армии не имел опыта работы с прессой, тем более зарубежной.

И вот Громову было предложено провести международный брифинг для журналистов со всего света.

Над подготовкой к этой встрече мы работали больше, чем над любой армейской операцией. Стояли, как говорится, на ушах. Это уже потом для нас эти пресс-конференции стали делом привычным.

Борису Всеволодовичу на международную политическую арену до этого не приходилось выходить. Опять же за десятки лет прочно сложилась и сидела в подкорке каждого руководителя боязнь сказать лишнее слово.

Мы днями и ночами работали тогда с Борисом Всеволодовичем и Виктором Петровичем Поляничко. Он был у Наджиба советником (потом его назначили главой временной администрации в зоне осетино-ингушского конфликта, там он трагически погиб 1 августа 1993 года). Сидели и придумывали ответы на тысячи коварных вопросов, которые могли задать иностранные журналисты, относившиеся к нам, как известно, далеко не лучшим образом. Перед началом встречи от всех нас буквально дым шел.

Пресс-конференция, однако, была проведена на высочайшем уровне, с ясным пониманием обстановки и отсутствием боязни где-то что-то недосказать или брякнуть лишнее (это не моя оценка, а самих журналистов в разговорах после встречи). Стало понятно, что Борис Всеволодович и эту битву на территории противника сумел провести так, как никто другой на его месте.

Не знаю, сколько килограммов он в результате потерял, но политический вес набрал очень заметный. Он сумел доказать, что настоящий командир — везде и всегда лидер и любое дело может организовать и провести на достойном уровне. (Вот когда начиналась его политическая карьера, вот когда прошла первая проба, показавшая, что этот человек способен побеждать не только на поле боя, но и в политических сражениях, которые его ожидали впереди)…

Начался первый этап вывода войск.

Восток уходил через Кабул, Кундуз и Саланг, запад — через Шинданд. Были созданы две оперативные группы. Мы посетили перед началом вывода буквально все подразделения. Огромная работа, но она позволила нам рапортовать о готовности и уверенности в успехе.

Я не дождался конца операции. Борис Всеволодович отправил

меня в академию Генерального штаба. Но все равно душой я остался в Афганистане и по телефону каждый день звонил из академии и разговаривал со своим замом, который остался в Кабуле. Достаточно было услышать две-три фразы — и мне открывалась вся картина. У меня до сих пор все это в памяти, каждый пункт, каждый километр и где какая воинская часть стоит, все гарнизоны и блокпосты.

Вообще организация движения была прекрасно отлажена. Каждые сутки не менее девяти тысяч единиц техники в движении, и мы всегда могли сказать, что где находится. А ведь любой колонне и машине нужно было организовать прикрытие, техническую помощь, определить для нее наиболее безопасные направления и коридоры, установить контроль за всеми дорогами, разминировать минные поля да и много чего еще нужно предусмотреть и обеспечить. Ведь это было грандиозное и слаженное передвижение целой армии.

Все, что было нажито, построено и наработано за многие годы, мы, уходя, передавали афганцам. И вот тут мы узнали о наших друзьях много неприятного. Стоило нам выйти с аэродрома, как в казармах уже начался пожар. Мародеры тащили все подряд, ну и в азарте грабежа губили добро. А там все было первой категории — и матрацы, и наволочки, и подушки, и одеяла, мебель и сантехника. С вертолета было хорошо видно: бегут афганские солдаты, нагруженные узлами, а казармы уже горят. Об этом нам и агентура докладывала. Так было почти везде.

Наши же части переходили через границу и попадали в полуразрушенные казармы, спали на едва живых ветхих кроватях и гнилых матрацах. Такое в Союзе было в порядке вещей.

То, что оставляли, — это, конечно, правильно делалось. Нужно было афганскую власть поддержать, передать необходимое, чтобы она могла продержаться. Правда, власть этим не сумела воспользоваться, все было разворовано и в основном бездарно погублено.

Все-таки Восток остается миром совершенно непонятным и загадочным. Там как бы и нет политики. Вместо нее какие-то случайности, какое-то разыгранное, раздутое самолюбие, какие-то интриги и заговоры. Держать ситуацию в состоянии покоя практически невозможно. Клановые интересы и неумеренная вспыльчивость людей сверху донизу не позволяют прогнозировать ситуацию. Создается стойкое ощущение, что люди, поставленные управлять страной и обеспечивать спокойствие и стабильность, сами не знают, что скажут и сделают не то чтобы завтра, но даже

через десять минут.

И все-таки перед выходом 40-й армии из Афганистана была создана политическая ситуация, которая позволила успешно провести грандиозную операцию. Создание необходимой обстановки в непредсказуемой азиатской стране — дело поразительное и полностью является заслугой Бориса Всеволодовича.

Гордость, с которой говорят об этом его сослуживцы, понятна. Была создана обстановка, показавшая всему миру, что мы уходим, а не убегаем. Уходим, сохраняя достоинство и не позволяя плевать себе в спину.

Командующий вышел последним и с полной уверенностью доложил, что позади не осталось советских солдат.

Таким командиром, таким выходом и такой армией, которая организованно и практически без потерь вернулась домой прямо из ада, можно и нужно гордиться.

— То, что я скажу, — вспоминает Виктор Севастьянович Кот, — относится не к Борису Всеволодовичу, который свою задачу выполнил полностью. Это в адрес руководства страны.

Когда мы, летчики, выходили, то, как и все, передавали свое хозяйство афганцам. Но они не могли этим подарком воспользоваться. Афганские летчики ночью-то не летали никогда, а тут еще в горах! Пацаны, еле-еле обученные, как они могли даже в малой степени заменить нас? К тому же многие из них и не собирались оставаться и воевать. Они улетали следом за нами, посадив в самолеты родных и близких.

Я считаю, что такая передача выглядит не по-товарищески. Раз в такое дело ввязались и начали воевать, надо было перед уходом полноценную замену подготовить. Этого не сделали. И так получилось не только у летчиков, никто не подготовил себе полноценную замену. Считаю, что наше высшее руководство поступило по отношению к афганцам, мягко выражаясь, не очень порядочно.

Точно так же, кстати, потом бросили немцев, поляков, чехов, венгров. Бросили вьетнамцев и кубинцев, которые были до конца на нашей стороне. Иначе, как предательством, я это назвать не могу.

Если пришел помогать, то не уходи, пока не будешь уверен, что без тебя те, кому ты помогал, не пропадут.

Уходить просто так нельзя еще и потому, что оставленное место пусто не бывает. Мы ушли, и наши казармы по большей части тут же заняли моджахеды и те, кто им помогал. Ушла коммунистическая идеология, ее место занял ортодоксальный

ислам и мусульманские фундаменталисты — талибы. И ладно бы просто заняли наше место, вся эта религиозно-идеологическая зараза поползла к нам в Среднюю Азию, на Кавказ вместе с наркотиками и оружием. Не нужно обладать особым талантом предсказателя, чтобы предвидеть такое развитие событий.

У нас много решений принимается таким вот спонтанным образом, как внезапно решили вводить войска, так и вывели, по принципу — давайте сделаем, а расхлебывают пусть другие. Но получается, и в этом есть своя справедливость, что расхлебывать приходится нам самим в течение десятков лет.

Саратов. Ул. Набережная космонавтов, 4, кв. 9. Громову С. В.

Здравствуйте дорогие саратовцы!

От души поздравляю с появлением на свет дорогого человечка! Дай Бог, чтобы сердечко это билось, не останавливаясь, с радостью и жаждой жизни!

Поздравляю сердечно молодых родителей и вновь появившихся бабку и деда!

Я понимаю, что теперь у вас наступили особые времена, образ мышления, распорядок дня и т. д. — все теперь подчинено этому Человеку!

Успехов вам!

У меня дела идут в одну сторону, на север. Все мысли, вся деятельность направлены только на это. Сказать, что все идет нормально, по плану, нельзя. Очень уж много всякого рода подводных камней и течений, много сложностей, поэтому на сегодня трудно загадывать, каким образом все завершится, но уверенность у нас есть твердая в благополучном исходе этого «предприятия».

Вот сегодня 15.1.89 г., то есть остался ровно месяц, а кажется, что желанная цель бесконечно далека.

Наконец-то решилась моя дальнейшая судьба. Я уже назначен командующим войсками Киевского военного округа. Это, конечно, очень высокая должность и доверие мне, поскольку назначение с армии на округ (минуя звено заместителя ком. войсками округа) — это в истории единичные случаи. Я, конечно, горд и рад, но и представляю всю ответственность!

Кроме этого, меня выдвинули кандидатом в народные депутаты СССР по Совету Союза от г. Прилуки Черниговской обл., выдвинули заочно и единогласно.

Так что перемен у меня много.

Теперь главная задача благополучно завершить афганскую эпопею, но задача наисложнейшая. Я сам не представлял себе всей сложности (хоть вроде бы и опыт есть), а завтра в Москву и

беседы с руководством страны и — в Киев (без отпуска).

Крепко всех целую и обнимаю.

Ваш Боря.

— После того как мы вывели войска из Афганистана, — вспоминает генерал армии В. И. Варенников, — какое-то время все шло нормально. Спустя несколько месяцев после вывода войск я туда прилетал, побывал в Кабуле, в других провинциях, в том числе в Кандагаре. Прилетал с одним помощником, больше никого не брал.

Когда я сказал Наджибулле, что хочу лететь в Кандагар, он сделал круглые глаза и очень меня отговаривал. Я все же полетел. Взял с собой главнокомандующего авиацией, чтобы нас не сбили. В Кабуле у меня старый приятель, губернатор генерал Гулюми, мы с ним вдвоем расхаживали по городу, причем я был в советской военной форме. С нами раскланивались, и никто не спешил нас убивать.

После вывода войск правительство Наджибуллы продержалось почти три года. Мы помогали техникой и всем необходимым. Затем Ельцин сказал, что помощь нужно прекратить — вот это и было настоящее предательство. Прекратили, и сразу все начало рушиться. Действительно, что могли сделать правительственные войска, если у них не было боеприпасов, техники и запчастей, горючего? Сами-то они всего этого не производили.

Наджибулла сложил свои полномочия. Хотел улететь из страны, но ему не дали. Гибель этого человека полностью на совести тогдашнего руководства, я имею в виду прежде всего Ельцина. Они предали союзников.

Надо честно признать, что мы не все сделали, прежде чем вывели свои войска. Была реальная возможность, и я предлагал провести равноценное сокращение военного участия.

Не только мы оказывали поддержку афганскому правительству. Противоположной стороне полномасштабную помощь оказывали многие страны, и в основном Пакистан и США.

На эту тему я беседовал с Шеварднадзе, он был тогда министром иностранных дел, и говорил ему, что наше правительство должно потребовать, чтобы Соединенные Штаты и Пакистан тоже прекратили или хотя бы сократили свое участие в гражданской войне.

У нас в Афганистане существовало 183 военных городка, а на территории Пакистана, нам точно известно, имелся 181 лагерь для подготовки моджахедов. Странно, но именно так пропорционально сложилось. Вполне можно было договориться,

чтобы по ходу вывода войск мы покинули свои военные городки, а Пакистан расформировал бы эти базы для подготовки моджахедов. И за этим процессом должны были бы следить наблюдатели ООН.

Предложение мое было принято МИДом вроде бы даже с энтузиазмом. Но словесным одобрением и ограничились. Ничего не было сделано. Наблюдателей из ООН послали, но они следили только за нашим выходом. Я генерала, руководившего международными наблюдателями, спрашивал: почему вы не следите за Пакистаном? Он ответил, что их туда просто не пускают.

Состоялась у меня встреча и с секретарем ООН Кордовесом. С ним я эту проблему пропорционального взаимного сокращения обсуждал. И тоже было понимание. На практике же получилось так, что мы вывели войска, а Пакистан и американцы свое участие в конфликте только усилили. Результат не трудно предсказать.

Несчастий, которые пережил афганский народ, можно было избежать только в том случае, если параллельно уничтожалась бы и военная инфраструктура поддержки оппозиции, а также медресе, предназначенные для подготовки боевиков. Именно там были выращены талибы, которые принесли неисчислимые страдания народу Афганистана и были близки к тому, чтобы по завету Гульбеддина Хекматияра перенести священную войну на территорию советской Средней Азии.

Что касается американцев, то у них в этом конфликте имелись особые расчеты. Они были заинтересованы, чтобы советские войска максимально долго пребывали в Афганистане. Такое положение развязывало им руки и позволяло делать не только в Афганистане, но и во всем мире что угодно, пользуясь при этом поддержкой международного сообщества.

Как известно, Генеральный штаб последовательно выступал против ввода войск в Афганистан. Но когда приказ был отдан, мы его выполнили, потому что обязаны были это сделать.

Американцы постоянно следили за всеми передвижениями наших войск, предшествующими столь крупной операции. Они отслеживали ситуацию самыми разными средствами, в том числе и из космоса. Все видели и знали, но сидели тихо, как мышки, боясь неосторожным движением спугнуть нас. Им крайне необходимо было введение советских войск в Афганистан, прежде всего для того чтобы снять с себя весь негатив, связанный с их агрессией во Вьетнаме. Только после этого они могли развернуть мощную международную кампанию осуждения вторжения советских войск на территорию Афганистана и освободить себе

руки для развертывания полномасштабной гражданской войны.

В Афганистане нами сделано немало ошибок, в том числе в социально-политическом плане. Насаждались, например, оргядра — так назывались органы власти на местах. Как это делалось?

Проводится боевая операция советских и афганских войск, очищается от мятежников какой-то район и в главном населенном пункте остается оргядро местной власти. Это представитель партии, органов КГБ, МВД Афганистана, администрация, охрана и небольшая группа войск. Понятно, что это абсолютно инородное тело для местных жителей. Они, до сего дня жившие в условиях общинно-родового строя, привыкли формировать свою власть из тех, кого они знают, кто всю жизнь находился рядом с ними.

Это наши предложили такую организацию власти на основе собственной традиции — присылать на периферию руководителей из центра. Наши престарелые мудрецы просто не учли, что Афганистан — это не Курская область, а горные племена — не забитые российские крестьяне. Ну а Бабрак Кармаль, вместо того чтобы от этого неумного предложения отказаться, наоборот, ухватился за него и только на этом стоял. Это совпадало с его желаниями внедрить во все провинции своих людей, ну а спокойствие пусть обеспечивают советские войска, для того их сюда и позвали.

В конце 1984 года меня послали в Афганистан вместо Соколова, который был назначен министром обороны. Первое, что я сделал, настоял на том, что необходимо менять политику. То немногое (из этих оргядер), что сумело хоть как-то выжить, следовало сохранить, но ничего нового больше не создавать. В руководство же на местах выдвигать тех людей, кого хотели видеть местные жители. Мое предложение было принято и оказало положительное влияние, особенно когда была объявлена политика национального примирения.

В то время я стал присматриваться к Ахмад-шаху Масуду. Его ни в коей мере нельзя было сравнить с какими-то другими полевыми командирами. Очень способный военачальник, политически грамотный и активный, он имел надежных информаторов в правительстве, в Генеральном штабе афганской армии. Всегда не хуже нас знал, что против него замышляется. В свое время маршал Соколов готовил операцию в Пандшере. Я тогда работал в Генштабе. И меня предупредили, что Ахмад-шаху наверняка известно, что против него готовится операция. Я позвонил Соколову и предупредил об этом. Соколов с обидой спросил: что, мол, вам там в Москве лучше известна обстановка, чем мне здесь на месте?

Что же в итоге получилось? Ахмад-шах во время проведения операции ушел из Панджшера, и весь массированный удар авиации и артиллерии пришелся по пустому месту. Когда войска захватили соответствующие районы, оказалось, что там нет ни живых, ни убитых, ни раненых. Предположили, что боевики ушли через снежные перевалы и ледники. Начали их преследовать, набегались по скалам и ледникам, как говорится, досыта. Оказалось, что боевики Ахмад-шаха по ночам выходили тайными тропами как раз в нашу сторону. Вот такой этот Ахмад-шах.

Надо признать, что он не только умел воевать, он заботился о народе. Строил жилье, дороги, мечети, образованием занимался. Торговал с Индией. Горными тропами на ишаках вывозили лазурит, который там очень ценится.

Я видел в этом человеке очень перспективную фигуру. Считал, что нам нужно не отталкивать его, не делать еще большим врагом, а приблизить, потому что в перспективе нам придется с ним иметь дело. Так оно и получилось. Очень сожалею, что этот способный и полезный для своей родины человек погиб.

Б. В. Громов:

— Вывод 140-тысячной группировки советских войск из Афганистана представлялся делом весьма трудным. Мы должны были уйти из страны, где воевали почти десять лет, и не просто уйти, а достойно покинуть ее, не допуская потерь. Наша разведка докладывала, что моджахеды планируют массированные операции с целью превратить вывод советских войск в позорное отступление. Эти планы мы сумели сорвать.

Труднее всех было тем, кто уходил из Афганистана в числе последних, и самая, пожалуй, трудная задача пришлась на долю 350-го гвардейского парашютно-десантного полка: обеспечить безопасный выход последних колонн и самому уйти без потерь.

Приводим здесь воспоминания рядовых участников знаменитой операции. Офицеров того самого 350-го полка, который последним выходил из Афганистана. Из их слов становится ясно, что командование и рядовые были едины в стремлении к цели, хотя там, внизу, все выглядело несколько иначе, чем в штабах.

— Перед самым выводом у многих наших бойцов закончился срок службы, — вспоминает Иван Замотаев, бывший начштаба 350-го полка, — они подлежали увольнению в запас. Вместо них прибыло молодое необстрелянное пополнение. Но для того чтобы избежать потерь, командирам нужны были опытные бойцы. Мы

обратились к нашим демобилизованным, каждого персонально спрашивали: «Можешь остаться, чтобы помочь всем выйти без потерь?» Не было ни одного отказа. Все остались!

А ведь каждый из них мог сказать: «Я свое отвоевал. Остался жив и не хочу больше рисковать». На самолет — и домой.

Во время выхода войск у меня была особая задача — я отвечал за боевое знамя полка. Я за него головой отвечал. Сшили специальный брезентовый чехол, в него упаковали знамя, я надел его на себя, как лифчик. В БТР, на котором я ехал, стояли ящики с взрывчаткой. На самый крайний случай. Если что — взрываю БТР и себя вместе со знаменем. Слава богу, обошлось.

На границе нас встречал оркестр, женщины бросались к машинам с фотографиями своих сыновей.

Потом нас загнали в огороженный колючей проволокой военный городок. Холодные палатки. Света нет. Все сырое. Как бездомных собак.

Да, родные военные чиновники встретили нас достойно, после этого мы сразу поняли, что вернулись домой.

Помню, механик-водитель, грязный, чумазый, в порванной тельняшке, только вылез из машины, ему от имени министра обороны: «На тебе, сынок, часы. Всё, ты уволен!»

Потом была встреча дома. Соседей позвали. И одна женщина спрашивает: «Ты что-нибудь ценное из Афганистана привез?» Мне это дико показалось. Я в дверь как кулаком врубил! Проломил эту дверь! И ответил этой бабе: «Я жизнь свою привез из Афганистана! Тебе этого мало?!»

— Моя рота прикрывала вывод войск на перекрестке в районе Балагана, — вспоминает Вадим Кудряшов, бывший командир 5-й роты 350-го полка. — В Балагане стояла афганская дивизия. Как только мы засобирались домой, в ней началось брожение. Афганцам хотелось отобрать у нас оружие. Задача мне ставилась такая: в случае, если афганцы на нас попрут, дать отпор.

После такой подготовки все мои мысли, конечно, были о том, как вывести роту домой без потерь. Решив обезопасить позицию, я лично наставил растяжек так, чтобы никто не подкрался, об этом я афганцев предупредил.

Ночью выпал снег. Я с радистом Ваней Миненко пошел посмотреть, как там мое «минное поле». Иду по глубокому снегу, солдат сзади. Поскользнулся на склоне, упал и чувствую, что у меня растяжка под задницей. Крикнул бойцу: «Ложись!»

Сижу практически на гранате и с жизнью прощаюсь. Мне казалось, целая вечность прошла, на самом деле — это Ваня Миненко потом рассказал — я мгновенно выхватил эту гранату

из-под себя и бросил вниз, там она и рванула. Повезло!

Потом часто думал, что вот так глупо вместе с солдатом мог погибнуть в последний день перед выводом.

Как память об Афганистане, привез в Союз хвостовик реактивного снаряда, который разорвался на позиции моей роты. Эту железяку у меня потом для музея пионеры забрали.

— Больше всего мне на выводе запомнился перевал Саланг, — вспоминает Григорий Гурин, бывший комвзвода 350-го полка. — Мы попали в жуткую пургу. А тут еще ночь. Снег такой, что «Луна» не пробивала его в двух метрах («Луна» — очень мощный прожектор, который стоит на БМП-2). Командиру в таких случаях положено сидеть на броне. Продувало насквозь. Надел я теплую куртку, бронежилет, еще и защитный комплект сверху, и все равно зуб на зуб не попадал. Но в машину спрятаться нельзя — нужно контролировать движение. А что контролировать, если шли в пургу, да еще в кромешной темноте. Нервы на полном измоте. Вдруг машина начала вилять. Водитель, ефрейтор Рыбалко, заснул.

Справа стена, слева пропасть. Я кричу — боец не слышит. Пришлось вытащить из АКМ «магазин» и бросить его водителю в спину, только после этого он очнулся. Я, честно говоря, трухнул здорово в той ситуации. Хотя бывали на войне и случаи пострашнее.

Еще мне выход запомнился тем, что на самом перевале из гусеницы вдруг стал вылезать «палец» (стальной стержень, скрепляющий звенья гусеницы). А колонна идет, остановиться нельзя. Я зову бойца, беру кувалду, спрыгиваем на землю. Так мы бежали рядом с машиной и периодически колотили кувалдой по вылезающему «пальцу». До самой остановки. Не припомню, чтобы я когда-нибудь еще так уставал!

На подходе к границе Союза по радиостанции услышали переговоры таксистов на русском языке. Это было такое родное, такая радость! Мы сидели на броне и зачарованно слушали мирную жизнь.

Б. В. Громов:

— Очень жалею, что мне не довелось встретиться с маршалом Жуковым. Я внимательно изучал крупнейшие операции, проведенные этим величайшим полководцем современности, и в военном училище, академии Фрунзе и особенно в академии Генерального штаба. Он, конечно, очень интересовал меня и как личность.

В период Афганской войны я не раз обращался к его опыту и

ставил его на свое место, стараясь понять, как бы он повел себя в предложенной ситуации. И хотя масштабы операций были, конечно, скромнее грандиозных сражений Великой Отечественной войны, находил много общего и полезного для себя в таком сопоставлении. Да, масштабы разные, но по напряженности и остроте эти события были близки.

Мне, как командующему крупной войсковой группировкой, бывало порой очень трудно. Казалось, нет ни сил, ни средств для решения возникших проблем. Тогда я представлял себе, в каком положении приходилось работать и воевать Георгию Константиновичу, и понимал, что мне не следует жалеть себя, по сравнению с ним наша жизнь много проще.

Жуков — это выдающийся военный талант, совмещенный с редкостной силой воли. Без этого сочетания не может быть великих побед.

Огромное значение в таланте этого полководца имела способность объективно анализировать ситуацию. Он умел быстро, как сейчас говорят, «въезжать» в обстановку, отбрасывая несущественное и оценивая важное. Это очень ценный дар, позволяющий разгадывать сокровенные замыслы противника, интеллектуально, как в шахматной партии, обыгрывать его задолго до того, как заговорят пушки.

Ко всему следует добавить незаурядный дар дипломата. Умение в сложнейшей словесной полемике со многими незаурядными людьми (а главное, с самим Сталиным, который, как дипломат, обыгрывал и Рузвельта, и Черчилля и далеко не всегда был согласен с Жуковым) доказать преимущество своих решений.

Могучая воля, объективный анализ, умение доказывать и убеждать — вот главные составляющие полководческого гения маршала Жукова.

Воля же, не подкрепленная высоким интеллектом, может быть очень опасна. Мы не раз уже встречались с проявлениями воли в исполнении дурных решений. Достаточно вспомнить последнюю кампанию по борьбе с алкоголизмом, от которой до сих пор очухаться не можем. Ну а Чечня — это и вовсе дурная воля, которая привела к величайшему преступлению нашего времени и невосполнимым жертвам, которые Россия и по сей день продолжает нести.

Афганистан стал для меня определяющим этапом жизни. Главное, что я там понял, — залог успеха в любом деле — это организация. Своевременные и успешные действия войск невозможны без правильной и четкой работы штаба.

Еще при первом командующем 40-й армией, генерале

Тухаринове, было заведено регулярно проводить утренние совещания. Мы сохранили эту традицию. Совещание начиналось в семь часов утра с доклада начальника разведки. Исходя из полученной информации, анализировалась обстановка и ставились задачи.

Непродолжительные утренние совещания требовали очень большого внимания и концентрации сил. Ежедневно возникало множество различных нюансов. Допустим, если советское командование начинало переговоры с руководителями моджахедов в каком-то районе, там сразу прекращались боевые действия, для чего необходимо было информировать министерство обороны Афганистана. Мы рекомендовали афганцам либо воздержаться от нанесения ударов, либо, наоборот, указывали места и просили нанести удар только силами афганской армии.

Цели операций ставились с таким расчетом, чтобы боевая задача была решена, и при этом не пострадали ни наши войска, ни мирные жители.

В заключение несколько слов обо всей афганской кампании. Ввод наших войск в Афганистан — политическая ошибка, что подтвердило время. Помогать Афганистану было необходимо, но не войсками, не прямым участием в военных действиях.

До сих пор иногда слышу, что Советский Союз потерпел военное поражение в Афганистане. Полная ерунда! Перед 40-й армией не ставили цель кого-то победить, она находилась там, чтобы содействовать решению политических задач. Мы делали все возможное для поддержки существующей власти, и делали это весьма эффективно. Жаль, что правящая в Афганистане элита не смогла полноценно использовать и закрепить то, что дали ей советские войска. Не будь руководители страны ослаблены нескончаемой борьбой за власть, Афганистан еще в середине восьмидесятых годов мог бы стать развивающимся демократическим государством.

Если бы советским войскам была поставлена задача победить, я ни на минуту не сомневаюсь в том, что такая задача была бы выполнена. Конечно, это стоило бы еще большей крови. Слава богу, что такую задачу никто не додумался поставить.

— Мне трудно рассказывать об этом человеке потому, что за много лет знакомства у меня выработалась по отношению к нему особенная глубокая симпатия, — вспоминает Борис Николаевич Пастухов, посол в Афганистане, заместитель министра иностранных дел. — Мужики редко объясняются друг другу в любви, но тут особый случай.

Громов — личность историческая.

Понимаю, что говорить такое о ныне живущем человеке — дело очень ответственное, но я нисколько не сомневаюсь, что это именно так. Борис Всеволодович Громов навсегда вошел в историю нашей страны как один из ее настоящих героев.

К сожалению, у нас было и есть много людей, претендующих на это высочайшее звание, но не по делам своим, а по тому, что о них нащелкало радио, газеты и телевидение. Это герои, сделанные прессой. Он же является истинным героем.

В самый первый раз я увидел его, когда он выводил 40-ю армию из Афганистана.

Я ведь и сам старый «афганец». Впервые приезжал туда еще в 1968–1969 годах, когда по поручению ЦК ВЛКСМ мы организовывали демократическое молодежное движение Афганистана. Конечно, я тогда и предположить не мог, что через десяток лет придется работать здесь послом.

Вывод войск, пожалуй, самое сильное и дорогое для меня афганское воспоминание.

Я думаю, что так поставить последний кадр, завершающий штрих почти десятилетней трагедии, мог только самый великий режиссер — сама жизнь.

Я и сейчас вижу этот сумасшедший мост. Строй тяжелых боевых машин, развернутые знамена, сияющие лица наших солдат, непривычно красивых, отдохнувших, подстриженных и побритых. Я видел, как они готовились к этому дню и часу в своем последнем лагере на берегу реки возле Мазари-Шарифа.

И, конечно, генерал Громов и его мальчик, его старший сын, Максим… Объятие отца и сына посередине моста…

Сколько лет прошло с тех пор! Сколько раз я вспоминаю о тех днях и рассказываю, а все же без волнения не получается даже думать об этом. Как и тогда, сжимает горло. Может, когда-нибудь появится великий режиссер или писатель, который сможет достойно передать будущим поколениям величие этого события в русской истории. И сердечную благодарность советских людей этому молодому еще тогда генералу за спасенных солдат, которых теперь уже точно смогут увидеть живыми их матери.

Во время вывода практически не было потерь. Только машина одна, кажется, сорвалась в пропасть с обледеневшего перевала Саланг. И это при сложнейшем движении огромного воинского контингента по охваченной войной стране!

Даже на обычных учениях или военных маневрах гибнет больше народа при любой, самой идеальной их организации. Так называемые неизбежные потери. А тут практически боевых потерь не случилось!

Я много раз ездил на броне и под броней по долгим дорогам Афганистана. Много раз проезжал через перевал Саланг. Это невообразимое зрелище! Сотни сожженных машин, лежащих по обе стороны дороги, на склонах ущелий и на дне пропастей. Череда придорожных знаков в память о погибших. Там много участков, где при въезде нам говорили — лежите и не высовывайте головы!

После всего этого еще труднее представить, как можно было организовать вывод почти 140-тысячной группировки войск и не потерять практически ни одного человека.

Ведь уходили не крадучись ночью. Уходили организованно, с гордо поднятой головой, достойно исполнив свой долг. Шли с развернутыми знаменами не только на последнем мосту, где снимали телевизионщики.

Позднее, работая в Афганистане послом, я возвращался в эти места с нашими большими военными. Однажды мы ездили туда с генералом Квашниным.

Самое интересное в поездке было то, что мы встречались с Ахмад-шахом Масудом. Происходило это в одном из уникальных мест Северного Афганистана. Я тогда работал первым заместителем министра иностранных дел.

В то время настал момент, когда Ахмад-шаха Масуда нужно было поддержать. Наступление талибов разворачивалось очень мощно, и северянам приходилось тяжело.

Ахмад-шах — наш бывший враг!

С Ахмад-шахом мы обсуждали положение на севере Афганистана, военные проблемы, возможности оказания помощи. Потом состоялся обед. Никаких рюмок на столе не было. Ахмад-шах в этом отношении никогда не нарушал норм Корана. Он жил очень скромно и истинно по-мусульмански.

Не так давно мы открывали выставку, посвященную 85-летию дипломатических отношений с Афганистаном. Афганистан стал первой страной, с которой у Советской России были установлены полномасштабные дипломатические отношения. Декрет подписывал Ленин.

На этой выставке присутствовал брат Ахмад-шаха. Очень похож! Но второго Ахмад-шаха нет и уже не будет. Такие люди в любой стране появляются очень редко.

Уникальный человек, и я понимаю, почему его называли «Лев Пандшера»! Его никто не смог одолеть!

Уже после переговоров у меня появилась возможность просто с ним поговорить. Совершенно новое ощущение. Я, как поется в песнях наших ветеранов — афганских бардов, до сих пор видел этих людей только через прорезь прицела. Теперь война уже не

разделяла нас, и можно было разговаривать о простых и мирных вещах. Мне кажется, что вряд ли кто-нибудь еще может рассказать о том, что он вот так просто сидел и говорил с Ахмад-шахом о жизни и вместе с ним вспоминал о прошлом.

Если подумать, то особых оснований для задушевных бесед и не было. С басмачами, ушедшими во время Гражданской войны на территорию Афганистана, мы разбирались до 1953 года. Потом недолгое время мирного, даже дружественного сосуществования — и ожесточенная, почти десятилетняя война.

Тот давний разговор с Ахмад-шахом кажется особенным еще и по тому интересу, который ясно чувствовался с обеих сторон. Проявлялся он не только в официально уважительном тоне по отношению к высоким представителям соседней страны, генералу армии Квашнину и первому заместителю министра иностранных дел Пастухову, но в большей степени в искреннем уважении к тем, кто еще недавно стоял по ту сторону фронта и смотрел на мир Ахмад-шаха Масуда сквозь прорезь прицела. И особенно к генералу Борису Громову, о котором Ахмад-шах подробно расспрашивал, как бы удовлетворяя свое давнее любопытство.

Действительно, это было мощное и достойное противостояние: Ахмад-шах Масуд и Борис Громов. Воинские таланты и масштаб личностей этих людей достойны друг друга. Интерес и уважение «Льва Пандшера» к Борису Громову безусловно распространялись сейчас и на нас. Ахмад-шаха интересовала страна, которая рождала таких военачальников, как бывший командующий 40-й армией.

Может показаться удивительным, но уже на этой встрече, когда после вывода войск прошло не так много времени, те самые моджахеды, которые непримиримо дрались с нами, вспомнили довоенное словечко — шурави (друг) и кричали нам, улыбаясь.

Им, конечно, стало намного хуже жить после того, как советские войска ушли. Ведь наши солдаты не только стреляли, но и очень многое построили и создали в этой стране.

После ухода Ограниченного контингента гражданская война вспыхнула с утроенной яростью и в итоге привела к нашествию талибов, которых по варварству и жестокости нельзя сравнить даже с ордами Чингисхана.

Во все время своего визита я отлично чувствовал: с нами рядом как бы присутствовал дух Бориса Громова, который сумел сберечь не только жизни своих солдат, но и множества афганцев. Они понимали это.

Тогда уже было известно, что в плане вывода войск, предложенном Громову из Центра, рекомендовалось проведение предварительной авиационной и артиллерийской обработки

территорий, через которые будет выводиться армия. То есть по обеим сторонам дорог на 30–40 километров должна быть оставлена безжизненная пустыня. После этого следовало выходить (убегать) быстро, пока афганцы не успели очухаться.

По военно-техническим возможностям 40-й армии проведение такой жуткой акции было вполне возможно. И если бы Громов был просто исполнительным генералом и не пошел своим путем, заменив массированные обстрелы и ковровые бомбардировки дипломатией, то к сотням тысяч погибших афганцев прибавились бы еще десятки тысяч. Но и к четырнадцати тысячам наших убитых, я думаю, пришлось бы приписать немало. Афганцы всегда умели мстить. И уж, конечно, никто теперь не крикнул бы нам — шурави!

Чтобы организовать этот бескровный выход, Громов провел бесчисленное количество встреч. Он говорил озлобленным людям: «Мы уходим. Вы, конечно, можете стрелять нам вслед и многих убить. Но и я обещаю вам, что те места, откуда будут стрелять, превратятся в пустыню. Подумайте о будущем страны и о сохранении жизни своих людей».

Не знаю, что ответили бы моджахеды другому генералу и стали бы они вообще с кем-то другим разговаривать. Но к Громову было особенное отношение.

Он был Великим врагом, и его уважали, ему верили!

Моджахеды сражались непримиримо. Бойцы Ахмад-шаха Масуда дрались яростно, но по-рыцарски. Каким образом возникли эти особые отношения, мне неизвестно, но возникли они именно на основе взаимного уважения, которое негласно существовало между двумя этими большими военачальниками. И я думаю, что обе эти очень крупные личности, безусловно, во многом формировали друг друга. Они были достойными врагами. Тут вполне можно сказать: «Скажи мне, кто твой враг, и я скажу тебе, кто ты».

В декабре 1999 года в газете «Московский комсомолец» было опубликовано обращение Громова к ветеранам Афганской войны, из которого становится понятно, что взгляд генерала на это историческое событие не изменился.

«Двадцать лет назад советские войска вошли в Афганистан. Никто из нас тогда не мог предположить, что это решение руководства СССР положило начало войне, которая длилась более девяти лет.

Сейчас, по прошествии двух десятилетий, мы понимаем, что участие Вооруженных Сил в решении проблем Афганистана было

крупной политической ошибкой.

Нашей вины в этом нет. Мы честно выполнили свой долг! Непреходящая наша боль — почти четырнадцать тысяч погибших однополчан. Светлая им память. В наших сердцах и душах они будут жить всегда.

На нас, прошедших дорогами Афганистана, лежит особая ответственность. Хорошо зная цену войны и мира, жизни и смерти, мы обязаны заботиться о семьях тех, кто не вернулся с войны, у кого она забрала близких людей. А еще — сделать все, чтобы подобное не повторилось.

Главный урок, который преподнесла та война, заключается в том, что межнациональные, религиозные, политические противоречия невозможно решить силой оружия. Его игнорирование дорого обходится России.

Дорогие друзья!

Горжусь тем, что принадлежу к нашему «афганскому» братству. Честь и достоинство — для нас понятия святые. Так было, так есть и будет всегда.

Президент Всероссийского общественного движения ветеранов локальных войн и военных конфликтов «Боевое братство».

Герой Советского Союза, генерал-полковник Б. Громов».

Афганистан стал для Громова самым важным и определяющим периодом жизни. Опыт, полученный там, пригодился. Особенно он был полезен и эффективен в трудные времена. Это касается не только армии, военный опыт прекрасно работает и в условиях гражданской жизни. Штабной принцип работы, когда над выработкой решения трудится коллектив единомышленников, а власть и возможности концентрируются в одних руках, позволяет оперативно вырабатывать необходимые решения, своевременно перебрасывать силы на нужное направление, решать как оперативные, так и стратегические задачи.

Часть III
НА КРАЮ

Опасности лучше идти навстречу, чем ожидать на месте.

Вся земля не стоит даже одной капли бесполезно пролитой крови.

А. В. Суворов

Глава первая
НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Как порой однобоко оценивают в обществе больших людей, даже таких гениев, как Александр Васильевич Суворов. Даже умнейшие современники, сбитые с толку и оскорбленные вызывающим и нестандартным поведением Суворова (его рапортами в стихах, пробежками голышом по саду, утренним кукареканьем и прочими причудами), считали его шутом гороховым, которому просто необыкновенно везет на войне. К примеру, один из самых одаренных и ярких людей того времени — князь Потемкин — считал Суворова странным чудаком и не более чем удачливым «партизаном». Так он и докладывал императрице Екатерине II.

Однако императрица не довольствовалась рассказом своего знаменитого фаворита и, как только Суворов появился в Санкт-Петербурге, пригласила его на аудиенцию.

У них состоялся долгий разговор. Екатерина, бывшая одной из самых образованных и проницательных женщин своего времени, поразилась широтой знаний и глубиной суждений этого «партизана». Суворов ориентировался в самых передовых науках как университетский профессор, а в тонкостях политики — как природный дипломат.

Спустя какое-то время она пригласила Александра Васильевича вновь, только теперь спрятала в соседней комнате, из которой их разговор был прекрасно слышен, князя Потемкина.

Императрица завела с Суворовым беседу, касающуюся тогдашних, весьма запутанных, политических отношений в Европе. Ответы Александра Васильевича были столь основательны и мудры, что князь был совершенно восхищен и, не выдержав, вошел в кабинет со словами: «Ах, Александр Васильевич! Служа так долго с вами, я, оказывается, до сего времени совершенно не знал вас!»

Суворов нахмурился, пробормотал какой-то вздор и вышел вон. Однако с тех пор Потемкин возымел к Суворову отменное уважение.

А вот как Александр Васильевич оценивал себя сам. Удивительное признание сделано было во время позирования придворному художнику. Кстати, позирования для портретов Суворов всегда избегал, и этот случай едва ли не единственный, да и то сеансы состоялись лишь по строгому приказу императрицы.

«Ваша кисть изобразит черты лица моего, — они видны. Но внутреннее человечество мое сокрыто. Итак, скажу вам, что я проливал кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближнего. Во всю жизнь мою никого не сделал несчастным. Ни одного приговора на смертную казнь не подписал. Ни одно насекомое не погибло от руки моей. Был мал. Был велик. При приливе и отливе счастья уповал на Бога и был непоколебим».

Вспомнились это признание Суворова потому, что и Бориса Всеволодовича Громова многие считали, и по сей день считают, обыкновенным генералом, которому по стечению обстоятельств повезло оказаться во главе одной из крупнейших операций в современной военной истории.

Высокие начальники с раздражением наблюдают и за его нынешней политической карьерой, считая, что генералам нечего делать в строительстве далекой и непонятной для военных гражданской жизни. Думаю, что таким людям, я говорю об умных, конечно, не вредно было бы услышать разговоры Громова в компании друзей и единомышленников. Не сомневаюсь, им пришлось бы покаяться и полностью переменить мнение об этом человеке, как в свое время пришлось это сделать князю Потемкину по отношению к Суворову.

Жизненный принцип Громова состоит в том, что необходимо трудиться всю жизнь, но, главное, не допускать, чтобы ленилась душа.

«Трудолюбивая душа должна быть занята своим ремеслом, и частые упражнения для нее столь же живительны, как обычные упражнения для тела», — говаривал А. В. Суворов.

Ну а если рассуждать о военном принципе Громова, то его следует определить не только как соответствующий высшим критериям современной военной науки, но и как щадящий прежде всего, именно в смысле сохранения жизней солдат и офицеров. Заметим, что при всех громких высказываниях современных генералов о любви к простому солдату, бережное отношение к человеку в солдатской форме бессовестно утрачено.

Многолетняя Афганская война, на которой Борис Громов стал, пожалуй, самым известным генералом за всю послевоенную историю Советского Союза, закончилась. Тысячам солдат и офицеров предстояло вступить в новую жизнь, где уже не было ежедневных обстрелов, проводки колонн и перехвата караванов с оружием. Многим это далось не просто.

Для генерала Громова переход к мирной жизни получился весьма необычным.

Борис Всеволодович был назначен командующим Киевским

военным округом еще в то время, когда готовил выход 40-й армии из Афганистана. Такое вряд ли случалось с кем-то еще в послевоенной истории. Получилось прямо по старой пословице — Громов вынужден был сидеть сразу на двух стульях. И хотя смысл пословицы в том, что сидеть на двух стульях невозможно, Борис Всеволодович доказал, что для него эта проблема разрешима.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Совет Министров СССР от 5 января 1989 г. № 24 Москва, Кремль *О командующих войсками военных округов* Совет Министров СССР постановляет: 1. Назначить: генерал-лейтенанта *Громова Б. В.* командующим войсками Киевского военного округа, освободив от этих обязанностей генерал-полковника Осипова В. В. в связи с переходом на другую работу.

Председатель Совета Министров СССР Н. Рыжков Управляющий делами Совета Министров СССР М. Смиртюков

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Совет Министров СССР от 3 мая 1989 г. № 371 Москва, Кремль О присвоении воинских званий офицерам, генералам и адмиралам Советской Армии и Военно-Морского Флота Совет Министров СССР постановляет: Присвоить нижепоименованным лицам воинские звания: *генерал-полковника Громову Борису Всеволодовичу* Председатель Совета Министров СССР Н. Рыжков Управляющий делами Совета Министров СССР М. Смиртюков **Б. В. Громов:**

— Я был командующим 40-й армией и осуществлял ее вывод из Афганистана, а меня уже назначили командующим Киевским военным округом, одним из самых важных в стране. И мне приходилось в ходе самой сложной и напряженной в моей жизни операции по выводу войск заниматься делами крупнейшего военного округа.

Начальник штаба КВО, мой старый товарищ Виктор Петрович Дубынин, звонил мне каждый день и держал в курсе дела. Я

попросил, чтобы мне в Афганистан привезли карту округа, хотел знать хотя бы, где там какие дивизии стоят.

Мне пришлось одновременно готовиться к докладу и по 40-й армии, и по Киевскому военному округу.

С точки зрения педагогики, министр обороны поступил правильно, так он заставлял меня быстрее войти в новую должность и даже в самый трудный период организации вывода уже думал о будущем. Трудно мне это далось, но не жалею.

Когда я приехал в Киев, то был вполне в курсе дела, да и в округе все шло нормально.

Принял меня Щербицкий — первый секретарь ЦК КПУ. С первой встречи сложились замечательные отношения. Он был прекрасный, честный, преданный делу человек, и я очень тяжело переживал его снятие и то, как его незаслуженно и жестоко позорили.

Горбачев пришел к власти И марта 1985 года. Почти сразу началась совершенно неподготовленная программа ускорения и перестройки, которая впоследствии совершенно естественно преобразовалась в перестрелку.

Той весной на Верховной раде Украины обсуждался какой-то военный вопрос и прилетел из Москвы Ахромеев (он был назначен советником Горбачева), и так как мы очень хорошо друг друга знали, я его встречал. Он прибыл с начальником Генштаба Моисеевым, с которым мы учились еще в академии Фрунзе.

Ахромеев при встрече шепнул мне на ухо: «Готовься, тебя Горбачев собирается забрать в Москву. Мне все это не нравится, потому что тебя хотят направить не в армию, а куда-то на сторону».

Я этому сообщению тоже не обрадовался. Меня нынешнее положение вполне устраивало, работа нравилась, шла хорошо, явно приносила пользу. И вот какой-то непонятный перевод. Причем такой, что даже старые товарищи мне о нем говорить не решаются.

Ну а что я могу сделать? Отказаться? Но как откажешься, если приказывает сам Верховный главнокомандующий и к тому же еще генеральный секретарь партии, в которой ты состоишь много десятков лет. Главный военный и партийный принципы — работать там, куда пошлют.

Примерно через неделю, это было в конце 1990 года, в воскресенье, мы с женой были в гостях. Звонит моя теща и, задыхаясь от волнения, говорит, что телефон непрерывно звонит, просто разрывается. Ну, понятно, ВЧ (звонит очень громко и противно). Быстро возвращаюсь домой. Действительно, главный телефон звонит через каждые пять минут.

Снимаю трубку. Телефонистка ворчливо спрашивает: «Сколько вас можно искать?!»

Я тоже на взводе и довольно жестко отвечаю, что, мол, занимайтесь своим делом и сообщайте, что вам положено передать.

«С вами будет говорить генеральный секретарь».

— Здравствуй! — слышу бодрый голос Горбачева. — Ну как ты там, не устал еще на Украине служить?

Он со всеми так — на «ты».

— Нет, — говорю, — не устал.

— Мною принято решение забрать тебя в Москву.

— В каком качестве?

— Министром внутренних дел я назначил Пуго, ты будешь его первым заместителем.

Вот так новость!!!

Я начал объяснять, что всю сознательную жизнь провел в армии, имею большой опыт и могу тут принести пользу. Что я буду делать в милиции, где совершенно другая работа и всему нужно учиться заново?

Он послушал и отвечает:

— Вечером смотри программу «Время», а указ я подписываю прямо сейчас. Слышишь?

Я действительно услышал, как перо зашуршало по бумаге.

Побыл я на должности первого заместителя министра МВД восемь месяцев. От привычной армейской новая работа, по правде говоря, не очень отличалась. Борис Карлович распределил мне те участки и направления, которые были мне ближе. В частности, в моем ведении оказались внутренние войска, ну а это та же армия.

Надо сказать, что разговор наш с Борисом Карловичем Пуго при первой встрече в министерстве получился напряженный, и прежде всего с моей стороны. Я сразу сказал министру, что по-прежнему не понимаю, зачем меня назначили на эту должность, я не только не знаю этой работы, но и не очень хочу здесь работать.

Борис Карлович, деликатный и чуткий человек, внимательно меня выслушал, сказал, что тоже не вполне понимает действия руководства. Тем не менее ясно видит мою роль и место в работе МВД и просит взять на себя ряд важных направлений.

Деликатность, с которой вел этот трудный разговор Борис Карлович, была совершенно искренней и очень к нему располагала. Я понял, что моя обида высказана не по адресу. Более того, почувствовал, что мне будет легко работать с этим умным человеком, который точно так же, как и я, был без подготовки брошен на новое дело.

В мое ведение кроме внутренних войск попали милиция

общественной безопасности, пожарники и на какое-то время ГАИ.

Истинная подоплека событий нередко открывается спустя какое-то время. Совершенно случайно я узнал, что напрасно винил одного только М. С. Горбачева в этом непонятном и нежелательном для меня назначении.

Встретившись с Е. М. Примаковым, которого глубоко уважаю, я пожаловался на это волюнтаристское решение генсека. Евгений Максимович как-то смущенно улыбнулся и сказал, что за этот странный зигзаг в моей биографии я должен винить скорее его, так как это он посоветовал президенту укрепить МВД за счет включения в состав руководства популярного в стране боевого генерала.

— Простите меня, если я доставил вам такую неприятность, но мне и сейчас кажется, что это было правильное решение, — сказал Примаков.

Вот какие порой случаются неожиданности.

На Евгения Максимовича я просто не могу обижаться.

— С афганских времен внимательно слежу за судьбой этого, очень симпатичного мне человека, — размышляет бывший премьер-министр и министр иностранных дел России Евгений Максимович Примаков, — не удивляюсь тому, что он не затерялся, как многие другие хорошие люди, в нашей сложной и неоднозначной жизни.

Радуюсь, что он был избран, а затем с блеском переизбран на должность губернатора Подмосковья. Ведь столичная область — это сложнейший организм, один из наиболее значимых субъектов Российской Федерации, по всем параметрам сравнимый с крупным европейским государством. Я думаю, всем теперь видно, что область живет значительно лучше, чем раньше. Это результат напряженной, кропотливой работы, и во многом — заслуга губернатора.

Он из тех людей, которые не запятнали себя ничем. Наоборот, он утвердился в качестве человека беззаветно, мужественно и, что важно, не бездумно выполняющего свой долг.

Мне посчастливилось быть в Афганистане в то время, когда Борис Всеволодович Громов и Валентин Иванович Варенников были награждены золотыми звездами Героев Советского Союза. Я очень радовался тому, что эти замечательные люди и настоящие русские офицеры были удостоены заслуженных наград.

Позже я, как и все в СССР, с волнением следил за выходом советских войск из Афганистана. Слушал рассказы участников событий о том, как генерал Громов выводил свою 40-ю армию, своих солдат из этой страны. Как чудовищно велико было

напряжение, как много пришлось сделать, чтобы в конце концов добиться такого блестящего результата. Ведь не было ни одной жертвы за все время этой беспримерной в современной военной истории операции.

Всем известно, что, когда после долгой и ожесточенной войны армия снимается и уходит с занимаемых позиций, случаются обычно самые ожесточенные столкновения и войска несут наибольшие потери. Ведь уходящая армия и в военном, и в психологическом смысле на какой-то срок становится менее защищенной и более уязвимой.

Генерал Громов доказал, что все может быть иначе. Армия может выйти из войны, не позволяя бросать себе в спину камни. Выйти достойно, не опуская головы и не сворачивая знамен.

Борис Всеволодович боролся не только за сохранение жизней солдат, но за их честь, а значит, за честь своей армии и страны в целом. В те годы, когда Советский Союз переживал большие трудности и люди были в некотором смысле деморализованы, достойный вывод советских войск из Афганистана был особенно необходим всем нам.

Не удивительно, что через несколько лет, когда к власти в стране пришел М. С. Горбачев и необходимо было укреплять сильно пошатнувшийся порядок, я вспомнил о Громове. Тогда и посоветовал Горбачеву назначить первым заместителем нового министра внутренних дел Б. К. Пуго прославленного генерала-«афганца».

Понимаю, что для Бориса Всеволодовича, всю жизнь отдавшего службе в армии, такой неожиданный поворот судьбы вряд ли мог быть желательным. Но я и сейчас убежден, что решение было правильным и принесло большую пользу нашей стране, переживавшей тогда тяжелейший период обострения межнациональных конфликтов. Приход в МВД Бориса Всеволодовича Громова, смелого, ответственного и очень популярного в народе генерала, реально поднял авторитет милиции. Думаю, что и самому Борису Всеволодовичу эта работа принесла пользу, прибавила к его солидному военному опыту нечто такое, что впоследствии ему пригодилось.

— Очень трудными для Советского Союза были те годы, — вспоминает Иван Федорович Шилов, бывший заместитель министра внутренних дел, ныне советник губернатора Московской области. — По всей стране полыхали межнациональные конфликты. Сначала Сумгаит в Азербайджане, потом Нагорный Карабах, и тут же вся Армения поднялась против азербайджанцев. Начали выдавливать их с обжитых мест, создавать невыносимые условия. Тысячи и тысячи всё потерявших

беженцев в отчаянии старались перебраться через горы и уйти из зоны конфликта. В Азербайджане начались гонения на армян, и они стали уходить на родину через Нагорный Карабах и Шушу.

Вспыхнули конфликты и в других республиках. В Средней Азии они охватили Фергану и Ош, Душанбе и Наманган, здесь было особенно много трупов. Заволновалась Прибалтика.

Эффективно бороться с насилием мешала двойственная политика тогдашнего нашего руководства, которое пыталось все сгладить и замолчать, опасаясь негативной международной реакции. Первый секретарь компартии Узбекистана вообще выступил со смехотворным утверждением, что произошло простое недоразумение — на рынке несколько торговцев поссорились из-за клубники. На самом же деле произошло жестокое и кровавое столкновение между узбеками и турками-месхетинцами.

В тот период МВД пришлось переходить от обычных своих задач по борьбе с преступностью к нейтрализации межнациональных столкновений. Опыта такой работы не имелось, все пришлось осваивать, как говорится, с листа.

В общей сложности по Союзу образовалось одиннадцать горячих точек.

Эти конфликтные зоны отвлекали большое количество личного состава. У нас не имелось ни резерва, ни специально обученных подразделений, их тоже пришлось создавать на ходу. Прямая наша задача — охрана общественного порядка — как-то незаметно отошла на второй план. Все силы были брошены на гашение межнациональных столкновений. Я, например, побывал во всех этих горячих точках, начиная с Сумгаита, по нескольку раз. Обычная преступность, забытая и неконтролируемая, росла как на дрожжах.

Это был тот момент, когда Борис Всеволодович Громов пришел в Министерство внутренних дел.

По штатному расписанию он занял должность первого заместителя министра внутренних дел СССР, которую до этого занимал я. Кроме того, имелось еще восемь заместителей.

Земля слухами полнится. За несколько дней до назначения у нас уже обсуждали возможность прихода к нам Бориса Всеволодовича Громова. Скажу сразу, реакция была очень хорошая. Громова знала вся страна, и приход в МВД боевого прославленного генерала был для нас полезен во многих отношениях, и прежде всего это повышало авторитет милиции.

По поручению Б. К. Пуго я позвонил Борису Всеволодовичу в Киев, представился. Он сказал, что прекрасно меня помнит. Я спросил Бориса Всеволодовича, есть ли у него место в Москве, где он мог бы временно остановиться. Оказалось, что нет. Я

предложил ему пожить первое время на даче в Серебряном Бору. Он согласился. Я дал распоряжение начальнику хозуправления, чтобы к его приезду приготовили дачу. Осень уже вошла в силу, и в Серебряном Бору было тогда очень красиво.

Надо сказать, что все наши разговоры получились хорошими и добрыми. Я догадывался, что он не доволен своим новым назначением. Понятно, армейский генерал хотел бы продолжать службу в войсках. Но мне он ни одним словом не дал этого понять. Наоборот, искренне поблагодарил. Так у нас уже при первом телефонном разговоре установились теплые отношения.

Лично встретить Громова мне не удалось. Так сложилась оперативная обстановка. Заполыхал Наманган, и я в ночь на самолете МВД вместе с оперативной группой вылетел туда. Пробыл я там не один день, обстановка была очень сложная. Главное, там страдали ни в чем не повинные женщины, старики, дети. Когда положение несколько стабилизировалось, я вернулся в Москву.

Двери наших с Борисом Всеволодовичем приемных располагались через коридор напротив друг друга. Его разместили в кабинете, который еще недавно занимал Чурбанов. Помещение, понятное дело, очень хорошее.

Сразу зашел к нему и доложил, что я, генерал-полковник Шилов, с задания прибыл и по этому случаю представляюсь вам. (Конечно, все это было сделано с долей шутки, никому тут официальное представление не требовалось.) Борис Всеволодович улыбнулся, быстро вышел из-за стола, мы обнялись.

— Хорошо, что сразу зашли. У меня несколько вопросов, которые лучше вас никто не растолкует.

Мне действительно было проще, чем кому-либо, ввести его в круг наших проблем. В МВД я с самых низов, а начинал службу солдатом внутренних войск. Протопал по всем ступенькам до генерал-полковника. Служил в разных концах Союза от Дальнего Востока до Прибалтики.

Сели мы с ним рядышком, я ответил на его вопросы и рассказал обо всем, чем приходится сейчас заниматься. Потом задал ему свой главный вопрос: «Как начали работать, какие первые впечатления?»

— Вот, — говорит, — сразу и приступил. Министр мне уже распределил службы, которыми придется заниматься. Даже ОБХСС. В книжках и кино все просто, а на деле…

Поговорили о главных нынешних бедах, о горячих точках, тут мне было что рассказать.

Сейчас порой удивительно видеть, какая разнообразная и удобная у солдат экипировка. А в то время даже шлемов не было,

не говоря уже о бронежилетах. Только эти игрушечные целлулоидные щиты, которые десятки лет без дела валялись на складах. Кстати, выяснилось, что если даже небольшой камешек попадет в ребро, щит разлетается на куски. В те дни милиционерам и солдатам внутренних войск приходилось практически незащищенными выходить против разъяренной толпы.

Громов внимательно меня слушал, это была новая для него информация. Всего несколько минут продолжалась наша беседа, но за это время уже возникла атмосфера доверия и доброжелательности, которая впоследствии всегда сопровождала наши с ним разговоры. Трудно даже припомнить, с кем мне было так легко и приятно общаться. Как будто мы давным-давно друг друга знаем. Вот я приехал из командировки, и мы поспешили встретиться, чтобы поделиться новостями.

Из рассказа Бориса Всеволодовича я понял, что за несколько дней он успел многое понять в работе далекого для него ведомства. Получилось так, что нам интересно было обсудить новые для него и чисто профессиональные для меня вопросы. Тут я понял, как может быть полезен свежий взгляд умного и опытного человека. Многие вещи открылись для меня с совершенно непривычной стороны.

После знакомства с делами он отправился в горячие точки, показав тем самым, что не собирается отсиживаться в комфортабельном чурбановском кабинете.

Повторюсь, для системы МВД было очень здорово, что пришел известный боевой генерал, тем более в такой сложный период времени. Это был сильнейший моральный фактор для наших людей.

Назначение Громова было радостно воспринято на всех уровнях: от простых милиционеров и солдат внутренних войск до офицеров и руководителей.

Определенно ощущался психологический подъем.

Когда наши сотрудники узнавали, что Борис Всеволодович отправляется в командировку, то всеми правдами и неправдами старались попасть вместе с ним в эти горячие точки. По возвращении рассказывали, как надежно и уверенно ведет себя генерал Громов в экстремальных ситуациях. Как он спокойно работает с людьми, внимательно выслушивает доклады. Всегда просит сотрудников делать выводы и предложения.

В МВД тогда еще мало кто из офицеров был готов к такой инициативе. Выводы полагалось делать начальству. Это был новый для нас громовский военный принцип. Он приближал офицеров к процессу принятия решений. Большая и очень

полезная для наших сотрудников наука. Работать стало труднее, но интереснее. Люди почувствовали, что к их размышлениям и догадкам, к их мнению относятся с уважением и принимают во внимание.

Появление Бориса Всеволодовича в горячих точках всегда становилось событием. Люди передавали друг другу: «Сам Громов здесь находится!» Они верили — раз знаменитый генерал взялся за дело, все пойдет на лад. Причем, как ни странно, такое мнение было у обеих противоборствующих сторон.

Он умел разговаривать с простыми людьми. Беседа получалась непринужденной, теплой, с пониманием житейских проблем и уверенностью, что любой конфликт может быть разрешен разумно, без кровопролития.

Сейчас все, кто работает с Громовым, прекрасно знают, что в его присутствии нельзя употреблять слова: «неразрешимо», «невыполнимо», «невозможно». Он сразу предупреждает, что люди, употребляющие их, ему не интересны. Неразрешимых проблем на свете не существует.

Громов умел вести переговоры таким образом, чтобы они не превращались в базар. Базар — это шум и крик, бесполезное сотрясание воздуха, чреватое ссорами и обострением обстановки. Он умел разговаривать даже с озлобленными, разъяренными, кажется, совершенно потерявшими облик человеческий, людьми.

Жалею, что мне не довелось присутствовать на переговорах с афганскими моджахедами, но совершенно ясно представляю, как он вел их. Даже враги уважали его. Как ни крути, а половина замечательного военного успеха операции по выводу советских войск из Афганистана — это блестяще проведенные переговоры, позволившие 40-й армии уйти на свою территорию без единого выстрела со стороны бесчисленных банд моджахедов, стоявших, как почетный караул, вдоль всей дороги.

Громова уважали потому, что чувствовали силу. А силу в нем чувствует каждый.

Он умеет говорить с людьми испуганными, страдающими. У него железная выдержка. Он не срывается. Держится исключительно просто и уверенно. При нем всем остальным просто неудобно мельтешить и метаться.

Офицеры рассказывали мне, что положение порой казалось совершенно неуправляемым и они готовились к самым крайним мерам. Однако уверенность и спокойствие Громова внушали, что кроме силовых вариантов, которые казались неизбежными, у него есть еще немало своих, позволяющих, не обостряя обстановки, постепенно снизить напряжение. Действительно, Громов всегда брал события под контроль, причем обходясь без силовых акций,

арестов и стрельбы. Он всегда был убежденным противником крайних мер.

— Появление Громова в МВД прошло очень спокойно, я бы сказал, незаметно, — вспоминает начальник Главного управления кадров МВД России генерал-лейтенант И. В. Астапкин. — Сам он не делал ничего такого, что могло бы привлечь к нему внимание. Никаких эмоциональных заявлений, авральных сборов с объявлением программы и новых задач, никаких внезапных перемещений и назначений. Спокойно, постепенно, по-деловому знакомился он со своими подчиненными, вникал в работу и устанавливал связи.

Меня он пригласил примерно через неделю после своего назначения. Разговор наш по большей части касался подробностей моей работы в Афганистане, где я был в то время, когда Борис Всеволодович командовал дивизией в своей первой командировке. Как бывалым «афганцам», нам, конечно, было что вспомнить.

В конце разговора он сообщил, что нам предстоит вылет в Закавказье, где в то время резко обострилась обстановка. Наша задача изучить ситуацию в Грузии, Азербайджане, Карабахе, Северной и Южной Осетии и предложить меры по стабилизации обстановки. Он сказал, что командировка ответственная — поручение правительства и президента — и для него имеет значение, чтобы в нашей группе были люди, обладающие опытом Афганской войны.

Уже на следующий день на самолете МВД мы прилетели в Тбилиси, а затем на двух вертолетах отправились в Цхинвали.

Здесь мы встретились с руководством республики, сотрудниками милиции, ополченцами, которые противостояли грузинским подразделениям внутренних войск и милиции. Внимательно изучили экономическое положение республики, которая оказалась отрезанной от других регионов и не снабжалась самыми необходимыми ресурсами. Причем после разговора с руководством и специалистами Громов много беседовал с жителями города прямо на улицах Цхинвали.

Суммировав полученную информацию, собранную по-военному быстро и детально, мы возвратились в Тбилиси, где была запланирована встреча с новым президентом Грузии Звиадом Гамсахурдия.

Следует отметить, что набравший в то время силу парад суверенитетов очень пагубно отразился на кадровой ситуации в бывших республиках Союза. Так, проведенная по настоянию З. Гамсахурдия быстротечная смена министра внутренних дел Грузии привела к тому, что исключительно важная, особенно в

тот конфликтный период, должность была занята (другого слова не подберешь) тридцатидвухлетним спортсменом, далеким от многообразия проблем, стоящих перед МВД и республикой в целом.

На совещании у президента Грузии кроме Бориса Всеволодовича и меня присутствовали уже упомянутый министр внутренних дел, министр безопасности и руководитель аппарата президента.

Гамсахурдия начал с обычной в таких случаях церемонии представления, а затем перешел к ситуации в Южной Осетии.

Меня поразило мышление человека, занимающего пост лидера страны, в которой идут острейшие процессы распада, сопровождаемые кровопролитием.

Заявил он буквально следующее:

— Уважаемый Борис Всеволодович! Вы боевой генерал и прекрасно понимаете, что в ситуации, когда кучка сепаратистов пытается дестабилизировать обстановку, достаточно поднять в воздух два боевых вертолета, которые бы прошлись над Цхинвали и немного постреляли, если потребуется, — При этом президент Грузии, как шестилетний мальчуган, растопырив пальцы, показал, как атакуют боевые вертолеты, и весело добавил. — Паф, паф, паф…

Сидящие напротив нас сподвижники президента, представители силовых структур дружно закивали головами, одобряя «гениальный план» быстрого урегулирования конфликта, предложенный их шефом.

После того что мы увидели и узнали в Северной Осетии, было удивительно слышать о таком «простом» решении вопроса.

Борис Всеволодович, с присущим ему спокойствием и невозмутимостью, очень популярно объяснил президенту и его команде, что решение Южно-Осетинского конфликта лежит не в сфере военных действий, а имеет глубокие экономические и политические причины, не разрешив которые, невозможно разрядить ситуацию. Громов подробно остановился на возможных путях преодоления кризиса, продемонстрировав президенту Грузии глубокое понимание ситуации, привел конкретные примеры многочисленных нарушений договоренностей о прекращении актов насилия как с грузинской, так и с северо-осетинской сторон.

Доводы Громова были настолько убедительны, что Гамсахурдия ничего не оставалось, как согласиться и просить Бориса Всеволодовича проинформировать руководство России в таком ключе, чтобы Грузии была оказана помощь в разрешении конфликта.

По возвращении в Москву тут же были составлены информационные записки в адрес президента и правительства с изложением конкретных мер по урегулированию конфликта. Борис Всеволодович очень тщательно подходил к отработке этих документов, стараясь сделать их простыми и легко читаемыми, но вовсе не за счет «причесывания» и снятия остроты.

Предложения были одобрены и на их основании составлен план конкретных мероприятий для органов и подразделений МВД. Контроль за исполнением плана был возложен на генерала Громова.

Вот тут мы все и почувствовали армейскую, штабную хватку афганского генерала. Громов был неотступно требователен. Если в плане был указан срок исполнения мероприятия, то ни один руководитель, даже самого высокого ранга, не мог этот срок нарушить. Ну а если нарушал, то вынужден был держать ответ по всей форме, так что повторять подобное ни у кого больше желания не возникало. При этом в словах Громова, сколь бы суровы они ни были, не было ничего унижающего человеческое достоинство.

В дальнейшем мне пришлось сопровождать Бориса Всеволодовича во многих поездках и участвовать в его переговорах с руководителями Азербайджана, Нагорного Карабаха и Северной Осетии.

К сожалению, подготовленные им аналитические записки не всегда обращались в планы реальных действий. Но этому не приходится удивляться, так как отношения между бывшими республиками и субъектами СССР, да и внутри самой России, в то время были чрезвычайно запутанные и нестабильные.

Могу сказать одно. Все, о чем он предупреждал руководство страны, развивалось именно так, как он прогнозировал. Не сомневаюсь, что, если бы предложенные им меры были своевременно приняты, многие конфликты можно было бы разрешить или хотя бы снять их остроту, что спасло бы множество человеческих жизней.

Расскажу еще об одном, запомнившемся мне эпизоде, случившемся во время поездки в столицу Нагорного Карабаха город Степанокерт. Громов, как всегда оперативно, обсудил положение с руководством республики, а также с представителем Центра в Закавказье В. Поляничко. Предполагалось, что мы останемся ночевать в Степанокерте. Однако все, что нужно, было сделано, и, не желая терять времени, Громов вылетел в Баку, где ему предстояло встретиться с руководством Азербайджана.

Утром из газет мы узнали, что дом в Степанокерте, где мы с Борисом Всеволодовичем должны были ночевать, подвергся

обстрелу из гранатометов. Реакция Бориса Всеволодовича на это событие была удивительно спокойной. Впрочем, удивляться не следует, в Афганистане и более опасные переделки бывали не раз.

Борис Всеволодович Громов запомнился мне как руководитель, способный решать самые сложные государственные задачи, оставаясь при этом человеком, уважающим чужое мнение и умеющим ценить людей. Сочетание этих качеств, к сожалению, очень редко отличает руководителей высокого уровня в нашей стране.

— Работа в горячих точках, при всей ее огромной важности, все-таки только часть задач, которые должен решать первый заместитель министра МВД, — продолжает свои воспоминания Иван Федорович Шилов. — Следующий этап, который Громову предстояло пройти, — это работа непосредственно в самом аппарате министерства. Аппарат в МВД не простой, многоотраслевой, у министра девять заместителей! У каждого заместителя по четыре-пять служб. Правильно говорили, что МВД — это настоящий монстр.

Аппаратная работа и выстраивание взаимоотношений — один из самых сложных процессов в нормальном функционировании всей этой системы.

С приходом Бориса Всеволодовича появились четкость и систематичность в проведении коллегий и совещаний. Все выстраивалось конкретно и ясно. Вот поручение, вот исполнитель, вот сроки и контроль… и вот доклад о выполнении поставленной задачи.

Он сразу, как только начал у нас работать, ввел такую систему. Должен сказать, что этот новый для нас стиль был воспринят и подчиненными, и командным составом с одобрением.

Борис Всеволодович требовал точных формулировок, добивался, чтобы задание было понятно исполнителю. Мало поставить задачу, тут же обсуждалось, как ее лучше решить. Раньше, когда люди ехали в горячие точки, то ничего не планировали заранее, — разбирались на месте. Теперь люди отправлялись в командировку с четким планом действий. Все это, конечно, не мешало корректировать план с учетом меняющейся обстановки.

Новую организацию работы аппарата почувствовала и подхватила периферия. Областные управления тоже начали перестраиваться. Это было исключительно полезно для работы всей системы МВД.

Наступил август, время отпусков. Министр отправился отдохнуть в Крым. Борис Всеволодович наездился досыта по горячим точкам и тоже ушел в отпуск. Я оставался на хозяйстве.

Внезапно осложнилась ситуация в Нагорном Карабахе. Двадцать семь наших офицеров из внутренних войск были взяты в заложники. Переговоры результата не дали. Было принято решение проводить операцию прочесывания лесного массива, где, по нашим данным, скрывались боевики.

Несколько суток я практически не выходил из кабинета, контролируя ход операции. К счастью, все прошло удачно. Заложники были освобождены.

18 августа из отпуска вернулся министр. Борис Всеволодович должен был приехать через неделю.

Наступило 19 августа. День ГКЧП.

В тот же вечер Громов прилетел в Москву.

Честно скажу, с моих плеч точно гора свалилась. Теперь можно было в любой трудной ситуации зайти к Борису Всеволодовичу посоветоваться. А положение складывалось исключительно сложное. По сути, никто из нас ничего подобного не переживал и даже не мог предположить возможность такого раскола и безвластия в стране.

Громов казался очень спокойным. А ведь давление на него со всех сторон было колоссальное. Противоборствующие лагери стремились всеми силами перетащить на свою сторону МВД. Особенно трудно пришлось дивизии внутренних войск имени Дзержинского, расположенной в ближнем Подмосковье.

Куратором внутренних войск был именно Громов. Это он не позволил втянуть внутренние войска в боевые действия, что наверняка стало бы началом гражданской войны в распадающемся Советском Союзе. Повезло и в том, что начальником главка внутренних войск являлся бывший «афганец», преданный Громову человек.

Борис Всеволодович никому не позволил использовать в своих интересах МВД. Министр Б. К. Пуго, несмотря на то, что официально входил в состав ГКЧП, негласно поддерживал своего первого заместителя, понимая, что применение войск грозит самыми непредсказуемыми последствиями.

Шилов и Громов также были единомышленниками в этом вопросе и не выпускали из рук бразды правления. Прежде чем идти к министру, они всегда предварительно обсуждали все вопросы вдвоем.

Б. В. Громов:

— На моей памяти нет более трудного времени. Страна неотвратимо двигалась к развалу. Один за другим во всех концах вспыхивали межнациональные конфликты, гремели выстрелы и гибли люди. Советский Союз находился на грани гражданской войны. Именно милиции пришлось первой столкнуться с этой страшной бедой.

Все руководство МВД регулярно откомандировывалось в горячие точки. Мне, по поручению Б. К. Пуго, пришлось работать в Южной Осетии и Баку. Наверное, мне действительно было там легче, чем другим. Сказывался опыт восьмилетней службы на Северном Кавказе. Я знал не только местное начальство, но неплохо понимал национальные особенности людей, населяющих эти края, и умел с ними разговаривать.

1991 год был годом всеобщего обострения отношений. К тому же в Ираке тогда началась война, хитро названная американцами операцией «Буря в пустыне». Горячая пыль этой бури накрыла Кавказ и Среднюю Азию.

Система МВД СССР разваливалась, как и все общесоюзные структуры. Финансирование было явно недостаточным. Начались травля крупных государственных руководителей и разгон охранительных государственных структур. Все было направлено на развал СССР. Надо отдать должное организаторам этого процесса. Они провели операцию блестяще, взорвали страну изнутри, выпустив на волю разрушительные центробежные силы. Националисты всех мастей правили бал.

Был ли Горбачев вдохновителем этого процесса, сказать не берусь, но не видеть происходящего он не мог. Ну а если видел и не противодействовал, значит, сам принимал в этом участие, лукаво заняв позицию наблюдателя.

Меня в то время приглашали на все съезды и пленумы ЦК КПСС (на XIX партконференции в 1988 году я выступал). Это полагалось по статусу после того, как я стал командующим 40-й армией. На последнем XXVIII съезде КПСС я совершенно отчетливо увидел, что партия разваливается, а страна катится в пропасть.

В обычной жизни откровенные разговоры ведутся на кухне, на пленумах ЦК КПСС — в курилке. Так вот в курилке об этом говорили открытым текстом в отличие от официальных выступлений в зале. Здесь все отчаянно ругались и проклинали Горбачева.

Военные переживали крушение особенно тяжело. Помню разговор с Ахромеевым на военных учениях, которые проводили для Горбачева под Одессой. Мы просидели за разговорами всю ночь. Ахромеев был в растерянности. Он видел, что Горбачев

ничего не делает, чтобы остановить развал страны и армии. Крупнейший военачальник, всю жизнь положивший на строительство армии, совершенно не понимал в то время, что ему предпринять, кого защищать и с кем бороться. Я тогда и предположить не мог, как страшно и безнадежно закончит свою жизнь этот замечательный человек, который не сумел смириться с тем, что на его глазах разваливается дело, которому он отдал все свои силы и способности.

Я чувствовал себя не лучше. Работая в МВД, видел ужасающую картину распада в ее крайних формах. Мне было понятно, что долго это шаткое состояние продержаться не сможет. Что-то должно случиться в самое ближайшее время.

Весной 1991 года произошел раскол и появилась коммунистическая партия РСФСР. Еще недавно даже подумать о таком было страшно. В мае ко мне на прием напросился Зюганов, он тогда уже был секретарем компартии РСФСР.

Зюганов принес проект «Слова к народу» и показал, кто подписал это обращение. Среди многих — мой любимый писатель Валентин Распутин, чудесная певица Людмила Зыкина, товарищ по Афганистану Валентин Иванович Варенников.

— Вы согласны подписать? — спросил Зюганов.

С обращением я был вполне согласен за исключением нескольких угрожающих формулировок, которые мне не понравились. Я подписал, поставив в скобках «с учетом замечаний».

В начале июля «Слово к народу» появилось в «Советской России», мои замечания, конечно, не были учтены.

«Слово к народу» разделило руководство страны на два лагеря. Все, кто поддерживал Горбачева, реагировали крайне отрицательно. Я сразу почувствовал это на себе.

Начались звонки по ВЧ с гневными тирадами: «Ты что же там, твою мать!..» А я, признаться, грубого обращения с детства терпеть не могу, у нас это было не принято. Еще в прежние устойчивые времена были случаи, когда из-за подобных наездов я навсегда прекращал всякие отношения с крутыми на язык людьми.

Однажды в афганский еще период мне позвонил министр обороны Язов. Был сбит самолет. Ну, это дело известное. Как только доклад о ЧП доходит до Москвы — жди разноса.

Конечно, разнос разносу рознь. Если начальство высказывало недовольство жестко, но корректно, я это безропотно принимал. Но когда Дмитрий Тимофеевич в ярости рявкнул в трубку: «Вы что там, вояки?! Куда смотрите?! Герои… вашу мать!..» Это было в 1988 году, как раз после того, как мы с Варенниковым получили

звание Героев Советского Союза одним указом.

Я перебиваю:

— Товарищ министр обороны, я не желаю, чтобы со мной разговаривали в таком тоне!

— Чего?! Чего?!!! Да ты соображаешь…

Но я повесил трубку.

Честно говоря, был почти уверен, что эта непроизвольная вспышка будет стоить мне должности. Особенно обидно, что с Дмитрием Тимофеевичем у меня в принципе были неплохие отношения. Но все равно, какими бы ни были отношения, разговаривать со мной таким образом я никому позволить не мог, иначе просто перестал бы себя уважать.

Через полчаса опять звонит ВЧ.

— Ладно, ты на меня не обижайся, но все равно… Сколько же еще «духи» будут наши самолеты сбивать?! Неужели ничего толкового невозможно придумать?!

Ну, это уже по делу разговор. Напряжение ушло, и мы нормально обсудили ситуацию.

Вот и теперь, после публикации обращения некоторые ретивые функционеры из ЦК КПСС заговорили со мной по матушке. Тут я даже не отвечал, сразу клал трубку.

Ближе к осени все почувствовали, что напряжение становится запредельным.

Б. К. Пуго был человеком деликатным и осторожным, на совещаниях с замами ничего особенного не обсуждал. Он говорил, что ситуация становится опасной, но мы назначены сюда государством и должны выполнять свою задачу по поддержанию общественного порядка и спокойствия.

Он старался держаться достойно, хотя не хуже нас видел, что народ из МВД бежит, расцветает воровство, казнокрадство и все разваливается.

Про ГКЧП в это время никаких разговоров не было. Я, например, ничего не знал об этом.

В августе я был в отпуске в Крыму.

Неожиданно позвонил В. И. Варенников. Сказал, что прилетает в Крым на аэродром Бельбек, и попросил туда подъехать, нужно, мол, поговорить.

Приехал на Бельбек. Там собрались уже человек семь командующих из близко расположенных округов: Киевского, Одесского, Северо-Кавказского, командующий Черноморским флотом, командующий артиллерией Сухопутных войск… В этот день, кажется, был праздник ВВС.

Я прибыл к тому времени, которое Валентин Иванович назвал, но, оказывается, они прилетели раньше и всей группой

сразу уехали к Горбачеву в Форос. Стали ждать. Зашли в павильон, там местные летчики стол накрыли в честь праздника. Перекусили. Стоим разговариваем. Никто толком ничего сказать не может, одни предположения.

Ждали около трех часов. Потом с воем сирен подкатила колонна машин, и все приехавшие сразу ринулись в самолет.

Валентин Иванович остался. Он собрал начальников округов и что-то им рассказал. Я стоял в сторонке. Потом он подошел ко мне и сообщил, что создан Государственный комитет по чрезвычайному положению. Объяснил, для чего.

— Предлагаю вам, — сказал Варенников, — войти в состав ГКЧП.

Я поблагодарил Валентина Ивановича за информацию и предложение, но объяснил, что, если бы дело касалось только меня, я не раздумывая сказал бы «да», но сейчас не могу сделать этого, не проинформировав моего министра Б. К. Пуго.

— Но он ведь вошел в состав комитета, — сказал Валентин Иванович.

— Я сегодня же переговорю с ним.

Меня смущало то, что буквально за пару дней до этого нас с Фаей приглашал к себе в гости Пуго, он тоже отдыхал в это время в Крыму неподалеку от нас. Была очень хорошая встреча и откровенный разговор о происходящем. Про ГКЧП, однако, он ничего не сказал. Даже не намекнул.

Валентин Иванович со мной попрощался и улетел с командующим Киевским военным округом Чичеватовым.

Утром в понедельник 19 августа объявили о создании ГКЧП. Я услышал это утром, как только включил телевизор. И началось «Лебединое озеро»…

Вскоре позвонил Пуго и сказал, что направляет за мной самолет. Просил как можно скорее быть в Москве. Все остальное при личной встрече.

Вечером я был в Москве. Борис Карлович появился только в 11 вечера. Вид у него был очень усталый и озабоченный. Сказал, что был на комитете, где ведутся бесконечные дискуссии и никто не знает толком, чем заняться.

Я рассказал о предложении В. И. Варенникова и добавил, что готов принять участие в работе комитета, если это необходимо. Борис Карлович ответил, что состав уже утвержден, вам и тут дел хватит.

Позже, уже после самоубийства Пуго и начала следствия по ГКЧП, я понял, как мудро и дальновидно поступил тогда Борис Карлович. Он оградил нас, своих замов, от будущих преследований, тюрьмы и суда. Уже тогда он понял, что ГКЧП в

его настоящем виде обречен на провал. У руля этого важного дела оказались не те люди…

— На этом восьмимесячное пребывание Бориса Всеволодовича в нашем ведомстве закончилось, — вспоминает И. Ф. Шилов. — Но Громов не ушел из МВД. Он и по сей день остался одним из самых уважаемых руководителей и командиров.

Помнят его не только в России, но и в бывших наших республиках, а ныне странах так называемого ближнего зарубежья. Тогдашние майоры и подполковники из союзных МВД, которые, затаив дыхание, слушали Громова, стали теперь руководителями сил правопорядка своих республик. Они при каждой встрече непременно расспрашивают о Борисе Всеволодовиче, говорят о своем глубоком уважении к нему и рассказывают, как им помогает тот опыт, который они получили, работая с ним.

Драматичным оказался последний этап службы Бориса Всеволодовича Громова в МВД.

Ушел из жизни министр Борис Карлович Пуго. Это был один из тех исключительно порядочных людей, которые принимают на свой счет всю ответственность за неудачу. Провал ГКЧП он принял как крушение своего дела и не пожелал жить с этим ощущением дальше.

Ушел из жизни маршал Ахромеев — человек, с которым Громов прослужил много лет и которому верил, как самому себе. Казалось, что все вокруг рушится…

Глава вторая
ГКЧП

ГКЧП разгромлен. Начались бесконечные допросы и весьма настойчивые попытки победившей стороны присоединить руководство МВД теперь уже во главе с первым заместителем министра Борисом Всеволодовичем Громовым к делу ГКЧП. Пришедший к власти Борис Ельцин спешил как можно скорее посадить в руководство силовых структур своих людей.

В трудной ситуации Громов вел себя очень достойно. Он не скрывал, что поддерживал и поддерживает идеи ГКЧП, изложенные в обращении «Слово к народу», что подписал это обращение сознательно, без принуждения. Но он всегда категорически против силовых действий и применения армии внутри страны и согласно этим своим принципам не позволил втянуть МВД в конфронтацию. Эту твердую и человечную позицию прославленного генерала не сумела опровергнуть даже тогдашняя Генеральная прокуратура во главе с преданно служившим Ельцину Степанковым.

Перед Степанковым, видимо, была поставлена задача дискредитировать любым способом тех, кто отказывался осудить позицию ГКЧП, и он, как говорится, землю рыл, чтобы это указание выполнить. Однако с Борисом Всеволодовичем не получилось. И не могло получиться. Генерала Громова знала и уважала страна. Устраивать против него провокации не решился даже Степанков…

После всех этих событий Громов стал искать возможность вернуться на работу в армию.

Тогда министром обороны впервые стал авиатор Е. И. Шапошников, который прекрасно знал Громова по учебе в академии Генерального штаба.

Громов позвонил Шапошникову как старому знакомому, напомнил, что продолжает состоять в штате Министерства обороны, а в МВД был командирован на время, и попросил Евгения Ивановича отозвать его обратно в армию.

Старый знакомый, которого в народе именовали улыбающимся министром, за не сходящую с лица добрую улыбку, ответил как-то непривычно строго: мол, сначала должна стать понятной роль Громова в истории с ГКЧП. «Давайте дождемся окончания следствия, а уж потом…» Вот он, каков оказался — добрый знакомый, улыбающийся министр!

Б. В. Громов:

— Меня через день вызывали на допросы и беседовали по два-три, а то и по шесть часов.

Все выглядело крайне неприятно. Членов ГКЧП арестовали. Ельцин, называя их путчистами и предателями родины, грозил какими-то немыслимыми карами вплоть до повешения.

Следствие закончилось в начале ноября 1991 года. После праздников меня пригласил Степанков и сказал, мол, извините за беспокойство, с вами все в порядке. А ведь еще и жену мою на допросы многократно вызывали. Перед ней никто извиняться не стал.

После этого мне позвонил главком Сухопутных войск Семенов (Шапошников сам со мной разговаривать почему-то не пожелал) и сказал, что министр поручил предложить мне на выбор две должности — начальника высших офицерских курсов «Выстрел» в Солнечногорске и — но тут придется подождать — первого заместителя главкома Сухопутных войск.

Выбор, как говорится, интересный… После 40-й армии и вывода войск из Афганистана, после командования Киевским военным округом — курсы «Выстрел»?! Это больше всего похоже на издевательство.

Громов ответил, что пост заместителя главкома Сухопутных войск, как должность промежуточную и временную, он готов рассмотреть.

Через неделю Семенов снова позвонил и сообщил, что принято положительное решение.

На этой должности Борис Всеволодович находился примерно полгода. Сразу почувствовал себя гораздо лучше. Тут армия, все родное! Он был искренне рад возвращению.

Если говорить о реальных перспективах, в то время это было оптимальное для Громова место. Если бы ему даже предложили стать министром обороны, то при Ельцине он бы на эту должность не пошел.

Кстати, Громов очень удивился тому, что министром обороны согласился стать Родионов. По своему отношению к делу и складу характера он не мог с Ельциным работать. Но у них нормального сотрудничества и не получилось.

Точно так же не смог работать начальником Генштаба старый знакомый Громова Самсонов. Он тоже был несовместим с Ельциным. С «царем Борисом» могли уживаться только такие люди, как Павел Сергеевич Грачев, который был готов без раздумий выполнить любое указание.

Все эти потрясения в жизни страны и собственной судьбе Громова едва не обошлись ему очень дорого. В ночь на 22 июня

1992 года у него случился инфаркт. Причем довольно тяжелый.

В это время Павел Сергеевич Грачев стал министром обороны. Он позвонил Громову в госпиталь и радостно сообщил, что подписал приказ о его назначении своим заместителем. Похоже, он тогда еще не задумывался о том, что они слишком разные люди. Правда, тогда и Громов тоже еще не представлял, как поведет себя в кресле военного министра его бывший подчиненный по 40-й армии, командир воздушно-десантной дивизии.

Громов приступил к работе только через полтора месяца.

Видимо, толком не подумав, П. Грачев поручил ему заниматься выводом советской Западной группы войск из Германии и Польши.

Месяца через два до министра дошло, какой жирный кусок он, не разобравшись, отдал Громову. Борис Всеволодович успел только съездить в Польшу к Виктору Петровичу Дубынину. После этого Западной группой войск занялись именно те люди, которые умели извлекать прибыль из таких дел.

Павел Сергеевич взял это ответственное направление на себя лично. В таких делах он был исключительно талантлив и расторопен.

Б. В. Громов:

— Виктор Петрович Дубынин был удивительным человек и одним из самых близких моих друзей! Тогда в Польше я подумать не мог, что это последняя наша встреча с Петровичем, что через месяц он умрет и на Новодевичьем кладбище я буду провожать его в последний путь.

Такой уж был этот 1992 год. Год тяжелейших потерь и крушения всего, что составляло смысл нашей жизни.

Хочу воспользоваться возможностью и сказать здесь несколько слов об этом замечательном человеке, который навечно останется в моей душе.

Все мы, люди близко знавшие Виктора Петровича Дубынина, называли его по-родственному — Петрович.

Он умер 22 ноября 1992 года. Вот уже сколько лет прошло, а Петровича в военной среде по-прежнему боготворят.

Три года он прослужил в Афганистане — сначала заместителем командующего 40-й армией, затем командармом, причем это был период самых тяжелых боев.

Потом он командовал танковой армией в Белоруссии, был начальником штаба Киевского военного округа, командующим Северной группой войск, а в 49 лет стал начальником Генерального штаба.

Виктор Петрович был настоящей находкой, подарком для наших Вооруженных сил. Он надел военную форму, будучи готовым к этой тяжелой жизни. Он был создан для нее. Его не требовалось настраивать, воспитывать, убеждать. И когда он шел вверх по армейской лестнице, на каждой ее ступени это только подтверждалось.

Некоторые удивлялись, как это человек, родившийся в глухой сибирской деревне, не получивший в юности столичного образования, добился таких высот, стал настоящим военным интеллигентом? Для меня ответ ясен: Дубынин — редкостный самородок. Природа одарила Петровича исключительно щедро. Его действительно можно было назвать настоящим интеллигентом — и по внешнему облику, и по внутреннему душевному содержанию.

Я почувствовал это сразу, когда мы встретились в 1982 году в академии Генерального штаба, куда нас зачислили одновременно. Передо мной был человек, заметно выделяющийся среди очень и очень многих незаурядных военных, а в последующем и военачальников. Неповторимая, яркая личность! Что касается образования, то я видел, как жадно добирает он то, что не успел получить и усвоить прежде.

Академия Генштаба — совершенно новый, качественный этап в жизни каждого военного человека. Дубынин понял это сразу и использовал свой шанс на все сто. Те два года учебы его сильно изменили.

Мы сошлись с ним мгновенно. Не было никаких притирок. Просто посмотрели друг на друга, и всё. Потом дружили и встречались при первой возможности до самых последних дней его жизни.

Я пришел в академию, уже отслужив два с половиной года в Афганистане. Он прибыл из Белорусского военного округа. Перед выпуском, когда ждали распределения и гадали, куда кого направят, я, помню, шутил: «Ну, держись, Петрович, забросят тебя в Афганистан. Мне это уже не грозит, я свое отвоевал…»

Петрович, похоже, ничего против Афганистана не имел и просил меня рисовать на доске карту и главные города Кабул, Саланг, Кандагар…

Удивительно, но судьба распорядилась так, что раньше всех из моих однокашников по Генштабу «за речкой» снова оказался я. В Кабул меня направили представителем Генерального штаба. Сам накаркал!

Петровича распределили в Семипалатинск, но уже через три месяца он появился в Афганистане, в сентябре 1984-го прибыл на должность первого заместителя командующего 40-й армией.

В Афганистане есть, конечно, свои особенности. Прибывающие командиры — от комдива и выше — довольно трудно и медленно входили в круг своих обязанностей и служебных полномочий. Это легко понять. Служили себе тихо, мирно и вдруг оказывались на войне. Причем не на привычной классической, о которой все расписано в книгах, а на партизанской, да еще горной, где всему нужно обучаться на практике, как говорится, с листа.

Виктор Петрович перестроился поразительно быстро. Помню, где-то спустя месяц после его прибытия обсуждался вопрос, готов ли Дубынин к проведению самостоятельных боевых действий. Причем в самом напряженном районе на юго-востоке, на границе с Пакистаном, в районе Хоста. Ни у кого не возникло сомнений — конечно, готов.

С первых же дней за ним было замечено: Дубынин очень тщательно готовится к любой операции, прорабатывает не только военные вопросы, но и те, что относились больше к сфере дипломатии и разведки, к политике. Он скрупулезно изучал обстановку, встречался с племенными вождями, местной властью, представителями ГРУ, агентурой. Тщательно изучал данные космической и авиационной разведки, сравнивал и сопоставлял информацию из разных источников.

Когда на должность командующего прибыл Родионов, мы находились в Пандшере, там шла крупная операция. Новый командарм прилетел на КП. Петрович ему представился и начал докладывать, причем дал исчерпывающую информацию по всем направлениям.

Обычно ведь как? Начальник артиллерии докладывает свое, заместитель по тылу свое и так далее. Дубынин владел всей полнотой информации, детально знал обстановку.

Если речь шла о принципах, о судьбе порученного дела, о жизнях людей, Петрович был непреклонен. Тогда для него не существовало авторитетов. Матом он не ругался и тон не повышал, но свою позицию отстаивал твердо. Не всем начальникам это нравилось. Вот удивляются: отчего он, три года провоевавший, признанный боевой генерал, имеет немного, по сравнению с другими, наград? Или еще вопрос: отчего после Афганистана его направили служить на равнозначную должность командующего армией в Белоруссию, хотя других переводили с повышением? Ответ прост. Петрович был одним из немногих, кто на всех уровнях власти говорил людям правду, какой бы горькой она ни была. Никогда не юлил и не старался угодить начальству. Поэтому «в верхах» недоброжелателей у него хватало…

Когда меня назначили командовать Киевским военным

округом, Дубынин полгода служил там начальником штаба. К тому времени мы уже давно относились друг к другу не по субординации. Для нас не существовало понятия «старший — младший», мы были настоящими единомышленниками и друзьями. Петрович с членами военного совета встретил меня на аэродроме, мы сели в «чайку» и поехали в штаб. А вечером я был уже у него дома. Меня встретили жена Людмила Васильевна, дочь Танюшка и он сам. Замечательно посидели, я сразу оказался в Киеве, как у себя дома.

Кстати, эти посиделки вспоминаются с особенной теплотой. Вскоре он стал командовать Северной группой войск в Польше. Приезжая в Москву на совещания, останавливался у своих старых друзей на Садовом кольце. Всегда после этих совещаний мы ехали на Садовое кольцо и душевно, с долгими разговорами, ужинали. Вспоминали Афганистан, говорили о том, что волнует… А что тогда волновало всякого порядочного человека? Страна катилась в пропасть. Все разворовывалось, разрушалось. Всюду правили проходимцы и откровенные жулики. Он это остро переживал.

Потом, став первым заместителем главкома Сухопутных войск, я сам приезжал к нему в Польшу. Там Петрович руководил колоссальным хозяйством. Особенно много было частей и баз тылового назначения, ведь Польша рассматривалась на европейском театре военных действий как второй оперативный эшелон тыла. К тому же через Польшу шли колонны и поезда с выводимыми частями из Германии. Их надо было сопровождать, обеспечивать. Эта обязанность тоже лежала на Северной группе. Ну, и саму эту Северную группу следовало выводить.

Должен сказать, что Виктор Петрович Дубынин справился с этой задачей успешно. Его штаб был на голову выше других с точки зрения организации, порядка и ответственности. Да чего тут удивляться — Петрович в любой ситуации не мог допустить иного, он был рожден для того, чтобы все делать хорошо.

Удивительно, что в той обстановке полного развала и торжества непрофессионалов Виктора Петровича назначили начальником Генерального штаба. Это был один из немногих здравых шагов российского руководства. Жаль вот только времени Дубынину было отпущено совсем мало. Поживи он дольше… Или не допустил бы такого развала армии, или ушел бы сам.

У меня как-то спросили: а как бы Дубынин отнесся к войне в Чечне? На все сто процентов убежден: он был бы категорически против.

Мы, прошедшие Афганистан, прекрасно сознавали, к каким

тяжелым последствиям может привести такая война. Он был бы против и не побоялся бы громко и честно заявить о своей позиции.

Не знаю, есть ли сегодня такие генералы в российской армии, но без таких генералов и самой армии не будет.

— Борис Громов прошел все ступеньки воинской службы, начиная от суворовца, — вспоминает Б. Н. Пастухов, — ни одну не перескочил. Вовсе не потому, что не мог. Просто ему нужно было знать все. В этом его дополнительная сила. Согласно всей логике жизни он должен был стать министром обороны, и это был бы действительно один из лучших министров обороны всех времен. А кто такой Павел Грачев… Пока он был комбатом, командиром полка и даже командиром дивизии, его недостаточность была почти незаметна. Даже афганские частушки о нем по делу: «Пашка наш построил полк, он в Афгане старый волк».

Но ведь куда залетел бравый комдив?! В министры обороны!

Развал армии и мясорубка в Чечне не только на совести Ельцина, но и на совести Грачева не в меньшей мере. Ведь это он поддакивал Ельцину и обещал усмирение Чечни за два часа одним воздушно-десантным полком.

Вот он под Новый год и послал в Грозный собранные с миру по нитке полки и получил несколько сотен погибших и десятилетнюю бездарную войну, где по сей день гибнут тысячи ни в чем не повинных людей…

Афганская война, несмотря на все ошибки, велась продуманно. Хотя поначалу это действительно была неизвестная война. Комсомол тогда многое сделал, чтобы погибшие и особенно раненые в Афганистане перестали быть неизвестными ранеными и убитыми.

Постепенно комсомол добился того, чтобы на этих ребят, когда они возвращались в Союз, распространялось положение особого благоприятствования во всех сферах жизни и деятельности. Удалось даже договориться с ректорами престижных вузов, чтобы «афганцев» принимали вне конкурса. Это помогло очень многим войти в нормальную жизнь.

Большое дело! С нынешними временами и сравнивать нечего…

Прошел первый невнятный суд над членами ГКЧП, и совершенно неожиданно объявили амнистию. «Государственные преступники» были как бы прощены.

Нашелся только один человек, который не пожелал принять милость от победителей и потребовал открытого суда над собой.

Видимо, он был уверен в том, что самый изощренный прокурор не сможет доказать его вину. Этим человеком оказался ветеран Афганской войны и товарищ Громова, Герой Советского Союза генерал армии Валентин Иванович Варенников.

Суд состоялся. На него были вызваны многие десятки свидетелей как со стороны обвинения, так и защиты.

Выступил на суде и Громов.

Сам Варенников просил его отказаться от выступления, так как это означало бы конец его военной карьеры. Громов в то время работал заместителем министра обороны. Но разве мог Громов молча смотреть на чудовищный фарс, который разыгрывался на глазах у всей страны!

На просьбу старого товарища Громов ответил, что обязательно будет выступать. «Даже если вы не заявите меня, как свидетеля со своей стороны, — сказал Громов, — я напишу письмо в Верховный суд и все равно выступлю».

Он получил повестку, пришел в суд и сказал все, что думал.

Стенограммы всего выступления разыскать не удалось, сохранились лишь краткие записи, сделанные от руки А. Б. Пантелеевым по ходу суда. Приводим одну из них, достаточно точно выражающую суть и эмоциональную окраску выступления:

«Хочется спросить у людей, организовавших нынешний судебный процесс: за что они собираются лишить свободы генерала Варенникова? За то, что он, не щадя жизни, защищал Родину в Великой Отечественной войне и заслужил право участвовать в историческом Параде Победы на Красной площади? За то, что более полувека отдал развитию и укреплению армии, за что был удостоен высокого воинского звания генерала армии и «Золотой Звезды» Героя Советского Союза? За то, что не мог спокойно смотреть, как разрушается Великая страна и Великая армия — дело всей его жизни, и восстал против этого?

Я слышал, что генерала Варенникова называли тут инициатором антигосударственного переворота. Такое могут сказать люди, имеющие цель разрушить Советский Союз.

Валентин Иванович не мог молчать. Если бы он остался в стороне, понимая неоспоримое преимущество разрушительных сил, пришедших сегодня к власти, то не был бы генералом Варенниковым.

На мой взгляд, сейчас в этом зале делается чудовищная попытка осудить за антигосударственную деятельность и лишить свободы достойнейшего человека, для которого именно крепкое государство и сильная армия всегда были целью его деятельности и смыслом жизни».

— Хотел бы сказать о морально-политической (если так

можно выразиться) линии, — это говорит сам Валентин Иванович Варенников, — которая отличает все дела Бориса Всеволодовича Громова.

Возьмем тот процесс, который команда Ельцина затеяла против членов ГКЧП.

Нас было двенадцать человек. Первый суд длился долго, но успел пропустить только Крючкова, Язова, Шейнина и меня… Потом объявили, как о великой милости, что принято решение об амнистии.

Сделали перерыв. Нужно было опросить всех подследственных, согласны ли они принять амнистию (и тем самым, косвенно, признать свою вину).

Я не мог пойти на такой шаг, как размен свободы, даже на косвенное признание своей вины. Ведь было два постановления Думы: одно — объявить амнистию, второе — ликвидировать в связи с амнистией парламентскую группу, учрежденную для расследования событий, связанных с ГКЧП, и тем самым закрыть дело.

Все помнят, как вначале Ельцин требовал осудить членов ГКЧП и приговорить к расстрелу. Ему видно хотелось, чтобы осужденные писали потом челобитные «царю Борису» с просьбой о помиловании, а он уж посмотрит, кого пожалеть, а кого нет. Но когда Дума создала эту комиссию, он понял, что публичное судебное разбирательство поднимет столько грязи, что он сам может угодить в яму, которую вырыл для нас.

Я убеждал всех, что нельзя нам соглашаться на амнистию. Мы ни в чем не виноваты. Наше дело правое, мы выступили за сохранение Советского Союза. И, наконец, мы должны защитить свою честь и человеческое достоинство, а заодно показать всю двуличность ельцинской власти.

Конечно, я понимал моих коллег, которые не хотели продолжать борьбу. Они устали. К тому же статья была не какая-то, а «за измену Родине» и действительно предусматривала самые большие сроки заключения или даже расстрел с конфискацией имущества. То есть пострадаешь не только ты, но и твоя семья. Все понимали, что если Ельцин не остановился перед тем, чтобы расстрелять Верховный Совет из танков, то что для него какие-то двенадцать человек. Решили принять амнистию. Я не согласился и потребовал, чтобы меня судили.

Суд состоялся. Рассчитывать на оправдательный приговор не приходилось. Мне просто необходимо было сказать на этом суде все, что я думаю о происшедшем, и назвать по именам истинных разрушителей СССР. Я своей цели добился. И вдруг меня оправдали!

Это было не только для меня, но и для всей страны как гром среди ясного неба!

Ельцин просто взбесился! Для него лично этот оправдательный приговор прозвучал как публичная пощечина. Он потребовал, чтобы прокуратура внесла протест. Прокуратура приказ выполнила, и меня через несколько месяцев третий раз судили. Теперь уже Президиум Верховного суда. Верховный судья Лебедев был председателем. И этот суд меня тоже оправдал!

Но случилось это позже. На том суде, когда меня одного судили, я дал список людей, которых хотел бы видеть на процессе в качестве свидетелей, в том числе Горбачева. Горбачев вынужден был явиться на суд. Два дня его допрашивали. Один день полностью я задавал ему вопросы. Думаю, день этот останется у него в памяти до самой смерти. Кроме того, судьи самостоятельно вызвали свидетелей. В свой список они включили и Громова. Я протестовал. Борис Всеволодович тогда занимал пост заместителя министра обороны. Было понятно, что ответить так, как того желают Ельцин и Грачев, он не сможет, ведь Громов исключительно порядочный человек, а если скажет правду, то это самым печальным образом отразится на его карьере.

Однако Громова все-таки вызвали.

В своем выступлении на суде Борис Всеволодович проявил себя очень достойно, как никто из свидетелей, которых я слышал.

Перед его выступлением я во всеуслышание предупредил его: «Борис Всеволодович, прежде чем давать показания, попрошу вас принять во внимание, что я обвиняюсь в измене Родине и организации мятежа с целью захвата власти, а также в нанесении ущерба обороноспособности страны. Поэтому подумайте о том, что будете говорить и о последствиях, которые могут быть для вас лично. Мне будет очень неприятно, если в результате своих ответов вы пострадаете».

Он выступил. Ну… ничуть не мягче, чем я сам.

Главное, что было сказано, — это то, что выступление Комитета по чрезвычайному положению было правильным и своевременным. Он назвал оправданными и разумными все опубликованные программы ГКЧП. Вина же этих людей, сказал он, состоит в том, что они оказались несостоятельны и не смогли провести свои правильные планы и предложения в жизнь и тем самым открыли дорогу для сил, которые в результате привели к разрушению страны.

Исключительно мужественное выступление цельного и честного человека.

Б. В. Громов:

— Я, конечно, понимал, что выступление на суде станет концом моей военной карьеры, и был к этому готов. Служить в таком Министерстве обороны, которое создали Ельцин и Грачев, я не мог и не хотел.

Все, что тогда творилось, иначе как преступлением назвать нельзя. И не только суд над членами ГКЧП, настоящую тревогу и возмущение вызывало то, что творилось в Чечне.

1993 год. Штурм Белого дома! Мы и тут отличились. Даже поджог рейхстага не идет в сравнение.

В эти дни мне было поручено встретить министра обороны Норвегии. Позже он стал министром иностранных дел этой страны. Ехали мы из Министерства обороны за город, в отведенную ему резиденцию, и как раз по Кутузовскому. Здание Верховного Совета было оцеплено и окружено по периметру колючей проволокой.

Я просто об этом забыл. Если бы помнил, то повез бы гостя по другой дороге.

Проезжаем, смотрю, у министра вытянулось лицо, спрашивает, что это такое, и показывает на заграждения из колючей проволоки. В центре Москвы, прямо на асфальте, эти мотки колючей проволоки, то, что называется спираль Бруно, мешки с песком, за которыми вооруженные люди.

Пришлось на ходу что-то придумывать. Сказал, что проводятся военные учения в условиях города.

Расстрел Белого дома был в понедельник, а в воскресенье мы с женой были в гостях на даче в Баковке. На этой встрече были актриса Наташа Селезнева, режиссер Галина Волчек и еще кое-кто из интересных и приятных людей. За разговором время бежало незаметно. Часов в пять мы с женой стали собираться домой. Весь вечер нас не покидало неприятное предчувствие. Что-то должно случиться очень нехорошее. Приезжаем домой, нас встречает перепуганная теща, жалуется: «Стоит только вам уехать, как все телефоны начинают разрываться, а я не знаю, что отвечать!!»

Позвонил в секретариат, и мне сказали, что министр собирает срочное совещание, всем нужно быстрее приехать на свои рабочие места.

Я работал в старом здании Генштаба. Получилось так, что мне достался кабинет, который занимал Георгий Константинович Жуков в то время, когда был министром обороны. Приехал, звоню Грачеву, он недовольно мне выговаривает:

— Вы, конечно, опоздали. Я уже провел совещание. (Его, оказывается, устроили в новом комплексе, там, где располагаются нынешний Генштаб и основные службы министерства.) Положение в Москве, как вы знаете, очень напряженное. Поручаю

вам заняться обороной здания, в котором вы находитесь.

— Обороной от кого? — спрашиваю.

— Ну что, вы не понимаете? Сами же видите, что творится!

Ну ладно, чего попусту разговаривать. Пригласил к себе начальника охраны, передал ему ценное указание министра. Вот и все. На мой взгляд, ничего больше делать и не следовало. Никто нас штурмовать явно не собирался.

Часов в восемь вечера опять звонит Грачев и сообщает, что принято решение — завтра штурмом будут брать Белый дом (Верховный Совет).

Я был этим сообщением совершенно ошеломлен. Спрашиваю:

— Как вы представляете себе такой штурм?!

— Надо посещать совещания, которые проводит министр. Вам тогда было бы все понятно.

— Все равно не представляю себе, как можно в мирное время штурмовать правительственное здание в центре Москвы. Это же не штурм рейхстага.

Что мог объяснить Грачев?! В последнее время нам стало очень трудно разговаривать. В Афганистане он был моим подчиненным, и я прекрасно знал ему цену. Любая должность выше командира дивизии была для него непомерной. А тут вдруг министр! И все же со мной он чувствовал себя неуверенно и неловко.

— Сегодня будет проводиться коллегия министерства с участием президента Российской Федерации (подчеркнул). Ваше присутствие обязательно. Будет приниматься окончательное решение. Но нам всем нужно готовиться к штурму.

— А коллегия тогда зачем? — спрашиваю.

— Чтобы обсудить план предстоящей операции.

— Вспомни, — говорю, — какое было положение в 1991 году. Тогда тоже собирались штурмовать Белый дом. И как нам всем повезло, что армия и МВД отказались участвовать в этой авантюре. Для меня уже тогда вопрос был решен раз и навсегда. Я сделал все, чтобы внутренние войска и милиция не участвовали ни в каких усмирительных и карательных операциях. И сейчас заявляю с полной ответственностью, что никогда не приму участия в военных действиях в своей стране против своего народа. Ни в каких совещаниях по поводу штурма участвовать не собираюсь и не буду! — На этом наш разговор закончился.

Ночью действительно собрали коллегию. Сначала там был Черномырдин. Долго совещались, наконец и Ельцин подъехал. А войска в это время уже выдвигались. Часть из Таманской дивизии, часть из Кантемировской. Танки в основном, экипажи только офицерские.

Грачев потом говорил, будто он потребовал у Ельцина какой-то письменный приказ. Все это, я думаю, он уже позже придумал. Вообще он боялся Ельцина как огня.

Это были дни позора. Танки стреляли по Белому дому!

В результате все получили то, что «заслуживали»: кто власть, кто звезды героев России, а кто братскую могилу на неведомом кладбище…

Глава третья
НА ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Стремительно нарастало напряжение вокруг Чечни. В этих событиях Громов принимал непосредственное участие с момента их зарождения. В первый раз он был направлен в Грозный после завершения съезда народных депутатов СССР.

Б. В. Громов:

— Слетать в Грозный меня попросил Руслан Аушев. В Чечне тогда резко обострилась обстановка. Возник постоянно действующий митинг против коррупции и против тогдашнего руководства республики. Председателем Верховного Совета — высшим в республике должностным лицом — был тогда Завгаев.

Со мной приехало несколько известных людей, в том числе Махмуд Эсамбаев — замечательный человек, царствие ему небесное. Мы там много выступали, встречались с различными людьми, в результате напряжение сняли, и народ с центральной площади разошелся.

В те дни впервые как активное действующее лицо проявил себя Дудаев. Он был тогда просто командиром дивизии дальних бомбардировщиков, дислоцированных в Таллине. Говорил, что якобы совершенно случайно приехал на родину.

Тогда произошла первая моя встреча с ним.

Пишут, что он воевал в Афганистане. Неправда. Дивизия в боевых действиях действительно иногда участвовала. Мы ставили задачи, они поднимались с аэродрома возле Таллина, прилетали к нам, отрабатывали и улетали, не приземляясь. Это же дальняя авиация.

Достаточно было одной встречи, чтобы понять: Дудаев очень плохо владеет собой. И все, кто вместе со мной принимали участие в разговоре, в один голос подтвердили, что это психически неуравновешенный человек.

Явно выраженная мания преследования. Он очень хорошо говорил, увлекаясь и забывая о собеседниках. Оратор потрясающий. Собеседник никакой. Кроме себя никого не слышал. Таких людей не так уж мало в нашей жизни. Иные даже оставили заметный след в истории.

После этого я летал в Грозный еще два раза. Ситуация явно выходила из-под контроля. Меня направлял туда Грачев специально для того, чтобы говорить с Дудаевым.

Положение сильно осложнялось тем, что в Грозном стояла

учебная дивизия. На два штата она была обеспечена оружием, боеприпасами и всем необходимым. Не хотелось даже думать, что может случиться, если это оружие попадет в руки чеченской оппозиции.

Мы с Дудаевым подолгу беседовали, если это можно так назвать. То есть он говорил много и увлеченно, но меня почти не слышал. Твердил, что любит Россию — свою большую родину, но еще больше любит Чечню — землю своих вольнолюбивых предков. «Все, что о нас пишут, что мы русских вытесняем и прочее, — это ложь и провокация», — вдохновенно врал он, отрицая очевидное. Уже вовсю разворачивался исход русских из Чечни и в особенности из Грозного.

Я обо всем Грачеву докладывал, писал докладные в правительство и президенту, формулировал свое видение, что там необходимо сделать. Основная идея заключалась в том, чтобы любыми законными способами убрать Дудаева из Чечни. Лучше всего взять его в Москву на какую-нибудь почетную должность. Будучи человеком болезненно тщеславным, он на это охотно пойдет. Не менее важная задача — вывезти из Чечни огромное количество оружия, пока оно не перехвачено и не повернуто против нас.

Грачеву мои опасения казались преувеличенными. Он в то время уже делал свои знаменитые заявления, которые так вдохновляли Ельцина, что, если понадобится, мы возьмем Грозный за два часа одним парашютно-десантным полком…

Я пытался объяснить руководству, что положение становится опасным, предлагал, как избежать вооруженного противостояния в Чечне. Слушать меня никто не хотел, сомневаюсь, была ли прочитана хоть одна из моих аналитических записок.

В конечном счете приняли решение Грачева: урегулировать обстановку в Чечне силовым путем. Военная операция готовилась без моего участия, и потому ни в какие детали ее я не был посвящен.

Как известно, в ноябре «усмирители» въехали в Грозный на танках. Организовала этот совершенно авантюрный рейд так называемая «чеченская оппозиция», выступившая против самозваного дудаевского режима. Несчастных обманутых людей боевики Дудаева расстреляли на узких улицах города противотанковыми ракетами, украденными с наших же армейских складов.

В усмирительную экспедицию были навербованы только офицерские экипажи. Многие из дивизии, в которой я служил до отправки в Афганистан. Они мне звонили и все рассказывали. Подписывали с ними какие-то непонятные договоры. Никто,

конечно, и не предполагал, что так получится. Грачев не сомневался, что жители Грозного просто оцепенеют от ужаса при виде въезжающих в город танков и ультиматум «оппозиции» будет тут же полностью выполнен.

Напугали! С первого захода подарили Дудаеву и всем сепаратистским силам такой бесценный подарок, как разгром карательной экспедиции. Разрозненные группы боевиков, наспех вооруженные Дудаевым, в этот день превратились в сплоченную, уверенную в себе силу, и мы получили многолетнюю войну, которой вполне можно было избежать.

Никто за это преступление не ответил. Грачеву даже хватило совести делать свои косноязычные заявления о том, что «восемнадцатилетние юноши умирали за Россию с улыбкой».

Тогда я с Грачевым уже не общался, хотя и продолжал числиться заместителем министра обороны. Он был совершенно подавлен Ельциным и не имел собственной воли.

Тут еще произошло безобразное убийство Холодова!

Я этого молодого журналиста знал, и мне хотелось лично с ним поговорить о том, что про армию нужно писать все-таки взвешенно. Нельзя огульно поливать грязью всех подряд.

Меня потрясла гибель этого паренька, которому предстояло еще жить и жить и, надеюсь, многое понять. Поэтому я поехал на его похороны, о чем сразу же доложили Грачеву. Он, конечно, был этим до крайности возмущен.

Ну а когда ввели войска в Чечню, я больше не мог молчать и счел необходимым заявить свое мнение не где-то в коридоре или курилке, а на всю страну. Я собрал пресс-конференцию и сказал, что считаю это решение серьезнейшей политической ошибкой.

Вторая встреча с журналистами произошла после Нового года. Я говорил практически то же самое, но уже подготовившись, со всеми необходимыми доводами и примерами из времен Афганской войны. Смысл выступления был в том, что эта военная акция против собственного народа обернется катастрофой.

Тут уж Ельцину и Грачеву пришлось мне отвечать. Ответили они обычным для себя способом. Попытались тут же выбросить меня из Министерства обороны.

Из интервью Б. Громова:

— Кому нужна война? Тем, кого, точно шакалов на падаль, тянет на запах нефти и крови. Тем, кто продает и перепродает оружие. Кто сеет ненависть. Кто использует конфликты между народами в качестве инструмента в борьбе за рынки и передел собственности, за деньги и власть. Многие из этих шакалов все еще наверху и убеждены, что сумели обмануть всех.

Только слепой или ослепленный корыстью не видит истинных причин этой войны и ее величайшей опасности.

Назову только три фактора чрезмерного и ничем не оправданного риска.

Первое: постоянный и совершенно неконтролируемый риск невосполнимых людских потерь. Главная и самая неотложная задача — свести к минимуму потери среди мирнога населения, а также наших солдат и офицеров.

Второе: огромный риск перерастания конфликта сначала в межэтническую, а затем в беспощадную и нескончаемую межрелигиозную войну.

Третье: риск глобализации конфликта, вовлечения в него сверхдержав, рассматривающих Евразию как шахматную доску, где они игроки, а все остальные народы всего лишь пешки. Эта политика прямо угрожает войной и уже не региональной, как планируют «шахматисты», а новой — третьей мировой, после которой мало кто останется живым, но живые позавидуют мертвым.

Этих опасностей можно избежать только в том случае, если естественное стремление народов России к миру соединится с желанием и волей политического и военного руководства, а это возможно только в том случае, если у власти окажутся люди, способные вести дела честно.

Те, кто наживается на Чеченской войне, рискуют только прибылью. Все остальные — то есть народы России — жизнями своих детей.

Сейчас многие пытаются обвинить во всех бедах армию и ее якобы бездарных генералов. Это значит — валить с больной головы на здоровую. В Советской, а ныне Российской армии никогда не было недостатка в талантливых военачальниках, но даже самые замечательные генералы могут делать что-то полезное только в том случае, если во главе страны стоят честные люди. Не сомневаюсь, что в конце концов эти люди появятся и прекратят братоубийственную бойню. Тогда придет время судить кровавых дельцов — предателей и провокаторов, породивших эту проклятую войну. Верю, что это время наступит еще при нашей жизни.

— Не хочется говорить о Чечне, да куда от нее денешься, — вспоминает В. С. Кот. — Сколько уже лет прошло, а там по-прежнему несколько человек командуют: кто в лес, кто по дрова. Три зама у командующего — и никто никого не слушает. Три зама — и никого не вводят полностью в курс дела. Это вообще парадокс.

Помню, в самом начале приехали туда девятнадцать генерал-

полковников, включая и зама Грачева Митюхина. Предполагалось, что он возглавит эту Чеченскую кампанию. Но он отказался.

Никакой директивы Министерства обороны, постановления Верховного Совета РФ о начале боевых действий нет. Значит, применение вооруженных сил неправомерно. Оно просто незаконно!

Пожалуйста, милицейскими силами действуйте. А до этого ФСБ уже людей набирала, неподготовленных, где попало. Посадили этих ребят на танки и послали в Грозный. Они там погибли.

Понятно, что Митюхин такое темное и незаконное дело возглавить отказался.

Стали искать других. Все три заместителя Грачева сказали Ельцину, что они не будут этим заниматься. Точно так же ответил бы и Дубынин (будь он жив). Недаром Громов, на специально созванной пресс-конференции, сказал: «Послушайте нас, кое-что в Афганистане повидавших. Вы совершаете страшную ошибку, этого делать нельзя».

В то время 4-й армией в Ростове начинает командовать начальник Генерального штаба Колесников. Он говорит: «Товарищ Михайлов, не говори Дейнекину и Коту (главкому и первому заму главкома ВВС!), что ты летаешь в Чечню». Это же абсурд!!! Ты летаешь, бьешь и бомбишь, люди погибают, и не говори главкому! Это же надо додуматься! Но тогда вы же просто бандиты!

Понимаю, тебе приказали, деваться некуда. Наберись мужества и честно скажи. Объяви! Как сделал Громов. Пусть депутаты проголосуют. Ну а если приказывает Верховный главнокомандующий, то пусть берет всю ответственность на себя и публикует указ. Пускай это преступление будет на его совести, но зато все будет делаться по закону, а так получается полная безответственность.

Я Грачеву говорил, что никто командовать в Чечне не пойдет. Те же, кто согласится, вести боевые действия не могут и не умеют. Я перечислил ему всех, кто чего-то стоил: Чичеватов не пойдет, Третьяков не пойдет, Сергеев не пойдет, Кузнецов и Семенов тоже. Выбора у вас нет. Единственная возможность — возвести какого-то выскочку в ранг замминистра и назначить воеводой в Чечню. А так любой вам скажет: там ведь есть командующий округом, он пусть и руководит.

Вот еще Эдуард Аркадьевич Воробьев, нормальный мужик, грамотный генерал, можете его назначить. Но ведь он потребует самостоятельности планирования, а для этого ему нужно дать

БЧС — то есть боевой численный состав. Боевой состав он должен проверить, одним словом, все придется делать по закону…

Переговоры, о которых я рассказываю, шли в самолете, который летел в Чечню. Между нами и передним салоном, где сидел Грачев, постоянно бегал его помощник Лапшов. Но разговоры ни к чему не вели. Все нужно было решать гораздо раньше и ни в коем случае не доверять переговоры с Дудаевым солдафону Грачеву.

Я Дудаева знал и не раз с ним встречался. Он летчик. Командир дивизии. Дудаев поначалу был не прочь по-нормальному обо всем договориться. Главный его довод — вы же сами меня сюда послали. Тогда почему теперь меня давите? Я ведь должен со всеми этими тейпами разобраться. А вы вместо того чтобы помогать, идете на меня войной!

Но его никто не слушал. Договориться с Ельциным, Грачевым и иже с ними о чем-то разумном не было никакой возможности.

Что же они в итоге создали? Просто устроили новогоднюю бойню…

Во всем остальном дела обстояли ничуть не лучше.

Что дала, например, разработанная Грачевым реформа в армии? Сократили численность. Ладно. Но стали военнослужащие от этого больше денег получать? Лучше стали жить? Или армия вооружена лучше? Ничего подобного.

Я на должности первого заместителя главкома ВВС в течение десяти лет работал, ни один полк не перевооружил. И по сей день ни один полк не перевооружен. Нет нового оружия? Слава богу, есть. Говорят, не на что закупать. Тогда кому нужна такая армия, у которой на вооружении в конце концов останутся только ржавые лопаты?

И при этом в зарубежные армии мы продаем современную боевую технику всех видов. Древними мудрецами сказано — кто не кормит свою армию, будет кормить чужую. А ведь мы чужие армии уже кормим.

Даже старье, которым мы сейчас вооружены, и то ремонтировать нечем, да порой уже и невозможно.

Потом начинаем искать виноватых. С этим у нас просто. Взорвали боевики госпиталь в Моздоке. Кто виноват? Начальник госпиталя, который, лично оперируя, тысячи жизней солдатских спас. Но ведь он перед въездом бетонные блоки не поставил, которые ему, кстати, никто не привез, и работу по их установке не профинансировал.

Боевой опыт 40-й армии оказался никому не нужен. Идем непонятно куда, бросаемся из угла в угол, постоянно происходят какие-то разделения и переформирования. Нет логики в развитии

и осмыслении.

Мы не изучаем историю, не анализируем. А если анализируем, то поверхностно, выискивая те факты, которые выгодны кому-то сейчас. Чтобы просмотреть всё и объективно оценить, до этого не доходит.

Ну, наверное, такой уж мы народ — могучий, мужественный, но вместе с тем совершенно не умеющий организовать свою жизнь хоть сколько-нибудь разумно.

— В первой встрече Громова с Дудаевым мне довелось участвовать, — вспоминает вице-губернатор Московской области Алексей Борисович Пантелеев, — Борис Всеволодович выполнял распоряжение министра обороны Шапошникова. Тогда военное ведомство называлось Объединенными Вооруженными силами СНГ, это был переходный период. Союз уже развалился, армия, формально, еще нет. Весна 1992 года. Борис Всеволодович проводил командно-штабные учения на территории Северо-Кавказского военного округа. Мы находились в самолете на подлете к Ростову-на-Дону, когда поступило сообщение, что в Шали блокирован российский гарнизон и предъявлен ультиматум, чтобы военные сдали оружие. В Чечне тогда находилась учебная дивизия, и ее гарнизоны размещались в различных населенных пунктах. Один из полков стоял в Шали. Шапошников поручил Громову срочно разблокировать ситуацию.

Борис Всеволодович дал команду, и мы, не приземляясь в Ростове, полетели в Грозный. Там нас, понятно, никто не ждал, да и не хотели принимать, но командир настойчиво потребовал, и в итоге мы оказались возле здания, где находился Дудаев.

Охрана отказалась нас пускать. Борис Всеволодович так на них посмотрел, что автоматчики сразу расступились. Есть в нем вот эта командирская воля и право командовать, которые сразу чувствуют люди, даже раньше Громова не знавшие.

Мы поднялись в кабинет, где сидел Дудаев. Он уже был тогда президентом Чечни.

Дудаев совершенно не ожидал появления Громова. Он вскочил, что-то стал растерянно говорить.

Борис Всеволодович слушал его и молчал. Наконец и Дудаев умолк. Тогда Громов сказал, что поражен тем, как теперь на Кавказе встречают гостей. «Я много лет прослужил здесь, но такого никогда не видел. Мне за вас стыдно!»

Дудаев начал извиняться.

Борис Всеволодович сказал, что вынужден был прилететь потому, что ему доложили о безобразиях, которые с ведома Дудаева творятся в Шали, и потребовал немедленно снять

блокаду с воинской части.

Дудаев начал оправдываться, сказал, что это сделано без его ведома.

Громов объявил, что не уйдет из кабинета, пока проблема не будет решена.

Разговор получился жесткий. Командир действовал очень решительно, да и задача была достаточно серьезная.

Мы сидели у Дудаева часа полтора, он пытался нас угостить кофе или чаем… Громов действительно не ушел до тех пор, пока генерал Соколов, который командовал учебной дивизией, не доложил, что все вопросы сняты и гарнизон разблокирован.

Дудаев на меня произвел впечатление человека, сознающего, что он занимает не свое место. Это было ясно видно по его поведению, мимике. Он чувствовал себя очень неуверенно и не мог сказать ничего внятного. Он явно не ожидал появления Бориса Всеволодовича.

Особенно болезненно, как ни странно, на него подействовало то, что Борис Всеволодович обвинил его в нарушении гостеприимных традиций Кавказа.

Вскоре после этой поездки Борисом Всеволодовичем была подготовлена и направлена президенту известная аналитическая записка о положении на Кавказе.

Я работал тогда в Главном оперативном управлении Генерального штаба. Эта записка пришла к нам с пометкой, что президент Ельцин с ней ознакомлен. И никаких комментариев. Жаль! На основе этого анализа можно было выстроить реальную программу действий по прекращению войны еще на ранних ее стадиях.

Б. В. Громов:

— Решение о том, что меня необходимо убрать из армии, было принято очень оперативно. Однако сделать это необходимо было с соблюдением хотя бы каких-то приличий и формальностей, чтобы это не выглядело гонением за инакомыслие. Ельцин ведь провозгласил себя демократом.

Воспользовались модным в то время конкурсным замещением должностей.

Грачев собрал всех заместителей в своем кабинете и заявил, что ряд должностей будет выставлен на конкурс, в том числе и моя должность. «Вы, Борис Всеволодович, тоже можете участвовать», — обрадовал он меня. Мне все было понятно. Я просто встал и ушел.

Они не имели права меня увольнять, и при желании я мог бы затеять судебный процесс, который Грачеву вряд ли удалось бы

выиграть.

Нашли выход — перевели меня в Министерство иностранных дел на как бы равноценную должность, соответствующую рангу заместителя министра.

Так как я тоже не мог уже оставаться в Министерстве обороны и работать с Грачевым, то на это предложение согласился.

Никого из своих сотрудников я не пытался забрать с собой. Считал, что молодые офицеры не должны лишаться хороших служебных перспектив. Я предполагал, что со мной вместе уйдут один-два самых близких человека. Всех поочередно приглашал к себе и говорил, что им лучше продолжать службу в министерстве, так как мое положение очень неопределенное. Однако они думали иначе. Например, Игорь Олегович Пархоменко, сейчас он первый заместитель председателя правительства Подмосковья, обиделся чуть не до слез и сказал, что пойдет со мной куда угодно даже без всякой зарплаты. Так же определились и другие. Почти все ушли со мной.

При встрече с министром мне удалось договориться о работе для них. Должности, конечно, были такие же фиктивные, как и моя, но, главное, мы все-таки оставались вместе.

Получилось, что в Министерство иностранных дел я ушел уже с группой единомышленников. За это я, пожалуй, даже должен поблагодарить Ельцина и Грачева. Они подарили мне настоящую команду, на которую я мог положиться полностью и начинать с ней любые дела.

Министром иностранных дел тогда был Андрей Козырев. Меня, кстати, удивило, что он, человек полностью преданный Ельцину, ко мне относился очень хорошо. Советовался, и не только по вопросам, касающимся военных дел. Приглашал на все коллегии. Каждый понедельник я там присутствовал, слушал доклады и сообщения. Все это было весьма интересно, но своей роли за столь короткое время я в МИДе найти не успел.

Одним интересным делом я там все же начал заниматься. Это был разоруженческий договор СНВ-1, и следующий договор уже готовили. По военным аспектам этих договоров я консультировал дипломатов.

Положение у нас было аховое. Все это время не платили зарплату. Министерство обороны нас тут же сняло со всех видов довольствия, а в Министерстве иностранных дел те должности, которые нам определили, не значились в штате.

В результате всех этих испытаний моя команда прошла суровую закалку и сформировалась полностью. Только два человека по различным обстоятельствам отсеялись, остальные и

по сей день со мной.

Работа в Министерстве иностранных дел была интересной, но я понимал, что она временная. Нужно было как-то выстраивать жизнь в новых условиях. Думать теперь приходилось не только о себе, но и о людях, которые пошли на лишения и трудности, чтобы быть рядом со мной.

В марте 1995 года я ушел из МИДа, а в декабре этого же года был избран в депутаты Государственной думы. Так что в Министерстве иностранных дел мы проработали всего девять месяцев.

— Первая моя встреча с Громовым случилась, когда он был назначен командующим Киевским военным округом, — вспоминает Алексей Борисович Пантелеев. — Я служил там после академии начальником штаба мотострелкового полка в Луганске. Были сборы командиров полков, а я исполнял обязанности командира полка, и на этих сборах оказался самым молодым в звании майора. Громов мне задал вопрос о тактико-технических данных одного из вертолетов, сборы были посвящены применению армейской авиации. Отвечая на вопрос, я допустил ошибку. Он меня поправил.

Я, конечно, очень расстроился. Громов после Афганистана был для всех нас кумиром, и вот так неудачно я с ним познакомился. Но что было, то было.

Через два дня он прилетел к нам в дивизию, посетил наш полк, и я ему докладывал, как идет учеба. Громов осмотрел наш городок и, похоже, остался доволен. Такой получилась вторая встреча, и я очень радовался тому, что первое впечатление исправлено.

Время было тогда для военных трудное. Шло сокращение Вооруженных сил. На базу нашей дивизии прибывали войска из Европы. Весь наш полк предполагалось сократить.

Громов прилетал, чтобы проконтролировать подготовку к прибытию войск из Европы, возможности по приему техники и вооружений. Перед отъездом спросил, какие у меня планы на будущее. Разговор был хороший, доверительный. Он сказал, что ему не хочется, чтобы моя военная карьера закончилась, и посоветовал обратиться к начальнику Генерального штаба, чтобы меня определили на оперативную работу.

Борис Всеволодович, как я понимаю, предварительно переговорил обо мне с маршалом Ахромеевым, с которым был в очень хороших отношениях, и такое решение состоялось. Я попал в Генеральный штаб. Меня взяли, как у нас тогда говорили, на воюющее направление — снимать напряжение в горячих точках. Это была неспокойная и трудная работа.

Когда после ГКЧП Борис Всеволодович стал первым заместителем главкома Сухопутных войск, ему пришлось заниматься именно этими конфликтными зонами, и я стал работать у него, заниматься решением оперативных вопросов.

Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Средняя Азия. Все эти годы и после того, как он стал заместителем министра обороны, мне приходилось докладывать Борису Всеволодовичу обстановку и постоянно вместе с ним ездить в командировки по горячим точкам. В этот период я с ним познакомился ближе. Постепенно кроме служебных у нас возникли и чисто человеческие отношения. Я не могу назвать это дружбой, слишком большая разница и по возрасту, и в служебном положении, но я видел, что Борис Всеволодович относится ко мне с душевной теплотой и симпатией — это было для меня очень дорого.

Помню, как возникла ситуация с выступлением Бориса Всеволодовича на судебном процессе по обвинению генерала армии Варенникова в измене родине.

Валентин Иванович — старый товарищ Бориса Всеволодовича по Афганистану. Они пробыли там больше всех и одним указом награждены звездами Героев Советского Союза.

В период суда над Варенниковым я работал непосредственно в аппарате Громова офицером по особым поручениям и был в курсе всех дел. Так получилось, что мне пришлось соединять Бориса Всеволодовича с заместителем Генерального прокурора, который сказал, что Громову необходимо прибыть на процесс и ответить на ряд вопросов.

Я сопровождал его на этот процесс и находился в зале. Хорошо помню, что Варенникова и Громова встречали цветами, а их выступления сопровождались аплодисментами (такого в суде обычно не бывает). Не только зрители, но и многие судьи были на стороне Варенникова.

Борис Всеволодович выступал на открытом и закрытом, связанном с секретностью, заседаниях суда.

Выступление Громова вызвало сильное недовольство в высшем руководстве страны. Его поступок обсуждался на коллегии Министерства обороны, где ему была дана негативная оценка. Это понятно. Коллегия выражала не собственное мнение, а отношение к Громову со стороны министра П. Грачева, которого почти все за глаза называли Пашкой. Это был самый неуважаемый министр обороны всех времен, лучшим его считал только Б. Н. Ельцин.

За то время, когда Грачев руководил войсками страны, было сделано столько ошибок, что и далекому от армии человеку

становилось понятно, что министром обороны поставлен недостойный этой ответственной должности и совершенно несамостоятельный человек.

Борис Всеволодович всегда был противником непродуманных (мягко выражаясь) решений и не скрывал своего мнения. Безусловно, это вызывало негодование Грачева, и он только ждал разрешения хозяина, чтобы избавиться от Громова. После выступления на суде такая команда поступила.

Тут еще подоспели события в Чечне. Борис Всеволодович был категорически против введения войск и тоже заявлял об этом во всеуслышание, на специально созванной пресс-конференции. Он, немало прослуживший на Кавказе, прошедший Афганистан, прекрасно знал, к каким трагическим последствиям могут привести неподготовленные «решительные» действия.

Но еще раньше Борис Всеволодович написал специальную записку руководству страны по ситуации, связанной с исламизмом и конкретной обстановкой в многочисленных горячих точках на территории России. Серьезный аналитический документ, достойный самого внимательного обсуждения. Там излагались предложения Б. В. Громова о методах, которые следовало бы использовать для снятия напряженности.

Записка не получила никакого отклика, так как президент Ельцин уже сориентировался на хвастливое заявление министра о моментальном усмирении Чечни силами одного парашютно-десантного полка.

К великому сожалению, почти всё, о чем предупреждал Громов в своей записке, произошло в ближайшие годы.

По сути, было совершено одно из крупнейших преступлений за всю историю страны, но и по сей день никто не ответил за тяжелейшие потери, которые понесла и продолжает нести Россия в результате малограмотных решений руководства.

Пресс-конференции были проведены Громовым сразу после коллегии Министерства обороны, на котором было принято решение о вводе войск в Чечню.

То, что Бориса Всеволодовича начали выталкивать из министерства, стало понятно уже после его выступления на суде в защиту Варенникова и расстрела Белого дома, против чего он тоже выступил публично. Одно за другим у него забирали те направления, за которые он отвечал как заместитель министра. Таким образом давали понять, что пора написать заявление об отставке. Наконец, обрезали связь, и работать стало невозможно.

Борис Всеволодович не желал понимать этих «намеков» и сразу сказал, что уйдет только по приказу Верховного главнокомандующего. Он понимал, что хотя его влияние на

жизнь армии сведено к минимуму, присутствие Б. Громова в руководстве Министерства обороны в какой-то мере сдерживает П. Грачева и Б. Ельцина в их «решительных» действиях.

Вот ситуация! Как бы ни был самовластен Б. Ельцин, он все-таки не мог решиться выпустить указ об отставке Б. Громова с должности заместителя министра обороны. Что мешало? Да всего лишь имя, известное всей стране. Любого другого чиновника столь же высокого ранга он бы выкинул, не задумываясь, но Громов… Это имя было дорого большинству граждан России. Авторитет афганского генерала был столь высок, что никакие идеологические киллеры, получавшие заказы из самых высших кругов властной элиты, не могли подорвать в народе уважение к этому человеку.

То, что в отношении Громова следует действовать осторожно, Ельцин чуял звериным чутьем, которое всегда его отличало. Но все равно, избавиться от неудобного генерала или хотя бы убрать его с заметного поста было необходимо. Указ президента, Ельцин очень этого опасался, мог пойти Громову только на пользу и увеличить его популярность. Вот почему официальное решение об отстранении заместителя министра обороны так долго не появлялось.

Громов не желал уходить по-тихому, и указ все равно выпускать пришлось.

Этому предшествовала череда бурных событий.

— То, что Громов все-таки будет уволен из Министерства обороны, — вспоминает А. Б. Пантелеев, — сомнений не вызывало. Это могло произойти сегодня, через неделю либо через месяц. Он уже не получал почту. Перестала поступать информация, положенная заместителю министра обороны, наконец, была обрезана спецсвязь.

Тогда он вызвал меня и приказал срочно дать предложения о том, как мы можем трудоустроить офицеров, работавших с ним. Громов не хотел, чтобы из-за него ломались судьбы работавших рядом людей.

В аппарате заместителя министра числилось около пятнадцати человек, и по каждому он принял решение. Однако все офицеры, служившие под его началом, отказались от тех переводов, которые Громов им устроил (и немало ведь сил на это положил). Сказали, что уйдут вместе с ним.

Вскоре после этого Громов заболел, сказалось запредельное напряжение последних месяцев.

В это время начали разворачиваться события, которые, как

сейчас выражаются, носили ярко выраженный противоправный характер.

Через помощника Грачева Олега Лапшова до нас доводится указание срочно освободить кабинет Громова, всё убрать и вынести (куда?), так как в этом помещении в ближайшее время начнет работать другой человек.

Собрались все офицеры, служившие с Громовым, и приняли решение кабинет не оставлять и держать оборону. Я позвонил Лапшову и спросил: есть ли какое-то письменное распоряжение на этот счет? Он заверил, что приказ нам принесут в ближайшее время. Я ответил, что мы освободим кабинет только после получения официального документа. Мы-то знали, что приказа Грачева в данном случае недостаточно. Для увольнения заместителя министра необходим указ самого Верховного главнокомандующего.

Министр дал указание хозяйственным службам выбросить нас из кабинета любыми способами. Отключили последние телефоны, электричество, воду. Но мы твердо решили оставаться на местах и никого не пускать, пока не будет правового решения.

Надо сказать, что Борис Всеволодович занимал кабинет, некогда принадлежавший Георгию Константиновичу Жукову. Кабинет был с секретом. В свое время люди, строившие его, побеспокоились о дополнительных выходах.

Наши пропуска заблокировали, охране было дано указание никого из нас в здание не пропускать. Но охранники не знали, что из кабинета имеется тайный выход на улицу. Мы установили круглосуточное дежурство сменяемыми группами и приносили на место все, что было необходимо для жизни. Мы даже протянули собственную линию связи, установили полевой телефон и звонили, куда было необходимо.

Окружение Грачева не могло понять, как мы проникаем в кабинет, и во всем винило охрану. Спецслужбы… конечно, они должны были знать об этих тайных выходах, но, думаю, что они просто не стали докладывать начальству, так как в этом конфликте были на нашей стороне.

Понимая, что ничего не могут сделать, сотрудники Грачева привезли наконец указ президента. Наше положение стало критическим. Теперь уже наши действия можно было трактовать, как противоправные. Но…

Кто-то из ребят внимательно прочитал документ и нашел в нем две грубые грамматические ошибки. Сразу стало ясно, что из канцелярии президента такой документ выйти не мог. Следовательно, это фальшивка. Вот на какие дела были способны Грачев и его люди!

Мы обратились к средствам массовой информации и через московское метро, куда вел тайный выход из кабинета, провели в кабинет группу журналистов НТВ и ряда радиостанций. От «Московского комсомольца», помню, пришла Юля Калинина. В результате появилось несколько сенсационных материалов. Грачев был в ярости. Так мы прожили несколько весьма всем нам запомнившихся дней. Надо сказать, что далеко не все в Министерстве обороны боролись против нас, очень многие поддерживали и, как могли, помогали.

Наконец появился настоящий указ президента. Его привез помощник Ельцина Юрий Батурин. Мы встречались и разговаривали с ним на улице возле штаба. Указ был не об отставке, а о переводе Бориса Всеволодовича на должность заместителя министра иностранных дел. Выгнать Громова, как ему очень хотелось, Ельцин так и не решился.

— В начале 1995 года отношения министра обороны П. С. Грачева с некоторыми его заместителями дошли до точки кипения, — вспоминает помощник президента России по национальной безопасности Ю. М. Батурин, — и однажды он принес президенту Б. Н. Ельцину проект указа об увольнении троих из них. Первым в списке был Б. В. Громов. Ельцин дал свое согласие, и проект указа поступил ко мне, как помощнику президента по национальной безопасности. К тому же я тогда совмещал эту должность с обязанностями помощника президента по правовым вопросам. Этот скоропалительный документ и его формулировки показались мне совершенно неприемлемыми. Я снял трубку прямой связи с президентом. Он был на месте и ответил сразу.

— Борис Николаевич, у меня вопрос по указу об увольнении заместителей министра обороны.

— В чем дело?

— Можно согласиться с тем, что министр обороны имеет право подбирать себе заместителей, как ему представляется необходимым в интересах дела. Но с такими заслуженными и уважаемыми военачальниками нельзя поступать так, выбрасывая в одночасье и даже не поговорив, — сказал я. — Кроме того, неправильно будет увольнять их одним указом.

— Что вы предлагаете?

— Надо встретиться с каждым, побеседовать, подобрать им новые места работы, подходящие по статусу и интересам.

— Хорошо, встречайтесь.

— Подбор работы займет немалый срок, может быть, несколько месяцев. Я пока держу проект указа у себя. Все равно

это теперь будут три разных указа, и в каждом должна идти речь не об увольнении, а о новом назначении.

Ельцин подумал некоторое время и ответил односложно:

— Хорошо.

Честно говоря, когда я предлагал встретиться и побеседовать с заместителями министра обороны, я рассчитывал, что это сделает сам президент, но в любом случае предварительно это должен был сделать я. Начать надо было с министра обороны. Понимая, что разговор с ним будет трудным, я решил подкрепить свои позиции и заручиться письменным согласием президента. Затем, договорившись с каждым из трех заместителей П. С. Грачева, я наметил план действий.

С Борисом Всеволодовичем я был уже знаком. Незадолго до описываемых событий он подарил мне свою книгу «Ограниченный контингент», которую я с интересом прочитал. Громов произвел на меня чрезвычайно благоприятное впечатление да и по-человечески стал мне очень симпатичен. В тот период мы с ним встретились еще несколько раз, и весной Борис Всеволодович был назначен главным военным экспертом в ранге заместителя министра иностранных дел России. После переговоров с рядом министров и для других генералов нашлись достойные места работы.

Наши отношения с Громовым остаются теплыми и по сей день, хотя встречаемся мы не часто.

Приводим здесь записку Ю. Батурина президенту, подписанную сверху наискось размашистым почерком Ельцина: «Согласен».

«Уважаемый Борис Николаевич!

Министр обороны представил к освобождению от должности и назначению на должность ряд высших офицеров Министерства обороны, в том числе к освобождению от должности:

— Б. В. Громова — зам. министра обороны;

— Г. Г. Кондратьева — зам. министра обороны;

— В. И. Миронова — зам. министра обороны.

Указанные генералы пользуются в Вооруженных силах большим авторитетом, освобождение от должности без назначения может их подтолкнуть к открытой конфронтации, что приведет к усилению оппозиции.

Указ Президента РФ по освобождению от должности заместителей министра целесообразно подписывать одновременно с указом о назначении на другую должность.

Для решения этого вопроса полагал бы необходимым по

Вашему поручению проработать вопрос с МИДом и другими министерствами (с учетом пожеланий освобождаемых от должностей).

Предварительная беседа с Громовым и Мироновым показала, что удовлетворяющие их варианты могут быть найдены.

О принятом Вами решении просил бы переговорить с Грачевым.

По остальным высшим офицерам полагал бы действовать обычным порядком — через Комиссию по высшим воинским званиям и готовить указ.

Ю. Батурин 5. 01. 94».

Вот так, спустя десятилетие, открываются некоторые тайны президентского двора.

Ну как, к примеру, объяснить, почему находившийся в то время на вершине своей карьеры министр обороны П. С. Грачев, пользовавшийся к тому же полной поддержкой президента, не смог выгнать из своего министерства, именно выгнать, вышвырнуть, так ему больше всего хотелось, самостоятельных и строптивых заместителей, и прежде всего Б. В. Громова.

Почему он, объявивший всем в своем окружении, что президентский указ в самое ближайшее время будет у него на руках, никак не мог этот указ получить.

Этот указ он, в конечном счете, так и не получил. Вместо него из президентской канцелярии вышло нечто совершенно иное — указы о переводе опальных заместителей на равнозначные государственные должности.

Уже тогда всем, кто следил за российской политикой, стало понятно, что лучшие времена министра подходят к концу, а в окружении Ельцина имеются силы, которые не позволяют первому президенту России действовать подобно слону в посудной лавке.

Глава четвертая
МИД

ПРИКАЗ

Министра обороны Российской Федерации По личному составу

№ 98 16 марта 1995 г.

§ 1. Во исполнение указа президента Российской Федерации от 16 марта 1995 года № 276 генерал-полковника *Громова Бориса Всеволодовича* прикомандировать к Министерству иностранных дел Российской Федерации с оставлением на военной службе, освободив его от должности заместителя Министра обороны Российской Федерации 1943 г. рождения, в ВС с 1962 г.

Образование: Военная академия Генерального штаба ВС в 1984 г.

Контракт о прохождении военной службы в кадрах ВС РФ сроком на 10 лет с 30 августа 1993 г.

Министр обороны Российской Федерации генерал армии П. Грачев Как Громов умел решать проблемы в горячих точках, видели и знают многие. Но об одном случае хочется рассказать отдельно.

Все помнят, что вскоре после развала СССР очень тяжелая обстановка сложилась в Средней Азии, и прежде всего на границе с Афганистаном. Исламисты — боевики Исламской партии возрождения Таджикистана, не встречая серьезного сопротивления, подошли к окраинам Душанбе и готовились к штурму столицы. Они блокировали часть населенных пунктов и военных городков российской 201-й дивизии. Положение осложнялось тем, что нашим солдатам было запрещено применять оружие. Уже успела пролиться кровь. Жертвы, в особенности среди мирного населения, были значительные.

По заданию президента была сформирована группа от Министерства обороны и МИДа. Перед ней была поставлена конкретная задача — организовать скорейшую эвакуацию наших войск и русскоязычного населения из зоны конфликта.

— Первая посадка была в Ташкенте, — вспоминает А. Б.

Пантелеев. — Встречались с президентом Каримовым, который уже разговаривал с Ельциным и обещал оказать помощь, так как эвакуация войск и населения должна была пройти и через Узбекистан. Каримов договоренность подтвердил.

По прилете в Душанбе и Борис Всеволодович провел совещание с руководством республики, силовиками и различными службами, которые могли помочь в анализе и оценке сложившейся обстановки. В результате Громов пришел к выводу, что уход наших войск из Таджикистана в настоящее время приведет не только к полномасштабной гражданской войне, но и самым тяжелым образом скажется на геополитическом положении России, ее возможности влиять на события во всем стратегически важном регионе Средней Азии.

Борис Всеволодович настоял на прямом разговоре с президентом и министром обороны с тем, чтобы решение о выводе войск из Таджикистана было отменено.

Связаться с Ельциным напрямую всегда было очень сложно, но благодаря настойчивости Громова такой разговор состоялся.

Борис Всеволодович изложил свою позицию. Доводы его были настолько убедительны, что Ельцин изменил принятое ранее решение. Такое с нашим президентом случилось, по-моему, в первый и последний раз. Более того, в полном объеме были одобрены предложения Громова.

К утру следующего дня Борису Всеволодовичу совместно с руководством республики, удалось согласовать план, объединяющий все имеющиеся силы для противодействия исламистам. Непосредственное проведение операции было возложено на генерала Воробьева, тогда он был первым замом главкома сухопутных войск. Громов при этом, как старший руководитель, взял на себя все вопросы согласования.

Критическая ситуация в Таджикистане была разрешена на ранней стадии. Еще одна война, подобная чеченской, которая уже готова была вспыхнуть, не состоялась.

201-я дивизия и пограничные войска получили значительное усиление, и на пути исламистов, уже праздновавших победу, оказалась непреодолимая стена. С тех пор 201-я дивизия остается надежным гарантом нерушимости границ Таджикистана.

Российские солдаты прочно взяли под контроль границу с Афганистаном и пригороды Душанбе, а затем всю территорию республики.

Были проведены выборы в Совет республики, который избрал президентом Таджикистана Имомали Рахмонова. Этот, в то время еще малоизвестный политик, недавно работавший председателем совхоза, оказался сильным руководителем. С помощью

российских военных он сумел взять под контроль ситуацию в республике.

Вскоре после того как сформировалось легитимное правительство, прошли переговоры с разгромленными исламистами. Это необходимо было сделать, иначе религиозно-политический конфликт мог превратиться в незаживающую язву, как это случилось в Чечне.

Основной центр Исламской партии находился в районе афганского города Тулукана. Туда по договоренности с властями, контролирующими север Афганистана, вылетела наша группа. Лидер исламистов Тураджон-заде был привезен в Москву, где прошли переговоры на высшем уровне. Борис Всеволодович принимал Тураджона-заде в Министерстве обороны. Цель переговоров состояла в том, чтобы установить надежные контакты, организовать мирный процесс и способствовать новым властям Таджикистана в установлении полного контроля над страной.

Мирная обстановка, сохраняющаяся в Таджикистане и всей Средней Азии до сего дня, показывает, что в критический момент Громовым было принято единственно верное решение.

Не менее важно и то, что, приняв решение, он твердо и быстро провел его в жизнь. Потеряв Таджикистан, мы потеряли бы Среднюю Азию и бесповоротно лишились влияния на всем Среднем Востоке.

Таджикская военно-дипломатическая операция, по сути оставшаяся неизвестной, по праву может быть занесена в актив генерала Громова наравне с прославившим его выводом советских войск из Афганистана. Да ведь и проходило все это в схожих военно-политических условиях и почти в тех же самых местах.

Громов и в этом случае во всей полноте проявил свои редкостные таланты военачальника, политика и дипломата. Трудно даже предположить, сколько человеческих жизней он спас в результате столь стремительно и блестяще проведенной операции.

Отказавшись от роли эвакуатора Российской армии из Таджикистана, Громов решительно остановил напор исламского фундаментализма и стабилизировал положение в важнейшей пограничной зоне, которую западные стратеги недаром называют мягким (наиболее уязвимым) подбрюшьем России. Громов сохранил традиционное влияние и ключевую роль России в Средней Азии, где вытеснение ее велось наиболее агрессивно и целеустремленно.

В тот сложнейший период это была одна из редких побед России, которая быстро теряла авторитет и способность влиять на развитие важнейших для своего будущего событий, и прежде всего на бывших своих территориях.

Ну а то, что эта крупнейшая победа оказалась совершенно незамеченной, конечно же не случайно. Команда Ельцина старалась сделать все возможное, чтобы о генерале Громове вспоминали как можно реже. Однако, несмотря на все усилия российского руководства, авторитет Бориса Громова продолжал расти.

Не вызывает сомнения, что если бы именно Громову в тот период были даны государственные полномочия на урегулирование конфликта в Чечне, то нынешняя бесконечная и жестокая война, скорее всего, просто бы не началась.

— Зимой 1992 года пришлось нам поработать и в Грузии, — продолжает свои воспоминания А. Б. Пантелеев. — Это был момент, когда оппозиция старалась заставить первого грузинского президента Гамсахурдию покинуть страну. Государственная власть в Тбилиси практически отсутствовала.

По указанию руководства в эти дни Борис Всеволодович оказался в Тбилиси.

Мы постоянно встречались и вели переговоры с Гамсахурдией, лидерами оппозиции, с тогдашним грузинским министром обороны и даже с представителями криминального мира, потому что они имели не меньшее влияние на политические процессы в Грузии.

Мы искали возможности мирного разрешения конфликта и создания такой ситуации, чтобы российские войска, находившиеся на территории Грузии, не были в него вовлечены.

Гамсахурдия, как известно, вел активную антироссийскую политику. Количество погибших в Грузии российских военнослужащих и членов их семей было велико. Стало опасно выходить на улицу в российской военной форме. Творился настоящий беспредел, и это все по милости Гамсахурдии при полном попустительстве подчиненных ему структур.

База, которую избрал Борис Всеволодович для размещения нашей группы, была расположена возле объекта номер шесть — виллы президента Грузии. Место это находится на горе, что возвышается над Тбилиси. Мы не вмешивались в политические процессы, наблюдали за развитием ситуации и пытались прогнозировать ее развитие.

Оппозиция предъявила Гамсахурдии ультиматум, согласно которому он должен был к определенному времени покинуть

президентский дворец, и тогда ему гарантировали безопасность. В конце концов он ультиматум принял и сбежал в Азербайджан. Но поначалу ничего не было понятно, и Гамсахурдия продолжал сидеть в своем блокированном дворце, делая вид, что управляет страной.

В городе шли уличные бои. Громов дал команду войскам отдельные объекты в Тбилиси взять под охрану, в основном склады, базы и военные городки Российской армии, которые размещались в самом Тбилиси и рядом с ним. Главное, к чему мы стремились, — не допустить потерь среди наших военнослужащих и членов их семей и не позволить втянуть наши войска в военные действия. Оппозиция на тот момент была настроена к нам благожелательно.

В это время на нас вышли известные лидеры грузинского криминального мира. Они беспокоились о том, что в случае штурма президентского дворца могут пострадать принадлежащие им магазины на проспекте Шота Руставели. Криминальные авторитеты были прекрасно информированы по всем вопросам и даже сообщили нам день и час, когда должен начаться штурм дворца. Они заявили, что уже со всеми договорились и кому нужно заплатили. Могут заплатить также российским солдатам, чтобы они случайно не начали стрелять в направлении этих магазинов. Мы ответили, что наши солдаты будут стрелять только в том случае, если нападут на них. Ну а если такое случится, то специально что-то беречь никто, конечно, не станет. Вот такие интересные проходили переговоры.

Надо сказать, что в указанное время, минута в минуту, что-то похожее на штурм дворца действительно началось и мы услышали весьма активную автоматную стрельбу и работу гранатометов.

На другой день я специально сходил посмотреть, что произошло на проспекте Руставели. Те магазины, о которых так беспокоились отцы грузинского криминала, солидные, надо сказать, магазины, с большой площадью остекления, остались совершенно целыми. Хотя совсем рядом происходила интенсивная автоматная стрельба, а из дома напротив работал гранатомет.

Переговоры оппозиции с Гамсахурдией велись с нашей помощью. Поэтому я довольно часто имел возможность наблюдать за грузинским президентом. Приходилось связывать его с Борисом Всеволодовичем и другими представителями Министерства обороны и Генерального штаба. Гамсахурдия произвел на меня впечатление еще более неадекватного человека, чем Дудаев. Поэтому меня не удивляют его непонятная в

дальнейшем судьба и странное самоубийство. Я верю, что он вполне мог на это пойти, так как был совершенно непредсказуем в словах и поступках.

В этом человеке, кроме того, было много опереточного. Например, когда уже был согласован день и час его ухода, он поставил странное условие — чтобы в это время возле президентского дворца была организована сильная стрельба. Подразумевалось, что народ Грузии должен знать — их всенародно избранный президент оказал упорное сопротивление. Он не какой-то трус и слабак, а настоящий боец и покидает свой пост под давлением непреодолимых обстоятельств с оружием в руках и гордо поднятой головой.

Операция в Тбилиси, как и всё, за что брался Громов, завершилась с минимальными потерями не только для нас, но и для всех сторон, втянутых в конфликт. Хотя почти всем казалось, что крупномасштабных боевых действий в Тбилиси и окрестностях избежать невозможно.

После того как грузинский президент покинул страну, в его резиденцию вошли представители новых властей и рота наших десантников для охраны, иначе в момент бы все растащили. Я пришел туда вместе с нашими солдатами. Хотелось посмотреть, как жил самый большой интеллектуал Грузии — так тогда представляли Гамсахурдию.

Первый грузинский президент-интеллектуал! Много говорили о его отце — большом ученом, ходили слухи, что в этой резиденции огромная библиотека, прекрасные картины и скульптуры.

Каково же было мое разочарование, когда ничего более ценного, чем висевшие на стенах эстампы и фотографии, я не увидел. Да и те были, мягко выражаясь, излишне сексуального характера. Никаких скульптур и тем более библиотеки! Одним словом, признаков высокой культуры я там не заметил.

Что было действительно красиво и печально — это прекрасная белая лошадь, которая потерянно бродила по внутреннему дворику виллы. Брошенная лошадь Гамсахурдии. Она смотрелась, как последний, самый преданный друг грузинского президента, которого он, убегая, бросил.

Как ни странно, но от того тбилисского очень сложного и опасного конфликта в памяти осталась именно эта картина — брошенная белая лошадь во дворе опустевшей президентской виллы.

В последние месяцы работы Бориса Всеволодовича в Министерстве обороны нам пришлось поехать с официальной миссией в Югославию, уже бывшую.

Громову было поручено участвовать в переговорах между Хорватией и Сербией. А так как в Хорватии не имелось никаких наших представителей, ни дипломатических, ни торговых, то задача попасть в эту, недавно отделившуюся от Югославской федерации, страну была достаточно сложной.

Мы пробирались через Париж.

Кстати, просьба о прилете российской делегации исходила от самого президента Хорватии Туджмана. Он хотел, чтобы мы, пользуясь нашими традиционно хорошими отношениями с сербами, способствовали прекращению кровопролития на севере, где взбунтовались районы, населенные сербами.

Когда мы все-таки пробились в Загреб, нас никто не встречал. Мы взяли такси и приехали в старинный замок на горе, где располагалось правительство и находилась резиденция президента. Охранники Туджмана отказались нас пропустить и объявили, что мы должны пройти процедуру обыска.

Борис Всеволодович жестко заявил, что никогда не допустит, чтобы дипломатическую делегацию России подвергали обыску, и дал команду возвращаться в аэропорт.

Мы уже садились в машины, когда появились какие-то представители Туджмана и попросили нас остаться. Мы прошли в резиденцию правительства без всякого досмотра.

В ходе встреч Туджмана и Громова были достигнуты важные договоренности, способствующие проведению миротворческой операции на севере Хорватии, где в результате удалось разместить российский миротворческий контингент.

Борис Всеволодович участвовал во множестве переговоров, в том числе и арабо-израильских. Переговоры эти велись в Норвегии в 1992 году. Подписание соглашения состоялось уже в Вашингтоне. Условия России были довольно жесткими, и представители США долго не соглашались, отчего все несколько затянулось, а в планах Бориса Всеволодовича были еще переговоры в Организации Объединенных Наций.

Разрешение на эту поездку нам долго не давали. Посол в США Владимир Лукин старался помочь Громову и предлагал как можно проще все организовать. В конце концов настойчивость Бориса Всеволодовича была вознаграждена.

Поездка оказалась успешной, предстояло возвращение. Мы на машине туда и обратно ездили. Борис Всеволодович поручил мне разведать, где находится дом, в котором жил знаменитый полковник Абель. Он откуда-то знал, что это недалеко от тех мест, где мы будем проезжать. «Хочу обязательно там побывать, — объяснил он, — выразить уважение великому нашему разведчику».

Специалисты из российского посольства знали адрес и подсказали, как лучше туда добраться. Дом находится, по сути, в самом Нью-Йорке, но на другой стороне залива. Нужно было переехать через мост, покружить по узким улочкам, но ранним утром движения тут почти не было, не считая, конечно, нескольких машин с затемненными стеклами, которые «незаметно» и неотступно следовали за русскими.

Дом Абеля оказался обычным, не очень выразительным зданием, похожим на многие другие. Громов и его сотрудники вышли из машины, постояли, тихо разговаривая, и отправились дальше.

Для навязчивого «эскорта» все, что делали русские, осталось неразрешимой загадкой.

Примерно такой же случай произошел во время командировки в Японию в составе делегации МИДа. Тогда Борис Всеволодович принял решение возложить цветы к памятному знаку Рихарду Зорге на предполагаемом месте его захоронения.

Японцы в то время особенно нагнетали ситуацию вокруг северных территорий. Огромное количество людей с мегафонами круглые сутки шумело возле российского посольства и требовало вернуть Курильские острова. В связи с этим членам делегации не рекомендовали даже высовываться из окон, а тем более посещать такие места, как памятный знак советскому шпиону.

Громов сказал, что если уж ему удалось добраться до Японии, то он обязательно это место посетит и выразит свое уважение великому человеку. Свое намерение Борис Всеволодович исполнил.

Об этой поездке Громова и ее результатах известно еще меньше, чем о миссии в Таджикистане.

— По распоряжению президента Громова включили в группу по передаче Японии Курильских островов, — вспоминает А. Б. Пантелеев. — Он должен был вести военную часть переговоров.

Когда переговоры начались, Борис Всеволодович спросил, о каких конкретно островах идет речь.

Японцы изумились тому, как мог он так неловко пошутить.

— У меня в документах говорится о передаче островов, но каких и от кого кому, не указано, — пояснил Борис Всеволодович.

Заместитель начальника Национального комитета сил самообороны, возглавлявший японскую военную делегацию, был в шоке и демонстративно покинул встречу. Переговоры были прерваны, и делегации разъехались по домам.

Похоже, что Ельцин, ставивший двойную цель — передать острова и при этом дискредитировать Громова, как человека, который эту передачу осуществил, — перехитрил самого себя. И уж, конечно, он до конца дней не простит Громову этой «хулиганской» выходки.

Ну а Борис Всеволодович сделал именно то, что хотел, так что ему не пришлось ни о чем жалеть, как и всем нам, кстати.

В то время Громов и его команда работали в Министерстве иностранных дел. Положение их оказалось весьма трудным, прежде всего в материальном плане. Им не платили ни копейки.

Чиновники президентской администрации, организовавшие эту мелкую пакость, получили результат, противоположный ожидаемому. Для молодой команды, которая окружала в то время Громова, это стало неплохим испытанием, по-настоящему всех сплотившим. Трудности показали, кто на что способен и кто чего стоит в жизни. Остается только поблагодарить Ельцина. Он организовал это полезное дело.

— По всем внешним атрибутам должность Бориса Всеволодовича в ранге заместителя министра, главного эксперта по военно-политическим вопросам была очень авторитетная, — продолжает А. Б. Пантелеев. — Он был полноправным участником заседаний коллегии МИДа. Многие его рекомендации по позициям в СНГ, особенно по ближневосточным проблемам, внимательно изучались и учитывались.

Он подготовил аналитическую записку о государствах, откуда распространяются наркотики, и о создании действенных инструментов для борьбы с распространением наркотиков через страны СНГ в Россию. Мы тогда очень долго и серьезно собирали справочные материалы. Из МИДа эта записка попала в администрацию президента и оттуда во все силовые ведомства с рекомендацией ее изучить.

Борис Николаевич Пастухов, занимавший тогда должность первого заместителя министра, нас очень поддержал. Он работал в соседнем кабинете.

Настроение у нас было, в некотором смысле, протестное, и порой мы проводили демонстративные акции. Например, когда в министерстве выдавали зарплату, мы накрывали в своей комнате большой стол тем, что сами приносили из дома. Пирожки, котлеты, вареная картошка. Ставили бутылку водки и отмечали выдачу зарплаты, которую нам не платят.

Многие люди сочувствовали и помогали нам. Было очень приятно видеть, как супруга Бориса Всеволодовича заботилась о нас, приносила нам в МИД приготовленную дома еду. Помню ее очень вкусные фирменные котлеты.

Об этом как-то пронюхало телевидение и к нам на подобный банкет неожиданно пожаловало «Времечко».

Думаю, что наше соседство было нелегким для Бориса Николаевича Пастухова. Он всегда очень много работал. По сути, до позднего вечера. Уходил всегда самый последний. Если мы сильно шумели, он стучал нам в стену. Иногда заглядывал и заранее предупреждал, что вечером у него будет посол такой-то страны, это значило, что нам следует вести себя прилично и не шуметь. Нередко заходил просто так. Беседовал с Борисом Всеволодовичем. Старался поддержать нас морально. Он очень по-доброму относился к нам.

Действительно, молодая активная офицерская компания несколько не вписывалась в чопорную атмосферу МИДа. Это министерство, как известно, в основном всегда комплектовалось потомственными дипломатами, людьми традиционно сдержанными и чинными. Стиль этого ведомства — подчеркнутая интеллигентность, осознание своей всемирной миссии.

Громовская команда с ее молодым задором была, конечно, ближе бывшему комсомольскому лидеру Борису Пастухову, чем штатный мидовский персонал. Он чувствовал в этих неунывающих парнях свое, родное.

— Мы жили с Громовым в одном доме, — вспоминает Б. Н. Пастухов. — Частенько встречались и разговаривали. Отношения у нас еще с Афганистана товарищеские. Вот он однажды и рассказал, как плохо складываются его дела в Министерстве обороны. Я предложил вариант — перейти на работу в Министерство иностранных дел. МИДу близка военно-политическая проблематика, а специалистов настоящих нет. Вам, как говорится, и карты в руки. Так, экспромтом, родился этот план, и, как ни странно, он воплотился в жизнь.

Грачев тогда искал любой повод, чтобы избавиться от Громова. Когда ему предложили этот вариант, он сумел очень быстро договориться с президентом и министром Козыревым. Громов с несколькими офицерами, которые всегда следовали за ним, оказался у нас.

В первый же день работы в МИДе Громов зашел ко мне и с недоумением говорит — вот, мол, перевели к вам, а тут никто ничего не знает. Подыскали бы хоть какое-то помещение, не на улице же сидеть.

— Знаешь что, Борис Всеволодович, — говорю, — занимай-ка соседний кабинет. Я знаю, для кого его берегут. Обойдутся. И для твоих ребят комнату найдем. Уплотним наш секретариат, будем жить рядом.

Они быстренько перебрались в этот наш отсек, и мы стали работать и существовать рядышком. Помню всех его офицеров, которые сейчас уже большие люди. Пантелеев, например, Алексей Борисович — сейчас вице-губернатор, а тогда был молодой полковник. Один из них даже «подкадрил» девушку из нашего секретариата, и они поженились. Знаю, что Боря проводил свадьбу. Я был где-то в отъезде. Хорошие ребята в его окружении, не унывающие, с юмором, и отношения у нас сложились отличные, почти родственные.

Время шло. Они работают, а зарплаты им никакой не дают. Все вроде никак решить не могут, кто должен этот новый отдел финансировать. Минобороны их в МИД командировало, значит, оно и должно платить. Но военные считали, что избавились от Громова навсегда и платить должен МИД. Наши бюрократы отказывались, потому что таких должностей не значилось в штатном расписании МИДа. Думаю, что вся эта неразбериха не случайно возникла. Просто определенным лицам очень хотелось сломать Громова и его команду, а если не получится, то хотя бы навредить по мелочам и таким образом отплатить за неприятности, которые Борис Всеволодович им доставил.

— В МИДе к нам отнеслись в целом неплохо, — это уже вспоминает А. Б. Пантелеев. — Особенно к Борису Всеволодовичу. Может быть, чувствовали в нем природного дипломата.

Громов действительно наделен особенным дипломатическим талантом. В нем удивительно сочеталось умение интуитивно находить мгновенные и единственно возможные решения с умением организовать очень глубокую подготовку к предстоящим встречам, подобрать и изучить массу документов и сведений.

Когда Борис Всеволодович готовился к каким-либо переговорам, мы были загружены так, что головы не отрывали от стола. Требовалось изучить и обработать огромное количество источников, проверить и перепроверить, обобщить и только после этого передавать ему.

Очень серьезно готовил он вопросы, которые предстояло задать противоположной стороне. Кроме основных, которые составляли суть переговоров, в список включались темы, которые могли озадачить, заинтересовать собеседников, снять или усилить напряжение. Одним словом, что-то очень похожее на психологические тесты, которые сейчас вошли в моду и готовятся профессиональными психологами по заказам правительственных учреждений и крупных фирм.

Собранными материалами Борис Всеволодович пользовался очень умело и настолько естественно, что трудно было догадаться

о тщательно проведенной подготовительной работе.

Часто он начинал переговоры с совершенно неожиданных вопросов, которые сбивали собеседников с толку и заставляли их, как говорят спортсмены, терять концентрацию. Результаты такой подготовки в сочетании с умением вести переговоры в нужном ключе приносили желаемые плоды.

Вспоминаются переговоры с американским генералом в Италии.

Задача, поставленная перед Борисом Всеволодовичем Громовым, состояла в том, чтобы показать озабоченность России положением в бывшей Югославии и подействовать на тех, кто готовил военную операцию таким образом, чтобы они предпочли политическое урегулирование.

Генерал оказался весьма образованным, интеллигентным человеком, и Борис Всеволодович, заранее зная об этом, подготовил переговоры так, чтобы культурные темы заняли достойное место в этих беседах.

Американский военный был совершенно очарован Громовым. О наших военных руководителях у него было представление, как о примитивных солдафонах, знающих только свое дело.

Переговоры прошли очень успешно. Борис Всеволодович ясно изложил свой анализ в отношении негативных последствий военных действий на Балканах, которые, по-видимому, были в целом близки и понятны его оппоненту. В конце концов американский генерал попросил, чтобы принесли карты (совершенно секретные!), и показал Громову, как планировалась операция, которую они теперь не будут проводить. Цель переговоров была достигнута.

Замечу, все, что было обозначено на тех картах, с небольшими изменениями, осуществилось… но через несколько лет войсками НАТО.

Иногда случаются и удивительные совпадения, которые я бы скорее назвал прогнозами, чем совпадениями.

Получилось так, что Борис Всеволодович как руководитель антитеррористической комиссии ставил задачи по проверке сил и средств перед проведением учений.

Это произошло 11 сентября накануне трагических событий в США. На оперативном совещании Громов сказал, что по имеющимся данным возможны попытки захвата террористами воздушных судов с целью последующего использования их для проведения террористических актов, и предложил разработать комплекс мер для противодействия. Через шесть часов захваченные террористами воздушные лайнеры врезаются в здания торгового центра в Нью-Йорке.

Позже американцы упорно пытались выяснить, каким образом могло произойти такое совпадение и не имеются ли у генерала Громова какие-то свои особые источники информации, позволяющие ему делать столь реалистичные прогнозы.

Никаких особенных источников информации не было, это я могу сказать с полной ответственностью. Важно, кто и как анализирует сведения, которые имеются в том числе и у американцев. Просто анализ Громова оказался ближе всего к действительности.

Борису Всеволодовичу пришлось несколько раз встречаться с американскими военными специалистами, которые очень дотошно расспрашивали его о том, что он думает о развитии ситуации на Ближнем Востоке и особенно в Афганистане.

Борис Всеволодович добросовестно им все рассказывал и недвусмысленно предупреждал о негативных последствиях, которые возможны в случае введения войск в Афганистан и другие государства Ближнего Востока. Американцы слушали внимательно, но выводы сделали свои и поступили наоборот. Сейчас, наверное, вспоминают прогнозы Громова, которые опять до мелочей совпали с реальностью.

Совершенно ясно, что ни в Афганистане, ни в Ираке американцы полностью ситуацию не контролируют, и, как показывает жизнь, с каждым днем их положение там становится все более неустойчивым. По сути, они защищают только самих себя, и то не очень эффективно, при этом поток наркотиков с Ближнего Востока только возрастает. Террористы стали еще активнее и наглее. А оружия массового поражения так и не обнаружено. Какой же, в конце концов, смысл в этом вторжении?

Громова в Афганистане по сей день помнят и относятся к нему с большим уважением. Недавно приезжал брат знаменитого Ахмад-шаха Масуда, он теперь посол Афганистана в России, и встречался в первую очередь с Борисом Всеволодовичем. Предложил сотрудничество и дружбу.

Когда отмечалось пятнадцатилетие вывода войск из Афганистана, он сам попросил о встрече с Громовым и подарил ему пуштунку и халат. Афганцы делают такие подарки только тем людям, которых искренне уважают.

Контакты с афганцами поддерживаются уже много лет. Однажды необходимо было проехать в Европу одной женщине из семьи короля. Она делала остановку на территории России. Афганцы вышли на Громова с просьбой оказать помощь по приему этой особы и организации безопасности визита. Обратились не в МИД и не в правительство, они доверяли именно ему.

Обращался к Громову и сам Ахмад-шах Масуд. Была достигнута договоренность организовать встречу военачальников и провести международную конференцию «XXI век — мир без войн».

В знак внимания Ахмад-шах переслал Борису Всеволодовичу великолепной работы кинжал, который так где-то на границе и застрял. Жаль, конечно, ведь афганцы редко дарят оружие — это особый знак почитания.

К сожалению, и встреча тоже не состоялась, Ахмад-шах вскоре погиб.

С Борисом Всеволодовичем вообще очень интересно служить и работать. Разных случаев много было. Происходили и забавные истории.

Когда он служил заместителем министра обороны, помощником у него работал однофамилец Василий Васильевич Громов (он и сейчас работает в администрации губернатора). Василий Васильевич отвечал за почту, которая поступала заместителю министра. Громов всегда уделял большое внимание письмам. Пока мог, читал их сам, когда корреспонденции стало слишком много, ею занимались помощники.

Однажды Василий Васильевич принес ему письмо от матери солдата, которая сообщала о том, что ее сын направлен служить на Сахалин. Конечно, это очень далеко, но писем нет уже больше полугода, и она очень волнуется.

Борис Всеволодович распорядился, чтобы этого новобранца разыскали и заставили немедленно написать письмо матери. Связь с Сахалином была, как всегда, не очень хорошая. Василий Васильевич вышел на командующего армией и, как мог, передал просьбу Громова. Там поняли не всё, но главное, что нужно написать письмо матери. Задача была поставлена в субботу. В воскресенье этого мальчика нашли и усадили писать письмо. Ну а чтобы уж не было никаких претензий, устроили час письма и для всех других солдат, они тоже отправили письма родителям.

Утром в понедельник поступает масса докладов, что согласно указанию заместителя министра обороны Громова в таком-то гарнизоне (полку, дивизии) час письма проведен. Так возникла неожиданно симпатичная традиция раз в месяц устраивать час письма.

Как всякий заместитель министра, Громов часто выезжал с проверками в военные округа. Надо сказать, что он был, наверное, самым тяжелым проверяющим из всех. Он никогда не позволял заманить себя на традиционный сабантуй, который устраивается для каждого проверяющего. Местное начальство было в ужасе. Они привыкли решать дела только за праздничным

столом. Ну какой разговор может быть на трезвую голову?!

Летели, помнится, над Курильскими островами, и командующий округом сказал, что на этом острове нужно приземлиться, обязательно осмотреть один объект. Стали снижаться. Видим, под нами поляна, а там уже десяток прапорщиков бегает, горят костры, и даже в вертолете жареным мясом запахло. Борис Всеволодович дает команду, вертолет разворачивается, набирает высоту, и мы летим дальше.

Это не значит, что Борис Всеволодович вообще нигде и никогда. С друзьями, на празднике, — тут вы не найдете более приятного и веселого соседа. Но только не на службе.

Время работы в МИДе стало, может быть, самым трудным в жизни Громова. Вовсе, конечно, не по причине неподготовленности или плохих отношений с руководством. В этом плане все было нормально. Самое неприятное состояло в том, что Борис Всеволодович оказался на обочине политической жизни.

Ельцин и Грачев в какой-то степени все-таки добились своего, они оттеснили Громова на периферию, где он превратился в одного из многих безликих высокопоставленных чиновников. МИД, как известно, очень закрытое министерство, и многие тысячи работающих тут людей пребывают как бы за железным занавесом. От лица огромного ведомства в мир выходит только министр. Все остальные не более чем фон. По сути, это все очень правильно и разумно для государственной внешнеполитической организации, призванной представлять великую страну.

Думается, что если бы неудобный генерал Громов превратился в солидного и незаметного мидовского чиновника, то ему и его команде не пришлось бы так долго жить без зарплаты. Все финансовые проблемы (придуманные и организованные конечно же) вскоре были бы улажены самым благоприятным для Громова образом. Тихий и незаметный Громов очень даже устраивал власть.

Однако такое положение никак не могло устроить самого Громова. Он не собирался уходить в тень. И дело тут не в честолюбии, не в жажде славы. Человек, всей своей жизнью доказавший умение организовывать и направлять важнейшие государственные дела, не может отказаться от активной работы.

Глава пятая
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

МИД представлялся Громову почетной ссылкой. В тишине и забвении можно весьма комфортно прожить оставшуюся жизнь, и власть тебя не будет больше преследовать. Если же не согласен жить тихо, то из ссылки нужно бежать. Других вариантов не существовало.

Борис Всеволодович Громов знал, что рано или поздно он обязательно совершит побег. Но как и куда? В каком качестве он сможет вернуться в реальную жизнь? Вопросы эти все неотступнее вставали перед ним.

Наверняка Громов в конце концов что-нибудь бы придумал. Но тут, как нередко случается, вмешалась сама жизнь. Предложение пришло из родного города Бориса Всеволодовича.

Б. В. Громов:

— Весной 1995 года из Саратова приехали два человека, которых я хорошо знал, и предложили выставить мою кандидатуру на выборы в Государственную думу.

Я подумал над этим предложением, собрал свою команду и посоветовался с ней. Все были «за». Это все-таки интересное новое дело. Так мы начали свою первую избирательную кампанию.

Сразу скажу, никаких опросных групп, пиар-команд и прочих профессионалов избирательного бизнеса мы привлекать не собирались. Особых лозунгов и слоганов не придумывали. То есть, по современным понятиям, работали исключительно примитивно.

Нашей козырной картой (не сочтите это за нескромность) было имя генерала Громова, хорошо известное землякам.

Конечно, мы понимали свою неопытность в выборных делах и в принципе были не против того, чтобы воспользоваться помощью каких-то консультантов, но на это нужны были деньги, и немалые. У нас денег не было. Поэтому нам до всего пришлось доходить своим умом.

В воспоминаниях У. Черчилля есть прекрасный совет: «Если хочешь победить на выборах, нужно пожать как можно больше рук». Чем больше личных встреч, тем больше шансов на успех. Говорят, среди американских президентов даже какие-то рекордсмены есть по рукопожатиям. Джон Кеннеди, например, пожимал до двадцати тысяч рук в день. Таким образом,

агитационная наша работа состояла в том, что мы старались до выборов посетить как можно больше организаций и встретиться с максимальным количеством людей. Личный контакт, рукопожатие и хотя бы короткий разговор на девяносто процентов гарантировали, что эти люди проголосуют за нас.

Идеолога в нашей команде не имелось. Он просто не был нужен, потому что идеологии какой-то особенной, из ряда вон выходящей, мы предлагать не собирались. И никаких обещаний, кроме того, что буду честно работать и делать все, что в моих силах, на благо избирателя, я не давал.

Вот об этом мы и говорили везде. Купить какие-то голоса, как делают современные бизнесмены, рвущиеся во власть, мы не имели возможности. Да и совесть бы не позволила. Наш шанс состоял в том, что мы должны были провести как можно больше встреч с людьми. Встречаться, где только можно, независимо от того, сколько придет народа.

Кажется — очень просто. Мало кому известно, какая тяжелая это работа. В день проходило по пять-шесть встреч. На каждой нужно было что-то говорить. Врать нельзя. Самое страшное, что только может быть для меня, если потом скажут — что же ты, обещал и не сделал!

Я считаю, мы вели честную агитацию. Избиратели видели, что мы люди порядочные, обеими ногами стоим на грешной земле. Говорим о понятных и волнующих их вещах, видим все, так же как и они.

В душе я знал, что мы выиграем. Но волновался страшно. В нашей непредсказуемой российской жизни все может случиться. Да и соперники были не слабые. И все же уверенность в победе меня не покидала. Я верил в свою команду и знал, что фамилия Громов — это не пустой звук.

Еще я понимал, что поражение, скорее всего, будет означать окончательную победу тех сил, что вот уже несколько лет всеми способами старались задвинуть меня в тень.

Мы победили с очень приличным преимуществом.

— Громов пошел в депутаты, — вспоминает Б. Н. Пастухов. — Жалко было с ним расставаться. К тому же с зарплатой дела наладились. Но это все мелочи. Я понимал, что нынешняя работа в МИДе для такого активного человека, как Борис Всеволодович, и его молодой боеспособной команды все-таки недостаточно интересна и масштабна.

Он уехал в Саратов, на свою родину, и начал там борьбу за депутатский мандат. Я прекрасно знаю, что против Громова было вздыблено всё. Все средства, какие только есть в выборной

кампании — этой грязнейшей из демократических процедур, всё было брошено против него.

Коммунисты выставляли там своего кандидата, у которого были отличные шансы. Топтали Громова, как только могли. Замечательный губернатор-демократ соглашался даже на коммуниста, но только не на Громова. Видно, спинным мозгом чуял, что популярный в народе и ничем не замаранный Громов — прямая угроза его непомерным притязаниям. Да и многие из тех, что нынче бегут рысцой, чтобы пожать Борису Всеволодовичу руку или прикоснуться к щечке с нежнейшим выражением лица, пускались тогда на последние подлости, чтобы только помешать Громову пройти в Думу. Вся эта нечистая сила была уверена, что он не выдержит и сойдет с дистанции. Не на того напали. Он ходил от дома к дому, от поселка к поселку, был на предприятиях, в деревенских избах и городских квартирах и везде разговаривал с людьми. Он делал то, что никто не умел, он говорил с людьми о том, что их волнует, но никогда не обещал того, что не сможет сделать.

Нет ничего удивительного, что Громов победил всех соперников!

Победил! Хотя не имел ни денег, ни административной поддержки, ничего. Только славное имя боевого генерала и честного человека.

Необыкновенно приятно сознавать, что не всегда удается самоуверенным политтехнологам, так, кажется, называют себя эти нахальные манипуляторы, обещающие за деньги сделать депутатом даже обезьяну, рулить человеческим сознанием. То, что порядочный человек хотя бы изредка побеждает — в этом все-таки есть какая-то надежда!

Б. В. Громов:

— В Госдуме я записался в Комитет по международным делам. Получилось как бы продолжение работы в МИДе. В Комитете по международным делам был подкомитет, занимавшийся вопросами разоружения, СНВ-1, СНВ-2, и я там работал. В МИДе я не успел во всё это толком вникнуть, в Думе кое в чем удалось неплохо продвинуться.

Дело это было полезное и необходимое. Договоры по контролю над вооружениями позволяли снять с боевого дежурства и уничтожить большое количество устаревших ракет, обслуживать которые практически уже не имелось никакой возможности. Заодно мы заставили американцев, у которых проблем с обслуживанием ракет никогда не существовало, уничтожить соответствующую часть своего стратегического

ядерного потенциала. Если бы соглашение не состоялось, они свое оружие сохранили бы, а мы все равно вынуждены были бы сокращаться.

За время работы в Думе Громовым был подготовлен законопроект по оборонным вопросам. Со своим коллегой и старым товарищем Валентином Ивановичем Варенниковым он выступил разработчиком закона о ветеранах, который был принят и действует по сей день.

Главная же опасность, о которой Б. В. Громов постоянно говорил и с думской трибуны, и через СМИ — это слабость государственной власти, которая не в силах одолеть центробежных тенденций, ведущих к развалу России.

Наиболее разрушительно эти тенденции сказывались на армии. Каждому думающему человеку понятно — развалится армия, и Россия превратится в груду осколков. Из интервью «Новой газете» от 22–28 ноября 1999 года:

«Поддержать армию — сохранить Россию — Как вы думаете, с нем Россия подходит к XXI веку, какие задачи встанут перед нами в ближайшее время?

— К сожалению, не могу ничем вас обрадовать. Самое страшное то, что уже предпринимаются шаги, пока не столь заметные, которые направлены на создание конфедерации и ведут к распаду России на удельные княжества.

В последние годы, когда СССР и Варшавский договор, с одной стороны, и США и НАТО — с другой, находились в состоянии холодной войны, нашим руководством были сделаны серьезные ошибки, которые повлекли за собой изменения на политической карте мира.

Наше руководство исходило из того, что состояние холодной войны — это противоборство, прежде всего силовое. Следовательно, главное значение в этой борьбе имеют вооруженные силы. Противоположная сторона рассматривала холодную войну как противостояние, прежде всего информационное. Они сделали упор на воздействие через СМИ на народ в целом и лидеров СССР, а позже на лидеров России. В результате у нас как-то совершенно неожиданно образовались «друг Билл» и «друг Жан» при полной беспомощности в отстаивании своих жизненных интересов.

Стратегия Запада строилась тонко и дальновидно с учетом непростых взаимоотношений внутри страны. Всячески подогревалось недовольство республик Советского Союза центром и надоевшей ролью «младшего брата». Для нынешней России — это недовольство регионов Москвой, ее стремлением

все поставить под свой контроль при постоянном ухудшении общей ситуации и снижении уровня жизни народа. В результате развалился сначала СССР, а сегодня большую тревогу вызывает и целостность России.

Обратите внимание на то, как прошли выборы в Смоленске, Карелии, Нижнем Новгороде, а теперь в Красноярске. Они ясно показывают, что центр не в состоянии контролировать ситуацию. Центр сейчас вообще мало на что способен. Тогда зачем он нужен? А регионы, не все, конечно, но многие, обладают реальной силой, значительными ресурсами и экономическим потенциалом и уверены, что могут жить гораздо лучше без указки сверху. В головах губернаторов уже созрели намерения решать свои проблемы самостоятельно.

— Главная угроза национальной безопасности — внутри страны. Россия может превратиться в конфедерацию удельных княжеств?

— К сожалению, дело обстоит именно так.

— Но и внешние угрозы не исчезли?

— Внешние угрозы существовали и будут существовать всегда. После Второй мировой войны они имели характер угрозы силового воздействия. Сейчас все изменилось. Запад, от которого прежде всего нужно было ожидать давления на Россию, сегодня не рассматривает силовой нажим в качестве главного аргумента. Атлантические страны действительно уменьшают свои вооруженные силы, стремятся к ликвидации чрезмерных запасов ядерного оружия, инициируют дальнейшее разоружение. Пример — СНВ-3.

Однако параллельно с этим они делают ставку на другие формы давления, основные из которых экономические. Изменились методы, цель осталась прежней — максимально ослабить Россию.

— Что же может в таком случае сделать Российская армия? И какой, по вашему мнению, она должна стать в этих новых обстоятельствах?

— Армия является инструментом в руках политического руководства, и инструментом мощным, поскольку оснащена ядерным оружием. С другой стороны, этими же руками она доведена до такого состояния, что ее и армией-то никто не считает.

С 90-х годов армию просто разваливают.

Вы спрашиваете: какой должна быть Российская армия? Прежде всего обеспеченной самым необходимым. Огромная и нищая армия становится опасной для собственной страны.

— Выходит, что разговоры о военной реформе на самом деле

не более чем дымовая завеса?

— Не совсем. Я думаю, что руководство Вооруженными силами искренне верит в то, о чем говорит. Другое дело, изменить что-то к лучшему нет возможности. Вот они и занимаются всем понемногу — и реформами, и орг-штатными мероприятиями, и реорганизацией.

Но какой смысл заниматься всем этим, если не определена военная доктрина России? Это ведь то же самое, что, не имея плана генерального сражения, разрабатывать задачи для каких-то отдельных частей и родов войск.

— Значит, профессиональная армия пока нам не нужна?

— Нужна. В конечном счете должна быть создана именно профессиональная армия. Спросите любого командира, кого лучше вести в бой: обученных опытных контрактников или восемнадцатилетних пацанов, прошедших двух-трехмесячную подготовку. Ответ ясен.

— Но профессиональная армия — это очень дорого?

— Повторюсь, прежде всего необходимо определиться со стратегическим вопросом, — должна быть разработана военная доктрина России. Тогда станет понятно, для решения каких задач будет формироваться армия. Даже те средства, которые отпускаются на армию сейчас, при всей их мизерности тратятся по большей части впустую.

— Как вы, военный человек, относитесь к тому, что генералы буквально косяком пошли в различные структуры власти?

— В государстве нормальном вхождение военных во власть — опасный симптом. В нашей же ситуации — это естественно.

Дисциплинированный и организованный военный человек, не развращенный коррумпированным окружением, настоящий подарок для исполнительной власти. Да и в сфере законотворчества мои коллеги-отставники выглядят очень достойно».

За время работы в Думе Борис Всеволодович подготовил немало актуальных материалов, касающихся самых острых проблем нашего времени.

***

Проблемы борьбы с организованной преступностью в Северо-Кавказском регионе: геополитический аспект «События в Чечне, взорвавшие изнутри ситуацию на Северном Кавказе, не следует рассматривать в отрыве от международной политики. Существует прямая связь этих событий с долгосрочной

геополитической стратегией США и НАТО, которая прямо предусматривает использование «исламской карты» в решении геополитических проблем.

Такой подход открывает связь этих событий с агрессией НАТО против народов Югославии, разделенных по конфессиональному признаку (православные — мусульмане).

Не следует думать, что такое понимание проблемы является искусственной глобализацией проблем Чечни. Напротив — это всего лишь необходимый анализ тех моделей, по которым осуществляется выведение конфликта на международный уровень, что ослабляет позиции России и стирает грань между терроризмом, организованной преступностью, с одной стороны, и «национальным и религиозным движением» — с другой.

Грамотный анализ геополитического и конфессионального аспектов проблемы открывает нам возможность заложить основу в фундамент национальной стратегии противодействия любым проявлениям политического и религиозного экстремизма. Эта единая стратегия должна прослеживаться как во внутренней, так и во внешней политике России.

Антиюгославская кампания НАТО была порождена откровенно экстремистской стратегией установления нового международного порядка, отвечающего интересам определенных финансовых и политических кругов США и властных элит стран, входящих в военный блок НАТО.

Вместе с тем политика экстремизма в международных отношениях, во-первых, опирается на волну экстремистских настроений во всех областях внутренней политики в странах, входящих в блок НАТО, и в странах, которые уже стали и могут стать объектами агрессии, а во-вторых, вызывает мощную волну экстремизма во многих взрывоопасных точках планеты. Яркий пример тому — Чечня.

Наиболее полно и прямолинейно эта стратегия озвучена Збигневом Бжезинским. Суть ее такова: Чечня и весь Северный Кавказ — это всего лишь детонатор, способный взорвать межконфессиональное равновесие в огромном регионе, который не без основания называется «Евразийскими Балканами». Американские стратеги включают в состав этого региона такие страны, как Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан, Армению и Грузию, а также Афганистан.

Единственный критерий, в соответствии с которым будет определяться судьба «вторых Балкан» по этой логике, — право США «в течение длительного периода времени — свыше 30 лет!» — удерживать статус первой державы мира. Аргумент один, и его

лучше других сформулировал все тот же Бжезинский: «США управляют главными стратегическими фигурами на евразийской шахматной доске, расставляют их по своему усмотрению и руководят ключевыми геополитическими центрами Евразии». Четко сказано…

Бжезинский утверждает, что Россия именно в результате межэтнического конфликта на своих южных границах будет вынуждена пойти на любые уступки, в том числе территориальные. Причина проста: Россия не только столкнется с угрозой широкомасштабной религиозной войны, но и будет обречена на эту войну, если не проявит должного «здравого смысла».

«Здравый смысл» заключается в том, чтобы добровольно расчлениться… А не успеет Россия сделать это до конца века, то США подстегнут, подпалят. При этом детально обсуждается «исламский фактор», который делает позицию России особо уязвимой на длительную перспективу».

Итоги и уроки саммита в Стамбуле «При оценке результатов саммита следует различать стратегию и тактику. Особенно четко надо разводить эти понятия, когда речь идет о войне или о так называемых «зонах жизненных интересов» великих держав. Впрочем, эти понятия тесно связаны между собой.

Предпринятая на саммите попытка глобализировать чеченскую проблему, сделать ее не только предметом международного обсуждения и, соответственно, осуждения России, но и объектом прямого вмешательства в наши внутренние дела, на этот раз оказалась не вполне состоятельной. В частности, президент США Клинтон занял, как представляется, достаточно конструктивную позицию, порекомендовав главам государств представить себя в том положении, в котором находится Россия.

Это тактический ход, который никаким образом не отменяет общего стратегического курса США. В те же дни в рамках саммита при участии Клинтона и основных заинтересованных сторон был обсужден и решен, разумеется не в пользу России, главный вопрос о маршруте транспортировки каспийской нефти. Не следует забывать, что именно запах большой нефти и больших денег был едва ли не главной причиной развязывания той первой чеченской войны и откровенной финансовой, военной и информационной поддержки, которую получили чеченские террористы и ваххабиты из-за рубежа. Поджог Чечни и распространение межрелигиозной розни объясняются очень просто: по этой территории должен был пролегать «наш

нефтепровод»…

Кроме того, некоторое смягчение давления на Россию на Стамбульском саммите по поводу Чечни не отменяет ни политики двойных стандартов, ни информационного прессинга, который испытывает Россия. Ее образ, как прежде, так и сейчас, рисуют преимущественно черными красками».

Роль Церкви в разрешении чеченского конфликта «Я был решительным противником чеченской войны, прежде всего потому, что национальные узлы в России нельзя разрубать мечом, их можно только развязывать — осторожно, с умом и великим терпением. В противоположном случае то, что составляет нашу главную силу — союз народов и культур, превратится в главный фактор распада. Распада в результате взаимного межрелигиозного отторжения. Еще раз подчеркну: искусственно вызванного межрелигиозного отторжения, которое не только не имеет ничего общего с религиозным возрождением, но и несовместимо с подлинной верой — ни с православием, ни с исламом, ни с совестью, ни с честью.

Хочу в этой связи привести слова Святейшего Патриарха, который, говоря о борьбе с терроризмом в Чечне, особо подчеркнул, что эта борьба увенчается успехом, если она будет полностью очищена от обслуживания политических интересов.

Обратился Патриарх с напоминанием и к русскому народу, и к армии: «Нельзя переносить вину за действие преступников на чеченский народ или на последователей ислама. Нам необходимо сообща устроить жизнь в мире и благоденствии, разрешая экономические, политические и общественные проблемы».

Мне в душу особенно запали слова Патриарха, сказанные им на одной из встреч с воинами, охранявшими российские границы. Обращаясь к солдатам, Святейший заметил, что находятся они не на краю России, а там, где она начинается…

В этих словах заложена мысль далеко не случайная, выстраданная. Отечество начинается там, где оно ждет от нас защиты — от враждебной силы, от раздора внутреннего. Впрочем, для человека православного и внутренний раздор по сути своей — сила вражья. Нельзя поднять Россию, не постигнув душу ее многонационального народа.

Разговоры о возрождении России без кропотливой и долгой работы по восстановлению многонационального уклада, который складывался столетиями, — это или самообман, или откровенный обман, направленный против страны и народов, ее населяющих. Россия строилась как христианское государство, способное защитить все народы, сплотившиеся вокруг нее, все

национальные культуры и основу этих культур — религиозное самосознание народов. Россия сможет сохранить свою целостность, следуя этому своему призванию.

Социальная база преступности и экстремизма в России — коррупция и слабость власти.

Преступность — верный признак слабости государственной власти. Даже в том случае, когда речь идет об организованной преступности, которая сегодня выступает как хорошо отмобилизованная политическая сила, рвущаяся уже не столько к подкупу и разложению власти (значительная ее часть уже «приватизирована»), сколько к власти собственной и абсолютной. Причем к абсолютной не только в масштабах отдельно взятого региона, но и всего Российского государства.

Однако даже самая изощренная и до зубов вооруженная преступность, выходящая на международную арену, всегда была и остается не чем иным, как эрзацем силы. А точнее — силой слабых. Слабых не в плане возможностей, а в плане нравственном, духовном. Армия преступников всегда пополнялась в основном за счет людей морально ущербных, преступивших в самих себе законы совести и веры.

Коррупция — это уже нечто качественно иное, чем организованная преступность. Это высокоорганизованная преступность, которая подмяла под себя власть. Но такое можно сделать только с очень слабой властью — слабой не столько с политической точки зрения, сколько с нравственной. Если попытаться предельно кратко определить природу коррупции, то это не что иное, как порядок, основанный на непорядочности.

Известно, что коррупцию порождает срастание преступности, которая во всех своих проявлениях остается клоакой, дном общества, с «политической крышей» органов и представителей государственной власти на всех ее этажах, а также «религиозной крышей». Для того чтобы использовать религию как инструмент для достижения криминальных целей, по сути, и используется искусственное насаждение культов, исторически не представленных на территории России.

Я бы определил коррупцию, перефразировав известный тезис, как симбиоз, взаимовыгодное сожительство тех социальных низов, которые не хотят жить по законам, и верхов, которые не могут жить по законам. Не могут по одной простой причине: как известно, от трудов праведных не построишь палат каменных…

К сожалению, причина тотальной коррумпированности кроется не только в слабости исполнительной власти, но и в слабости власти законодательной — в ее непрофессионализме, политической ангажированности, недальновидности. Я говорю об

этом столь уверенно, потому что имею достаточный опыт парламентской работы. И хорошо знаю изнутри так называемую депутатскую политическую кухню.

Грубо и наспех слепленные законы, которые создаются, увы, бессистемно, малоэффективны в борьбе с коррупцией, ставшей реальной политической силой. Это костыли насквозь изъеденной коррупцией бессильной власти, власти, давно утратившей иммунитет от проникновения заразы.

Безвременье — мать коррупции. Ее отец — дефицит народного доверия. А молодая поросль — это временщики.

Коррумпированная власть в определенном смысле — воистину интернациональна. Для нее не существует ни Родины, ни Бога. Но известно: если Бога нет, то все дозволено… Когда мы задаемся вопросом, кому и зачем понадобилось поджигать чеченский фитиль к нефтяным месторождениям, то ответ один — коррупции.

Когда мы пытаемся понять, откуда чеченские бандиты получили и продолжают получать сверхсовременное оружие российского производства задолго до того, как оно поступило на вооружение нашей армии, как, впрочем, и сверхсекретную информацию о планах наших войск, ответ тот же — от коррупции.

Когда мы ищем виновных в смерти наших сыновей, российских мальчишек, брошенных, как пушечное мясо, в чеченский котел, мы снова произносим это проклятое слово — «коррупция».

Тот путь реформ, который «во имя высших целей», то есть для скорейшего создания «имущего класса», открыл двери для коррупции — это, если воспользоваться известной формулой Талейрана, больше чем преступление, — это политическая ошибка, за которую платят, к сожалению, не те, кто ее совершил…

Теперь главный вопрос: как побороть, раздавить коррупцию? Самый простой ответ лежит на поверхности, он известен с давних времен: если величайшее поощрение преступления — это его безнаказанность, то лучшее лекарство — неотвратимость наказания. Если сегодня те здоровые силы нашего общества, у которых еще остались властные полномочия, не используют их в должном объеме по отношению к «высокоорганизованной» преступности, как бы высоко она ни окопалась, то завтра народ перейдет к самосуду. Из отечественной истории, как из песни, слова не выкинешь: нет ничего страшнее русского бунта…

Разумеется, организованное насилие против организованного насилия — дело бессмысленное и кровавое. Оно не приведет к

окончательному решению проблемы борьбы с коррупцией. Необходима огромная по объему и планомерная законотворческая работа — без оглядки на политическую конъюнктуру, на узкопартийные или еще более примитивные узкогрупповые интересы. Но не нужно ждать, когда совершенное законодательство перекроет все щели, позволяющие коррупции проникать в органы власти. Для начала надо научиться жить по закону, писанному по законам вечным, то есть в соответствии с духом морали и веры.

Делайте ставку на порядочность! Великими сказано: «Один человек плюс закон — уже большинство!» Это единственно верная позиция».

Из статей, интервью, проектов законодательных актов, в создании которых принимал участие Борис Всеволодович Громов, можно составить целую книгу. Весьма интересную книгу, которая бы проиллюстрировала деятельность серьезного и честного депутата. Но законотворческая деятельность — только часть работы депутата. Все же остальное — лоббирование коммерческих интересов, бесконечные интриги и козни, фракционная борьба, отстаивание и умножение депутатских полномочий и льгот… Короче, неустанная забота о собственных интересах — то, что составляет смысл и радость работы многих народных избранников, — вызывала у Громова только отвращение.

По сути дела, он так и остался чужим на этом празднике жизни, которым становятся для иных годы депутатской работы.

Прожив немало лет и повидав всякое, Громов так и не научился жить для себя. Государственная дума все больше напоминала ему аквариум, в котором удобно, сыто и безопасно существуют некие декоративные существа. А настоящая жизнь течет мимо прозрачных стен.

Впрочем, это ощущение исчезало сразу, стоило только Громову оказаться в Саратове.

Б. В. Громов:

— Из всей депутатской работы самым трудным я бы назвал прием избирателей. Я занимался этим, приезжая в Саратов, практически каждый месяц. Люди идут к депутату, как в последнюю инстанцию, уже пройдя все чиновные бюрократические структуры. Депутат — их последняя надежда.

Мне же, как депутату, прекрасно известны весьма узкие границы наших возможностей. Это связано с тем, что у меня нет реальных средств, ни материальных, ни финансовых, чтобы оказать конкретную помощь. Понимать это очень тяжело, в

особенности когда видишь страдания людей, которые приходят к тебе с последней надеждой.

Народу на приемах всегда очень много. Записывались задолго до моего приезда, и когда я заходил в свой кабинет в Саратове, на столе лежал устрашающий своей величиной список. Настроение портилось, потому что я понимал, что даже принять всех просто не в человеческих силах, ведь каждого нужно не просто запустить в кабинет, но и выслушать, многое уточнить, обсудить ситуацию, а зачастую просто по-человечески успокоить.

Я, конечно, очень старался, и кое-кому мне удавалось реально помочь. Но это в тех случаях, когда дело касалось каких-то бюрократических недоработок, невнимания или грубости местных чиновников, на которых депутат все же может в некоторой степени воздействовать. Тут я всегда шел до конца и обычно добивался результата. Думаю, что мой коэффициент полезного действия составлял процентов тридцать, не больше, чем у парового двигателя.

Большинство вопросов были связаны с бедностью, запущенностью нашего хозяйства, слабой социальной политикой, разорением и банкротством предприятий, сокращением рабочих мест. Тут, как уже сказано, я был бессилен, так как никакими финансовыми, материальными и административными ресурсами не располагал. Я мог действовать только косвенно, через создание новых законов, но это дело долгое и сложное.

Пробыл я в Думе полтора года и начал ощущать некую неприятную эфемерность своей работы. Это все-та-ки не моя стезя. Я всю жизнь занимался конкретными делами и привык самостоятельно доводить до конца намеченные планы…

— Почему он в Думу пошел? — размышляет С. В. Громов. — У него был огромный опыт работы с людьми на всех постах, которые он занимал.

Борис выдвигался по нашему округу, по Саратову. Я нисколько не сомневался, что его здесь выберут. Простые люди тоже ведь не слепые и видят — кто есть кто. В Саратове было много претендентов. Были коммунисты, аграрники и многие другие. Я не против коммунистов, не против любых других претендентов, просто я знал, что выберут именно Бориса. Как там людей ни обрабатывай, а в кабинке, когда избиратель остается сам с собой и делает настоящий выбор, он берет в расчет прежде всего человеческие качества. Именно такие качества, какими обладает Борис Всеволодович Громов.

Человек даже может выйти с избирательного участка и ответить на вопросы журналистов и статистиков так, как надо, но выбор-то он уже сделал и проголосовал по-своему.

Я эти дела хорошо знаю, потому что много лет подряд меня от работы назначали в избирательную комиссию. Когда начиналась предвыборная кампания Бориса, я даже процент предсказал, с которым он победит. Кстати, и в Подмосковье, когда он избирался на пост губернатора, я практически точно назвал процент людей, которые за него проголосуют.

Когда он работал в Госдуме, то очень часто бывал в Саратове. Он, наверное, больше всех депутатов встречался с избирателями, приезжал буквально каждый месяц. Делал колоссальный прием. Когда он приходил домой, то был бледный и выжатый как лимон. Люди, конечно, к нему шли самые разные. Приходилось даже врача привлекать. Тогда вот его однокашник по Саратовскому суворовскому училищу, Юрий Иванович Скворцов в его команде работал. Помогал как врач. Нужно было больных физически и душевно определять и деликатно выходить из положения. Помню, постоянно приходил на прием человек, сообщавший, что инопланетяне нас окружают и готовят истребление человечества. Все это — неизбежная трудность депутатской работы.

Зато Борис ясно понял, в какое положение попали люди. Без прикрас увидел, какое колоссальное идет обнищание. Он страдал и просто задыхался. Как-то бросил фразу: «Мне, Сережа, труднее всего оттого, что я по-настоящему не могу им помочь».

Думаю, чтобы иметь возможность помогать реально, он и стал баллотироваться на пост губернатора Подмосковья. И это естественно входит звеном в цепочку, которая говорит о нем, как о реаниматоре. Взвалил на себя это огромное дело. Хотя самому ему ничего не надо. Он заслуженный, достаточно обеспеченный человек.

Борис Всеволодович никогда не строит наполеоновских планов. Он говорит — помогу, как сумею. И помогает, чаще всего, как никто, потому что главный компас его жизни — порядочность.

Конец XX века стал для России временем трагических испытаний.

4 сентября 1999 года в дагестанском городе Буйнакске взорван пятиэтажный дом, в котором жили семьи офицеров 136-й бригады Минобороны. Погибли 64 человека, из них 23 ребенка.

В ночь на 9 сентября 1999 года в Москве на улице Гурьянова в девятиэтажном жилом доме произошел взрыв. Полностью обрушились два подъезда, 109 человек погибли, более 200 получили ранения.

13 сентября 1999 года в пять часов утра в Москве в доме по Каширскому шоссе прогремел мощный взрыв. Дом был полностью

разрушен. Погибли 124 человека, в том числе 13 детей.

8 августа 2000 года в подземном переходе под Пушкинской площадью прогремел взрыв. Погибли 13 человек…

Против России развернута настоящая террористическая война. Сотни погибших, тысячи раненых и покалеченных людей. Выборы губернатора Московской области практически совпали с этими трагическими событиями. Громову пришлось отвечать на острые вопросы, которые, по сути, были обращены к высшему руководству страны.

Незадолго до начала выборной кампании в Московской области в Доме российской прессы состоялась пресс-конференция. В ее работе принял участие депутат Государственной думы, президент Всероссийского общественного движения ветеранов локальных войн и военных конфликтов, Герой Советского Союза Борис Громов. Он сказал следующее:

— В последнее время мы стали свидетелями крупных террористических актов, повлекших многочисленные человеческие жертвы. Их организаторы хотели посеять страх и неуверенность среди россиян и потому выбрали жертвами своей бесчеловечной акции мирных жителей столицы нашей родины. Сегодня, когда разобраны завалы и преданы земле тела погибших, пришло время открыто высказать свое мнение о причинах трагедии.

Первой из них, бесспорно, является борьба за власть на всех уровнях без исключения. За власть государственную, за власть политическую, за власть финансовую, за власть культовую, за власть клановую. Ареной этой борьбы в последнее время стала Россия.

Вторая причина связана с настроениями, которые впервые проявились еще при развале Советского Союза и представляют угрозу целостности России как многонационального государства. Это — сепаратизм.

Третьей, и не менее важной, причиной терроризма является заметное ухудшение жизни людей почти во всех регионах страны. Низкий уровень жизни, безработица, обнищание благополучных ранее слоев населения оборачиваются криминализацией общества и созданием различных экстремистских группировок, в том числе террористических.

Нельзя сегодняшние трагические события — взрывы в Москве — сваливать только на чеченцев. Одни чеченские террористы не смогли бы создать в Москве или в других крупных городах запасов взрывчатых веществ в таких количествах, которые сейчас обнаружены — несколько десятков тонн. Нельзя завезти такое количество взрывчатки тайно, не привлекая в помощь себе

отдельных сотрудников правоохранительных и силовых структур, других ведомств. Эта широко спланированная и четко выполненная акция стала возможной в силу коррумпированности наших чиновников и бездействия многих государственных органов и всей государственной машины.

Последняя, на мой взгляд, серьезная причина, о которой сегодня необходимо говорить, — это исламский фундаментализм.

Впервые я столкнулся с этим явлением в Афганистане. За пять с половиной лет пребывания в этой стране я узнал, что такое исламский фундаментализм и экстремизм не в теории, а на практике. Пришлось изучить самые различные его проявления.

Начиная с 1992 года, то есть с того времени, когда меня после опалы вернули на должность заместителя министра обороны, я с группой офицеров Генштаба и других подразделений министерства очень много ездил по России и бывшим республикам Советского Союза. Уже тогда, практически во всех регионах, где население исповедует ислам — на Северном Кавказе, в Закавказье и Средней Азии, — мы видели, как стремительно распространяются среди местного населения идеи исламского фундаментализма. Мои личные встречи с Д. Дудаевым (у нас было три встречи начиная с 1991 года) привели меня к твердому убеждению, что исламский фундаментализм представляет исключительно серьезную опасность для России и других стран нашего региона. Обо всем этом мы официально докладывали руководству страны и Министерства обороны.

Исламский фундаментализм сегодня имеет очень серьезные планы. Это видно по действиям его приверженцев в Афганистане и Пакистане. Об этом говорят кровавые события в Таджикистане и Узбекистане, в какой-то степени Киргизии. Добавить к этому списку следует и российское Поволжье, расположенное, можно сказать, в сердце страны.

В планах нынешних лидеров исламского фундаментализма — создание единого исламского государства, состоящего, как они считают, из 48 государств на территории Северного Кавказа, Закавказья, Поволжья, Средней Азии и Ближнего Востока. Это на первом этапе. Второй этап предполагает вовлечение в орбиту фундаментализма многих стран Африки, Америки и Европы.

Для меня планы исламских фундаменталистов стали очевидны еще во время Афганской войны. Не понимать сейчас, какую угрозу они несут целостности России, просто преступно.

Что же необходимо сделать, чтобы остановить террор?

Первое — в срочном порядке подготовить законодательные акты, в том числе поправки к существующим законам, то есть антитеррористический пакет, как это сделано в США. Такой

документ существенно расширит полномочия для всех структур, ведущих борьбу с терроризмом и экстремизмом. Государственная дума должна такой пакет в срочном порядке принять.

Следующий шаг — безусловное уничтожение, не выдавливание, не какие-то другие формы, а именно уничтожение всех террористических банд и организаций. Я всегда был категорическим противником войны в Чечне, так как видел, что она ведет к очень нежелательным и опасным последствиям, с чем мы сегодня столкнулись. Но раз уж мы допустили создание этих террористических банд, значит, мы должны их непременно уничтожить. Положение должно стать таким — каждый человек, связавший свою жизнь с террором, должен понимать, что перспектива у него одна — он будет уничтожен. Такая жестокая реальность заставит задуматься даже оголтелых приверженцев террора.

Если бы, как предлагалось в популярной некогда радиопередаче, я был «директором» и занимал соответствующую должность, я бы после первого взрыва в Москве применил все имеющиеся силы для того, чтобы нанести массированные удары по базам чеченских боевиков. Где они находятся — известно, координаты и другие данные есть. Я бы привлек для этой операции стратегическую авиацию. Террористы должны ясно понимать, что после любого их выступления земля начнет гореть у них под ногами и возмездие будет неотвратимо.

Следующий шаг, который необходимо сделать, — включить на полную мощность работу всех видов разведки, а также всей системы спецслужб России для того, чтобы осуществлять поиск и уничтожение террористов. Следует также установить солидное денежное вознаграждение за оперативную информацию о месте нахождения и планах террористов и объявить об этом по всей России. Необходимо также введение экономических санкций против республик и территорий, где размещены базы боевиков. Что нужно сделать срочно — так это обрубить в Москве и других крупных городах все экономические и финансовые корни чеченских боевиков. Особенно финансовые. И, конечно, продолжать и развивать согласованные усилия России с другими странами по борьбе с международным терроризмом.

В заключение хочу сказать, что наводить порядок следует прежде всего у себя дома, во всех республиках, областях и краях Российской Федерации. Все пособники террористов, какие бы должности они ни занимали, должны знать, что ответят за свои деяния по самому жестокому счету — как предатели Родины. У меня все.

Статьи и заявления Бориса Всеволодовича Громова, сделанные накануне его вступления в борьбу за пост губернатора Московской области, определенно показывают зрелого человека, который имеет ясное представление о том, что и как нужно делать и куда идти. Его политическая концепция сформирована. Ему нечего бояться, потому что нечего скрывать. В его прошлом и настоящем нет грязи. Все сказанное Б. В. Громовым остается актуальным и сегодня. Террористическая война против России продолжается. И потому мы позволим себе нарушить хронологическое развитие событий в нашей книге.

23 октября 2002 года произошел захват более 700 заложников в Театральном центре на Дубровке. В ходе операции по их освобождению кроме 40 террористов погибли, по официальным данным, 129 заложников.

1 августа 2003 года в Моздоке террорист-смертник на грузовике КамАЗ, груженном взрывчаткой, въехал на территорию госпиталя. Под обломками главного корпуса погибли 50 человек.

6 февраля 2004 года в поезде московского метро на станции «Автозаводская» произошел взрыв: 40 человек погибли и более 100 получили ранения.

9 мая 2004 года — взрыв на стадионе города Грозного. Погибли 6 человек, в том числе президент Чеченской республики Ахмад Кадыров.

24 августа 2004 года в воздухе одновременно два пассажирских самолета — Ту-134 и Ту-154 — были взорваны террористками-смертницами. Погибли 89 человек.

31 августа 2004 года у станции метро «Рижская» был произведен взрыв смертницей-шахидкой. Погибли 11 человек, 50 получили ранения.

1 сентября 2004 года группа террористов захватила здание школы в городе Беслан (Северная Осетия). Погибло около 350 человек, более 100 пропали без вести.

Террористическая война продолжается. Что же нужно сделать, чтобы не проиграть эту войну?

Б. В. Громов:

— Многое из того, что я скажу, уже сказано, и давно. К сожалению, почти ничего из предложенного не сделано.

Первое — необходимо восстановить работоспособность контрразведки. Не зная планов террористов, невозможно говорить о полноценной борьбе с ними.

Слабость контрразведки — последствия необдуманных поспешных действий, предпринятых в начале правления Ельцина. Все охранительные структуры государства были разогнаны,

профессионалы ушли, тут же, естественно, рухнула отлаженная система агентуры, которая всегда завязана на конкретных людей. Это во многом сказалось на ситуации в Чечне, которая полностью перестала контролироваться. Контрразведка — глаза и уши государства. В результате возникшей ситуации государство оглохло и ослепло.

Даже в Афганистане с той, еще допотопной, техникой, которой тогда располагали войска, мы полностью контролировали зону своей ответственности и всегда пеленговали точки, откуда душманы вели передачи, знали, кто и о чем вещал, а при необходимости моментально уничтожали эти информационные вражеские гнезда. Кроме того, у каждого командира батальона и полка, не говоря уж о разведотделах дивизий, были свои собственные информаторы среди местного населения, благодаря которым мы были полностью в курсе того, что затевали наши противники. И это происходило на чужой земле, а тут собственная страна, тут Чечня, которая больше полутора столетий в составе России. Но, судя по тому, что происходит, у нынешней контрразведки нет надежных информаторов в среде чеченских бандформирований.

Конечно, содержание обширной агентурной сети — не только сложное, но дорогостоящее дело. Агенты, работающие в условиях постоянной смертельной опасности, требуют высокой оплаты. Но ведь благодаря информации, которую они приносят, можно спасти тысячи жизней.

Я говорю прежде всего об угрозе терроризма. Это угроза России как единому государству. Слова президента, что нам объявлена война, — не просто громкое политическое заявление, а сигнал боевой тревоги, сигнал об опасности, на которую нация обязана реагировать полной мобилизацией всех ресурсов.

Я знаю, что такое война, имею достаточно большой боевой опыт. Сейчас важно, чтобы пониманием великой опасности прониклись все, а не только военные. Речь вовсе не идет о нагнетании психоза, это может принести только вред. Нужно очень спокойно и очень внимательно заняться обеспечением безопасности. Никакой паники — обыкновенная рутинная работа, но исполняться она должна со всем возможным вниманием и ответственностью, характерными для военного времени.

Часть IV
ГУБЕРНАТОР

Природа произвела Россию только одну.

Она соперниц не имеет.

Добро делать спешить должно.

Будь чистосердечен с друзьями, умерен в нуждах и бескорыстен в поведении.

Люби истинную славу, отличай честолюбие от надменности и гордости, приучайся сызмальства прощать погрешности других и никогда не прощай их самому себе.

А. В. Суворов

Глава первая
УПРАВЛЯЕМАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Высокие человеческие качества всегда сочетаются с любовью к своей стране. А. В. Суворов говорил: «Доброе имя должно быть у каждого человека, лично я видел это доброе имя в славе своего Отечества. Мои успехи имели исключительной целью его благоденствие».

— Я убежден, что афганская служба Бориса Всеволодовича, — размышляет С. В. Громов, — это прежде всего борьба за жизни людей. Пять с лишним лет!

Примерно раз в месяц я от него получал письмо. За годы Афганской войны целая пачка накопилась.

Никогда не думал, что крупный военачальник может так страдать оттого, что погибают солдаты. Кажется, для генерала солдат — нечто отвлеченное, просто боевая единица. Ну, действительно, невозможно ведь каждого солдата знать в лицо, как своего знакомого. Значит, и страдать по этой отвлеченной боевой единице высокий воинский начальник просто не может. Оказывается, это представление неверное, и командиры там, в Афганистане, очень переживали, когда гибли солдаты…

Борис рассказывал мне, что многие операции, которые их заставляли проводить, они делали в иные сроки, по другим планам, потому что сначала просчитывали варианты и выбирали те, при которых воинские части могли понести наименьшие потери. Убежден, что его самая главная заслуга, когда он командовал 40-й армией, в том, что под его командованием ограниченный контингент понес наименьшие потери.

Люди, которые с ним выходили к государственной границе СССР, рассказывают, что по всему пути стояли вооруженные до зубов моджахеды и ни один не выстрелил.

Он предварительно с полевыми командирами договорился, что, если только хоть один солдат погибнет от вашей пули, место, откуда стреляли, превратится в пустыню. Так вот, даже враги настолько его уважали, что ни один не выстрелил, хотя уже много лет стреляли и убивали. Таким образом он сохранил жизнь людям.

А скольких удалось спасти из плена!

Руцкой… Он первый из «афганцев» на губернаторском посту. Самое тяжелое испытание все-таки властью, славой и сытостью… Руцкой такого испытания не выдержал. И очень многим это не

удалось. Сказано, если хочешь узнать человека, дай ему толику власти, тогда и откроется истинное его лицо.

Десять лет назад, на празднование пятидесятилетия Бориса приехали несколько командующих округами, с которыми он был давно знаком и вместе служил. Они вспоминали, как настойчиво предупреждали его в свое время, что он играет с огнем, самовольно изменяя сроки, масштабы, а порой и цели разработанных в центре армейских операций. Такое отношение к приказам из центра, может, мол, очень дорого обойтись. Борис отвечал, что эта опасность его меньше всего волнует. Он никогда не ставил во главу дела свою карьеру.

Больше всего на этом юбилее меня поразило, как жены офицеров старались выразить ему свою благодарность за то, что он спас жизнь их мужьям. Они написали стихи, подобрали мелодию и спели ему песню, в которой называли его генералом, охраняющим жизнь…

Тогда я и подумал, что это исключительно правильная и точно выраженная мысль. По призванию он *реаниматор* — то есть человек, поставивший себе цель — бороться за жизнь против смерти. Все встало на места.

Исходя из этого понимания я рассматриваю его судьбу и убеждаюсь, что борьба за сохранение жизни и ее нормальное развитие — были его целью.

Последнее по времени большое дело — это когда он решил стать губернатором Московской области — в том же ряду.

Запущенную и разоренную область нужно было спасать. Для многих миллионов людей, живущих здесь, необходимо наладить нормальную жизнь. Он все обдумал, решил, что может справиться с этой огромной работой, и вступил в борьбу.

Уже во время первого тура губернаторских выборов было заметно, как против Бориса Всеволодовича мобилизуется весь административный ресурс. Вплоть до того, что по предприятиям и муниципальным структурам было разослано указание — организовать голосование против Громова.

Высокое начальство поддерживало Тяжлова (зная все его пороки), на худой конец готовы были примириться даже с Селезневым, хотя он шел от коммунистов, только бы не прошел строптивый генерал, который этой власти успел насолить, как никто другой.

Однако все усилия оказались напрасными. Во второй тур вышли Селезнев и Громов.

Тут уж была проведена такая массированная атака, что даже у сочувствующих возникло ощущение — Громову не устоять, у него нет ни малейшего шанса, Селезнев победит с разгромным

преимуществом. Последнего даже заранее поздравляли.

— У меня есть дача в Подмосковье, — вспоминает Б. Н. Пастухов. — Мы живем там давно, и я знаю многих мужиков-умельцев из местных жителей. К ним не раз приходилось обращаться с просьбой помочь в тех или иных работах.

Приезжаю на дачу. Зима. Все занесено снегом, морозит. Надо посмотреть, как дела. Подхожу к дому. Смотрю, стоят трое. Я их хорошо знаю — сильно выпивающие, всегда небритые, всегда готовые подработать на бутылку. А тут глазам не могу поверить. Гладко выбритые, в белых рубахах, один даже в галстуке!

— Похоже, на свадьбу собрались, мужики? — У меня с ними вполне нормальные отношения уже много лет.

Они серьезно так, торжественными голосами, причем совершенно трезвыми, отвечают:

— Ты че, Николаич, забыл што ли?! Сегодня выбираем губернатора. Народ решил за генерала Громова постоять.

Мужики эти, я знаю, прописаны в Звенигороде. Это же надо! Подняться ни свет ни заря практически без опохмелки, побриться, надеть рубаху… Белую!!! И на перекладных добираться в Звенигород для того только, чтобы поставить галочку против фамилии Громова и опустить бюллетень в урну.

Этой картины никогда не забуду!

Стало абсолютно ясно, что Громов победит, несмотря на всю королевскую рать, что поднялась против него. Несмотря на весь мухлеж и грязные подсчеты, без которых у нас никакие выборы не обходятся.

Раз даже эти мужики, уже, кажется, ни во что и ни в кого не верившие, двинулись голосовать за Громова, то тут лучше не вставать поперек и поостеречься.

Вечером в день второго тура голосования я, вернувшись в Москву, заехал в штаб-квартиру Громова на улицу Алексея Толстого. Там — тишина, порядок, все при деле, как в хорошем армейском штабе. Борис Всеволодович спокоен. Видно, конечно, что внутри все кипит, но волнения не выдает. На войне как на войне.

Я рассказал ему о моих мужичках, что пошли за него в бой. Мы посмеялись.

Тогда, не боясь никакого сглаза, я решил, что он обречен на победу.

Громов выиграл!

Надо отдать должное твердой нравственной позиции Бориса Всеволодовича Громова. Ни в одном из своих выступлений он не

упомянул о том, чего наворотил на губернаторском посту его предшественник.

Б. В. Громов:

— В середине 1998 года, на чьем-то дне рождения, или празднике, сейчас уже и не вспомнить, разговор зашел о выборах, которые должны пройти в Подмосковье. Были все свои, и присутствовал человек, который очень хорошо знал положение в Московской области. Он говорил о тяжелой ситуации, которая там сложилась. В этом неожиданном обсуждении приняли участие все гости. Понятно, Подмосковье не дальняя земля, почти у всех москвичей здесь имеются весьма прочные связи. Ничего конкретного тогда не было предложено и сказано. Но разговор запомнился, засел в памяти. Я то и дело возвращался мыслями к Подмосковью.

В конце года, уже после дефолта, который еще больше обострил все проблемы, мы собрались той же компанией и снова затронули положение дел в Подмосковье. Тогда и завязался разговор о том, что мне следует принять участие в выборах. Похоже, что не только я, но и мои друзья за прошедшее время размышляли на эту тему.

— У тебя все для этого есть. Прежде всего — опыт. Не только военный и депутатский, но и управленческий.

Вспомнили, как пришлось работать в Киевском военном округе. Этот округ по своей величине, объемам строительства, промышленного и сельскохозяйственного производства вполне сопоставим с крупнейшими регионами страны.

Не стану скрывать. Было страшновато. Такая область! По всем показателям: населению, площади, объемам промышленности и сельского хозяйства, количеству научных и учебных учреждений — целая европейская страна. К тому же она неразрывно связана с громадным столичным мегаполисом, что добавляет ряд очень специфических проблем, не только хозяйственных.

Я прекрасно знал, какие люди рвутся ею порулить и какие силы тут схлестнулись. Столичная область — это большая политика. Представил, какая жесткая будет борьба, сколько партий, течений, амбиций, сколько денег будет в эти выборы брошено! К тому же тут, как говорится, уже все давно поделено и схвачено. И вдруг в эту, уже практически просчитанную, игру врывается инородное тело — никому тут не нужный генерал Громов! Не удивительно, что против чужака все сразу объединятся. Тут в два счета могут шею свернуть. Самый бесшабашный человек и тот задумается.

На прозвучавшее предложение я в тот раз не ответил. Но в

голове оно у меня засело крепко.

«Почему инородное тело, — думал я, — для кого? Для новых русских, которые хотят прибрать к рукам самую важную область России? Конечно. А для жителей Подмосковья? Для них я вовсе не инородное тело. Для них как раз все эти темные дельцы — инородные тела. Обещают златые горы, но все кончается халявной бутылкой водки на выборах».

Конечно, я инородное тело в системе управления, которую создал в России Борис Ельцин. Но этим можно только гордиться. Понятно, вся президентская рать встанет стеной, чтобы не допустить меня к управлению Подмосковьем. Они даже не будут пытаться договориться со мной, уже знают, что бесполезно. Пойдут на все тяжкие, чтобы не дать выиграть. Нынешняя российская власть тяжело больна и гниет как рыба с головы, но все равно это власть и до сих пор она беспощадно сметала с пути всех неугодных, мне ли об этом не знать. Вступать в прямую конфронтацию с ней и вправду опасно. И все же…

Я попросил своих товарищей достать мне необходимые материалы, чтобы хорошенько изучить нынешнее состояние дел в Подмосковье. И когда уже сознательно, как говорится, «въехал» в проблему, то понял — да, я хочу этим заниматься.

Тогда и объявил, что вступаю в борьбу за губернаторство в Подмосковье. Мы начали готовиться.

В том, что у меня есть хорошие шансы победить на этих выборах, я не сомневался. В том случае, конечно, если выборы будут хотя бы в какой-то степени честными. Но тут помогут люди, которые сразу заявили, что станут моими доверенными лицами и наблюдателями на избирательных участках. Таких людей оказалось много. Каких «свиней» мне будут подкидывать по ходу борьбы, никто, конечно, знать не мог. Следовательно, придется воспользоваться наполеоновским принципом — главное ввязаться в драку, а там уж как получится.

В драку мы ввязались.

Первые же поездки по области подтвердили убежденность в том, что у нас есть шанс выиграть эти выборы. Не пугало даже, что большинство глав районов и муниципальных образований, а их 73, формально, на словах, соблюдая нейтралитет, вынуждены были работать против нас.

Кстати, я никогда не упрекал потом руководителей районов в том, что они делали. Понимаю их положение. Более того, при любой встрече я говорил, что вся жизнь Подмосковья до сих пор держалась только на них. Это правда. И все же их противодействие доставляло много неприятностей.

На моих выступлениях почти никогда не было полных залов.

Нередко случалось, что встречи, о которых имелась твердая договоренность, срывались «по независящим» от администрации причинам. Почему-то отключался свет, «внезапно» прорывало трубы, и помещение клуба заливало водой. Нередко случались «странные» несогласованности, когда приезжаешь на плановую встречу, а ни одного человека нет. Оказывается, избирателей «почему-то» отправили в соседнюю деревню или на другое предприятие.

Александр Яковлевич Розенбаум, которого я по старой афганской дружбе называю Сашей, никогда в избирательных кампаниях не участвовал, считая, что артист должен быть вне политики. Но на выборах губернатора в Подмосковье он решил нарушить свой принцип и выступил в мою поддержку.

На первом концерте, кажется, это было в Одинцове, собралась половина зала. Разве может быть такое в нормальных условиях? У Розенбаума на любом концерте зал переполнен. Руководству района нужно было очень постараться, чтобы люди не пришли на выступление популярнейшего артиста.

Саша провел более десяти концертов совершенно бесплатно. Он только пел и лишь в заключение говорил о том, что дружит с Громовым и рад, что ему довелось встретиться со мной в Афганистане. Больше ничего. Он никогда напрямую не призывал голосовать за меня.

У Селезнева и, естественно, у Тяжлова залы всегда были полны. И мне постоянно об этом рассказывали различные «доброжелатели», мол, разве ты не видишь, что к тебе народ не идет. Чего ты бьешься, ведь все понятно.

Это, конечно, не было для нас неожиданностью. Еще на выборах в Госдуму я все эти приемы неплохо изучил. Важны были непосредственные встречи с людьми, которые все равно происходили в большом количестве, потому что мы ездили по области буквально днем и ночью, зачастую отсыпаясь в машине при переезде с одной встречи на другую. Спортивная подготовка, военная привычка к походной жизни, умение использовать любую возможность для отдыха очень мне помогли. Достаточно было полчаса поспать в машине, и я снова был в форме.

Мы понимали, что не можем рассчитывать только на запланированные собрания, и сами искали встреч с людьми. Собирали их во дворах, в подъездах даже. Не упускали ни одного случая для того, чтобы поговорить с ними. Как это рекомендуется во всех странах, где проводятся выборы, старались пожать как можно больше рук и перекинуться хотя бы парой слов. Убежден, что эти люди в подавляющем большинстве проголосовали за нас.

Убийственно тяжелый труд, но и очень полезный, надо

признать. За это время узнаешь о людях, их жизни, привычках, о их мечтах и планах, а также о жизни, мечтах и планах их местного начальства столько, сколько не узнаешь за всю оставшуюся жизнь. И если ты выигрываешь выборы, выигрываешь честно, проделав всю эту чудовищную работу, то территория, которой придется управлять, уже не будет представляться тебе в виде карты — это будут тысячи и тысячи знакомых человеческих лиц, которые смотрят на тебя с надеждой. Эту надежду, если ты порядочный человек, необходимо оправдать во что бы то ни стало.

Когда я был командующим Киевским военным округом, приходилось принимать очень много людей и не только военных, но и гражданских. От тех приемов у меня остались неплохие воспоминания. Как командующий округом я обладал серьезными возможностями и многие вопросы мог решить.

Особенно многолюдными и трудными были депутатские приемы, которые ежемесячно проводились в Саратове. Вот тут мне приходилось гораздо труднее. Главная беда состояла в том, что, как депутат Думы, я не обладал реальными материальными и финансовыми ресурсами и во многих случаях ничем не мог помочь. Это угнетало.

На губернаторских выборах люди говорили о том же самом. И я заранее прикидывал, что можно будет сделать, если мне удастся стать губернатором. На мой взгляд, сделать можно многое.

Как обычно, во время избирательной кампании мы никому ничего не обещали. Это мой принцип. Как можно обещать, если не знаешь точно, сможешь ли сделать?! Мы просто разговаривали с людьми на волнующие их темы, и они понимали, что мы одинаково думаем и говорим на одном языке. Люди видели, что я такой же, как они. У меня вызывает отвращение то же самое, что возмущает их. Как и они, я хочу, чтобы жизнь стала справедливой, чтобы страной управляли порядочные и честные люди. Они верили мне, и никакой черный пиар не мог заставить их согласиться с тем, что генерал Громов вор и хапуга. На меня за эти дни вылили столько помоев, что если бы люди хоть чему-то поверили, то мне ни за что не удалось бы победить.

Мы начали борьбу, имея, как всегда, единственный козырь — честное имя Громова. Денег у нас не было, не имелось никакого административного ресурса, по затратам на агитацию мы не могли равняться не то что с руководителем Государственной думы, но и с биатлонистом Тихоновым — все обочины МКАД были завешаны его огромными портретами. Все так. Но наш единственный козырь оказался сильнее.

Скажу больше. Перебор рекламных материалов к концу

кампании начал активно работать против своих хозяев. У людей помимо воли складывалось впечатление, что им навязывают безумно богатых, безумно расточительных людей, которые губернаторство в Подмосковье собираются прикупить к своему бизнесу, как покупали и раньше все, что им нравилось.

Не помогло и то, что по всем министерствам, воинским частям, городам и селам прошла команда — работать на Тяжлова, в крайнем случае на Селезнева. Это тоже следует отнести к тем случаям, о которых говорят: слишком хорошо — тоже не хорошо. Такая усиленная государственная поддержка, может быть, и создавала у моих соперников ощущение непобедимости, на самом деле работала против них.

Следует признать, что в любой стране найдется не так много людей, которые не возмутятся, когда их хватают за шиворот и тащат к урнам, бесцеремонно показывая, против какой фамилии нужно ставить галочку. Тут нередко достигается обратный эффект. Очутившись в кабинке для голосования, избиратель назло ставит галочку против другой фамилии.

Фига в кармане. Конечно! И таких «неожиданностей» в итоге оказывается так много, что власть в ответ на свои наглые требования получает уже громадную полновесную фигу.

В этой ситуации нашим, неимоверно расплодившимся политтехнологам приходится с великой досадой признать, что манипулирование электоратом возможно лишь до определенных пределов, а «управляемая демократия» порой дает серьезные сбои. Неприятное открытие!

Но это как раз и есть то единственное, что оправдывает существование демократии.

Б. В. Громов:

— Мы, конечно, внимательно следили за ходом борьбы, проводили свой мониторинг. У нас в каждом районе и городе были штабы и группы поддержки. Работали там совершенно бесплатно и бескорыстно симпатизирующие мне люди. Работали не за страх, а за совесть, честно, четко и очень эффективно. Вклад этих людей в победу исключительно велик. Думаю, что ни у одного из моих конкурентов не набралось бы и десятка таких помощников, хотя в их штабах все получали вознаграждение, и немалое.

Избирательная кампания в Московской области показала (это, может быть, и есть самое важное!), что нашествию нуворишей, ставших миллионерами на разворовывании государственной собственности, распоясавшемуся криминалу и

всевластию продажных чиновников может быть положен конец.

Произошел как раз тот случай, когда, казалось бы, всемогущие новые русские капиталисты с изумлением обнаружили, что кроме денег в России работают и другие ценности, причем такие, которые они высокомерно презирали — порядочность и честное имя.

С самого начала выборной борьбы по всем средствам массовой информации шли сообщения, что с большим отрывом лидируют Селезнев и Тяжлов.

Мы этому не верили, потому что получали от своих представителей иную информацию. Знали, что хотя и с небольшим перевесом, но впереди идем все-таки мы. Поэтому не стали впадать в панику и кидаться с опровержениями в газеты и на телевидение. Такая суета только показала бы нашу неуверенность.

Мы верили в успех и не отвечали на провокации. Это была правильная позиция.

Однако случались и неприятные сюрпризы.

В самом начале избирательной кампании Громов встретился с Лужковым и сообщил, что будет бороться за губернаторство в Подмосковье. С Юрием Михайловичем Громов был давно и неплохо знаком. Лужков без колебаний сказал, что поддержит его, и не только из личной симпатии, но и потому, что Москва кровно заинтересована, чтобы область стала развитым и сильным регионом.

Кто мог подумать, как все повернется, когда поддержка будет нужнее всего.

Это случилось в очень символический момент, когда Лужковым была создана партия «Отечество» и Громов был приглашен войти в ее политсовет.

Собрание политсовета проходило торжественно в Колонном зале. Шло обсуждение предстоящих выборных кампаний. Решалось, где партия «Отечество» выставит своих кандидатов и кого будет поддерживать на предстоящих выборах. Борис Всеволодович был в полной уверенности, что, когда речь зайдет о выборах в Московской области, Лужков скажет, что «Отечество» поддержит члена своего политсовета Б. В. Громова.

Вот заговорили о Подмосковье, и вдруг Лужков, сидевший рядом с Громовым, произнес:

— А вот тут нам следует хорошенько подумать.

Это был гром среди ясного неба!

Несмотря на то, что Громов уже несколько лет занимался политикой и повидал немало, к подобному повороту он оказался

не готов. Ему показалось, что он ослышался.

— Нам стало известно, — продолжал Лужков, — что рейтинг Громова самый низкий среди всех кандидатов.

Сказано не где-то в коридоре. На политсовете! Публично! Это следовало понимать как официальное заявление руководства партии!

— Вы еще вчера обещали поддерживать меня, — сказал Громов на всякий случай.

— Положение изменилось. Ваша избирательная кампания ведется из рук вон плохо. Партия не может поддерживать кандидата, у которого нет реальных шансов.

На другой день выяснилось, что по всем федеральным структурам распространено жесткое указание — Громова не поддерживать. Все стало ясно.

В первом туре Лужков поддержал Тяжлова, который тут же стал руководителем партии «Отечество» в Московской области.

Б. В. Громов:

— В воскресенье прошел первый тур выборов, в понедельник стало известно, что я набрал больше всех и теперь, во втором туре, мне предстоит бороться с Селезневым.

Позвонили из приемной Лужкова и сообщили, что Юрий Михайлович поздравляет с выходом в финальный тур.

Дней за пять до второго тура мы с Лужковым случайно встретились, и он примирительно сказал: «Надо было тебя поддержать, тогда, пожалуй, не было бы второго тура».

Верное замечание. Мне действительно до пятидесяти процентов в первом туре совсем немного не хватило.

Селезнева, своего главного соперника, я знал мало, хотя почти ежедневно видел его в президиуме Думы. При мне его выбирали спикером, и я за него голосовал. Смотрел на него с симпатией, как на бывшего редактора «Комсомольской правды», газеты, которая мне всегда нравилась. Мы здоровались, когда встречались в коридорах Думы, вот и все.

В это же время я несколько раз встретился с Зюгановым. Первая встреча с ним была, когда я работал в МВД, он пришел ко мне с просьбой подписать обращение «Слово к народу». Вторая — в Саратове во время выборов в Госдуму. Главным моим соперником тогда был коммунист. Говорили о том, что не следует сталкивать лбами меня с КПРФ.

— Ваш не победит, — сказал я Зюганову. — Давайте лучше сотрудничать.

— Ну, это мы посмотрим, — не согласился Зюганов и начал проводить митинги в пользу своего кандидата. Что же, это его

право.

Вновь мы столкнулись на выборах губернатора Подмосковья. Теперь я сам напросился к нему на встречу. Зюганов меня принял в своем кабинете руководителя крупнейшей думской фракции. Припомнили прежние разговоры, и я сказал:

— Геннадий Андреевич, мы опять сталкиваемся. Давайте лучше договоримся и разойдемся по-мирному.

— Нет, Борис Всеволодович, мы уже приняли решение. От нас идет Селезнев, и он будет избран губернатором.

Последние сутки выборного марафона запомнились на всю жизнь. Всю бесконечную ночь мы, не отрываясь, следили за тем, как меняется ситуация. Ведь какая огромная была проведена работа! За время предвыборной кампании объездили всю область. Причем оказалось много таких мест, где люди при встречах говорили, что до нас в их краях еще никто из начальства с царских времен не появлялся.

К последнему туру выборов мы знали положение во всей области предельно четко и не сомневались в победе, хотя и без большого перевеса.

До середины дня по всем средствам массовой информации единодушно сообщали, что побеждает Селезнев, хотя по нашим данным мы шли, как говорится, грудь в грудь. Напряжение нарастало. Действительно, был момент, когда я даже проигрывал Селезневу. Постепенно положение менялось в нашу пользу.

Утром стало ясно, что хоть два процента, но мы выиграем. Действительно, разрыв в итоге составил всего два с небольшим процента. Это были очень трудные выборы.

Мы, как и раньше, не нанимали никаких пиар-компаний, хотя предложений была масса. Причем все, предлагавшие свои услуги, рассказывали о том, как они выигрывали безнадежные избирательные кампании для полных дураков-кандидатов, и пугали нас тем, что будут помогать нашим соперникам.

На втором этапе некоторые представители центральной прессы стали выступать в нашу поддержку. Газета «Московский комсомолец» приняла такое решение и сообщила мне об этом. Перед вторым туром канал «ТВЦ», по команде Лужкова, сделал пару поддерживающих нас передач.

«Комсомолка», понятно, поддержала своего бывшего главного редактора. Но мы больше всего рассчитывали не на прессу и телевидение, а на наших избирателей, с которыми мы успели встретиться и поговорить. В этих людях я не сомневался.

В избирательной кампании участвовало множество людей, в том числе известные артисты, писатели, музыканты. Я искренне всем благодарен.

Громов в своей жизни не проиграл ни одной битвы. Он был уверен в себе и даже не думал о каком-либо ином будущем, кроме работы на посту губернатора. И, как только он вступил в борьбу, никаких запасных вариантов уже не рассматривалось.

Глава вторая
ГДЕ ДЕНЬГИ?

Генерал стал губернатором!

Большая победа! Может быть, самая значительная из тех, что были одержаны им в жизни. Но теперь предстояло доказать, что люди проголосовали за него не напрасно. В современной истории России было, к сожалению, слишком много случаев, когда народные избранники, приходившие к власти на волне всеобщего энтузиазма, не приносили даже малого улучшения, наоборот, жизнь миллионов людей становилась только более неустроенной и нестабильной.

С чего начинать?

В начале всякого большого дела человек чувствует себя неуютно.

В просторном губернаторском кабинете бывшего комплекса зданий ЦК КПСС на Старой площади Борис Громов собрал своих людей и поздравил их и себя с победой.

Как-то даже немного странно все выглядело. Небольшая группа под огромной, в полстены, картой Подмосковья. Они должны управлять огромной областью, где живут многие миллионы людей. Работают хорошо или плохо десятки тысяч предприятий, сельскохозяйственных компаний и фермерских хозяйств, учебных, научных, исследовательских учреждений, воинских частей и бог знает что еще… Всем этим они должны управлять, хотя никто, кроме Громова, до этого ничего подобного не делал и даже не представлял себе, что когда-нибудь станет этим заниматься.

Но, что там ни думай, а начинать нужно.

Б. В. Громов:

— Ничего похожего на аппарат губернатора и областное правительство тогда не существовало. Да и не могло существовать. Есть такое поверье: если заранее наберешь людей в аппарат и правительство, работать им не придется.

Сначала надо победить, потом только формировать аппарат.

Но вот пришла пора начинать работу. Как и с чего?

Проблем — море. Долгов — море. Про многое мы знали, но, конечно, не про всё. Самое неприятное нам еще предстояло узнать.

Тут же обрушилась лавина звонков о том, что там лопнуло, там прорвало, там обрушилось, тепла нет, электричества, воды

нет. Ко всему этому прибавился прессинг со стороны ГУТА-банка. Эта проблема поначалу оказалась самой опасной и неотложной.

В конце февраля пришлось встречаться с банкирами.

Они пришли, уселись по-хозяйски и сразу жестко заявили, что область должна им столько-то (сумма несусветная!) и все кредиты давно просрочены. Чтобы они не начали область банкротить, правительство и вы лично, как губернатор, должны выполнить следующие наши требования.

Все это неприятно напоминало эпизоды из фильмов, где показывают капитуляцию Германии. У банкиров, кстати, был уже заранее подготовлен договор о полной и безоговорочной капитуляции, в которой все репарации и контрибуции, как положено, расписаны по пунктам. Из этой бумаги следовало, что в случае мирного соглашения ГУТА-банк будет полностью контролировать финансовую деятельность области. Только в этих условиях губернатор и правительство получали шанс остаться у банка на содержании.

В то время Громов еще слабо представлял себе, что реально стоит за ультиматумом ГУТА-банка. Финансисты будущей администрации только готовили отчеты. Вся эта история удивительно напоминала военную операцию, в которой каждая сторона, прежде чем начать решительные действия, пытается ввести в заблуждение и запугать противника. Это было очень похоже на изощренную тактику монгольских полководцев, сажавших на запасных лошадей соломенных всадников. Старый этот прием действовал безотказно почти всегда, да ведь и сам Громов им пользовался, и не без успеха… Но для Суворова, например, численное превосходство противника, даже реальное и многократное, никогда не было поводом для отступления. Наоборот, он во всех случаях предпочитал атаку.

Визит банкиров и их жесткие заявления носили характер вовсе не финансовый, а психологический. Губернатора явно пытались запугать и посадить на короткий поводок. Но даже если бы все, что говорилось о долгах, оказалось правдой, Громов все равно не мог позволить, чтобы областью из-за его спины руководил какой-то ГУТА-банк.

Больше подобных наглых наездов ни со стороны ГУТА-банка, ни с чьей-либо другой не предпринималось. Конфликтов, конечно, и после этого случалось немало, но решались они в основном цивилизованно. Своим поставленным командирским голосом Борису Всеволодовичу пользоваться больше не пришлось. О чем он совсем не жалел.

Б. В. Громов:

— С ГУТА-банком наши финансисты разбирались потом довольно долго. Кончилось тем, что прежнее руководство не только отказалось от своих требований, но и предусмотрительно сбежало из страны. Им пришлось сделать это после того, как мы начали выяснять реальное происхождение их миллиардов. Думаю, что всем нормальным гражданам России ясно, что законным путем за пару-тройку лет такие бешеные капиталы сколотить невозможно. Ну а то, что у скороспелых олигархов нередко голова начинает кружиться от своего иллюзорного могущества, хорошо известно. Подобное «головокружение от успехов» уже вынесло многих из них за пределы ограбленной родины. И если те, кто еще остается с нами, этого не поняли, то дорожка для них хорошо протоптана.

С новым руководством ГУТА-банка мы вполне мирно во всем разобрались и сейчас нормально сотрудничаем.

Так что деньгами пришлось заниматься с первых же дней. Не наведя порядка в финансах, нельзя начинать нормальной работы.

Первый, по сути, вопрос, который я как губернатор задал своим сотрудникам, звучал просто: «Где деньги?»

Чтобы ответить на этот вопрос, многим специалистам пришлось упорно потрудиться и многое раскопать.

Область огромная, промышленность сильная и разнообразная. Сельское хозяйство, конечно, убыточное, но не настолько, чтобы все доходы проглотить. Не надо быть финансовым гением, чтобы понять, деньги не могут исчезнуть просто так, бесследно.

Выяснилось, что по налогам область собирала в последние годы в среднем по 5 миллионов рублей в день. Всего! Это даже не слезы, а какая-то насмешка. Поняли мы и то, что прежних начальников такое положение устраивало. Бюджет области составлял 19 миллиардов рублей, а долгов!..

То есть живых денег в бюджете не оказалось. Зато были трех-четырехмесячные задержки по зарплатам, детским пособиям, пенсиям и долги, долги… Со всех сторон только и слышалось — дай деньги, дай деньги!

Мы подумали и решили, что начать нужно с собираемости налогов, это вопрос технический. Тут в первую очередь следовало разобраться с базой. Кто должен платить и сколько? Первые четыре месяца мы практически только этим и занимались, и вот результат — в день стало поступать более 50 миллионов рублей!

Было 5, стало 50! Ну как не работать дальше!

Тогда я поверил, что можно поправить положение. Мое главное и весьма простое экономическое убеждение состоит в

том, что любое дело можно поправить, если не давать разворовывать казну. Понятно, что реализовать это убеждение можно только в том случае, если самому не воровать. Вот первый и решающий принцип. Если этого нет — экономика становится наукой очень далекой от жизни.

Ничего незаконного не делалось, наоборот, мы восстановили действие законов и добились того, что многие стали платить налоги как надо.

Поначалу, конечно, наши подшефные буквально взвыли. Раньше-то платили десятую часть того, что положено. Но довольно скоро успокоились. Выяснилось, что если жить по закону, то в целом платить приходится не больше, чем раньше.

Да, они отдавали в казну десятую часть положенного. Но для того, чтобы платить так мало, приходилось «отстегивать», как говорится, еще очень и очень многим, и, в целом, эти теневые поборы оказывались больше нормальных налогов. К тому же руководители постоянно висели на крючке, так как любая проверка могла превратить их из преуспевающих начальников в подсудимых. Кому это нужно?

Заплати налоги и спи спокойно — действительно правильный лозунг, в том случае, конечно, если имеешь дело с порядочными чиновниками, а не ворами.

— Область фактически была банкротом, — говорит Алексей Борисович Пантелеев, вице-губернатор Московской области. — Бюджет составлял около 19 миллиардов рублей при дефиците 45 процентов. При долгах… Только ГУТА-банку область задолжала более 30 миллионов долларов (не рублей!), и кроме этого главного долга были просроченные кредиты еще шести банкам и естественным монополиям. Совокупный долг в несколько раз превышал годовой бюджет. К тому же оставалась заблокированной система управления, это было сделано в тот промежуточный период, когда мы еще не пришли к власти. Прежние руководители не упустили возможности организовать для нас максимальные трудности.

Областная дума поначалу оказалась совершенно нелояльной, и мы не могли провести через нее необходимые решения.

Громов стал губернатором против воли Кремля, а этот фактор во многом определяющий, особенно в начальном периоде, когда и так-то все нарушено и неуправляемо.

Возникло ощущение вакуума и отсутствия реальных рычагов управления.

Правительство начало как-то функционировать только к концу мая. Пришлось полностью менять схему управленческой деятельности. С нуля формировать новые структуры. Был создан

аппарат правительства, нечто подобное штабу, выражаясь по-военному.

Полностью отсутствовало управление территориальными образованиями. Не существовало органа, который бы отвечал за связь с ними. Думаю, всем понятно, что выстроить такую структуру можно, только если в каждом территориальном образовании работают доверенные представители администрации и объективно информируют правительство обо всем происходящем. Со временем были созданы Комитет по территориальным образованиям и еще ряд административных инструментов.

Для того чтобы управлять, необходимо ясно видеть объективную картину. Должны эффективно работать разведка, которая снабдит штаб достоверной информацией, аналитики, которые все обобщат и осмыслят. Только после этого штаб под руководством губернатора может разрабатывать стратегию.

К сожалению, во многих случаях существовавшая ранее информация была утеряна или заведомо искажена, и тут все приходилось начинать с нуля. Вот почему создание системы управления заняло достаточно большой промежуток времени.

Но прежде всего было необходимо восстановить отношения с федеральным центром. Постепенно такое взаимодействие наладилось. Это, конечно, заслуга Громова.

Борис Всеволодович установил нормальные рабочие отношения с Владимиром Владимировичем Путиным (который только недавно пришел к власти) и его администрацией. В результате президент лично вручил Борису Всеволодовичу Громову удостоверение губернатора. После этого стало гораздо проще работать с федеральными структурами, которые ждали реакции президента.

— Мы действительно оказались в почти безвыходной ситуации, — поясняет А. Б. Пантелеев, — хотя было совершенно ясно, что с этими долгами дело нечисто. Чтобы выжить, мы должны были доказать, что это именно так.

С ГУТА-банком пришлось разбираться силовым методом. Налоговой службой было едва ли не штурмом взято здание, где располагался их центральный офис, и осуществлена выемка документов. Разгорелся грандиозный скандал, но мало кто знал, что пойти на столь крутые меры пришлось после того, как руководство банка отказалось объяснить нам, каким образом образовался этот чудовищный долг, и предоставить документы, которые мы могли бы изучить.

Интересная история произошла и с областным бюджетом. На 2000 год его просто не существовало. Областная дума не приняла. Пришлось работать, ориентируясь на старый.

Новый бюджет сумели подготовить и принять только в июне. Драка была страшная. Все заинтересованные лица и организации бились до тех пор, пока не поняли, что никакое лоббирование и никакие угрозы на губернатора и правительство не действуют.

После этого стало если не легче, то понятнее. Бюджет — план всей жизни области — уже существовал, и губернатор знал, куда и в каком темпе двигаться.

Для программы развития области определили три основных направления. На первом месте промышленность, как основная формирующая сила областного бюджета, далее торговля и предпринимательство, причем с упором на малый бизнес. И над всем этим инвестиции. Собственные и зарубежные.

Параллельно продолжался подбор людей в правительство.

Прежняя команда после выборов, как и положено, ушла в отставку. На своих должностях осталось не больше трех человек.

Так новая команда подмосковного губернатора начала работать.

Б. В. Громов:

— Какое дело оказалось для нас самым трудным и долгим? Только через три года мы могли сказать с уверенностью, что понимаем, в каком состоянии находится область. Почти все понимаем. Только после этого мы стали реально контролировать процессы, происходящие в ней.

Первым делом научились управлять промышленностью. Даже несмотря на то, что промышленность в области на 80 процентов негосударственная. Для всех этих ЗАО и ОАО начали создавать благоприятные условия, выделять гранты. Постепенно формировались постоянные правила игры — областные законы.

Никто даже предположить не мог, какой мощный стимул для развития дадут эти усилия!

Промышленность круто пошла в гору. Теперь у нас объем промышленной продукции выше, чем в любом другом регионе.

Торговля начала расти, хотя тут больше всего темных мест и нарушений.

Начал развиваться бизнес и, главное, малый, который дает наибольшее количество рабочих мест.

Что такое рабочие места? Ответ одновременно прост и сложен. Надеюсь, что читатели простят мне некоторое уклонение в область экономической науки. Но это не просто теория, которая, конечно, тоже важна, это экономическое понимание,

которое составляет суть развития.

Определимся, что такое современное рабочее место, в какой мере оно может влиять на экономическую и социальную обстановку.

Современное рабочее место прежде всего наполняет рынок качественной продукцией. Кроме того, работник, занимающий это место, получает приличную зарплату и обеспечивает нормальную жизнь своей семье. До 30 процентов дохода, который приносит современное рабочее место, идет в социальную сферу — детские сады, школы, больницы, в здравоохранение, образование и культуру, на поддержку инвалидов и престарелых.

Одним словом, новые рабочие места — это главное богатство и ресурс роста. Недаром во многих развитых странах эмигрант, создавший несколько новых рабочих мест, вне всякой очереди получает гражданство.

Однако полноценно действовать новые рабочие места могут только в том случае, если создаются в перспективных направлениях, там, где они необходимы обществу. То есть должна существовать продуманная и грамотная программа их создания.

И все же сейчас стало понятно, что в этой сфере главное даже не помогать, а прежде всего не мешать. Дайте работать и не создавайте лишних трудностей. Я говорю в первую очередь о малом бизнесе. Большой и средний приносят меньше хлопот, там все лучше организовано и отработано. Меня волнует малый бизнес. Именно он дает возможность огромному количеству людей проявить свои инициативу и способности.

В последний год, наконец, я вижу те перемены, которых так давно ждал. Теперь в малом бизнесе правят бал не воры и бандиты, а настоящие хозяева и мастера. Сюда очень активно в последние годы двинулась молодежь. Приход нового поколения, по большей части честных людей, во многом изменил сам образ этого вида деятельности. В прошлом году предприятия малого бизнеса дали около 25 процентов поступлений в бюджет. Раньше никогда не поднимались выше 12. Это успех. Но задача — добиться 35–40 процентов. Могу с уверенностью сказать, что это произойдет довольно скоро.

Малый бизнес — это, по моему пониманию, именно то, чего не хватало в Советском Союзе. Уверен, что главная стратегическая ошибка советской власти, которая в конечном счете привела великую страну к крушению — это разгром новой экономической политики. Рассуждать на эту тему можно много, скажу только, что отказ от нэпа убил личную инициативу миллионов энергичных и деловых людей, исключил из созидательного процесса личный интерес отдельного человека.

Социалистическая экономика стала безликой и неинтересной людям.

Частные лавочки, парикмахерские, пекарни, рестораны, кафе, бани — очень многие люди не только умеют, но и любят заниматься этим. И чем лучше у мелких предпринимателей идут дела, тем больше возникает новых рабочих мест, тем устойчивее и спокойнее общественная и социальная обстановка.

С крупной промышленностью и особенно оборонным комплексом все оказалось настолько запутано, словно кто-то специально этим занимался. Очень трудно было разобраться, что на самом деле существует и кто на кого работает. Поэтому мы создали в соответствующем министерстве управление оборонной промышленности. До этого не было даже человека, который бы занимался этим направлением всерьез, а ведь сюда входят важнейшие отрасли: космос, авиация, производство вооружений и много чего еще.

Мы стали собирать директоров ВПК и вместе с ними разбираться. Они восприняли это очень хорошо. Как ни странно, до этого ни на областном, ни на федеральном уровнях они абсолютно никому не были нужны. Директора к нам просто ринулись. Мы всех их послушали и определились, как работать дальше.

Эти встречи принесли огромную пользу. Мы начали помогать не просто для галочки, а именно так, как нужно. Теперь владельцы и руководители предприятий и многочисленные акционеры могли с уверенностью думать о будущем и вкладывать в него деньги. Появилась уверенность, что безобразная, а по сути, преступная ситуация, когда власти (федеральной и областной) до них не было никакого дела, больше не повторится.

Точно такие же встречи прошли с учителями, медиками, коммунальщиками.

Надо сказать, что все они, как нечто совершенно новое, отметили то, что я встречался с ними не до, а после выборов. Выяснилось, что раньше такие встречи устраивали только для того, чтобы убедить голосовать за себя, а после выборов люди уже никому не были нужны.

Все эти собрания мы проводили не в Москве, а в различных городах области. Это тоже один из важных моментов нашей политики. В области не должно быть глухих окраин и медвежьих углов. Теперь в самых разных городах и районах периодически проходят крупные областные встречи и совещания.

Предприятия стали подниматься на ноги.

Вот пример. У знаменитой космической корпорации «Энергия», что в городе Королеве, были большие долги перед

областью, как, кстати, и у других предприятий ВПК. Никто из них много лет не платил налоги. Мы встретились с Семеновым, подписали соглашение о реструктуризации долгов. «Что можете заплатить сейчас, платите, — сказал я им. Я уже к тому времени все о них знал. — У вас есть такая возможность. Со всем остальным будем разбираться постепенно».

Шаг за шагом мы создавали схемы, которые были взаимовыгодны. Все можно сделать и обо всем договориться, были бы интерес, желание наладить нормальную жизнь. Раньше это просто никому не было нужно.

Конечно, у нас имелись свои рычаги, и мы ими пользовались. Давали месяц, чтобы всё привести в порядок. Когда они понимали, что в одиночку не справятся, прибегали к нам и мы с ними разбирались вместе.

Раньше или позже директора начинали понимать, что мы не хотим с них что-то сорвать, а действительно стараемся помочь. Они становились нашими друзьями и нашей опорой. Мы не жалели времени на такие разборки и постепенно пришли к тому, к чему стремились. Директора поняли, что нам нужно от них, сказали, что им нужно от нас. В итоге мы начали сотрудничать.

Как известно, в Московской области нет крупных месторождений нефти, газа или золота. Для того чтобы развиваться, нам необходимо много и эффективно работать.

Основу экономики Подмосковья составляет научно-промышленный комплекс. Он дает свыше двух третей налоговых поступлений. В него входят тысяча крупных и средних промышленных предприятий и 200 академических и отраслевых институтов. Продукция комплекса носит инновационный характер, эта продукция — результат практического применения научных идей и разработок.

В последние, очень нелегкие годы нам удалось сохранить не только высокий научный потенциал области, но и добиться определенных результатов в развитии научно-промышленного комплекса.

Выделяя деньги из областного бюджета, мы поддерживаем инновационные разработки и фундаментальную науку. По объему инвестиций в науку Московская область занимает первое место в стране.

Кроме того, областной бюджет ежегодно распределяет гранты на поддержку научной и научно-технической и инновационной деятельности. Это более 40 миллионов рублей. Деньги направляются на социально значимые, перспективные проекты — разработку новых поколений лекарственных препаратов, медицинской техники, энергосберегающих, информационных

технологий.

Да, у нас, как уже сказано, нет дармовых природных богатств и ресурсов, за счет которых можно было бы безбедно существовать. Зато у нас есть четыре знаменитых наукограда (во всей России их семь!) — города: Королев, Дубна, Реутов и Фрязино. Развитие этих городов мы сделали стратегическим направлением для подъема и развития региона.

Президент поставил задачу удвоения валового внутреннего продукта страны к 2010 году. Но так как среди российских регионов существуют не только доноры, но и те, кому необходимо помогать, ведущим областям придется увеличить этот показатель в два, в три и более раз. Пример Дубны показывает, что решить такую задачу возможно. Динамика развития этого наукограда подтверждает, что к 2010 году ВВП здесь будет увеличен в четыре раза.

Не случайно статуса наукограда сегодня добиваются еще семь муниципальных образований Московской области, и мы их в этом стремлении поддерживаем.

Получить такой статус непросто, и зависит это, к сожалению, не только от нас. Например, Троицк уже более трех лет согласовывает свой проект в различных министерствах. Надеюсь, что изменения, внесенные в федеральное законодательство, помогут сократить эту марафонскую дистанцию и в ближайшее время наукоградами станут вместе с Троицком Жуковский, Пущино, Черноголовка и другие соискатели почетного звания.

Создание городов науки — тенденция в мире не новая и давно себя оправдавшая. Вспомним японские технополисы, Силиконовую долину в США, Центр ядерных исследований ЦЕРН в Европе. Но, как показало время, просто скопировать опыт их создания невозможно. Однако, опираясь на международные достижения, необходимо искать собственные пути развития. Даже на территории одного региона, Московской области, идет формирование различных моделей наукоградов, и это разнообразие, на мой взгляд, очень перспективно.

В целом же создание наукоградов — один из сегментов развития инновационной политики Московской области. Основная же цель — создание полноценной инновационной экономики.

Фактически речь идет о том, чтобы в одном отдельно взятом регионе были отработаны механизмы создания национальной инновационной системы, отлажены механизмы перехода региона и страны в целом на современный путь развития. Россия должна экспортировать не свою кровь — нефть, газ и другие сырьевые ресурсы, а наукоемкую продукцию и наукоемкие услуги.

Для этого в Дубне формируется Российский центр программирования, который объединит несколько тысяч разработчиков программных продуктов, по сути, будет создан новый городок, специализирующийся на разработке IT-технологий. В этом центре будут жить около 30 тысяч человек, а объем реализуемой ими программной продукции составит около 500 миллионов долларов в год.

В Пущине создается Международный инновационно-технологический центр биотехнологий со своей промышленной зоной. Тут планируется выпускать интерферон, инженерный инсулин, эритропоэтин и другие перспективные биологические препараты. Мировой рынок этого класса продуктов превышает 50 миллиардов долларов в год.

Подобные разработки ведутся в Королеве, Реутове, Фрязине, Серпухове и других городах.

Предполагается, что отработанные нами удачные модели будут тиражироваться в другие регионы.

Ежегодно мы проводим цикл научно-практических конференций, в которых принимают участие ученые из различных уголков России и из-за рубежа. Это встречи под общим названием «Интеллектуальный мост “Россия-Запад”». Так начинают формироваться контуры международной научно-технической кооперации.

Завершая рассказ о наукоградах и формировании инновационной экономики, скажу о том, что мы ждем подарка от ученых Дубны. Работы по обнаружению 118-го элемента таблицы Менделеева, который они собираются назвать «московием», идут успешно. Понятно, что такого рода научные открытия невозможно спланировать, но можно планомерно к ним приближаться. В Дубне трудятся представители науки из семнадцати стран, ведущих поиск новых элементов. 114-й элемент, открытый здесь, носит название «дубний». Появится ли в периодической системе 118-й элемент под названием «московий» — покажет не очень отдаленное будущее.

Понятно, что инновационная экономика требует значительных инвестиций, и мы надеемся, что вместе с нами вложением средств в наукоемкие технологии займутся федеральные структуры, а также иностранные компании и фирмы.

Может, это кому-то покажется непатриотичным, но мне все равно, кому принадлежит то или иное предприятие. Мне действительно все равно. Самое главное, чтобы это была нормальная честная фирма, которая бы развивала свое предприятие, платила хорошую зарплату людям и нормально

перечисляла налоги в бюджеты всех уровней — России, области, муниципального образования.

Пришлось разбираться с теми, кто хотел что-то строить в области, их было не так много вначале. О каждой фирме мы собирали информацию.

В мае 2000 года была организована большая встреча с иностранными предпринимателями и посольствами. В своем вступительном слове я рассказал, что такое Московская область, как мы видим возможное сотрудничество. Кстати, для многих иностранцев это стало неким откровением. Они знали, что есть Москва, а что такое столичная область, не представляли.

Очень полезная получилась встреча. Вскоре с их стороны началось осторожное прощупывание и стали предприниматься попытки завязать деловые отношения. Начали поступать заявки о том, что иностранные фирмы хотят что-то построить, развернуть в области какое-то производство.

В том же 2000 году по приглашению деловых кругов я приехал во Францию и Германию. В Париже встречался с руководством фирмы «Ашан» — четвертая в мире по торговым оборотам. Подписали с ними соглашение о сотрудничестве, которое считаем исключительно выгодным. Торговля сейчас приносит 35 процентов доходов в бюджет. Подписали соглашение с фирмой «Мишлен» — это признанный лидер в производстве шин для автомобилей. Сейчас они завершили строительство своего огромного завода в Павловском Посаде.

Так постепенно складывалось взаимовыгодное сотрудничество. В сферах международного бизнеса распространились слухи, что с Московской областью выгодно иметь дело, теперь у нас большое количество заявок.

С представителями иностранных компаний мы регулярно встречаемся и сейчас. При них, чтобы не было никаких двусмысленных толкований, я говорю министрам, что каждый принятый проект сопровождается правительством области. Иностранные предприниматели прекрасно понимают, какое это благо. Сразу отпадают все проблемы с выделением земли, бандитскими наездами, бесчисленными согласованиями и всеми прочими российскими прелестями, от которых не только иностранцы, но и наши ко всему привычные бизнесмены горько плачут.

Если в наследство от прежнего правительства в 2000 году команда Громова получила примерно 200–210 миллионов долларов иностранных инвестиций, то через три года цифра составила уже миллиард двести миллионов долларов. Желающих много. Иностранцы уже поняли, что такое Московская область, и

сотрудничество приобрело настоящую стабильность.

Глава третья
ИНВЕСТИЦИИ

Любой человек очень сильно бы задумался, прежде чем принять такую область. Громов не испугался, и это делает ему честь. Но еще большую честь ему делает то, что буквально за два года он вытащил Подмосковье из пропасти (пятьдесят седьмое место из восьмидесяти девяти российских регионов) в лидеры. Ликвидировал миллиардные долги. Дал стимул деятелям науки, поднял зарплаты бюджетникам и прежде всего учителям, врачам и пенсионерам.

Такое губернаторство нужно считать не меньшим достижением, чем его блестящую военную карьеру.

— Этот человек из породы победителей, — говорит В. И. Варенников. — Когда он выставил свою кандидатуру в Московской области, многие очень удивились. Ведь в борьбе за губернаторское кресло участвовали известные и сильные политики.

Никто, кроме друзей и простых людей, верящих в Громова, ему не помогал. Удивительное дело! Даже я, при всем желании, не смог этого сделать. Я был председателем комитета Государственной думы, в числе же кандидатов на пост губернатора Московской области числился спикер Думы Селезнев, мой непосредственный начальник. Единственное, что я мог сделать в этих условиях, — это сохранять официальный нейтралитет и выражать свою поддержку только при личных встречах.

Победа Бориса Всеволодовича поначалу была воспринята с сомнением. Часто можно было услышать — вот еще один генерал стал губернатором. Что он смыслит в экономике?! Ему военным делом нужно заниматься.

Это говорят люди, ничего не смыслящие в военном деле.

Киевский военный округ по величине и задачам можно сравнить с крупной страной.

У Громова уже имелся опыт командования особой армией. Ведь 40-я армия насчитывала более 140 тысяч человек, там были своя авиация, крупный тыл, строительные и инженерные организации.

Он пришел в Киевский военный округ вполне подготовленным человеком и стал успешно руководить этой махиной. Сразу приобрел авторитет в политбюро ЦК компартии Украины, Верховном Совете и Совете министров.

Что такое командование военным округом? Это, конечно, прежде всего учеба, высокая готовность и способность выполнить любые боевые задачи. Для того чтобы обеспечить эти главные функции, командующий обязан заниматься строительством — этой работы значительно больше, чем в крупной области; образованием — в Киевском округе множество училищ и даже академия ПВО страны. Он должен заниматься промышленностью — в округе масса различных заводов, занятых ремонтом бронетанковой, артиллерийской, авиационной техники — это значительный промышленный комплекс. Он занимается сельским хозяйством, и не только подсобным, которое имеется почти во всех воинских частях. У него в подчинении находятся целые совхозы по производству зерна, мяса, молока. В его ведении учреждения, связанные со здравоохранением, — госпитали, санатории, дома отдыха, турбазы, детские лагеря. Он занимается развитием физкультуры и спорта. Набор его дел вполне соответствует заботам первого секретаря крупной области. Вот что такое командующий войсками округа.

Конечно, далеко не каждый генерал способен стать хорошим губернатором. Для примера можно взять Лебедя, который со своими губернаторскими обязанностями явно не справлялся. Но ведь и за душой у этого генерала кроме внешних, ошеломляющих качеств (знаменитое рычание) почти ничего не было. Однако плохие губернаторы получаются не только из генералов.

Если говорить о нравственных качествах Лебедя, то достаточно вспомнить, как во время событий 1991 года он «шестеркой» бегал от Ельцина в Генштаб и оттуда обратно к Ельцину. Докладывал, что делает Генштаб. Это позор!

Знаю, что не следовало бы говорить так о человеке, которого уже нет. Но все это я ему сказал при жизни, прямо в глаза.

Помню, в журнале «Российская Федерация» выступала директор школы из Пущино и сообщила, что у них в школе учитель получает 860 рублей. Если он классный руководитель — еще 130 рублей. Все! Даже тысяча рублей не получается!!

Сейчас зарплата учителя по Московской области перевалила за 4,5 тысячи рублей, а вскоре, по плану Громова, учитель будет получать 6 тысяч. Такое далеко не каждый губернатор нашей страны решится пообещать. Громов же обещает только то, что обязательно сделает. Это его принцип.

То же самое в отношении ветеранов, лиц, принимавших участие в локальных конфликтах, и их семей. Несмотря на колоссальную губернаторскую занятость, Громов продолжает возглавлять движение «Боевое братство», которое объединило всех ветеранов, и очень умело этой организацией руководит.

Он окружил себя людьми, проверенными по совместной службе в Афганистане и работе в «Боевом братстве». Я сам вхожу в состав руководства «Боевого братства» и горжусь этим. Очень дорого, когда проявляется забота о людях, которые в свое время рисковали жизнью и здоровьем, выполняя приказы руководства страны и выступая на защиту интересов нашего Отечества. Насколько правильны были действия политической верхушки во времена Советского Союза и сейчас — это другой вопрос. Люди, особенно военные, обязаны выполнять приказы.

Сегодня, в условиях сложной ситуации, которая существует в нашей стране, Московская область под руководством Громова имеет реальную возможность достойно проявить себя. Жители Подмосковья убедились в исключительной порядочности и больших способностях своего губернатора и поддерживают Громова. Это они продемонстрировали, избрав его на второй срок, причем абсолютным, подавляющим большинством голосов.

Московская область теперь имеет возможность заявить себя как центр прогрессивных подвижек в интересах всего государства. Она, например, может стать центром подготовки молодежи к службе в армии. Чувство патриотизма необходимо прививать человеку с детства, как было с нами. Еще до школы. Потом в школе октябрятская и пионерская организации заботились о здоровье, развивались физкультура и спорт, была масса замечательных кружков по интересам, осваивались необходимые навыки по военному делу. Эти традиции необходимо в обновленном виде восстанавливать и развивать.

Подмосковье может стать ведущим регионом по развитию спорта, в том числе и международного. Это уже делается.

Область может стать лидером в вопросах здравоохранения, поддержки молодежи и молодых семей. Уже сейчас здорово поставлено дело по оказанию поддержки молодым семьям.

Недавно, просматривая свой архив, нашел свою характеристику на генерала Громова, написанную по поводу его представления к званию Героя Советского Союза. Приведу пару абзацев из этого документа, датированного 9 декабря 1987 года: «Но не только военный талант отличает генерала Громова Б. В., но и его политическая подготовленность как военного руководителя-интернационалиста. Много примеров, когда под его руководством успешно решались проблемы стабилизации обстановки без применения силы, в результате этого на сторону правительства переходили целые районы с большим количеством населения (или прекращали огонь). Следуя примеру тов. Громова Б. В., командиры дивизий и бригад армии также широко проводят работу с населением, практически применяя различные способы в

проведении политики национального примирения, тем самым оказывая неоценимую помощь ЦК НДПА и правительству Афганистана.

Генерал Громов Б. В., высокоподготовленный и всесторонне эрудированный военачальник, отличный организатор, смелый и мужественный генерал, в своих действиях твердо, решительно и спокойно проводит в жизнь намеченные планы».

Это написано почти двадцать лет назад, но ни от одного слова я бы сейчас не отказался. И особенно важно то, что работает Громов именно *решительно и спокойно.* В этом сочетании суть его характера, разгадка его устойчивого успеха.

Если бы у нас в стране была хотя бы четверть таких губернаторов, как Борис Всеволодович Громов, то забот у президента было бы во много раз меньше, и страна гораздо быстрее вышла бы из кризисного состояния, в котором она находится.

— После Афганской войны я служил в разных местах и наконец стал первым заместителем начальника тыла Вооруженных сил, — говорит В. А. Васенин, — позже заместителем главкома Ракетных войск стратегического назначения.

Все события, которые были связаны с Громовым, каким-то образом всегда касались меня. Да и я постоянно следил за ним.

Как мог, я всегда старался для него сделать что-то хорошее. Вот когда Громов со своими коллегами оказался в МИДе, я своей властью поставил их на довольствие в ракетных войсках. Они ведь в МИДе не получали ни денежного содержания, ничего. В МИДе ведь такие должности и формы оплаты не предусмотрены, так вот, хотя бы паек они получали.

Потом я ушел в академию Генерального штаба, возглавил кафедру тыла и технического обеспечения. Афганский опыт управления войсками, который был наработан нами под руководством Бориса Всеволодовича Громова, принес большую пользу. Ведь там, в Афганистане, мы постоянно совершенствовали систему управления.

Борис Всеволодович считал, что мы опаздываем: 15 минут в некоторых случаях — это уже очень много. За четверть часа «духи» могут черт-те чего натворить и уйти. Я считаю эту громовскую науку самым главным, чему я научился в жизни, и потому продолжаю ею заниматься постоянно.

Уже в академии совместно с компанией «Принт» Московского авиационного института мы отработали систему тылового обеспечения в реальном масштабе времени с использованием

спутниковых навигационных систем.

Главное в этой системе — постоянное определение точки местонахождения объекта в системе координат, знание объездов, обходов, поиск оптимальных вариантов, знание состояния экипажа машины, БМП, танка, колонны машин независимо от того, могут люди сообщить о себе или нет. Тут исключен субъективный фактор, ведь люди в своих докладах всегда субъективны. Американцы подобную систему отработали в первую Персидскую войну, затем на Балканах, в Афганистане и Ираке. Она очень хорошо показала себя.

Сейчас, будучи начальником Гостехнадзора Московской области, я заканчиваю отработку такой автоматизированной информационной системы управления транспортными потоками в Подмосковье, и Борис Всеволодович поддерживает мое начинание.

Разоренная Московская область уже через два года после прихода Громова стала лидером в России. Вот что такое настоящий командир!

Но для того чтобы стабилизировать, закрепить это положение, необходимо время. Люди верят своему губернатору и избирают Бориса Всеволодовича на второй срок. 83 процента голосов! О таком доверии другие губернаторы могут только мечтать. Люди всё видят. Не слепые.

Но это нормальные люди, а многим Московская область спать не дает. Им хочется воровать, а Громов не позволяет. Вот и стараются, печатают в газетах разные гадости. Тут все понятно, что за люди такие материалы заказывают.

Он всю эту пакость не читает и не желает отвечать на нее. Но не может живой человек не переживать, когда его обливают грязью.

Зная его по славным военным делам и теперь как губернатора Московской области, я рад, что мне довелось работать под его началом.

В этой книге, посвященной губернатору Московской области Борису Всеволодовичу Громову, у нас есть еще один интересный собеседник, обитающий в… так называемой «Всемирной информационной паутине». Здесь уже несколько лет существует персональный сайт губернатора Московской области, в котором размещаются самые различные материалы о жизни Подмосковья. Приводим факты, касающиеся инвестиций:

«Деньги любят спокойствие и уверенность. Бизнес — закон и порядок. Когда в 1998 году государство «кинуло» не только «родных», но и заграничных деловых людей, желание вкладывать деньги в предприятия области резко упало. Испуг прошел только

через несколько лет и сегодня в страну, в том числе и в Подмосковье, вкладываются большие деньги. Без нефти и газа, без алмазных и золотых приисков область тем не менее занимает одно из первых мест по части инвестиций.

Год назад крупнейшее рейтинговое агентство «Стандарт энд Пурс» присвоило области позитивный кредитный рейтинг. Это знаковое событие и определенный сигнал для серьезных инвесторов.

Подмосковье — рынок с огромным потенциалом для любого товара. Область обладает высокоразвитой транспортной сетью, промышленностью, здесь расположены ведущие научно-технологические центры. Здесь один из лучших строительных комплексов в стране. Выпускаются практически все виды продукции — от гвоздя до космических ракет. Поэтому не случайно по многим экономическим показателям Подмосковье в числе лидеров по стране.

Сегодня в Подмосковье реализуют свои проекты самые известные мировые компании: «Марс» и «Пепси-кола», «Эрманн» и «Данон», «Нестле» и «Интербрю» и многие другие.

Три года назад губернатор совершил деловую поездку во Францию и недалеко от Парижа зашел в гипермаркет «Ашан». Там он познакомился с одним из владельцев компании. Губернатор Подмосковья и французский бизнесмен быстро нашли взаимный интерес и понимание. Борис Громов тогда сказал, что ему очень хочется, чтобы симпатичная птичка, которая изображена на эмблеме «Ашана», «прилетела» в Подмосковье. «Птички» не испугались и прилетели. В итоге уже три французских гипермаркета открылись и успешно работают. Руководители «Ашана» четко соблюдают эксклюзивную договоренность о том, что в их магазинах у подмосковных товаров будет приоритет. В недавно открытом гипермаркете в Одинцовском районе на полках широко представлены продукция нарофоминской компании «Элинар», Петелинской птицефабрики, коркуновские конфеты, фрукты и овощи «Белой дачи», напитки из Черноголовки и многое другое.

На Западе все торговые центры строятся за городом — удобные подъезды, огромные стоянки. Приезжай — и без сутолоки покупай, что хочешь. Подмосковье начало активно осваивать эту уже отработанную схему. Только вот решили строить не один — два супермаркета, а заполнить всю областную сторону МКАД современными торговыми «городами». Так появился проект «Губернское кольцо». Согласно этому глобальному проекту планируется построить много супермаркетов и торговых комплексов, которые дадут

возможность жителям Подмосковья, столицы и приезжим купить любой товар. И не только отовариться, но и отдохнуть: погулять в экзотическом парке, покататься на коньках, поплавать в бассейне, посмотреть хорошее кино. Словом, приятно провести свой досуг. Поезжайте в «Крокус-Сити» и вы увидите это на деле.

Кстати, возле одинцовского «Ашана» построен мультиплекс из 12 кинозалов, где фильмы показываются практически круглые сутки. Естественно, к услугам зрителей различные рестораны и другие развлечения.

Выгода от проекта «Губернское кольцо» для всех очевидна — в комфортной обстановке люди окружены исключительным многообразием товаров, да еще по замечательно низким ценам. Торговым компаниям — солидный оборот, Подмосковью — новые рабочие места, возможность быстро и бесперебойно реализовывать через супермаркеты продукцию зарубежных и отечественных предприятий. Ну и что особенно важно для руководства — своевременно получать налоги в местный и областной бюджеты.

Три гипермаркета «Ашан» работают в Одинцовском, Ленинском, Мытищинском районах, торговые комплексы «Веймарт», «Мега» и второй магазин «ИКЕА» — в Ленинском, первый — компания «ИКЕА» построила в Химках. Большой центр «Крокус-Сити», который сегодня снова расширяется, расположился в Красногорском районе. Гипермаркет «Марктkауф» — в поселке Котельники. Постоянно строятся и запускаются в работу все новые торговые центры.

Не удивительно, что в последнее время возрос интерес к работе с Московской областью и у отечественных инвесторов. Крупные торговые операторы — «Перекресток», «Копейка», «Пятерочка» и другие — заявляют о желании работать в Подмосковье.

Сегодня в Московской области работает свыше 900 компаний и фирм с участием иностранного капитала, на которых занято около 35 тысяч сотрудников. Объем накопленных инвестиций составил около 1,7 миллиарда долларов.

Однако бесспорными лидерами по-прежнему являются немецкие компании, особенно баварские — такие, как «Кнауф», «Эрманн», «Хохланд», «Сименс», «Рехау» и другие. Они уже давно и прочно обосновались на подмосковном рынке, выпуская различные, в том числе строительные, материалы, молочные продукты — йогурты и сыры, предлагая телекоммуникационное оборудование.

Немцы активно участвуют и в программе «Губернское кольцо» — строят гипермаркеты. Тот, например, что открылся в

Котельниках, крупнейший среди всех у компании «Маркткауф». «ИКЕА» можно считать «старожилом» подмосковного рынка — три больших торговых комплекса открыты уже давно.

В Подмосковье сегодня работают более 120 немецких компаний и фирм. За последние годы они инвестировали в экономику области более 580 миллионов долларов. Это почти 26 процентов от всего иностранного капитала.

На встрече подмосковного губернатора с министром экономики Баварии Отто Висхоем шел заинтересованный разговор о проблемах, которые сдерживают приток немецких инвестиций. Говорилось о том, что российские банки выдают так называемые «короткие» кредиты — не более чем на год. За такое время трудно окупить затраты. Не менее сложная проблема — сроки растаможивания товаров. Нередко производственное оборудование простаивает из-за того, что запасные части или необходимые детали очень долго проходят таможенное оформление. Губернатор пообещал, что правительство области проведет переговоры с банками, а также подпишет новый договор с ГТК и проблемы будут сняты.

Когда говорят об эффективной работе иностранного инвестора в Подмосковье, нередко приводят в пример компанию «Эрманн». Что такого необычного сделали немецкие молочники?

В свое время они действительно совершили мужественный поступок с точки зрения инвестиций. Свой завод в Раменском районе «Эрманн» начала строить в 1998 году, когда после дефолта с российского рынка, в том числе и с подмосковного, ушли сотни компаний. Немцы здорово рисковали, вкладывая 75 миллионов евро в новый завод, тем более в самое трудное время для российской экономики. Могли бы запросто эти немалые деньги потерять. Но рискнули и выиграли.

Важно и то, что для производства своей продукции компания «Эрманн» использует молоко только подмосковных коров. Многие агрофирмы имеют прямые договоры на поставку молока с компанией «Эрманн», которая оплачивает их авансом. На эти средства обновляется доильное и холодильное оборудование, покупаются племенной высокопродуктивный скот, различная кормоуборочная техника. Такая форма сотрудничества очень важна для развития областного сельского хозяйства.

Интересен подход к инвестициям генерального директора компании Акселя Хартманна. Ему чуть больше тридцати лет, но его опыту, энергии, деловитости можно позавидовать. Другой пожинал бы лавры своего исторического успеха и по возможности не пускал бы на освоенную территорию конкурентов. Хартманн же, наоборот, приглашает в Подмосковье новых немецких

инвесторов. Недавно прошли переговоры с известными фирмами «Центис» и «Деллер», производящими фруктовые наполнители для молочной продукции. Речь шла о строительстве новых заводов. Уже подобраны земельные участки и начинается оформление инвестиционного договора.

Такая позиция Акселя Хартманна, его личная инициатива и помощь в привлечении инвестиций заслуживают, по мнению Громова, самой высокой оценки. Поэтому администрация всегда приводит компанию «Эрманн» как пример одного из самых удачных и высокоэффективных инвестиционных проектов.

Похоже, что немцы прочно «оккупировали» Подмосковье. А что же остальные? Безучастно наблюдают, как оборотистые бюргеры «уводят» лучшие сегменты рынка?

На раздольных подмосковных землях всем места хватит. Помимо Германии, активно осваивают рынок и компании из Кипра, Нидерландов. На долю этих трех стран в прошлом году приходилось 60 процентов зарубежных инвестиций в Московскую область.

В последнее время начали проявлять активность французские бизнесмены. Завершается строительство предприятия компании «Лактализ» по производству сыров. Уже несколько лет выпускает молочную продукцию известная фирма «Данон» в Чеховском районе.

«Не спят» и голландские бизнесмены. Компания «Главербель» начала строительство завода по производству стекла в Клинском районе. Это один из крупнейших проектов стоимостью в 130 миллионов евро. Английская фирма «Пилкингтон Глас» также ведет переговоры о размещении производства стекла в Раменском районе.

Установились хорошие деловые отношения с итальянцами — у нас подписаны договоры о сотрудничестве с областями Лацио и Ломбардия.

Американские компании инвестируют серьезные деньги в переработку сельскохозяйственной продукции. Недавно в Раменском районе корейцы начали строительство завода быстрого питания компании «Доширак». Словенцы серьезно взялись за развитие рынка информационных технологий.

Любой инвестор, прежде чем сделать первый шаг, все просчитает, крепко подумает и только после этого примет решение. Но и у подмосковного правительства есть определенные условия к любому инвестиционному проекту. Это и налоговая регистрация в Подмосковье, и обеспечение рабочими местами в первую очередь местных жителей, и предпочтение для товаров областных промышленников. Исключительно серьезные

требования также к экологической безопасности.

С учетом этих условий для всех, кто начинает свой бизнес в Подмосковье, предоставляются абсолютно равные стартовые возможности.

Понятно, что наиболее выгодны инвестиции в те районы, которые расположены ближе к столице. Основные гипермаркеты находятся практически вокруг МКАД. Что делается для того, чтобы дальние уголки губернии не остались без внимания со стороны серьезного бизнеса?

Уже три с половиной года в Подмосковье реализуется программа выравнивания различных районов по уровню социально-экономического развития. К примеру, в каждом из них планируется построить крупный спортивный объект. Это привлечет молодежь к спорту, к здоровому образу жизни. Но главное, чтобы в подмосковных городах и селах создавались новые рабочие места. Почему почти 700 тысяч подмосковных жителей по утрам едут в столицу? Потому что дома нет работы. Что может решить эту серьезную проблему? Только инвестиции в экономику районов — в строительство, в новые заводы, предприятия.

Особое внимание уделяется самым дальним районам. Инвесторы приглашаются прежде всего туда. Тем, кто идет в глубинку, предлагаются очень серьезные льготы.

Результаты уже есть — в Егорьевске немцы строят мебельную фабрику, в Серебряных Прудах голландцы начинают кирпичное производство, в Можайске компания «Эрманн» выпускает молоко под своей маркой.

Жаль, что не у всех отечественных производителей есть деньги для инвестиций — покупки нового оборудования, расширения производства. Такая ситуация все еще сохраняется в военно-промышленном комплексе, где не хватает средств для серьезного экономического прорыва. Аналогичное положение и в сельском хозяйстве Подмосковья. Правительство области помогает этим секторам, вкладывает за счет областного бюджета большие деньги, хотя, по сути, это и не совсем законно, ведь предприятия ВПК находятся в федеральном подчинении.

Недавно начались, наконец, серьезные инвестиции в село — в молочное хозяйство, птицеводство. Первопроходцем тут стала компания «Элинар», которая привлекает большие средства для производства куриного мяса. Зашевелились и отечественные инвесторы — компания «Вимм-Билль-Данн», «Микояновский мясокомбинат» и торговый дом «Петелино». За два года в агропромышленный комплекс поступило более 20 миллиардов рублей.

Губернатору не важно, откуда приходят инвестиции, кто вкладывает деньги в подмосковную экономику — то ли отечественные бизнесмены, то ли деловые люди из далекой Америки или из соседней Украины. Главное, чтобы это был честный и порядочный бизнес. Важно, чтобы эти проекты приносили доход в областную казну, давали подмосковным жителям хорошую работу, развивали инфраструктуру в городах и районах.

По поводу так называемой «распродажи» Подмосковья, в которой губернатора нередко обвиняют доморощенные патриоты, можно сказать, что если им милее, как прежде, сидеть на печи, мечтая о том, что жизнь наладится «по щучьему веленью», то и пусть себе сидят, только бы не мешали нормальным людям поднимать экономику области. Этап привлечения иностранных инвестиций в свою экономику прошли все страны, и ни одна не лишилась в результате национальных границ.

В реальности все обстоит иначе. За инвесторов необходимо бороться. Любой эффективный бизнес, как иностранный, так и отечественный, нужно всеми силами привлекать к совместной работе, а для этого необходимы прежде всего твердые гарантии — юридические, экономические. Бизнесу необходимо спокойно работать, ему не нужны неприятности.

Инвестора надо любить, а значит, создавать все условия для нормальной работы. Создание привлекательного климата инвестиций губернатор считает одной из важнейших задач правительства Московской области.

Сегодня уже действует четко отработанная система сопровождения инвестиционных проектов. Пришел инвестор с желанием создать производство. Его принимают, как дорогого гостя, ему предлагают несколько площадок на выбор. Ему гарантируют налоговые льготы.

Недавно в правительстве области придумали новую схему, которая должна намного ускорить строительство инвестиционных объектов. В чем изюминка?

Часто желание вложить деньги в подмосковную экономику сдерживали сроки оформления документов. И верно — пока проводится уйма согласований, времени уходит столько, что проще ничего не строить. Не меньше года требовалось на разные подписи — от СЭС до пожарников. А время для инвестора, как известно, самые большие деньги.

Подмосковье предложило инвесторам следующий вариант сотрудничества: вы начинаете стройку в любое удобное для вас время. Оформление документации идет параллельно с работой.

Правительство предоставляет эти новые возможности в

пакете с усовершенствованной нормативно-правовой базой, куда входит предоставление законодательных гарантий инвесторам от различных рисков, создание равных конкурентных условий, упрощение процедур согласования и получения разрешительной документации и многое другое. В эту программу уже включено более 180 инвестиционных проектов с общим заявленным объемом инвестиций в 3,5 миллиарда долларов.

В прошлом году лидерами по привлечению инвестиций стали Мытищинский, Ступинский, Химкинский районы. Очень благоприятный климат создан в Раменском, Одинцовском, Балашихинском районах. Следует заметить, что сегодня муниципальные образования намного активнее работают с инвесторами, чем несколько лет назад. Для того чтобы они имели полную и объективную информацию о потенциале района, во многих из них приступили к созданию инвестиционных паспортов муниципальных образований.

Какое поле деятельности Подмосковье может предложить потенциальным инвесторам?

Вкладывать деньги сегодня можно в любые отрасли подмосковной экономики — от торговли до высокотехнологичных производств. Правительство дает возможность бизнесу самому сделать выбор. В Подмосковье активно реализуется программа «Губернское кольцо» по созданию сети гипермаркетов на основных магистралях вокруг столицы. Но пока еще мало кто из иностранных инвесторов готов строить торговые центры в крупных городах области. Эта ниша свободна.

Большой интерес проявляется к проектам модернизации агропромышленного комплекса, в частности к птицеводству и мясному животноводству. Отличные перспективы у инвесторов в модернизации транспортной инфраструктуры, в дорожном строительстве и придорожном сервисе, в создании гостиничных комплексов. Прекрасные возможности у инвестиций в сфере туризма и спорта.

Многие давно поняли, что Подмосковье — это необъятный рынок для любого товара, и перестали бояться. В конце концов, бизнес всегда закладывает в свои расчеты определенный риск. К тому же инвестиционный имидж Подмосковья сам по себе является твердой гарантией для инвесторов.

Вместе с тем есть ряд проблем, которые сдерживают желание некоторых серьезных инвесторов вкладывать деньги в Подмосковье. Это, как уже было сказано, сложность процесса оформления бумаг. Поставили жесткую задачу — максимально упростить и значительно ускорить процедуру согласования и получения необходимых документов, сделать процесс

оформления инвестиционного проекта прозрачным и ясным для бизнесменов, определить механизмы участия области в инвестиционных проектах и многое другое. Все должно идти быстрее, проще и понятнее.

Для того чтобы Подмосковье превратилось в серьезно раскрученный «брэнд», нужна очень большая работа, подобная презентации Московской области, проведенной в Мюнхене. Необходимо шире выходить на солидные международные форумы и не просто показывать ресурсы подмосковной экономики, но и делать это в традициях западного маркетинга. Однако лучшей рекламой Подмосковья за рубежом являются все-таки старые друзья, те иностранные инвесторы, кто не побоялся построить здесь свои предприятия, развернуть свой бизнес в трудные времена. Они сегодня в большом выигрыше перед теми, кто еще только размышляет — стоит ли вкладывать деньги в Подмосковье? К примеру, та же немецкая компания «Эрманн» инвестирует большие капиталы в производство. И сразу видно, что этот проект рассчитан на долгую перспективу.

Крупнейшие европейские торговые сети, как пирожки, «пекут» свои гипермаркеты. Они прекрасно понимают, что норма прибыли здесь намного выше, чем у них дома. К примеру, «Ашан» окупает свои вложения в два раза быстрее, чем у себя во Франции. Поэтому в определенном смысле о Подмосковье можно говорить как об «инвестиционном рае». Здесь инвестору никогда не скажут — кто не успел, тот опоздал. Опоздать тут нельзя, слишком велики, просто необъятны возможности.

Кто не успел — тот не опоздал.

Каждый, кто придет в Подмосковье с добром, станет намного богаче — так говорит губернатор Б. В. Громов».

Б. В. Громов:

— Конечно, иностранцы лидируют, но и внутренние инвестиции возросли также очень значительно. Общая цифра составляет 80 миллиардов рублей. Это деньги, которые вкладывают в развитие сами жители, и местные предприятия, и областное правительство, и государство, теперь оно тоже охотно включается в наши проекты.

Мы приняли область с 19 миллиардами рублей доходной части бюджета. В 2001-м у нас было 28 миллиардов, на следующий год — 40, затем — 80 миллиардов. В бюджете 2005 года мы планируем более 100 миллиардов рублей доходной части.

Двигаемся вперед аккуратно, шаг за шагом, стараясь ничего без крайней надобности не ломать. Постепенно взяли под

контроль исполнительную власть. Это случилось, когда поставили на ключевые посты наших министров. Меняли только крупных руководителей. Аппарат министерств никто не трогал, эти люди ни при чем. Они специалисты и знают свое дело. Если они будут ответственно и честно работать, то им нечего бояться. Когда правительство наладило свою деятельность, стало спокойнее. Ощущение пустоты исчезло. Но более-менее уверенно я почувствовал себя только в конце 2002 года. В 2003-м был уже совершенно спокоен.

Думаю, что мы правильно вели свою работу. Уже в середине 2000 года люди в области забыли, что такое невыплаты зарплат и пенсий.

Это достижение оценили буквально все. Сразу стало легче дышать. Я получил возможность убедиться, что люди нас поддерживают.

Следующим шагом было то, что мы начали повышать зарплаты. Причем резко повышать, особенно бюджетникам. И прежде всего учителям и работникам здравоохранения.

Мы создали ряд целевых программ по образованию, здравоохранению, культуре. Это не просто красивые слова, которые так любят придумывать бюрократы. Программы рассчитаны на пять — семь лет, они подробно поэтапно расписаны и полностью финансируются, так как заложены в бюджет. Только такие программы имеют смысл и работают.

Это принесло перемены, которые тоже почувствовали люди. Начали строить дороги — это заметили все. Если раньше в школах было полное запустение, ничего не покупалось и не приобреталось, то теперь везде бесплатные школьные завтраки. Весь 2000 год мы положили на то, чтобы расплатиться с долгами по детским пособиям, долги были просто огромные. Учителя признаются, что глазам своим не верили и не подозревали, что можно так быстро разгрести чудовищные многолетние завалы.

Вот то, что можно назвать настоящим политическим популизмом. Петь песни, плясать, рассказывать анекдоты можно и нужно на эстраде, там свои законы. Когда эстрадным жанром начинают заниматься политики — это пошлость и похабщина.

Популярность политика — это его дела. Громов становится все более популярным политиком именно потому, что при нем людям становится легче жить.

Б. В. Громов:

— Самое сложное дело, конечно, сельское хозяйство. Проблемы тут самые разные. Для нас основная трудность состоит

в том, что все это в основном частные предприятия и мы, по сути, не имеем к ним отношения. Они живут по законам рынка и должны вести свои дела сами. Так они и живут, но весной и осенью регулярно просят нас оказать им помощь, прежде всего финансовую, в посевной или сборе урожая. И мы, конечно, помогаем, хотя заранее известно, что большинство не сможет вернуть кредиты. В этом нет ничего нового, сельское хозяйство во всем мире весьма крупно дотируется из казны. Мы всегда давали деньги своим крестьянам и в этом году дадим еще больше.

Что же касается купли-продажи земли, то здесь всё невероятно запутано. Мы эти процессы не можем контролировать ни по закону, ни физически. Чтобы быть в курсе дела, нам необходимо во всех этих акционерных обществах иметь своих людей, которые бы объективно информировали нас. Сейчас каждый владелец имеет право, ни у кого не спрашивая, продать свой земельный пай. Мы об этом узнаём, можно сказать, последними, так устроено наше законодательство. Вот и получается, что какие-то частные лица скупают в большом количестве земли сельскохозяйственного назначения, эти самые паи. В подавляющем большинстве покупают не для того, чтобы создать крупное современное сельскохозяйственное предприятие, а чтобы строить на этих полях и лугах коттеджи для богатых людей.

Единственный рычаг, остающийся в наших руках, — это разрешение на перевод земель из сельскохозяйственного назначения в какое-то другое. Скажу сразу, это барьер очень серьезный.

Складывается такое впечатление, что те, кто скупает землю, не знают о том, что должны будут получить разрешение на вывод земель из сельскохозяйственной сферы, или наивно надеются, что такое разрешение им удастся как-то обойти или купить. Тут они крупно ошибаются. Жаль, что многие этого до сих пор не поняли. Очередь к нам стоит огромная.

Я говорю своим работникам, чтобы они чаще и где только можно выступали и объясняли, что если вы купили землю, на которой выращивалась пшеница, то готовьтесь снова что-то выращивать. Не нравится пшеница, сажайте кукурузу или овес, можно картошку, в конце концов, разводите коров, кур или кроликов, но не рассчитывайте строить коттеджи для новых русских. Такого перепрофилирования земли в Подмосковье мы не позволим.

Отдельная тема — наши взаимоотношения с областной думой. Встреча с ними у меня была буквально сразу после выборов. Придя в думу, я с большим удивлением узнал, что мой

предшественник к ним ни разу не приходил.

На первой встрече я рассказал депутатам о своих планах. После этого мы отдельно встречались с руководством думы. С председателем и его заместителями, с руководителями комитетов. Они меня поняли и поддержали.

Так что мы и с той, старой думой, хорошо работали, и с этой. У нас никаких противоречий нет.

Депутатов не трудно понять. Конечно, если первое лицо исполнительной власти — губернатор — не желает их замечать и принимает принципиальные решения, даже не ставя их в известность, ничего похожего на сотрудничество не может получиться в принципе.

Если отношение нормальное, а это может быть только в том случае, когда губернатору ничего не нужно скрывать, то совместная работа налаживается без проблем.

Все ведь в этой жизни не так уж и сложно. Мне ни от кого никаких материальных и прочих благ не нужно. Ни дач, ни машин, ни ценных подарков, ни бесплатных поездок за рубеж. Брать взятки и воровать я не умею и не хочу, так что найти взаимопонимание с любым честным человеком мне не составляет труда.

Глава четвертая
ВЛАСТЬ ЦЕНТРАЛЬНАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ

Сейчас много говорят и пишут о пресловутой вертикали власти. Следует признать, что таковой вертикали в России пока не создано. Даже чисто структурно, по существующему законодательству область — это последняя инстанция государственной власти. Ниже — уже муниципальная выборная власть. Глава любого муниципального образования самостоятельно назначает глав поселковых и сельских округов. От этих людей очень многое зависит. В соответствии с проектом нового закона даже главы поселковых и сельских советов должны стать выборными, и вот это, пожалуй, уже лишнее.

Борис Всеволодович Громов всегда с уважением относился к муниципальной власти. Когда в 1999 году он шел на губернаторские выборы, то совершенно искренне обратился ко всем руководителям на местах и написал к каждому отдельное обращение. Там было сказано, что все положительное, что имеется сегодня в Московской области и, главное, относительная стабильность — это прежде всего заслуга глав муниципальных образований. Мнения своего Громов не изменил и повторяет это сейчас при личных встречах с руководителями местной власти.

Б. В. Громов:

— Когда выборы прошли, я сразу начал встречаться с главами муниципальных образований. И не со всеми вместе, а с каждым по отдельности. Мне важно было понять, что они из себя представляют. Это ведь, по сути, одни из главных моих помощников. От того, как они будут работать, зависит очень многое.

Я старался разъяснить им свою линию. В первый год удалось убедить далеко не всех. Пришлось даже собирать их всех вместе и очень жестко предупредить, что негоже стоять в гордой позе удельного князька. Кто этого не поймет, очень скоро пожалеет и к тому же неизбежно вынужден будет изменить свою позицию. Народ оказался в основном умный и деловой, они поняли все правильно.

Разбираясь с полученным наследством, мы поняли, что в прежнем бюджете не были разработаны нормативы, не существовало единого подхода к муниципальным образованиям.

Если взять, к примеру, Талдомский район на самом севере —

бедный район и тот же Одинцовский или Ленинский, то с первого взгляда понятно, что люди несравненно лучше живут в Одинцовском районе, нежели в Талдомском. При хороших доходах бюджета зажиточные районы имели возможность делать заметные надбавки к ставкам бюджетников, бедные же задерживали и без того нищенские зарплаты и пенсии.

К примеру, учитель в Талдомском районе, выполняющий совершенно такую же работу, как и учитель в Одинцовском, получает в пять(!) раз меньшую зарплату. Да нередко еще с задержкой в два три месяца!! Назвать такое положение справедливым — язык не повернется.

Мы предложили принять закон, вокруг которого сразу развернулась острейшая борьба — о единых нормативах бюджетной обеспеченности.

Все ближние к Москве районы, то есть богатые, были категорически «против». Все дальние, нищие, естественно, «за».

Несмотря на отчаянное сопротивление, мы этот закон провели. Тут-то проблем не было. Богатых доноров всего девять, вся остальная масса — бедняки. Так что приняли подавляющим большинством голосов (вот она — демократия в действии!).

Таким образом, мы получили возможность маневрировать доходами бюджета. За счет этого очень быстро закрыли долги по зарплатам, пенсиям и пособиям. Ресурсы доноров, конечно, несколько сократились, но мы нашли способы компенсировать их потери. У центрального руководства такие возможности всегда есть. Обиды утихли и страсти постепенно улеглись.

Сейчас у нас таких доноров уже восемнадцать и среди них есть районы, сравнимые с целыми российскими областями, где доходы бюджета за миллиард рублей.

Теперь на эту тему споров уже не возникает. Все убедились, что решение принято правильное, хотя сверхдоходы кое у кого действительно отняли. Я этого не скрываю и спрашиваю: «Вы считаете, что ваши соседи — люди второго сорта? Нет. Значит, все справедливо».

В жизни нужно уметь делиться, тот, кто этого не хочет понять, в конечном счете всегда проигрывает.

Сейчас мы знаем всё. У нашего Министерства финансов есть отделения во всех муниципальных образованиях. Иначе и быть не должно. И помимо этого у нас очень сильное контрольно-ревизионное управление, которым руководит Виктор Карпович Шилин. Он говорит о себе, что он человек, в отличие от меня, мягкий и пушистый. Не спорю. Важно, что он всех начальников крепко держит в руках.

Прожитые годы убедили меня, что нерешаемых проблем не

существует. Может быть, это даже самое главное, что я понял в жизни. Конечно, есть очень сложные, большие проблемы, которые тянут вниз. Нужно просто, не теряя времени, сесть и с такой проблемой разобраться. Чем грамотнее ты построишь работу, чем лучше подберешь и настроишь людей, тем быстрее разрешатся проблемы.

Есть, конечно, много такого, что сразу и не решишь. Тут нужно набраться терпения, упорства, но все равно, не теряя из виду конечной цели, двигаться вперед шаг за шагом.

«В течение последних двух лет Московская область является одним из самых динамично развивающихся регионов России со стабильным финансово-экономическим положением, — сообщается на официальном сайте администрации области о нынешнем состоянии дел в Подмосковье. — Поступательное движение подтверждается данными Мособлкомстата. Цифр много. Не будем ими утомлять читателей. Назовем только две. С 57-го места по уровню жизни среди субъектов Российской Федерации в начале 2000 года, когда Громов с командой пришел к руководству Подмосковьем, область сегодня переместилась на второе место.

Теперь о Москве.

Соседство с гигантским городом создает ряд проблем: имеется определенное недопонимание со стороны столичных властей по экологическим, имущественно-территориальным отношениям, сохранению лесного фонда. Есть ряд болезненных вопросов, связанных с несогласованностью границ между Москвой и областью. Все эти проблемы со временем разрешатся. Руководство Московской области стремится снять возникающие разногласия и противоречия с учетом интересов жителей Подмосковья.

В то же время соседство Москвы во многом сказывается благотворно, способствует притоку отечественного и зарубежного инвестиционного капитала, развитию наукоемких и инновационных технологий, малого и среднего бизнеса, что, в свою очередь, обеспечивает занятость населения Подмосковья.

Вот почему одним из важных дел, способствующих эффективному взаимодействию соседствующих субъектов Федерации, явилось создание Объединенной коллегии исполнительных органов государственной власти Москвы и Московской области. Образование подобной структуры — уникальный опыт для России. Ведь общая численность населения «ядра» и его «пояса» — более 15 миллионов человек. То, что тут нарабатывается, касается каждого десятого россиянина.

За время существования Объединенной коллегии найдены совместные решения по многим вопросам. К ним относятся: расширение сотрудничества Москвы и Московской области в сфере поддержки и развития малого бизнеса, конкретные меры по реализации государственной политики в области контроля за производством, качеством и оборотом алкогольной продукции. Намечена совместная региональная целевая программа по развитию птицеводства. Огромным достижением следует назвать то, что удалось совместно рассмотреть задачи по острейшим проблемам современной жизни, таким, как борьба с наркоманией и профилактика нарушений среди молодежи, вопросы социального сиротства и еще ряд социально значимых проблем.

Совместный опыт такой работы будет способствовать повышению качества жизни и благосостояния населения Подмосковья и поднимет его до уровня жизни москвичей.

Московская область — территория с высокой концентрацией научно-технического и интеллектуального потенциала. По количеству людей, занятых научными исследованиями и разработками, регион занимает третье место в стране после Москвы и Санкт-Петербурга.

Инновационный путь развития, путь, основанный на внедрении достижений науки в производство, является стратегическим направлением развития области. Кроме того, а это не менее важно, именно такой подход к стратегии развития экономики и обеспечивает конкурентоспособность на внутреннем и внешнем рынках.

Мировой опыт свидетельствует: в современных условиях существенно возрастает ценность интеллектуального труда, а достижения науки и технологии определяют динамику экономического роста регионов и стран.

Возглавляемое Громовым правительство выступило с инициативой придать области статус полигона для отработки новейших научных достижений. Это намерение подтверждено на недавнем заседании Совета при президенте Российской Федерации по науке и высоким технологиям.

Наиболее перспективным инновационным проектам, которые нацелены на доведение научных разработок в различных отраслях до их практического использования, выделяются значительные гранты. Финансовая поддержка предоставлялась как из бюджета области, так и на конкурсной и паритетной основе совместно с Российским фондом фундаментальных исследований и Минпромнауки России.

Совместно с Российским фондом фундаментальных исследований и Российской академией наук в наукоградах

Подмосковья ежегодно проводится цикл научно-практических конференций. Эти форумы обеспечивают правильное распределение грантов, представляют достигнутые за год научные результаты и их практическую реализацию. По инициативе Московской области в декабре прошлого года в городе Дубне проведена международная конференция «Интеллектуальный мост Россия — Запад. Проблемы, перспективы». Эта встреча ученых может послужить пилотным проектом по сохранению и укреплению деловых и творческих связей с нашими научными работниками и специалистами, проживающими и работающими за рубежом.

В Московской области создана сеть образовательных учреждений, способствующих сохранению интеллектуального потенциала наукоградов.

Сфера применения новых наукоемких технологий — это не только высокотехнологичные производства. Новые решения требуются в сельском хозяйстве, во всех отраслях промышленности, в ЖКХ и сфере услуг. Не менее важен научный прогресс в вопросах экологии и энергосбережения. Работа предстоит сложная, но правительство области уверено в правильности избранной стратегии и сделает все для ее реализации.

Еще одна серьезнейшая тема для жизни Подмосковного региона — реформа местного самоуправления. Что может ожидать область в результате этой реформы, учитывая разнообразие уже существующих в Подмосковье форм самоуправления?

Правительство, депутаты и главы муниципальных образований Московской области уже сейчас пришли к выводу, что предложенные изменения в системе местного самоуправления не в полной мере отвечают интересам региона в том виде, который изложен в разработанном комиссией проекте федерального закона.

Согласно сегодняшнему территориальному устройству в Московской области функционирует 73 муниципальных образования. Это довольно большое количество субъектов правопользования. Анализ проекта федерального закона показывает, что в случае осуществления его положений на территории Московской области возможна еще более пестрая картина местного самоуправления. В перспективе могут сформироваться 13 городских, 76 поселковых, 351 сельских поселений. Это, так сказать, нижний ярус иерархической лестницы местного самоуправления. Ступенькой выше мы можем получить 64 городских округа и 39 муниципальных районов.

Итого — 543 муниципальных образования.

Появление на территории Подмосковья такой массы муниципальных образований значительно усложнит взаимодействие властных структур и выстраивание межбюджетных отношений. Трудно даже представить, как будет формироваться консолидированный бюджет области. Для организации взаимодействия органов государственной власти региона с органами местного самоуправления придется либо существенно увеличивать штатную численность центральных структур, осуществляющих такое взаимодействие, либо создавать дополнительные территориальные исполнительные органы, что приведет к раздуванию чиновничьего аппарата. Кроме того, значительно увеличится количество муниципальных служащих органов местного самоуправления.

Позиция Московской области (и членов правительства, и депутатов областной думы, и руководителей на местах) по отношению к предлагаемому реформированию системы местного самоуправления заключается в том, что действующее законодательство в этой сфере обладает огромным неиспользованным потенциалом.

Развитие местного самоуправления необходимо. Об этом никто не спорит. Жизнь не заставишь стоять на месте. Вместе с тем реализовывать реформы необходимо эволюционным путем, согласованно, без грубой ломки и потрясений. Столь масштабная реформа, во многом судьбоносная для России, должна осуществляться с очень точным просчетом последствий на каждом этапе. Все этапы желательно строго увязать с другими изменениями в развитии российской государственности. И прежде всего в уточнении межбюджетных отношений. Никакие новации, пусть самые благие, в законодательстве не дадут ожидаемого эффекта, если не будут в полной мере обеспечены финансово-бюджетными средствами. А для этого еще необходимо внести поправки в Бюджетный и Налоговый кодексы Российской Федерации.

Подытоживая разговор на эту важную тему, можно сказать следующее. Местное самоуправление в Московской области, как и в любом другом субъекте России, испытывает определенные трудности. Однако в общей системе управления оно функционирует достаточно успешно. Об этом свидетельствуют повышающийся доход граждан, рост промышленного и сельскохозяйственного производства, инвестиционная привлекательность региона, в том числе для иностранного капитала, стабилизация общественно-политической жизни населения. Так стоит ли на переправе менять коней? Не лучше ли

модернизировать существующую систему с учетом интересов регионов, во имя общих интересов России, сохраняя преемственность власти на местах и стабильность социально-экономического положения в масштабах всей страны?»

Б. В. Громов:

— Самое главное, при любых сложностях и неудачах, а они, конечно, возможны, не впадать в панику: «Нет, тут уже ничего сделать нельзя». Как только ты это сказал, уходи. От тебя, как руководителя, пользы больше не будет.

Не надо быть профессиональным финансистом или экономистом, чтобы понять, в чем причина нерешаемости какой-то проблемы. Достаточно оставаться разумным человеком, уметь задавать вопросы, слушать и сопоставлять. Специалисты всегда знают причины, просто начальники их не всегда внимательно слушают. Это исключительно важно — уметь слушать знающих людей и анализировать.

Для меня важнее всего определиться стратегически.

Вот я своим сотрудникам поставил задачу. Три месяца уже они над ней бьются и пока не могут ничего сказать. Ответ для меня очень важен. Он поможет мне принять стратегическое решение.

Я просил разобраться, куда делись деньги СССР.

Вопрос, кажется, несложный. Вот был Советский Союз. После беловежского разгрома осталась только Россия. Это все равно около 80 процентов территории и экономического потенциала. В Советском Союзе при всех признаках застоя космосом занимались, жилье строили, оборонка работала, зарплаты, хоть и относительно небольшие, платили всегда вовремя, исправно действовала мощнейшая социальная инфраструктура — бесплатное образование, медицина. Никогда не пустовали Дворцы пионеров с великим множеством кружков по интересам, спортивные школы, пионерские лагеря, дома отдыха и санатории и много еще чего. После того как осталась только Россия, мы почему-то начали жить как бы с нуля.

Меня не оставляет наивное, может быть, изумление. Куда все исчезло?! Может быть, разворовали? Как-то трудно поверить, что за какие-то месяцы можно догола раздеть огромную страну.

80 процентов Советского Союза отошло к России, но ничего нет. Ни космоса, ни оборонки, ни зарплат, ни социальных программ. Где огромные деньги, которые двигали все это? Украдены?! Даже если допустить, что во главе процесса в 90-х годах стояли гениальнейшие воры, то их действия несколько странны. Для чего они все украли? Просто для того, чтобы

разрушить? Что-то не верится.

У меня до сих пор не выветрилось детское представление о том, что воруют, чтобы припрятать, а потом продать. И вот мне хочется получить убедительную для меня картину: куда припрятано все наше бывшее богатство? Понимаю, что часть нашего всенародного достояния погублена безвозвратно, так как воры никогда не умели хозяйственно распорядиться награбленным, но ведь очень много чего должно остаться.

Где все это? Как найти и вернуть? Ответ на этот вопрос во многом мог бы помочь России встать на ноги.

Чувствую, что и президент озабочен примерно такими же вопросами. Высоко ценю также внимание президента к нам, руководителям российских регионов. Теперь он довольно часто встречается с губернаторами. Это очень правильно.

Россия, давайте говорить откровенно, — страна бедная. Если по России проехать и посмотреть, как люди живут, то это тяжелое зрелище. Даже забираться далеко не надо. Можно посмотреть и по Московской области, которая считается в целом благополучной.

С другой стороны — огромные природные богатства, высокообразованное население, мощная до сих пор научная база. Вроде бы есть все необходимые условия для быстрого подъема и развития, но вот нормального движения вперед не заметно. Почему? На этот вопрос я тоже не могу пока ни найти, ни получить ответа.

Допускаю, что я был не прав, что нарушал объективные законы рыночной экономики, но я не могу ждать. Пару лет назад я поставил задачу правительству — средняя зарплата бюджетников в Московской области должна составить не менее 4 тысяч рублей. Ваша задача обеспечить это решение. За счет чего это будет сделано, давайте думать, на то вы и профессионалы. Я не могу ждать, когда к этому приведут объективные экономические законы. Не могу попросить подождать жителей области, моих избирателей, они устали от ожидания.

Завтра я опять собираю людей и буду ставить задачу поднять зарплату бюджетников до 8 тысяч рублей. За счет чего? Может быть, даже за счет пересмотра каких-то целевых программ, всего чего угодно. Есть вещи первостепенной, а есть и чрезвычайной важности. Здесь начинает работать уже известный испытанный механизм. За бюджетниками сразу же тянутся, поднимают зарплаты частные и акционерные предприятия. Им просто некуда деваться, иначе люди уйдут от них. У нас в промышленности есть зарплата в 25 тысяч рублей, а есть в 2,5 тысячи. Разница

огромная.

Все, что касается бюджетников, — это прежде всего забота власти.

Когда я едва ли не каждый день читаю в газетах, слышу в выпусках новостей, что в стране низкая зарплата у военнослужащих, то меня это искренне удивляет. Почему зарплаты не увеличиваются? Резервы для этого есть, причем немалые.

У себя мы бюджетникам помогаем, делаем различные доплаты. Но вот военным я никак не могу помочь. Я просто не имею права делать этого по закону. Зато работникам Министерства внутренних дел помощь со стороны правительства области большая.

Ситуация тут выглядит таким образом, что если бы не наши доплаты, укомплектованность областной милиции составляла бы меньше 50 процентов. Те зарплаты, которые существовали раньше, удержать людей не могли.

В 2004 году кроме того, что нам положено выделять для МВД, а мы по закону должны содержать милицию общественной безопасности, мы оказывали областной милиции помощь на сумму 3 миллиарда 400 миллионов рублей! Раньше ничего подобного не было. В 1999 году милиции помогали на 15–20 миллионов рублей. Теперь область платит за жилье, за коммунальные услуги, кому 50, кому 70 процентов, закупаем технику и напрямую делаем надбавки к зарплате.

Младший и средний офицерский состав милиции прямо говорят — если бы не помощь области, мы бы ушли.

Возвращаясь к главной теме, повторю. Подъем экономики нужно начинать с зарплаты. Она потянет за собой все остальное — и налоги, и покупательную способность.

В 2001 году было подписано соглашение с ФПС о взаимодействии между Московской областью и частями, которые дислоцируются в Чеченской республике. Прежде всего это самый большой в системе Федеральной пограничной службы Итум-Калинский отряд, охраняющий участок российско-грузинской границы протяженностью 82 километра. Тут ведется серьезная работа по капитальному строительству, поставкам специального снаряжения, в том числе и горного для прокладки дорог.

В числе передовиков этой работы следует назвать Звенигородский район Московской области и мэра Звенигорода Леонида Ставицкого. В этом году 36 звенигородцев отправились на службу в погранотряды. Подготовлены документы, чтобы 11-я застава Итум-Калинского, или, как его еще называют, Аргунского

отряда, получила официальное название Звенигородской и в перспективе полностью комплектовалась призывниками из этого подмосковного города.

Всего при поддержке Московской области и Всероссийского общественного движения ветеранов локальных войн и военных конфликтов «Боевое братство» в Чечню было «заброшено» 28 «гуманитарных десантов». 27 городов и районов Подмосковья постоянно участвуют в этой работе.

— Все служащие из областных силовых структур, — продолжает тему И. Ф. Шилов, — которые принимают участие в чеченских событиях, получают дополнительную оплату от губернатора. Месяц прослужил, получи 20 тысяч, а с января этого года — 23 тысячи. Если случилась беда, боец погиб, семье оказывается губернаторская помощь. Это кроме того, что выделяет государство. Если ранили — 30 тысяч.

46-я отдельная бригада специального назначения внутренних войск находится в Чечне под опекой Московской области. Заключен официальный договор. В два месяца один раз самолет Ил-76 везет туда 40 тонн гуманитарной помощи.

Когда Борис Всеволодович впервые прибыл в 46-ю бригаду, там была чудовищная грязь, не хватало палаток даже для госпиталей. Прошло три года и сейчас это благоустроенный городок, душа радуется. Все, что необходимо для полноценной жизни и работы бригады, имеется. Там только крытые гаражи такие, что нужно идти минут сорок, чтобы пройти ангары от начала до конца. Двухэтажное общежитие. Идешь и сразу видишь, вот кирпич — одинцовский, вот отделка — это Мытищи… Почти каждый район Московской области здесь чем-то хорошим отметился.

Командир бригады сейчас учится в академии Генерального штаба, и когда Громов или я отправляемся в бригаду, он часто просится с нами. Настоящий командир. Знает и любит своих солдат и офицеров и потому у него прекрасные отношения с Борисом Всеволодовичем. Таких людей Громов очень ценит.

Сам я перед командиром бригады виноват. Устроил однажды, сам того не желая, ему очень тяжелую проверку. Мне хотелось самому увидеть, как несут службу ночные патрули и посты. Командир очень меня отговаривал. Но я решил, что отказываться неудобно, подумают, что испугался.

Ну и отправились мы в ночной рейд. Когда я увидел, как вооружаются командир и ребята из сопровождения — шлемы, бронежилеты, автоматы с запасными рожками, гранатометы, то понял, что дело серьезное, и попросил, чтобы мне тоже дали автомат.

Побывал я, как уже сказано, во всех одиннадцати горячих точках, и не один раз, всякое повидал, но этот рейд по ночному фронтовому городу произвел на меня исключительное впечатление. Из живого, что двигалось, а не пряталось, только бездомные собаки с повадками волков. Темные полуразрушенные здания с выбитыми черными окнами и постоянно, то там, то здесь, трели автоматных очередей и строчки трассирующих пуль.

Подошли к Дому правительства. Везде темно, а тут все окна светятся. Прошли три забора, бетонные надолбы, появился офицер, доложил, что его подразделение осуществляет охрану здания правительства. Я спросил:

— Что, они и сейчас работают?

— Никак нет.

— А свет горит везде.

— Для визуального контроля.

Пожелал офицеру удачи, и мы двинулись дальше…

Через пару дней Дом правительства взорвали. Вот ведь как бывает.

Когда мы из своего похода вернулись, я уже понимал, какое трудное испытание устроил своим сопровождающим. После того как командир попрощался со мной и пошел к себе, я увидел, что гимнастерка у него на спине совершенно черная от пота, хотя ночь была совсем не жаркой…

Мне в год два-три раза приходится летать туда.

Ядро 46-й бригады расположено в Грозном, а батальоны на боевых позициях в разных местах.

Борис Всеволодович добился того, чтобы за каждым батальоном два-три областных города были закреплены. Работа ведется на самом серьезном уровне. Главы городов и районов постоянно ездят в Чечню, чтобы на месте определить, что еще нужно сделать.

Недавно отметили годовщину вывода войск из Афганистана, и Борис Всеволодович проводил собрание в Колонном зале. И был организован телемост: 46-я бригада — Колонный зал Дома союзов.

Я в то время был в Грозном. Мы на большом экране смотрели, как проходят торжества. Вдруг диктор объявляет о том, что сейчас состоится телемост Грозный — Москва.

Я доложил о прибытии делегации Московской области в 46-ю бригаду, и мы начали раздавать подарки военнослужащим. Не как-нибудь, навалом, а каждому отдельно, адресно. Солдаты к такому не привыкли и даже спрашивали: «Это мне? Одному, что ли?!»

Родителей солдат пригласили в Москву в Колонный зал, и

они по телемосту разговаривали со своими сыновьями, служащими в Чечне. Не только у матерей, но и у закаленных в боях ребят по щекам текли слезы. Такое не забудется!

Помню, парень узнал, что у него родился ребенок, и не только узнал, но и увидел свою молодую жену с сыном на руках. Ну как тут не заплакать от радости?!

Главная забота Громова — ветераны и молодежь.

22 апреля Борис Всеволодович собирал ветеранов. Обсуждался важный вопрос о поддержании и ремонте памятников, посвященных Великой Отечественной войне. В этой работе примут участие все властные структуры Московской области.

Ну а молодежь — это, конечно, спорт. Губернатор ведь сам играет в волейбол, баскетбол, а по ручному мячу он мастер спорта. Так что эти проблемы ему близки и понятны.

Впервые при Громове в Московской области появилась приличная футбольная команда «Сатурн», которая играет в высшей лиге. Как он болеет за нее! Как переживает! Это, конечно, только нам, хорошо его знающим, видно и понятно.

Громов знает спорт профессионально. Ему не нужно объяснять, что здесь ничего не происходит мгновенно, по желанию начальника. И он готов к большой и постоянной работе в этом направлении.

А какие Дворцы спорта, какие манежи и стадионы строятся! Такого, например, как в Чехове, спортивного комплекса нет больше в России. А в Щелкове совершенно уникальное сооружение!

Мы должны вытащить ребят из подвалов и подворотен. Для каждого должно найтись интересное дело — технический кружок, театральная или художественная студия, спортивный зал, бассейн. Это генеральная линия областной администрации.

В Серебряных Прудах, во время одного из посещений, люди пожаловались на старый мост через реку, из-за чего городок разделен пополам. Вот недавно Борис Всеволодович ездил новый мост открывать. Это был настоящий праздник! Там же подошла к нему группа мальчишек и пожаловалась, что у них нет стадиона, негде в футбол поиграть. Недавно там стадион открыли.

Итог этой работы известен. Более 83 процентов голосов на недавних выборах. Мало кто может похвастаться таким единодушием.

Б. В. Громов:

— Для меня было очень важно знать, как проголосуют жители области. Выборы должны были дать оценку первому сроку

нашей работы. Я даже специально сказал всем, что никакой пропагандистской предвыборной работы проводить не будем. Что наработали за первые четыре года, то и получим. Нужен чистый результат.

Замечу, что демографическая ситуация, которая год от года становилась в Московской области все хуже, наконец стабилизировалась. Хочется верить, что падение удалось остановить.

Когда думаешь о молодежи, нужно просто вспомнить свое детство и станет понятно, что делать. В мои времена положение было трудное, но, с другой стороны, не было огромного количества бед и соблазнов, не было наркотиков.

Работа здесь предстоит огромная. Надо срочно отремонтировать клубы, чтобы там начали работать кружки, студии и секции. Построить простейшие детские площадки — чем больше, тем лучше. Создать мелкие, средние и крупные спортивные объекты — тоже чем больше, тем лучше.

Необходимо, наконец, организовать реальную систему для работы с детьми. Никто до сих пор толком не занимался молодежью, все только болтали. Это первостепенная задача не только Министерства по делам молодежи, но и Министерства культуры и образования, а по сути, всего социального блока. Проблемами молодых должны заниматься губернаторы и главы муниципальных образований, директора школ и учителя.

Внеклассные занятия, охватывающие большую часть детей, должны превратиться в главное дело школы. Чтобы после занятий ученики не вылетали на улицу, а в школе оставались. Для этого мы сейчас закупаем огромное количество необходимых вещей, в том числе спортинвентаря, и безвозмездно передаем в школы. Ну ведь ничего не было! Если имелись спортивные залы, то стояли пустые, в лучшем случае мяч можно было погонять, да и тот мальчишки с собой должны были принести. Теперь мы очень многое закупаем и передаем в школы, только бы занимались.

Меня тут пытались обвинить, что мы строим слишком много спортивных сооружений. Я эти глупости даже слушать не стал, не то что обсуждать.

Есть еще одна проблема, которую мы пока не можем решить. Не удается организовать свой телевизионный канал. Сейчас мы этим занимаемся, но по-прежнему остаемся единственной областью в России, может быть, в таком же положении еще Ленинградская, где нет собственной телевизионной программы. У нас было 46 процентов акций в телекомпании «Московия». Это позволяло нам иметь время только для небольшого новостного блока общей продолжительностью в шесть или семь часов в

неделю. Потом телекомпанию купил один из банков, и мы лишились того малого, что имели.

Сейчас мы пытаемся сделать свой канал, через существующие телекомпании, муниципальные и кабельные сети будем выходить на все муниципальные образования прямо отсюда, со Старой площади.

Недавно посмотрел фильм «Летят журавли». Господи, как глоток чистого воздуха! Ну почему бы не показывать такое кино чаще?! От кровавых сцен и бесконечного секса уже телевизор смотреть невозможно.

Губернатор избран на новый срок. Область продолжает развиваться. Вот только несколько цифр из прогноза подмосковного правительства на 2005 год.

Общий объем промышленного производства по сравнению с 2004 годом вырастет на 15 процентов, сельхозпродукции — на 7 процентов.

В 2005 году протяженность автотрасс возрастет до 15 тысяч километров. На 4 процента увеличится количество малых предприятий (сегодня в Подмосковье их 37,4 тысячи). Объем инвестиций составит около 135 миллиардов рублей, что на 10 процентов выше ожидаемого уровня. Иностранные инвестиции достигнут двух миллиардов долларов. Значительно возрастет строительство жилья, а объем розничной торговли увеличится на 20 процентов и составит 339 миллиардов рублей.

Прогнозируется сумма денежных доходов населения в 580 миллиардов рублей, по сравнению с 2004 годом она увеличится в 1,24 раза.

Глава пятая
О ДУХОВНОМ И ФИЗИЧЕСКОМ

Развитие региона должно быть комплексным. Благополучие не наступит, если экономика не будет основана на духовном развитии и физическом здоровье людей. Из двух этих сторон человеческой жизни за прошедшие десятилетия наиболее пострадала духовная, связанная с религиозным сознанием. Эта историческая ошибка сейчас исправляется. Для народа России, похоже, снова открывается…

Дорога к храму

«Начинается земля, как известно, от Кремля…» — эту строчку из стихотворения помнят наизусть все бывшие советские школьники.

С почитания главной святыни страны начиналось, по сути, наше воспитание и становление. Юных же жителей «ожерелья» столицы, Подмосковья, Кремлем удивить трудно. Еще бы, когда у них под боком могучие стены Ново-Голутвина монастыря и Успенского собора в древней Коломне, Иосифо-Волоколамского монастыря на реке Ламе, Новоиерусалимского собора в Истре, знаменитой «жемчужины» русского православия — Троице-Сергиевой лавры в Сергиевом Посаде, Зарайского, Дмитровского кремлевских ансамблей, да и просто тысяч подмосковных церквей, монастырей, соборов…

Еще лет пять тому назад «дорогу к храму» знали не многие, хотя потребность была. Да и сами храмы и церкви пребывали в таком запущенном состоянии, а общество настолько было развращено всевозможными «сникерсами», жвачками и американскими «боевиками», что необходимость в возрождении исконно русских традиций и обычаев, духовного очищения назревала сама собой. Ведь на Руси всегда умели ценить прекрасное, а подмосковные храмы и церкви издавна привлекали к себе не только верующих. О том, как изменилась духовная жизнь в Московской области за последние годы, можно судить по тому, что делает губернатор Московской области Борис Всеволодович Громов.

Год назад в Мытищах можно было наблюдать весьма необычное зрелище: купив у строителей одну штуку кирпича за

немаленькую сумму в 500 рублей, Борис Всеволодович поставил на нем свой автограф и лично заложил в стену строящегося православного храма Рождества Христова.

Инициаторами акции «Построим храм своими руками» выступили сами жители Мытищ. Человек приходит на стройку, покупает кирпич, расписывается и закладывает его в стену — то есть храм возводится в буквальном смысле слова на народные деньги. Больше всего радует, что эта стройплощадка никогда не пустует — люди идут и идут, только в первый день стройки (а она началась весной) здесь перебывало восемь тысяч человек!

Популярностью стала пользоваться эта акция и у молодоженов: если раньше они традиционно ездили в Москву к Вечному огню или на Воробьевы горы, то сегодня приезжают на место строительства нового храма и сами участвуют в его возведении.

— Народные традиции необходимо закреплять, — считает Громов. — Не сомневаюсь, что подобное распространится и на все Подмосковье, жители которого в последние годы больше тянутся к духовному просвещению, стремятся подробнее узнать о своей истории. Если раньше встретить в церкви молодых людей было редкостью, то сегодня молодежь тянет туда, как магнитом. Храм — это место, где человек очищает душу, духовно преображается.

Губернатор много ездит по городам и селам Подмосковья и практически всегда заглядывает в местную церковь.

— Как для любого русского человека, — объясняет Громов, — православный храм для меня — место особое. Посещение церкви обновляет душевные силы, пробуждает самые добрые чувства. Возникает ощущение покоя, света, тепла. Думаю, этим проникается каждый, кто заходит в храм. Есть и другая причина — она связана с помощью, которую правительство области оказывает церквям, храмам, монастырям. Поэтому я обязательно беседую во время своих поездок с местными священнослужителями, выясняю, чем можно помочь, что сделать.

Десять лет назад государство начало процесс передачи культовых сооружений Русской Православной Церкви, если так можно выразиться, в «руинированном» виде. Приходы, монастыри на протяжении десятилетий подвергались разорению, церковное имущество разворовывали — вот такое наследство досталось нынешним священникам в начале 90-х годов. Все нуждалось в восстановлении, ремонте, реставрации, надо было заново латать кровли, расписывать стены… Трудно себе представить, но еще пять лет тому назад подмосковные монахи жили почти как бомжи — спали и молились под открытым небом. Кровли церквей были разрушены, внутренние помещения не отапливались. А ведь в

Подмосковье более 1100 храмов и церквей и 28 монастырей. Все это нужно было срочно реанимировать. Правительство Московской области приняло и целевую программу «Культурное наследие Московской области», в рамках которой передаются храмы, церкви и иные памятники архитектуры и искусства из муниципальной в областную собственность, финансируется их восстановление.

Каждый год утверждается перечень культовых объектов, реставрация и ремонт которых ведутся за счет областного бюджета.

Чтобы восстановить разрушенные строения, нужны немалые средства. А на плечах областного бюджета еще и забота о пенсионерах, инвалидах, учителях, медиках, строительство жилья, дорог, спортивных объектов… Не слишком ли дорогое удовольствие тратить деньги еще и на «церковные дела»?

Нет, это не просто «на церковные дела». Храмы и монастыри — это наша жизнь и наша история. Именно отсюда берет истоки русская духовность. Необходимо возродить в обществе нравственные, культурные ценности. Воспитывать молодежь так, чтобы она помнила о своих национальных корнях, о том, что было свято и дорого дедам и прадедам. Молодые люди должны видеть вокруг себя прекрасное, приобщаться к нему. В этом году подмосковное правительство выделяет на реставрацию культовых сооружений не менее 50 тысяч рублей на один объект, а для особо нуждающихся — не менее 100 тысяч. Конечно, эти деньги относительно небольшие, но для церковных приходов — серьезная помощь.

Совсем недавно, благодаря участию подмосковного губернатора, в древней Коломне наконец-то открылся архиерейский дворец. По своей красоте и величию он даже превзошел тот, который видела еще императрица Екатерина Вторая. Его высокопреосвященство митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий вручил Громову особую награду…

Дружеские и деловые отношения владыки Ювеналия и подмосковного губернатора сложились давно и прочно. Митрополит тепло поблагодарил правительство Московской области и лично губернатора за то, что у него наконец-то появилась собственная резиденция. Ведь в течение 26 лет владыка не имел достойного пристанища.

Резиденция митрополита — это особое место. Она построена на территории такого чудесного места, как Свято-Троицкий Ново-Голутвин женский монастырь. Его настоятельница, матушка Ксения, удивительно светлый, особенный человек, настоящая труженица. Монахини монастыря не просто молятся, но и много

работают, выращивают овощи, фрукты, своими руками украшают обитель, занимаются иконописью. А как они поют! Это надо слышать…

Награда, которую вручили губернатору, действительно особо почетная. Решение представить Громова к ордену принимал Его Святейшество Патриарх Московский и всея Руси Алексий Второй. Это высшая награда Русской Православной Церкви для государственных деятелей — орден Святого благоверного князя Даниила Московского 1-й степени.

Это уже не первая церковная награда губернатора. Ранее он был удостоен ордена Сергия Радонежского 2-й степени, которую Патриарх вручил ему в Подольске. Связана эта награда с особым событием в жизни Подмосковья, да и всего православия.

Летом 2001 года в День памяти преподобного Сергия Радонежского в Сергиевом Посаде Казначейский корпус и Ризница, много лет принадлежавшие Сергиево-Посадскому историко-художественному музею-заповеднику, наконец-то были переданы Русской Православной Церкви. Соглашение о передаче русских святынь Троице-Сергиевой лавре тогда подписали губернатор Громов с Его Святейшеством Патриархом Московским и всея Руси Алексием Вторым. К этому решению государство шло очень долго. Событие это важно для всего православного мира. Ведь те святыни, которые исстари жертвовали церкви цари и князья, желая оставить о себе добрую память, вновь вернулись в древнюю хранительницу шедевров русской культуры — Троице-Сергиеву лавру. Еще один подарок обитель получила год назад. Духовная столица России вновь обрела свои могучие колокола — главное украшение лаврской звонницы. Старые колокола были сброшены в 1930 году и разбиты. Правительство Московской области сочло своим долгом помочь восстановить колокола по их точным копиям. Теперь они вновь красуются на звоннице. Особенно радует, что на таких событиях всегда собираются тысячи простых людей всех возрастов. Это значит, что вера не умерла, а общество вновь обретает духовность…

В последнее время в Подмосковье стало популярным проводить различные православные фестивали, песнопения. Это еще один шаг к возрождению русской культуры, национальных традиций. Отрадно, что интерес к фестивалям все больше проявляют юноши и девушки.

При всей своей занятости губернатор находит время, чтобы посетить такие мероприятия. В прошлом году он принял участие в празднике пасхальных песнопений в Коломне. Идея такого фестиваля настолько вдохновила Громова, что он решил взять мероприятие под свой патронат.

Особое впечатление произвела на губернатора выставка пасхальных рисунков и сувениров, выполненных руками детей — учащихся воскресных школ. Все-таки до чего же талантливы наши мальчишки и девчонки, и не только в учебе и спорте — из них вполне могут вырасти настоящие художники, скульпторы, иконописцы! Что же может быть лучше, если душа с детства стремится к прекрасному. Возрождаются вера, надежда и любовь в сердцах тех, кто вступает во взрослую жизнь.

Недавно в Сергиевом Посаде на фестивале «Собор подмосковных кремлей» возле древних стен можно было увидеть несколько сотен выпускников подмосковных школ. Проститься с детством, со школой они пришли именно сюда, а это говорит о многом. Этим юношам и девушкам, только еще вступающим в жизнь, далеко не безразличны история страны, нравственные и духовные ценности, которые они пронесут через всю жизнь. Такие ребята вырастут настоящими патриотами своей родины.

Общеизвестно, что история Подмосковья «творилась» такими древними городами, как Коломна, Волоколамск, Дмитров, Сергиев Посад, Серпухов, Можайск, Талдом. Самые величественные храмы и монастыри — места, к которым традиционно тянется много людей, — расположены именно здесь. А как быть жителям относительно молодых городов, где ничего подобного не строилось: потребность есть, а прийти некуда?

Так было раньше, сейчас положение меняется. Особенно это заметно в последние три-четыре года. Возводится храм в новом микрорайоне Мытищ, ведется строительство Троицкого храма в знаменитом космическом городе Королеве, построена прекрасная церковь в Реутове. Восстанавливается практически с нуля церковь Знамения Пресвятой Богородицы в поселке Серебряные Пруды. Культовые сооружения появляются в Раменском, Егорьевском, Орехово-Зуевском, Одинцовском и других районах Подмосковья — причем в тех местах, где церквей раньше-то и не было.

Люди сами проявляют инициативу, желают, чтобы рядом с их домом обязательно было святое место, куда можно прийти и «отогреть» душу. Это, кстати, имеет большое значение для тех, кто в силу своего здоровья или финансовых возможностей не может ехать «за верой» далеко. Вот почему правительство Московской области решило поддержать идею возведения православных храмов на территории госпиталей, воинских частей, детских домов.

В прошлом году заложен православный храм в честь и память священноисповедника архиепископа Луки на территории военного госпиталя имени Вишневского в Красногорске. Владыка Ювеналий лично прибыл, чтобы совершить молебен, и освятил

это место. Так что теперь в госпитале можно будет лечить не только тело, но и душу.

Его Превосходительству, Губернатору Московской области Б. В. Громову *Ваше превосходительство, Многоуважаемый Борис Всеволодович!*

Вернувшись из пастырской поездки в северную столицу России — Санкт-Петербург, где возглавил торжественное богослужение в Александро-Невской Лавре в день памяти святого благоверного Александра Невского, невольно провел определенную историческую параллель между великим князем Александром, его ратными подвигами по защите рубежей России и созиданию Отечества и Вами — известным военным деятелем, Героем войны, еще в недавнем прошлом самоотверженно обеспечивавшим безопасность нашей страны, а теперь активно занимающимся мирным трудом по развитию Подмосковья.

Московская область стремительно меняет свои былые черты — города и села, деревни и дачные поселки стали чище и благоустроеннее, современный архитектурный дизайн как городского, так и сельского типа удачно и органично вписался в зеленый подмосковный ландшафт. Не является исключением в этом смысле и старинный город Подольск, где нам с Вами довелось встретиться на празднике Дня города и оценить великолепный ледовый дворец, сооружение которого завершено в наши дни. Я убедился, что, несмотря на все 220 лет своего существования, этот город по архитектуре и по всему своему внешнему виду также старается не отставать от времени. Порадовали возрожденные храмы города, которые наполняются православными верующими.

На примере нашего общения было отрадно еще раз осознать, что взаимоотношения Церкви и руководства государства в целом вступили в качественно новый этап, где преобладает дух конструктивного взаимопонимания, уважения и готовности к совместной деятельности на пути созидания новой, экономически сильной России и восстановления ее добрых духовных традиций.

Полагаю, что вручение Вам в Подольске церковного ордена преподобного Сергия Радонежского, при большом стечении жителей Подмосковья, явилось зримым свидетельством оценки Русской Православной Церковью понесенных Вами, как губернатором Подмосковья, трудов по улучшению жизни простых людей, а также Вашей деятельной заботы и внимания к насущным нуждам Церкви — Ее подмосковных организаций, монастырей и приходов.

Пользуясь случаем, выражаю надежду, что наше доброе

сотрудничество на благо России будет продолжаться и впредь.

Желаю Вам, многоуважаемый Борис Всеволодович, благословенных успехов в грядущих трудах Ваших!

Да дарует Вам Всевышний новые силы в благоуспешном выполнении всех ответственных задач, стоящих перед Вами, как главы Московской области.

С глубоким уважением, Патриарх Московский и всея Руси 14.09.2001 г.

Борис Всеволодович Громов воспитывался в семье, где свято чтили православные традиции. В саратовском доме Громовых всегда праздновали Рождество Христово, а на Пасху, как и все русские люди, пекли куличи, красили яйца. Ходили на кладбище, поминали умерших. Чтили традиции дедов и прадедов. Это заложено с детства. В таком же духе воспитывает и он своих детей — их пятеро.

Что касается понятия «веры», то Громов убежден, что она должна быть у человека прежде всего в душе. Конечно, каждый верит во что-то свое, но желание мира своей семье, родине, добра и счастья друзьям и близким наверняка присуще любому человеку. Верующие люди — это не обязательно те, кто знает наизусть «Отче наш». Верующий человек в его понимании — это прежде всего тот, кто не разрушает, а созидает, кто не способен на предательство и преступление, кто несет людям мир, свет и добро. Чем меньше человек «кричит» о том, что он верит в Бога, тем более благовидные поступки по жизни он совершает. Громова радует, что в родном Подмосковье таких людей все-таки большинство. Московская область действительно преображается духовно, и в этом, пожалуй, самое главное наше богатство и надежда на будущее.

Подвигу — память и честь

Как-то Борис Всеволодович Громов со своим старым товарищем, нынешним заместителем министра обороны по тылу, Владимиром Ильичом Исаковым, Львом Лещенко и Владимиром Винокуром поехали в Крекшино. Лещенко и Винокур там живут, в Крекшино вообще многие артисты имеют дачи.

Разговорились по дороге, и Громов сказал, мол, скоро День Победы, хотелось бы кроме официоза сделать что-то просто для души. Найти какое-то место, где ветеранам, нынешнему армейскому руководству, простым людям, живущим поблизости,

и хорошим артистам можно было бы запросто встретиться. И хорошо, по-семейному, этот великий праздник отметить. И делать это нужно до 9 Мая, иначе опять получится сплошной официоз.

Лещенко вспомнил, что возле Крекшина, у дороги, есть мемориал военных времен, но он совершенно заброшенный, забытый.

Подъехали, посмотрели. Через некоторое время собрали людей, навели там порядок. Убрали мусор, отремонтировали, заасфальтировали площадку, разбили сквер.

Б. В. Громов:

— Вот уже пятый раз перед 9 Мая мы там встречаемся с ветеранами. Проводим небольшой митинг, возлагаем цветы и венки. Потом концерт силами, как говорится, звезд российской эстрады, проживающих в Крекшине.

Исаков, как армейский тыловик, пригоняет походную кухню и готовит там настоящую солдатскую кашу — гречневую с тушенкой, макароны по-флотски, жареную картошку. Вкуснее ничего на свете не бывает!

Вот место, где я снова чувствую себя армейским человеком в окружении однополчан. Я ведь с раннего детства хотел стать военным, а еще тихо, про себя, мечтал стать генералом. Дальше я не загадывал…

С каждым годом у обелиска в Крекшине все больше собирается народу. Проезжающие по трассе тоже присоединяются. В этом году даже из других областей приезжали. Как-то очень хорошо, искренне все получается.

Мне жалко людей, не знающих историю своей земли. В особенности тех ее страниц, на которых начертаны великие преодоления и победы. Эти люди и есть безнадежные и несчастные бедняки. Только человек, знающий и любящий историю, может жить полноценно, чувствуя себя причастным ко времени, трудам своих современников и подвигам предков.

Не сомневаюсь, что любой человек, становившийся руководителем Московской области, этого важнейшего российского региона, невольно задумывался о длинной цепочке людей, занимавших этот пост до него.

По сути, первым своим официальным предшественником мне следует считать друга и сподвижника Петра I боярина Тихона Стрешнева. Статус губернатора в Российской империи уже тогда был самым важным после царского. Еще больше укрепился он при Екатерине Великой и Николае I.

18 декабря 1708 года Петром был подписан указ «Об учреждении собрания законов Российской империи», где было

предписано «для всенародной пользы учинить губернии и к ним расписать города».

Губерний было тогда немного: Московская, Ингерманландская (с центром в Санкт-Петербурге), Киевская, Смоленская, Архангелогородская, Казанская, Азовская и Сибирская (с центром в Тобольске).

Московская губерния уже тогда занимала особо важное место в росписи российских территорий и потому названа первой. В нее кроме Москвы входило 39 городов, среди которых были Тула, Кострома, Шуя, Владимир и Калуга, из чего можно понять, что губерния тогда значительно превосходила по территории нынешнюю Московскую область.

Московская губерния еще в те давние времена была самой доходной территорией России. Когда Петр I 27 января 1710 года велел сличить приходы с расходами по всем восьми губерниям, то оказалось, что Московская сдала в казну 1 миллион 140 тысяч 097 рублей, в то время как все другие вместе взятые — 1 миллион 886 тысяч 031 рубль.

С тех пор много чего менялось, но значение Московской губернии, а затем области всегда оставалось совершенно особым даже в те времена, когда она на долгие годы утратила статус столичной. Руководили тут чаше всего особо доверенные и опытные люди, такие, как М. Г. Ромодановский, Иван и Никита Трубецкие, Я. А. Брюс, Ю. В. Долгоруков, Ф. В. Ростопчин, Ф. Ф. Юсупов. Первым председателем Моссовета (объединившего город и столицу) стал Л. Б. Каменев. Из заслуженных людей, руководивших столичной областью после революции, выделю Василия Ивановича Конотопа, проработавшего на этом посту многие годы и ставшего первым почетным гражданином Московской области (посмертно).

Московская область — истинный центр и сердце России. Недаром во многих войнах, которые за свою тысячелетнюю историю пережили Московия и Россия, враги почти всегда направляли свои усилия на то, чтобы захватить Москву.

Это уже военная история, которая, должен откровенно признаться, волнует меня особенно.

190 лет назад на далеких подступах к древней Москве сошлись два великих полководца. Два военных гения. Напористый и все сокрушающий на своем пути молодой военный гений Бонапарт и осторожный, мудрый старец-фельдмаршал — Кутузов. Один пришел, чтобы поставить Россию на колени, разбив ее армию в генеральном сражении, другой предпринимал все для сохранения армии и спасения России.

В сражениях двух победителей не бывает. Выигрывает более искусный. Под Бородином русские войска отступили, но победу одержала прозорливость Кутузова, помноженная на беспримерную стойкость русских солдат.

«Когда Кутузову представили ночью первые подсчеты, — писал академик Е. Тарле, — и когда он увидел, что половина русской армии истреблена в этот день… он категорически решил спасти другую половину и отдать Москву без нового боя. Это не помешало ему провозгласить, что Бородино было победой… Победа моральная была бесспорно. А в свете дальнейших событий можно утверждать, что и в стратегическом отношении Бородино стало победой русской армии и поражением французской».

По мнению современников, Бородино стало «могилой французской кавалерии». Наполеону, перед которым склонила голову вся Европа, не удалось сломить героического сопротивления русских полков, бесстрашно защищавших родную землю.

Бородинское поле прочно вошло в духовное сознание русского народа. Как поле Куликово, как холмы Полтавы, оно стало частью нашей национальной гордости и славы.

«И помнить будет вся Россия про день Бородина…»

Уже почти два века благодарная Россия, как и предвосхищал своим поэтическим провидением великий Лермонтов, чтит героев Бородина. Народ отдает им дань своего уважения, склоняя головы перед их самопожертвованием.

Как известно, военно-исторические праздники на Бородинском поле проводятся с 1839 года, когда здесь впервые прошли маневры с участием 150-тысячного войска под командованием императора Николая I. Особые торжества состоялись в юбилейные 1912, 1962, 1987 годы. С 1995 года праздник памяти приобрел статус Всероссийского военно-исторического фестиваля. Мы гордимся, что «День Бородина», как часть европейских культурных мероприятий, стоит в ряду с такими событиями, как «Битва трех императоров» при Аустерлице, «Битва народов» под Лейпцигом, «Битва при Ватерлоо».

Московская область, как и в прежние годы, готовилась к празднованию знаменательной даты. И по долгу службы, и морально правительство Московской области считало себя главным организатором этого праздника. Из своего бюджета область выделила на проведение праздничных мероприятий и реставрацию памятников истории 10 миллионов рублей. Проведены ремонтные работы на дорогах и благоустройство территорий поселка Уваровка, деревень Шаликово, Кожухово,

Моденово Можайского района, города Можайска, памятников и мемориалов, исторических и культурных мест. Воссоздан пешеходный марш и проведено благоустройство на батарее Раевского, обновлены совместно с Московской епархией соборы в Можайске и на Бородинском поле. Строители, дорожники сделали все от них зависящее, чтобы улучшить состояние дорог, подъездных путей, тротуаров и обочин, стоянок автотранспорта, благоустроить станцию «Бородино», куда прибывали участники празднеств на священном поле России — тысячи туристов из СНГ и дальнего зарубежья.

Взору присутствующих представилась реконструированная основная экспозиция музея-заповедника «Бородинское поле», где выставлен ряд новых экспонатов. К нашему счастью, благодаря усилиям энтузиастов и любителей старины, сохранилась знаменитая диорама — аналог Бородинской на Кутузовском проспекте в Москве. Впечатления от нее усиливаются новыми звуковыми и световыми эффектами.

В праздничные дни здесь совершаются крестные ходы со Смоленской иконой Божьей Матери, литургия в Спасо-Бородинском монастыре, а члены исторических обществ представляют на плац-театре у села Бородино военно-историческую реконструкцию драматических событий сентября 1812 года.

Задача современников — сохранить исторические святыни народа, реконструировать их, дать им новую жизнь, привлечь людей к соучастию и сопереживанию тем далеким событиям.

Пусть будет наша память о народном подвиге 1812 года долгой и прочной.

Я понимаю людей, которые не только читают историческую литературу, но и стремятся побывать в памятных местах. В этом смысле Подмосковье представляет собой один из наиболее перспективных регионов России. На нашей земле происходило великое множество событий, так или иначе оказавших влияние на весь ход европейской и мировой истории.

Здесь сосредоточено более 20 процентов всех туристических ресурсов страны, огромное количество памятников историко-культурного наследия. Из них только церквей и монастырей более 450. Имеются неплохие возможности для того, чтобы принять гостей, — три международных аэропорта. Однако налоговые поступления в бюджет от туристических предприятий составляют всего около трех процентов от общего дохода областного бюджета.

Беда в том, что индустрия туризма в Московской области

развивалась хаотично и бессистемно. Почти полностью была разрушена система социального туризма, позволявшая миллионам граждан отдыхать в подмосковных здравницах и путешествовать. Многие музеи и памятники требуют срочной реставрации. Требуется строительство новых гостиниц и мотелей. Положение сейчас меняется. Принята программа «Развитие индустрии туризма в Московской области на 2004–2007 годы». К ее реализации мы уже приступили. Предусмотрены реконструкция и строительство 32 туристских объектов.

Мы рассматриваем индустрию туризма как высокодоходную отрасль, которая должна обеспечивать до 10 процентов всех налоговых поступлений областного бюджета.

Есть история далекая и близкая. На данный момент меня привлекает история Подмосковья времен Великой Отечественной войны. С огромным интересом изучаю материалы Московской областной чрезвычайной комиссии по установлению и исследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Там есть совершенно непостижимые вещи. Оскверняя и разрушая церкви, гитлеровцы использовали для мощения дорог большие иконы. Были случаи, когда акты просто некуда было подавать — населенные пункты были полностью сожжены, а люди уничтожены и вывезены. И, конечно, не может не впечатлять одна цифра — Подмосковье направило на фронт более миллиона воинов!

Из этих людей очень немногие вернулись с войны, а сейчас их и вовсе, можно сказать, единицы. Необходимо сделать так, чтобы оставшиеся годы, дай им Бог побольше, они прожили в благополучии и спокойствии.

Правительством области принято решение о сохранении дополнительных мер социальной поддержки ветеранов. Если конкретно, то останется дополнительная 50-процентная скидка при оплате за коммунальные услуги и пользование телефоном для тех, кто награжден медалью «За оборону Москвы» и знаком «Житель блокадного Ленинграда». Инвалиды Отечественной войны будут по-прежнему получать доплату к пенсиям до уровня 4 тысяч рублей.

Все это относится и к ветеранам недавних войн и военных конфликтов, в которых участвовали наши солдаты. Я не представляю, как можно прийти в семью военнослужащего, сложившего голову в Афганистане или Чечне, и сказать: все, живите на одну пенсию, у нас тут с финансами напряженка. Этого не будет! Каждому из членов таких семей у нас сейчас положено 4500 рублей, и ничто не заставит нас отказаться от этой поддержки.

Душевное здоровье неотделимо от физического. Губернатору Подмосковья Борису Громову это особенно понятно и близко потому, что вся его жизнь с раннего детства связана со спортом.

Губернатор уделяет развитию массовой физкультуры и спорта огромное внимание, вся область охвачена строительством разнообразных спортивных сооружений. То, что сегодня происходит в Подмосковье, напоминает полузабытые уже годы расцвета массового спорта, когда тысячи людей, особенно молодых, каждый день приходили на спортивные площадки и стадионы.

Недавно чемпионы страны и любимцы губернатора — гандбольная команда «Чеховские медведи» и серебряные призеры — ватерполисты «Штурм-2002» получили в подарок от регионального правительства уникальный спортивный комплекс «Олимпийский». Сооружение потрясающей красоты и функциональности, которое стало гордостью не только Московской области, но и всей страны.

Сам губернатор подтянут, быстр, прекрасно выглядит. На вопрос о том, хватает ли времени для регулярных занятий спортом, с искренним сожалением отвечает, что свободного времени очень мало. Хватает только на регулярную утреннюю зарядку. Зимой все-таки удается кататься на горных лыжах в Подмосковье. Выбраться в спортзал и погонять мяч удается значительно реже, чем хотелось бы.

Б. В. Громов:

— Я в спорте с самого раннего детства. Мы с друзьями с увлечением занимались сразу двумя видами спорта — плаванием, когда заплывали на баржи с арбузами, и тяжелой атлетикой, когда тащили свой улов домой. Послевоенное голодное детство. Зимой кое-как перебивались, зато летом наедались так, что сами становились похожими на арбузы.

По Волге постоянно шли баржи, груженные до самого верха. Арбузы падали в воду, а мы их вылавливали. Река широкая, поэтому «тренировки» по плаванию были серьезными. Да и арбузы такими тяжеленными, что пока дотащишь, руки отвалятся.

Так что в детстве я начал заниматься спортом всерьез по необходимости, а уж в Суворовском училище по полной учебной программе.

Но это совсем не важно, увлекается губернатор рыбалкой или горными лыжами, спорт все равно бы развивался. У нас, в Подмосковье, очень серьезные традиции в футболе, хоккее, легкой атлетике, боксе и других видах спорта. Всякий разумный

руководитель должен такие традиции поддерживать.

Если взглянуть на карту области, то и отдельные районы имеют свое спортивное «лицо». Чем-то выделяются среди остальных.

Безусловно, Раменский район — это футбол. Команда «Сатурн» играет в суперлиге национального чемпионата.

Одинцово известно своими лыжниками, фехтовальщиками, фигуристами и, конечно, волейбольной командой «Искра», одним из лидеров чемпионата России.

Воскресенский и Подольский районы — это хоккейные команды «Химик» и «Витязь».

В Чеховском районе, где недавно открылся прекрасный спортивный комплекс «Олимпийский», — главные виды: гандбол, водное поло и бокс. Команда «Чеховские медведи» завоевывала золото, а ватерполисты «Штурм-2002» — серебряные медали российского первенства.

Красногорский район славен хоккеем с мячом. В Можайском районе развиваются бокс и самбо.

И в то же время в каждом районе все виды спорта в почете.

Даже в самые тяжелые времена для страны, в послевоенные годы разрухи и голода государство уделяло огромное внимание развитию физкультуры и спорта. Это делалось и ради здоровья людей, и ради престижа великой страны. И были потрясающие победы в футболе и хоккее, гимнастике и фигурном катании. Спорт объединял людей всех возрастов, профессий, национальностей.

Сейчас страна переживает пока не самые лучшие времена. Но именно сегодня спорт имеет особенно важное значение для здоровья нации. Он выступает как объединяющая идея, которая сплачивает людей.

Помните, раньше говорили: спорт — это здоровье. Вот главные причины, которые заставили подмосковное правительство всерьез заняться спортом и здоровьем наших жителей.

Во-первых, демографическая ситуация. В прошлом году в Подмосковье родилось более 55 тысяч детей. Казалось бы, много. На самом деле, мы пока не можем выйти на «плюсовой» результат и сказать, что рождаемость начала постепенно повышаться.

Среди младенцев немало и больных детей. Понятно, что повлияли условия жизни родителей — никудышное жилье, плохое питание и ряд других причин.

Во-вторых, население Подмосковья катастрофически стареет. Сегодня в области проживает больше двух миллионов пенсионеров. На подходе еще десятки тысяч людей, которые

скоро уйдут на заслуженный отдых. Мы уже ощущаем дефицит рабочих рук.

Главная надежда, конечно, на молодежь, но ведь и у нее немало проблем. Масса соблазнов, в том числе и наркотики, превращает некоторых ребят в больных людей. Очень серьезно встал вопрос: как сохранить здоровье наших жителей? Речь идет не только о физическом здоровье, но и о духовном, нравственном.

Вопрос-то, по сути, глобальный: есть ли будущее у нашего народа? Мы потеряли десятки миллионов человек в прошлых войнах, причем самых лучших, самоотверженных и преданных. Сколько детей не родилось из-за этих невосполнимых потерь?! Нам дорог каждый человек. И потому ребят надо спасать. Вытаскивать из подворотен, из подвалов. Отрывать от иглы и стакана, выхватывать из рук бандитов. Многие молодежные преступления происходят оттого, что у ребят нет дела, которое бы их по-настоящему увлекло. Силы, азарта, стремления к борьбе много, а где «пар выпустить»?

Считаю главной задачей — прививать нашей молодежи здоровый образ жизни. Показать ей на примере тех же лучших спортсменов, чего можно добиться, как стать успешным человеком. Но, чтобы заниматься спортом, надо создать для этого достойные условия — построить ледовые дворцы, стадионы, манежи, катки, дворовые спортивные площадки.

Мы стали активно вкладывать деньги в развитие физкультуры и спорта, чтобы наши мальчишки и девчонки выросли здоровыми, целеустремленными и умными.

Программа для проведения этой работы была составлена в первые дни моего губернаторства. Сначала просчитали и прикинули, где и какие сооружения строить. Нужно было учесть особенности каждого района, в котором намечалось строительство. В итоге в программу включили десятки объектов для различных видов спорта и уровня подготовки спортсменов — от дворовых хоккейных коробок и площадок до сооружений мирового уровня. Всё распланировали строго по срокам и начали работу. Всего же мы решили построить 38 универсальных спортивных комплексов. Многие из них уже действуют.

Весной позапрошлого года открыли после серьезной реконструкции стадион «Зоркий» для хоккея с мячом в Красногорске. Сдали зрелищно-спортивный комплекс «Знамя» в Ногинске и великолепный ледовый дворец имени Валерия Харламова в Клину. Сдан современный легкоатлетический манеж в Щелкове.

Замечательные ледовые дворцы открылись в Чехове, Ступине, Дмитрове, Можайске. Даже в самой глубинке — Серебряных

Прудах — построен такой стадион, что соседи из других областей просто завидуют. Немало возведено и других интересных спортивных объектов.

В этой связи я вспоминаю историю появления нашего плана спортивного строительства в Подмосковье. Когда новое правительство принимало дела, мы увидели, что у нас немало спортсменов, которые по праву составляют славу страны. К примеру, в Одинцове жили многократная олимпийская чемпионка, легендарная лыжница Лариса Лазутина, атлет Виктор Куренцов и многие другие. В области тренировалось немало команд, выступающих в высших лигах. Тем не менее говорить о массовом развитии физкультуры и спорта в то время не приходилось. Спорт начинал приобретать элитарный характер. А куда деваться тысячам мальчишек, если негде штангу «потягать» или в футбол поиграть? Бесцельно слоняться по улицам? И тогда правительство Подмосковья решило разработать совершенно новую программу по строительству и реконструкции спортивных сооружений в Московской области, в которой подробно были расписаны все этапы и объекты спортивных строек. Реализация этого проекта рассчитана на несколько лет, в том числе и на ближайшую перспективу.

До сих пор это строительство велось в основном в крупных городах. А как быть тем, кто живет в глубинке?

Мы разработали специальную программу для городов и поселков с небольшой численностью населения. Планируем сооружать там модульные физкультурно-оздоровительные комплексы. Они быстро возводятся, многофункциональны и достаточно недороги.

В области сейчас работают пять мощных спортивных клубов. Все они мне одинаково дороги. И хоккеисты воскресенского «Химика», и гандболисты команды чемпионов страны «Чеховские медведи», и ребята из одинцовской «Искры», и ватерполисты из «Штурма-2002», и обладатели Кубка европейских чемпионов по софтболу из Тучкова. Я переживаю за их неудачи и радуюсь успехам. Между прочим, более 40 подмосковных команд, входящих в различные лиги по игровым видам спорта, участвуют в чемпионатах и первенствах страны.

Безусловно, по-особому отношусь к футболистам «Сатурна». Что ж тут поделаешь? Футбол — великая народная игра. Искренне хочется, чтобы главная команда Подмосковья стала сильнейшей в стране. У нее большой потенциал. Убежден, наши ребята могут на равных бороться с любым соперником. Побольше уверенности в себе и немного удачи!

Прошли XXVIII Олимпийские игры в Афинах. 27 золотых

медалей и третье место в общекомандном зачете — высокий результат! Подмосковные спортсмены впервые за многие годы составили солидную часть олимпийской команды России. На этот раз установлен абсолютный рекорд — 51 человек в 19 видах спорта! Четыре года назад на Олимпиаде в Сиднее в команде России было всего 18 представителей Подмосковья. Из Сиднея наши ребята привезли девять медалей, из Афин уже 29! Прогресс очевиден.

В подмосковной команде немало всемирно известных имен. Легкоатлеты — Светлана Кривелева, Юрий Борзаковский, Юлия Печенкина, Сергей Макаров, мастера стрельбы — Любовь Галкина, Артем Хаджибеков, Татьяна Голдобина, прыгун в воду Дмитрий Саутин, боксер Александр Поветкин, борец-классик Алексей Мишин, гимнастка Анна Павлова. В мужской олимпийской сборной по гандболу четыре игрока подмосковной команды «Чеховские медведи», в сборной по водному поло четверо представителей команды «Штурм-2002». Считаю, что наши ребята боролись до конца и выступили отлично. Это результат областной программы развития спорта. Недаром потрачены средства, построены не только дворцы спорта, манежи, плавательные бассейны, но и масса простых спортивных площадок и сооружений, где дети и взрослые могут заниматься физкультурой и спортом, сколько хотят и могут. До зимних Олимпийских игр в Турине осталось совсем немного времени, и подмосковные спортсмены установили новый рекорд. Число кандидатов на участие в Белой олимпиаде достигло сорока человек. По нашим расчетам не менее половины из них пройдут отбор в национальную команду.

Замечу, что в 2002 году на Олимпиаде в Солт-Лейк-Сити было всего 13 представителей Подмосковья.

Из тех, кто имеет реальные шансы выиграть медали в Турине, — лыжницы Ольга Завьялова из Одинцовского района и Елена Бурухина из Красногорского. Саночник Альберт Демченко из Дмитровского района и биатлонист Сергей Рожков из Реутова. Хорошие шансы побороться за медали имеют Дмитрий Архипов (фристайл) и фигуристы из Одинцова Оксана Домнина и Максим Шебалин (танцы). В женской команде по хоккею на льду могут оказаться хоккеистки из дмитровского клуба «Торнадо». Надеемся и на конькобежца Александра Кибалко.

Постоянное внимание к развитию массовой физкультуры и спорта высоких достижений в Московской области совершенно определенно приносит свои плоды.

В правительстве области сложилась традиция «закреплять» каждого министра за отдельным видом спорта, чтобы он его

курировал и помогал его развитию. Лично за собой я «закрепил» легкую атлетику. На встрече с олимпийцами, когда мы вручали им почетные знаки «За заслуги перед Московской областью», я пообещал нашему «золотому герою» Юре Борзаковскому, что будущим летом откроется для всех большой стадион в его родном городе Жуковском. Это обещание будет непременно выполнено.

Спортивный строительный бум — не самоцель. Безусловно, все это приобщит молодежь к здоровому образу жизни, даст возможность развивать и дух, и тело. Важно то, что строительство современных стадионов и катков выравнивает социально-экономические различия между районами по уровню жизни. А это одно из главных направлений в моей работе. Наша задача — создать в области достойные условия жизни для всех с равными социальными гарантиями и возможностями, с развитой инфраструктурой. Поэтому мы строим современные ледовые дворцы и в небольшом Можайске, и в высокоразвитой промышленной Балашихе. Я уверен, что для нас спорт — не только здоровье. Это скорее образ жизни в более широком понимании. Чем больше мальчишек и девчонок придут в спортивные залы, на стадионы, к тренажерам, тем более активными, закаленными и целеустремленными они вырастут. Мы вкладываем средства в будущее нашего Подмосковья. В поколение молодых здоровых людей — и в физическом, и в духовном смысле. Поверьте, ради этого не жалеем никаких денег. На спорте мы не экономим.

Хочу заметить, что по большому счету все эти дворцы и стадионы предназначены в первую очередь для молодежи. Отмечу и такой факт. Именно в Московской области принят и действует закон «О детско-юношеском спорте». Уверяю, аналогов вы нигде не найдете.

В детстве я мечтал, что мне, и каждому ребенку вообще, будет доступен любой вид спорта. Хочешь — мяч гоняй, хочешь — на коньках катайся или в бассейне плавай. Но в те годы наши возможности были ограничены. Сегодня же у нас в Подмосковье есть почти все необходимое. И мне кажется, что моя детская мечта начинает сбываться.

Мы вернули из прошлого популярные в советское время соревнования и игры среди детей и подростков: «Золотая шайба», «Подмосковная надежда», «Кожаный мяч» и другие. В различных соревнованиях участвуют десятки тысяч ребят.

Мне очень приятно сознавать, что последнее время Подмосковье заслуженно считается одним из самых спортивных регионов страны.

Думаю, что через несколько лет в Подмосковье произойдут

еще более грандиозные подвижки. Молодежь устремится на стадионы. На смену сегодняшним чемпионам придут новые ребята — здоровые, целеустремленные, умные. Мне кажется, что через пару лет занятия спортом станут совершенно привычным образом жизни. И есть большая уверенность, что еще через несколько лет наши ребята станут лидерами многих национальных чемпионатов.

Должен заметить, что исполнение этой моей мечты зависит не только от меня и областного руководства вообще, очень важно, чтобы большинство мужчин и женщин Подмосковья стали нашими единомышленниками. Это, может быть, самое главное. Родители должны стать примером для детей и вести их на стадионы и спортивные площадки. Только так физическая культура может войти в каждую семью.

В семье губернатора пятеро детей. Сыновья Максим и Андрей — взрослые парни. У старшего Максима уже свои дети, и он, как заботливый папа, в свободное время с ними и в бассейне, и на стадионе.

Андрей работает, и если выпадают свободные минуты, то вместе с отцом играет в футбол, гоняет на велосипеде. Зимой, случается, и все громовское семейство выходит на лыжню. А дочери Валя и Женя научили Бориса Всеволодовича кататься на роликах.

И, конечно, с ними всегда младшенькая Лиза. Недавно ей исполнилось семь лет. Она всерьез занимается спортом — и в бассейн ходит, и на художественную гимнастику, и бегает так, что за ней не угнаться, особенно когда начинает шалить. Так что со спортом Громовы дружат.

Ну а разве может быть иначе в семье человека, который всю жизнь им занимался? Который не только сам любит и понимает спорт, но и мечтает о том, чтобы его единомышленниками стали все его земляки.

Глава шестая
ДОРОГИ ПОДМОСКОВЬЯ

Б. В. Громов:

— В Саратове, где мы жили, машин было немного, и проезд каждой из них для нас, пацанов, был целым событием. Мы цеплялись за борта сзади, чтобы водитель не видел, и старались прокатиться как можно дальше. Потом весь день обсуждали наши подвиги. Мне очень хотелось стать шофером, везти какой-нибудь важный груз, и чтобы дорога была дальняя и долгая.

Ну и конечно, сколько себя помню, мечтал о собственной машине.

Первая машина — первая любовь. Как и у многих советских людей, это был «жигуленок». Тринадцатая модель. Я тогда вернулся из первой командировки в Афганистан. Это было в 1982 году. Два года я учился в академии. В этот период и купил машину. Замечательный автомобиль. Белого цвета. Мне очень нравятся светлые оттенки.

Любил ли я ее? Не то слово. Обожал!

Сам ремонтировал редко. В этом смысле я — небольшой мастак. Но ведь и машина была такая, что не ломалась.

За два года не возникло никаких проблем. Я был очень доволен. «Жигуленок» безотказно заводился зимой и летом. Ничего не стучало, не отрывалось. Наверно, тогда наши автостроители еще не научились халтурить. Нынче же порой складывается такое ощущение, что рабочие автозаводов — непримиримые и коварные враги водителей и делают все, чтобы жизнь не казалась им сладкой.

Посмотрите — машины, сделанные двадцать-тридцать лет назад, легендарные «копейки». Они до сих пор бегают! При нормальном уходе они выглядят, как новенькие. Как только закончилась итальянская лицензия, через год-другой пошел брак. Сначала по мелочи. Потом лавиной. Сегодня не найдешь нового автомобиля, чтобы он не имел заводских дефектов.

…Так вот, «тринадцатая» у меня была первой. На смену ей пришла «девятка». После нее купил первую иностранку «Форд Мондео».

Я ведь и в армии и на войне в Афганистане старался прокатиться и в какой-то мере освоить новую боевую технику. И не просто потому, что люблю всякие машины. Мне, как командиру, нужно было иметь собственное представление о возможностях боевой техники.

У каждого водителя свое видение автомобиля. Он должен быть комфортным, безопасным, нравиться по многим позициям. Мне нравится, когда машина не низкой посадки. Чтобы была просторной и достаточно мощной. Цвет всегда светлый. Но главное достоинство, чтобы она не была слишком дорогой.

Автомобиль нужно любить. Он это очень чувствует. Я, например, никогда не ругал машину, ругал только себя. Когда долго вместе, привыкаешь к ней как к родному существу. Машина становится твоим домом и другом, а на друга разве можно обижаться? Моя первая «ласточка» никогда меня не подводила.

Какой русский не любит быстрой езды?! Это — черта национального характера. Я очень неравнодушен к высокой скорости, но стараюсь не увлекаться. Только когда это необходимо и дорога свободна. Хотя со временем убедился в справедливости поговорки «тише едешь — дальше будешь». Иной раз посмотришь — вот летит, подрезает, обгоняет! А в итоге к светофору подъезжаем одновременно. К тому же особенно не разгонишься в городе, когда такие пробки.

Нынче мне гораздо реже удается посидеть самому за рулем. Только по выходным. Как правило, у меня это — неофициальный рабочий день: частные поездки, встречи в районах, выезды на строительные объекты. И тогда я сам сажусь за руль.

Шоферы, как рыбаки, любят приврать, рассказать смешную байку. У старых водителей таких историй накапливается великое множество. Вот и я такую байку расскажу.

Это было давно, когда я только купил свою «тринадцатую». Понятно, что опыта никакого — всего боишься. Еду по Москве, один в машине. Слева от меня тоже «Жигули». Там сидят два парня.

Едут спокойно рядом со мной, и вдруг я вижу, что у каждого из них свой руль! То есть получалось так, что у этой машины два руля! Сначала не поверил глазам, посмотрел еще раз. Точно! Два руля!!!

Вдруг тот, что сидел справа, резко выворачивает свой руль, и я понял, что сейчас их машина ударит меня! Все было так неожиданно, что я резко вильнул влево и чуть не стукнул соседнюю машину.

Только потом до меня дошло, что второй руль справа — просто муляж. Однако посмеяться над этой «шуткой» мне удалось только значительно позже, когда успокоился.

Время идет, на дорогах появляются другие машины и другие водители. Сказать по правде, не все они мне нравятся.

Раздражает откровенное хамство. Иные из них не просто нарушают правила, а ведут себя на дороге по принципу — чей

автомобиль круче, того и дорога. Нагло выезжают на встречную, пересекают сплошную, подрезают, обгоняют справа. Отсюда и страшные аварии. Сколько ездил в других странах, такого беспредела на дорогах, как у нас, нигде нет.

Необходимо жестко бороться с этим дорожным «бандитизмом». Штрафы для таких орлов — полумера. Человек, сидящий в «ленд-крузере» или «мерседесе», способен без ущерба для себя заплатить любой штраф. «Крутых» водителей этим не напугаешь. Но для остальных увеличение штрафов станет серьезным предупреждением. Они должны знать, что над ними висит «дамоклов меч» наказания.

Я убежден, что проблему дорожного хулиганства надо решать комплексными мерами. Это и значительное улучшение работы ГАИ, кстати, и повышение им зарплаты, ремонт и строительство новых дорог, внедрение новых систем управления и контроля дорожного движения.

Не менее важно и то, что надо воспитывать культуру езды, уважения друг к другу, уважения к правам и жизни другого водителя, ведь все нарушения чреваты серьезными последствиями. Ладно, если машину побьют. Бог с ней, с железкой, а вот людей, бывает, уже и не «починишь»…

Сейчас много разговоров и споров о женщинах за рулем. Многие водители весьма скептично относятся к ним. Я же не вижу в этом ничего плохого. Некоторые из мужчин-водителей так и не могут привыкнуть, что на дороге все равны. А уж если женщина сидит за рулем дорогой иномарки, то можно представить, сколько нелестных слов она могла бы услышать в свой адрес.

Я же к автобарышням отношусь с глубокой симпатией и уважением. Мне нравится женщина за рулем, и я рад, что их все больше на наших дорогах.

Старые водилы ворчат, мол, эта фифа если и смотрит в зеркало заднего вида, то только, чтобы припудрить носик, а когда включает левый поворот, можете быть уверены, что машина поедет направо.

Ерунда все это. Мужчины чаще так себя ведут. Убежден, когда дамы за рулем, все-таки больше порядка и уважения. Да они и спокойнее, аккуратнее, чем многие мужики.

Если же говорить о настоящих проблемах, то это прежде всего состояние нашего дорожного хозяйства. И виноват тут прежде всего государственный человек, не понимающий, что без хороших дорог нечего мечтать о развитии экономики.

Что такое плохая дорога, у нас знают все. А вот что такое современная трасса с отличным покрытием, ровная и

благоустроенная, освещенная, с сетью придорожных торговых центров, сервисов и заправок — известно лишь тем, кто бывал за границей. Но разве мы не можем сделать подобное в Подмосковье?

Экономический подъем в разных странах всегда начинался со строительства развитой сети дорог. Мы не исключение, поэтому первые шаги в своей работе правительство Московской области начало с реализации специальной программы развития дорог в Подмосковье.

Если спросить любого жителя Подмосковья, что изменилось в его городе или поселке в последнее время, то обязательно услышите рассказ о дорогах. На просторах Московской области идет повсеместное наступление на ухабы, колдобины, ямы и прочее, казалось бы, неизбывное для России дорожное безобразие.

Для многих происходящее стало настоящим потрясением. Ведь годами дороги не только не строились, а просто не знали ремонта. И вдруг — хорошие асфальтированные трассы, новые красивые мосты. Чудо прямо какое-то…

Немногие знают, что все эти чудесные превращения — результат выполнения губернаторской программы «Дороги Подмосковья».

Б. В. Громов:

— Давно известно, что хорошие дороги — важнейший стимул развития экономики. Качество дорог — показатель уровня развития региона. В Московской области сложилась развитая структура транспортных коммуникаций. Вместе со столицей мы образуем транспортный узел, через который проходит свыше 60 процентов всех грузов России. Большинство из них доставляется автомобильным транспортом.

В последние годы нагрузка на дорожную сеть резко возросла. Сегодня протяженность автомобильных дорог в Подмосковье более 25 тысяч километров. Из них более 20 тысяч — областного подчинения.

Увеличение транспортного потока показало недостаточную пропускную способность дорог, особенно в районах, примыкающих к Москве. Сами знаете, что творится на том же Минском шоссе, особенно накануне выходных. Многокилометровые «пробки», аварии. Такая картина — практически на всех выездах из столицы.

Чтобы частично разгрузить транспортные потоки, построена автодорога МКАД — Кашира, реконструируются шоссе Москва —

Челябинск, Ярославское, Волоколамское и другие важнейшие трассы. Необходима перестройка подъездных участков федеральных дорог со строительством «дублеров». Эту серьезную проблему можно решить только совместными усилиями Московской области, Москвы и федерального центра.

Все это входит в губернаторскую программу «Дороги Подмосковья».

У нас есть план полной реконструкции дорожного хозяйства области. И начало его связано с расширением первой кольцевой дороги — бетонки. Это даст возможность создать распределительные центры, куда будут свозить товары большегрузные машины. А уже отсюда на небольших грузовичках типа «газель» они будут развозиться по торговым комплексам.

Реконструировать это кольцо необходимо еще и для того, чтобы бетонка изолировала Москву от огромного транспортного потока. К примеру, если фура идет из Питера в Нижний Новгород, то она доезжает до МКАД и движется вокруг Москвы. Потом только попадает на Горьковское шоссе. Наша идея состоит в том, чтобы большегрузные машины доходили до третьего бетонного кольца, по нему обходили столицу и ехали дальше, не попадая на МКАД.

Конечно, этот проект стоит немалых денег и одной области его не осилить. Здесь нужна заинтересованность многих структур.

В ближайшее время в Подмосковье придут крупнейшие европейские производители автомобилей. Подписано соглашение о строительстве нового автомобильного завода в Ступинском районе. Уже выделен земельный участок, обговорены все детали предстоящего проекта. Я надеюсь, что вскоре компании приступят к полноценному производству своих автомобилей.

Недалек день, когда многие мои молодые земляки, которые мечтают сесть за руль собственного автомобиля, станут владельцами замечательных европейских машин, выпущенных на нашей подмосковной земле. Ну а я, как опытный старый водила, с высоты своего автомобильного опыта хочу пожелать начинающим коллегам…

Не торопитесь. Уважайте друг друга и… Обязательно пропускайте вперед милых дам… Хорошей вам всем дороги!

Накануне 2005 года ВЦИОМ провел опрос россиян. Страна назвала четырех лучших глав областных администраций. В эту обойму попал и губернатор Подмосковья Борис Громов.

Б. В. Громов:

— Чем дольше работаешь, тем больше открывается проблем. Какие-то удается решать быстро, какие-то — великими трудами,

на иные уходит гораздо больше времени, чем планировалось, иные не решены до сих пор, и это меня очень гнетет.

Но и порадоваться есть чему. Несмотря на то, что в нашем регионе не качают нефть и не добывают газ, валовой продукт возрастает именно в той пропорции, какую хотел видеть президент России. В прошедшем високосном году ВВП в Московской области возрос на 12 процентов, а это почти 600 миллиардов рублей.

Кстати, замечу, что по своим масштабам Московская область не уступает многим членам ЕС. В настоящее время наш регион приблизился к странам с развитой рыночной экономикой и по другим показателям.

В целом, мои мечты очень просты. Я хочу, чтобы наладилась благополучная жизнь людей. Чтобы они получали достойную зарплату и не опасались бы за будущее своих детей. Тогда можно будет сказать себе, что цель достигнута. Положительные сдвиги в этом направлении уже заметны. Средняя зарплата по области достигла 8 тысяч рублей в месяц и по темпам развития этого важнейшего, на мой взгляд, показателя область вышла на первое место во всем Центральном регионе. Останавливаться мы не собираемся. Не откладывая на «потом», будем существующую цифру удваивать. Это не просто красивые слова. Такая перспектива конкретно обозначена перед руководителями министерств и главами муниципальных образований.

Много приходится думать о малообеспеченных людях, чей доход ниже прожиточного минимума. Согласно закону «О размере государственной социальной помощи в Московской области» для таких людей предусмотрены денежные выплаты от 500 до 4 тысяч рублей в год на человека. В соответствии с прогнозом развития в ближайшие три года уровень бедности в области сократится на 6 процентов. Однако такие темпы меня не устраивают. Помогать неимущим необходимо более эффективно — это наша святая обязанность.

Необходимо также уменьшить количество безработных, все последние годы эта цифра составляет примерно 36–37 тысяч человек.

Мы опережаем все регионы России по темпам роста, в частности в жилищном строительстве. В прошлом году объем ввода жилья в расчете на тысячу человек в области составил 625 квадратных метров общей площади. Это 5 миллионов квадратных метров жилплощади, в 2,5 раза больше, чем в среднем по России.

У нас вдвое выше среднероссийского прирост промышленного производства, 114 процентов по сравнению с предыдущим годом.

Неудивительно, что Подмосковье становится все более привлекательным регионом для инвесторов. Объем денежных вливаний в основной капитал вырос на 23 процента и составил весьма внушительную сумму — почти 150 миллиардов рублей. Для сравнения: в 2000 году эта цифра равнялась 50 миллиардам. Объем иностранных инвестиций тоже впечатляет: он составил почти 2 миллиарда долларов. Прирост за год составил более 45 процентов.

Первое место в стране мы занимаем по объемам поддержки фундаментальных исследований в науке. Ну и, между прочим, Подмосковье — один из основных поставщиков витаминов к народному столу. В России наша область лидирует по производству овощей.

Правительство области раньше проводило социально ориентированную политику. От нее не отступим. Наоборот, в бюджете на 2005 год социальная направленность намного усилена.

2004 год был сложным и трудным, не только по сложившейся странной традиции (високосный), но прежде всего потому, что стал годом реформ. Реформы проводились в социальной сфере и сразу же показали, что не столько даже население, сколько сами реформаторы не готовы к проведению столь сложной и деликатной работы в очень чувствительной для людей сфере.

Думаю, что полученный опыт поможет в дальнейшем вести подобную работу продуманно и ответственно. Главное, что необходимо учитывать в деле реформирования, а его вести необходимо, ибо без реформ невозможен прогресс и поступательное развитие общества, это то, что любые преобразования в государстве должны улучшать качество жизни людей, а не наоборот.

Глава седьмая
ВОТ И ВСТРЕТИЛИСЬ ДВА ОДИНОЧЕСТВА…

Человек может быть великим художником, ученым, полководцем, президентом, и это всегда будет считаться главной и наиболее важной чертой его биографии. Но если мы ни разу не поговорили с женой, не видели детей этого человека, если перед нами ни разу не открывались двери его дома, то мы не можем сказать — знаем ли его. Семья, дом, дети, любимая собака откроют душу человека лучше, чем самый подробный рассказ о нем.

Предлагаем вам, дорогие читатели, зайти в гости к губернатору Московской области Борису Всеволодовичу Громову. Нашим гидом будет (нельзя же врываться в частную жизнь без приглашения и провожатого) старый товарищ и сосед Громова Пастухов.

— Много раз мне приходилось наблюдать, как Борис Всеволодович провожает своих девочек-двойняшек в школу, — начинает свою экскурсию Борис Николаевич. — Особенно трогательно это выглядело, когда они были еще маленькими. Это нужно было видеть.

Школа рядом, всего лишь перейти сквер. Они о чем-то оживленно разговаривают, улыбаются любому, даже незнакомому человеку: сразу же становится понятно, что в этой компании царят дружба, взаимный интерес и уважение.

Сейчас девочки выросли. Красавицы, хотя и не комсомолки (а жаль). Учатся в вузе, того и гляди, начнут замуж выходить. Но и сейчас я нередко вижу отца вместе со своими дочерьми. Их отношения остались такими же доверительными и нежными, что бывает, согласитесь, не часто. А ведь эти девушки формально даже не его дети.

Кстати, его мальчишки пошли в Суворовские училища, оба получили высшее военное образование.

Максима я знаю меньше, он живет в Киеве. А вот младшего, Андрюшу, знаю хорошо. Он рос на наших глазах. Андрюша совершенно, по-моему, не военный человек. И в Суворовское пошел, явно переламывая себя, только потому, что очень любил отца и хотел быть похожим на него. И в военную академию поступил по той же причине и только после этого перешел на гражданскую работу, чему Громов не препятствовал. Их взаимопонимание не может нарушиться. Ведь Громову всегда была важна суть, а не форма. Сам он генерал, потому что такова

его суть, которая лучше всего выражается именно в этой жизненной форме.

Я нисколько не сомневаюсь, что он стал бы значительным человеком, даже если бы и не выбрал военную карьеру. Он по самой сути своей очень сильный и цельный человек, обладающий редкостным умением правильно организовывать жизнь.

Довелось мне видеть и великую радость Громова. Когда появилась маленькая Лизочка, этот новый свет в его окошке! Какой же это был праздник!

О нем нередко говорят — железный человек. Это правильно… отчасти. Тем, кто видел его с детьми, становится понятно, что у железного человека нежная и тонкая душа. Дети чувствуют такое безошибочно. Дети и… люди искусства.

Галя Волчек — эта великая женщина театра — вообще-то очень разборчива и мало с кем пускается в задушевные беседы. С Громовым она разговаривает подолгу и с таким взаимным вниманием, что становится ясно — этим людям действительно интересно друг с другом. Увидев их вместе, я почему-то подумал — вот бы записать их разговор (понимаю, что в нравственном отношении эта мысль не выдерживает критики), несомненно, всем было бы чрезвычайно интересно!

Так что если и есть в этом человеке железная основа (есть, конечно) — то это форма существования большого начальника на ответственной работе. Без жесткости в нашем мире невозможно руководить. Но душа его — нечто совершенно иное. Правда, открыто это немногим, только особенно близким людям.

Вот и с Сашей Якушевым — великим хоккеистом — у него такие же душевные отношения. Но тут срабатывает еще одна важная составляющая громовской души. Как и все спортсмены, Громов остается в этой своеобразной сфере всю жизнь. Спортсменам (умным и думающим, конечно) всегда есть о чем между собой поговорить.

Важно заметить, что все это было замечено мной не сегодня, когда подмосковному губернатору многие поют осанну. Это было видно каждому и в те смутные времена, когда его карьера, казалось бы, бесповоротно катилась вниз. Когда он вынужден был искать свое место в круто изменившемся мире, лишенном устойчивых ценностей, на которые мы привыкли ориентироваться в своей прежней жизни. Но, как бы ни было трудно Громову, он никогда не терял лицо.

Ну а его супруга Фая — это особая статья. Тут я бы охотнее всего помолчал. Не хочется говорить, о чем думаешь, когда видишь любящих друг друга людей. Они как-то светятся, что ли… Ну как об этом рассказать? На них просто хочется молча смотреть

и смотреть…

Скажу только, что и Громов, и Фаина, без сомнения, понимают огромную ценность созданного ими обоими мира. Они одни только и могут по достоинству это оценить, после страшнейших потрясений, которые им обоим пришлось пережить. Эти люди явно одарены редкостным талантом создавать благополучную семью, поддерживать многие годы прочный и светлый домашний мир.

Б. В. Громов:

— Для меня идеалом семьи всегда был наш саратовский дом на берегу Волги, в котором жили мои мама, дедушка, бабушка и мы, трое братьев. Это, воистину, была наша крепость. Здесь мы всегда получали помощь и защиту, здесь нас учили, что в жизни хорошо и правильно, а что некрасиво и подло.

Патриархом семьи был дедушка. От него исходили главные правила, разрешения и запреты. У него можно было получить ответ на любой вопрос. Бабушка и мама как бы скрывались в его тени. Но так казалось лишь на первый взгляд. Мы-то прекрасно знали, какую негромкую, но неоспоримую силу имеет во всех вопросах семейной жизни наша тихая бабушка. И уж что совершенно точно, вся атмосфера дома, весь его уют и необыкновенная приятность были связаны именно с ней. Так что главные наши воспитатели — бабушка и дедушка. Мама занималась с нами реже. Она просто не имела такой возможности, так как очень много работала и приходила домой только поздно вечером.

От бабушки зависело наше умение вести себя в обществе других людей. Сама она, прекрасно воспитанная в старинной дворянской семье, а затем еще и профессионально обученная ведению дома в знаменитом Саратовском институте благородных девиц, учила нас всему, что следовало знать порядочным молодым людям. От нее же мы узнали, что над нами есть еще и Бог, который постоянно следит за всем, что происходит на земле, и видит все наши шалости и добрые поступки и как строгий, но мудрый отец очень переживает за нас. Поэтому нормальному человеку следует вести себя достойно.

Когда я был совсем маленьким, Бог, о котором рассказывала бабушка, казался мне похожим на дедушку, вернее на старшего брата дедушки, потому что на иконе Он выглядел явно старше и кроме усов носил еще бороду. Надо сказать, что оба дедушки мне очень нравились. Так что мое детское отношение к Богу тоже понятно.

В это мое представление о семье чуть позже определенные

поправки внес Лев Николаевич Толстой своим великим романом «Война и мир». И хотя я с наибольшим увлечением читал главы, посвященные войне, многие сцены семейной жизни, особенно в чудесном доме Ростовых, глубоко запали в душу. Мне уже тогда стало понятно, что все семьи несчастны и счастливы по-своему. Моя собственная будущая семья представлялась мне такой, как у Пьера Безухова и Наташи.

В Наташу Ростову я, конечно, был влюблен и, честно говоря, никак не мог понять, что такого она, красавица и умница, нашла в толстяке и увальне Безухове. Я постоянно сравнивал с Наташей Ростовой всех девушек, с которыми мне приходилось встречаться. Надо признать, что сравнение почти всегда оборачивалось не в пользу реальных девчонок.

Исправила этот невольный перекос мудрая бабушка. Моя литературная болезнь была конечно же знакома и понятна ей. Она сама всем этим переболела в девичестве. Я уже рассказывал, как она в один момент женила меня на соседке Наташе (имя все-таки имело большое значение!).

За время дальнейшей жизни дом и семья, как первая, так и вторая, стали для меня главным оплотом и надежным тылом, укреплением которого я занимался как только мог и умел.

Мне кажется, что наш дом сейчас напоминает саратовскую семью моего далекого детства. И если дедушка с бабушкой могут откуда-то… оттуда… видеть (бабушка-то мне прямо говорила, что будет всегда присматривать за мной), то думаю, что они должны быть довольны.

Я счастлив в своей семейной жизни.

Ну а что думает моя Фаина Александровна… Правильнее всего спросить у нее самой.

— Фаина Александровна, откуда у вас такое редкое имя?

— Во мне есть четвертинка татарской крови. Фаиной назвали в честь бабушки.

Биография у меня самая обычная: родилась и выросла в Перми, после школы поступила в Московский институт стали и сплавов, вышла замуж за однокурсника Александра Крапивина. Муж потом работал в военном НИИ, в комиссии, расследовавшей причины авиакатастроф. Позже его коллеги выясняли обстоятельства катастрофы, в которой погиб он сам.

— Ваша встреча с Борисом Всеволодовичем Громовым состоялась при весьма трагических обстоятельствах…

— В первой встрече как раз ничего трагического не было. Знали мы друг друга с 1982 года. Мой свекор Евгений Иванович Крапивин и Борис Всеволодович вместе учились в академии

Генерального штаба. Мы все: и семья Громовых, и я с мужем и его родителями — жили в Москве в одном доме. Потом свекра отправили во Львов командовать ВВС Прикарпатского округа. Борис Громов служил недалеко от нас в Ивано-Франковске, а затем уехал в Афганистан.

— Когда случилась трагедия, вы были в Москве?

— Нет, тем летом я поехала на Украину. У меня только что родились девочки-близняшки, хотелось, чтобы они набрались сил.

3 мая 1985 года в 12 часов дня мой муж, его брат и отец — генерал Крапивин, с ними была и жена Бориса Всеволодовича, погибли в авиакатастрофе. Мужчины летели в Москву по делам. Наташе тоже нужно было в Москву.

Из-за ошибки диспетчера их самолет столкнулся с пассажирским лайнером, летевшим по маршруту Москва — Вильнюс.

Когда это случилось, моим девочкам не исполнилось и двух месяцев.

— Было предчувствие беды?

— До сих пор помню тот день до мелочей.

Я возилась с дочками, муж пришел к нам в комнату, поцеловал одну, пока я пеленала другую. Уезжать он не хотел.

Потом я вышла на крыльцо проводить всех в дорогу. Почему-то наша собака очень волновалась, лаяла и кидалась в машину. Пришлось даже затащить ее в дом.

Когда микроавтобус уехал, я поднялась к себе и вдруг почему-то расплакалась. Причин для слез вроде бы не было, но рыдала взахлеб, от души.

Примерно с трех часов дня начал разрываться телефон. Звонили из Москвы с вопросами: где самолет, вылетел ли?

Когда к нам приехала приятельница свекрови — как она объяснила: «Чтобы деток повидать», — недобрая мысль у меня шевельнулась. У летчиков так принято: когда разбивается самолет, то первой в дом погибших приходит женщина, чтобы родные не остались в одиночестве…

Когда мне сказали, я даже плакать не могла.

Оказалось, уже весь город знал, только нам не решались сообщить.

Потом понаехало множество черных «Волг».

Два месяца я воспринимала мир как сквозь толстое стекло. Во мне все окоченело. Сознание отказывалось принять, что их больше нет.

Борис Громов похоронил жену в Саратове (она оттуда родом) и возвратился в Афганистан. Перед отлетом зашел к нам.

— Он старался помогать?

— Он был самым главным из тех, кто помогал, а скоро стал и единственным. Он поддерживал нас морально и материально. Когда приезжал в Москву, обязательно приходил с цветами и подарками. Словно бы ненароком оставлял деньги, клал их под телефон или на буфет. Он уезжал, и мне приходилось вертеться одной.

Правительство назначило пенсию на детей — 91 рубль.

Пока я в 1987 году не устроилась в Министерство цветной металлургии, с деньгами было очень плохо. Приходилось сдавать вещи в комиссионку.

Прошло три года. Уже вовсю шла перестройка. Как-то Борис Всеволодович позвонил и сказал, что приехал в Москву на партконференцию, а заодно привез из Саратова сыновей. Не могу ли я показать им Москву? Я, конечно, согласилась. В следующий свой приезд, это было уже накануне вывода войск из Афганистана, он пригласил меня поужинать в ресторане.

Вот так, через четыре года после всего этого ужаса, у нас завязались близкие отношения.

— У людей, прошедших Афганистан, обостренное чувство справедливости. Борис Всеволодович стал политиком. В политике нужно быть очень толстокожим…

— Вначале человеческая подлость ставила Бориса Всеволодовича в тупик: в глаза ему говорили одно, за спиной делали совершенно другое. Но сейчас уже появился опыт, есть и настоящие единомышленники.

— Муж прислушивается к вашим советам?

— Только по части гардероба.

— По возрасту у вас с мужем немалая разница — 17 лет. Не мешает это взаимопониманию?

— Я совершенно разницы в возрасте не замечаю.

— Откладываете ли деньги на черный день?

— Про черный день и думать не хочу. Хватит с меня. А деньги откладываем только на обучение детей.

— Как думаете, любовь и деньги совместимы?

— Совместимы, но не взаимосвязаны. Деньги никогда не мешают, но счастья и взаимопонимания не гарантируют.

— У вас большой дом. Наверное, нельзя обойтись без прислуги?

— Прислуги у нас нет и никогда не было. С Лизочкой мне помогает родственница, все остальное хозяйство на мне. Надо всех накормить, одеть и еще поговорить. Сейчас с вами беседую, а в голове крутится, что в понедельник у меня занятия по английскому, значит, еду нужно приготовить сегодня.

— Что вы делаете в свободное время?

— Стараемся не пропускать театральные премьеры и обычно два-три раза в месяц ходим в консерваторию.

Борис Всеволодович не из тех людей, что отдыхают лежа на диване. Он сено косит на даче, на велосипеде гоняет, девчонки научили его кататься на роликовых коньках. Я уж не говорю об автомобиле — это особая страсть.

— *А вы сами машину водите?*

— После гибели первого мужа осталась машина. Я тогда научилась ездить и получила права. Но Громов мне запретил. Ему кажется, что я плохо вожу, он за меня боится.

— *Муж вас балует?*

— Как в любой счастливой семье. Цветы, подарки и внимание. Но главное, что рядом с ним я могу расслабиться и отдохнуть. Вроде бы мелочь, но для меня это ужасно важно.

Когда я была одна с двумя девочками, возможности хоть чуть-чуть отдохнуть у меня не было. Я жила в постоянном напряжении. Теперь напряжение ушло, и мне легко.

Стараюсь и мужу по возможности создать условия для отдыха. К хозяйственным делам: картошку почистить или сходить в магазин — я его не подпускаю. Мне самой хочется ему услужить. Не понимаю женщин, которые стонут, что муж, мол, отбился от рук, тарелку за собой не вымоет, а это и не мужское занятие. Домашний уют — главное дело женщины.

— *Какие качества Бориса Всеволодовича вам особенно симпатичны?*

— Вот говорят — «настоящий мужчина». В моем представлении это именно Громов. Надежный, немногословный, немелочный. Если пообещал — обязательно сделает.

Его характер особенно проявляется в общении с детьми. Я, случается, на них прикрикну, они обидятся и дуются на меня. С Борисом Всеволодовичем такие фокусы не проходят. Его слушаются без всяких обид, хотя он никогда голоса не повышает. Уважают.

Валя и Женя — близняшки. Им часто дарят одинаковые вещи, но разных цветов. Приходится тянуть жребий, кому что достанется. Меня в качестве судьи они не признают. Вырабатывает процедуру и проводит жеребьевку только Громов.

Когда возникают какие-то сложности, я начинаю волноваться. Он говорит: «Расслабься и не вникай — тебе это не надо». И я успокаиваюсь.

Вот мы уже долго живем вместе, больше десяти лет, можно бы уже ко всему привыкнуть. Но масштабность личности Бориса Всеволодовича меня по-прежнему удивляет.

— У Бориса были прекрасная семья, — говорит С. В. Громов, — замечательные дети, все шло как надо и вдруг эта ужасная трагедия. Его жена, Наташа, погибает.

После Афганистана генерала Громова знала вся страна. Когда людям стало известно о его семейной трагедии, пришло множество писем с поддержкой. В том числе от молодых женщин с предложением руки и сердца. Он мог выбрать кого угодно. Но Борис поступил так, как должен был сделать именно реаниматор — сам, находясь в тяжелом кризисе, он становится опорой для человека, которого нужно спасать.

Для многих это выглядело более чем странно. Молодой перспективный генерал женится на женщине, у которой двое детей. На свою уже хорошо нагруженную телегу (у самого ведь два сына) кладет тяжесть еще одного горя.

Фаина Александровна очень умный, милый, просто замечательный человек, и действительно большая удача, что они сумели образовать крепкую семью. Но Борис даже не делал попытки выбирать, поступил именно так, как должен был поступить человек с его характером и предназначением в жизни.

Он понимал, что страшную двойную трагедию можно побороть вместе. И ведь не только женщину он спас, ее крохотных девочек-близняшек, но и свекровь, которая вообще полное крушение пережила. У нее сразу погибли муж и оба сына.

Б. В. Громов:

— Обычный день был. Где-то шесть часов утра. Как обычно, начались доклады по оперативной обстановке, по боевой. Со всей территории Афганистана стекались сводки, и (их обычно я сам принимал) донесения шли и из афганской армии, то есть все было как обычно…

Наташа могла не оказаться в том самолете. У нее был билет на другое число на гражданский рейс. Но ей позвонил Евгений Иванович Крапивин, мой старинный друг, сокурсник по академии Генерального штаба, и предложил лететь вместе.

Я об этом знал и был рад тому, что она полетит на самолете командующего ВВС. Я, конечно, не думал о чем-то плохом, но степень надежности тут значительно выше, чем на обычных рейсовых самолетах, и, кроме того, с 3 мая запрещались все перелеты по линии Военно-воздушных сил. Как обычно, перед праздником резко сокращались рейсы, чтобы не было никаких чрезвычайных ситуаций…

Ан-26 оторвался от земли. Главный диспетчер управления воздушным движением надо Львовом был спокоен, на вверенном

ему объекте все в порядке. Но, увидев на экране локаторов непонятно откуда взявшийся гражданский самолет, который шел на посадку, он только успел крикнуть подчиненному: «Ты куда его ведешь?!»

— В экипаже самолета вторым пилотом летел сын космонавта Быковского, — вспоминает Фаина Громова. — Родители его встречали. Самолет должен был приземлиться на Чка-ловском аэродроме в Москве. Время шло — самолета не было. Валентина Михайловна — жена космонавта Быковского — начала звонить в панике: где самолет?! Ей говорили, что самолет затерялся, сейчас его найдут, он где-то в небе.

Я тоже начала звонить, мне сказали, что самолет приземлился в Иванове…

Потом увидела под окном вереницу черных «Волг». На какое-то мгновение мне показалось, что все стало черным, хотя был день, 3 мая, светило солнце…

— Я узнал о трагедии где-то около тринадцати часов местного кабульского времени, — вспоминает Борис Всеволодович Громов, — причем мне сказали так, что разбился только Крапивин…

Пришло сообщение, что погиб командующий ВВС Прикарпатского военного округа. На каком самолете он летел? На боевом? На транспортном? Тогда еще не было понятно. И я поначалу прореагировал на это только как на потерю друга. А потом уже, по прошествии нескольких минут, меня пронзила мысль о том, что в этом самолете должна была лететь моя жена…

До того рокового дня судьбы Бориса Громова и Фаины Крапивиной складывались вполне благополучно. У Громовых росли два замечательных сына. Максиму уже исполнилось восемь, Андрею не было пяти. У Фаины и Александра Крапивиных меньше чем за два месяца до трагедии родились девочки, которых назвали в честь дедушки и бабушки — Евгения и Валентина.

— Мы жили в одном доме, — говорит Громов. — Я в третьем подъезде со своей семьей, а Фая в седьмом. На проспекте Вернадского…

— Всегда, когда получается, что я проезжаю мимо этого дома, у меня в душе такое происходит!.. — продолжает Фаина. — Я даже не могу объяснить, такой водоворот чувств, все вместе… Но связано это не с Борисом, а именно с семьей Крапивиных… Тогда даже предположить…

Это было тяжелое время. Обоих терзали одиночество, пустота, отчаяние, и обоим нужно было жить дальше.

В семье Крапивиных не осталось ни одного мужчины.

Молодой вдове с двумя грудными детьми на руках полагалась мизерная пенсия… На помощь пришел Борис Громов.

— Он всегда приходил на полчасика, — вспоминает Фаина. — Порой получалось, что приходил без меня, и когда я заходила, то сразу понимала, что был именно он, потому что такие цветы приносил только один человек. Подарки приносил. Детям, мне, свекрови. И деньги оставлял… Так он это делал, что мы обнаруживали, когда его уже не было.

— Приезды мои, и то, что я иногда передавал им с оказией, — улыбается Громов, — это все как бы уже органично вошло в мою жизнь, в мое сознание. Вот есть у меня еще семья, где девочки маленькие, есть у них мама и бабушка, которые как бы стали моей семьей. Не в смысле того, что мы уже соединили свои жизни, а в смысле того, что… Ну, я просто как бы ответственным себя считал…

— Все это, конечно, было не очень просто. Я не знала, как себя вести, хотя была очень благодарна за помощь, но никаких планов, совершенно честно говорю, не строила и даже решила как-то немного отдалиться… Хотя он был очень даже симпатичный и мне нравился, чего скрывать. Но о чем-то таком было даже думать неудобно…

— На мой взгляд, плавно все так переросло… Какого-то водораздела, ясной черты такой не было… Все как-то раз сошлось в одной точке. Я видел, конечно, что она очень привлекательная, интересная женщина. Я об этом никогда не говорил, и сейчас… может быть, впервые говорю так вот прямо… Тут и красота, и ум, и прежде всего ее порядочность и душевность…

Мне-то, мужчине, конечно, легче. Для нее действительно… существовал еще некий барьер, потому что могли сказать: «Ага, вот ты за каким человеком погналась…» Это не потому, что у меня мания величия, просто действительно есть такие, кто может так сказать, таких «доброжелателей» немало… Ей в этом смысле, конечно, было сложно… переступить через этот барьер, чтобы не показалось, что вот, мол, сама поспешила устроить свою жизнь…

Все решилось между ними перед долгой разлукой. Генерал Громов опять уезжал. Перед ним стояла очень сложная задача: в кратчайшие сроки вывести советские войска из Афганистана.

— Перед отъездом мы встретились, и я ей сказал… Так прямо и сказал… «Я тебя люблю». Тогда был уверен и сейчас уверен, что она поняла все правильно. Мне так показалось… Показалось, что она ждала этого…

— Тогда это было по-другому… Совсем другая обстановка. Я

только молилась, чтобы он остался жив…

Громов вернулся живым и здоровым.

Кадры кинохроники вывода войск из Афганистана, легендарного прохода командарма через Амударьинский мост, где посередине его ждал старший сын Максим, обошли весь мир.

Казалось, все несчастья остались позади и теперь ничто не сможет помешать им с Фаиной быть вместе. Лишь один вопрос так и не был решен, как их союз воспримут дети.

— У меня две девочки маленькие, — поясняет Фаина, — там двое мальчишек. Одно дело мои девочки, им исполнилось по четыре года. Мальчишки были уже большие… Громову пришлось, конечно, тяжелее. У него дети старше…

— С Максимом у нас состоялся мужской разговор, — возражает Борис Всеволодович. — Я долго готовился и честно сказал ему все. Он ответил абсолютно спокойно и даже, как мне показалось, с облегчением, что вот наконец-то произошло это, то есть он был даже рад. С Андреем об этом не говорил, он еще маленький… По-моему, Фае было как раз сложнее. Девчонки казались, ну, не знаю, как сказать… чуть-чуть дикими, что ли… Они росли в женском коллективе, мужчин там не было. И вдруг появился какой-то дядька, который вместе с ними будет жить…

Тем временем генерал Громов получил назначение командующим в Киевский военный округ. Там они и начали жить одной большой семьей. Они были вместе и любили друг друга. Это самое главное. У Громовых не было ни торжественной помолвки, ни пышной свадьбы.

— Естественно, я сказал, что нужно нам с тобой оформить свои отношения. Как-то так получилось, день был максимально загружен, я попросил своего помощника, чтобы он договорился и принес из загса эту книгу, в которой надо расписаться, чтобы все было по закону. Он принес, и я расписался первым.

— Однажды появился его порученец Юрий Васильевич, — поясняет Фаина. — Он приехал с какой-то амбарной книгой и говорит: Фаина Александровна, надо срочно тут поставить вашу подпись. Я спрашиваю: что произошло? Он только свое повторяет — надо, надо! Он такой, немногословный. Прямо на кухне, рядом у меня разделочная доска… Вот тут, говорит, распишитесь.

Ну, хорошо, хорошо, расписалась, и он уехал.

А после работы, часов в десять вечера… Вначале вплыла огромная корзина с цветами, а потом и сам Громов появился и показывает мне паспорт…

В первые месяцы я среди ночи просыпалась и вот так вот… рукой… Он рядом. Боже мой, какая я счастливая!

Дочери Фаины Валя и Женя сразу безоговорочно приняли Громова. Правда, они не называли его папой. Однажды они увидели детский фильм, где героя, мальчика Борю, звали Бука.

— Да, был такой персонаж, его звали Боря, — смеется Фаина. — И вот девчонки, видно, решили, что все Бори — это Буки.

— По сей день так и зовут меня — Бука. А я рад и надеюсь, что и дальше все так же будет. Я понимаю, что девочкам это легче. Да и мне нравится…

— Мне было нелегко, — вздыхает Фаина. — Пришлось бороться за признание. Самые большие трудности — с Андреем. Я чувствовала, что он сторонится, ничего не могла с этим поделать и очень переживала.

— Дело в том, что Андрей до этого долго жил с бабушкой, Наташиной мамой, — успокаивает супругу Борис Всеволодович. — И к тому же он был там один. А тут сразу такая большая семья и внимание не только ему, еще ведь две девочки, которые помладше его. Думаю, что тут еще и ревность примешивалась, которую ребенку не так-то легко преодолеть.

— Мы шли друг к другу таким непростым путем. — Фаина долго и пристально смотрит куда-то вдаль. — Я это просто вижу как в замедленной съемке. Шаг вперед, шаг в сторону, шаг назад.

Недоверие и настороженность можно победить только любовью. Нам хватило искренности и терпения, чтобы заслужить доверие и привязанность своих, таких разных детей. Научить их уважать и любить друг друга.

— Скажу честно, мне всегда нравилось баловать детей. Все считают, что я жесткий человек, мол, военные все такие… В какой-то степени это так и есть. Быть мягким по нашей жизни нельзя. Случается, и с детьми я бываю строг, по необходимости, в очень редких случаях. Но больше всего я люблю их баловать и стараюсь делать это так, чтобы никто не видел…

Записка: *Фаечка, я уехал. Женя заболела, Валя в школе. Сегодня приедет Андрей. Целую, люблю. Бука.*

Что такое отцовская любовь?

Про материнскую столько книг написано. Ей посвящают песни, стихи, о ней снимают фильмы. А про отцов — молчок.

Отчасти мужчины сами в этом виноваты. В молодые годы их больше занимают карьера, друзья, удовольствия. И только в

зрелости, когда у большинства дети уже выросли, папы осознают, что упустили в жизни что-то такое, чего в жизни уже не будет…

Правда, иногда судьба улыбается нам еще раз и дарит на бис все прелести отцовского счастья.

Поздний ребенок — это большая удача. Ощущение, что ты снова молод, полон сил и тебе все подвластно!..

Губернатор Московской области генерал Борис Громов рассказывает о младшей дочери Елизавете.

— Чем отличается раннее отцовство от позднего?

— Более полное осознание происходящего. Следовательно, и ко всему, что сопутствует отцовству, отношение особенно ответственное.

Большая разница в возрасте отца и ребенка не кажется мне чем-то существенным. Для ребенка папа — он и есть папа, каким бы он ни был, молодым или старым. Нюансы, конечно, имеют место, но все плюсы и минусы относительны. Моему старшему сыну Максиму 30 лет, младшей дочери Лизочке — семь. Не думаю, что кто-то из них задумывается о разнице в нашем возрасте.

Когда я узнал, что стану отцом… Счастливее меня человека в тот миг не было!

Мы с Фаиной Александровной, честно говоря, не афишировали предстоящее событие. Об этом знали только родные и самые близкие друзья. Они радовались и переживали вместе и рядом с нами. И сегодня, по прошествии более шести лет, могу с искренней благодарностью сказать, что их поддержка для нас была очень важна.

Имя нелегко было выбирать. Проводились долгие семейные советы, дискуссии и даже споры. Но общими усилиями пришли-таки к тому, что первый президент СССР называл консенсусом, и остановились на красивом имени Елизавета. Так звали мою бабушку!

Часто говорят, что младший ребенок всегда самый избалованный. Думаю, что у нас такого нет. Я, например, сам младший из трех братьев. Но мама, бабушка, дедушка никогда не делили нас по возрасту. Все получали равные доли душевного тепла, участия. Я тоже стараюсь так поступать. Но я бы покривил душой, если бы сказал, что к Лизочке отношение такое же, как и к старшим детям. Она — всеобщая любимица, знает и чувствует это. Но назвать ее ребенком избалованным не могу. Она никогда не старается добиться своего криком и капризами.

Лизочка, как все нынешние дети, любит подвижные игры, книги и мультики. Никогда не угадаешь, что она придумает и предложит в следующую минуту. Поэтому просто принимаю ее

правила и включаюсь в очередную игру.

Говорят, что для младших проблема отцов и детей проявляется гораздо острее. Что такое проблема отцов и детей, я знаю очень хорошо, ведь у меня два взрослых сына и две взрослые дочери. С Лизой пока таких проблем не возникает. Но опыт у нас с Фаиной Александровной большой, так что, думаю, в будущем справимся.

Самые большие сложности возникают, если приходится что-то Лизочке запрещать. Ограничения касаются обычных для этого возраста вещей. Однако она прекрасно умеет добиваться от нас всего, что ей нужно, повторю — без плача и капризов. Это и новая игрушка, и прогулка, и посещение зоопарка. Могу поделиться секретом: детей, особенно девочек и особенно маленьких, надо баловать. В разумных пределах, конечно, и главное — чтобы ребенок об этом не подозревал. Вот это — настоящее родительское искусство.

Самое строгое наказание для Лизы — нахмуренные папины брови. Пока этого достаточно, да и подозреваю, что на большее я не способен.

Ну а когда она плачет… О, это для меня испытание тяжелое. Сердце разрывается, жалко ведь.

Если вспомнить, как мы растили старших детей… Да что вспоминать. Младшая — она и есть младшая. Лиза ведь не только с нами, но и со своими старшими братьями и сестрами делает все, что ей угодно.

Вот только работа… К сожалению, есть у меня такие дела, которые не отложишь ни по какой семейной причине. Тут уж ничего не поделаешь. В такие минуты мне бывает трудно…

Чего я больше всего боюсь… Многого. Не хочу даже об этом говорить.

Главное, на что я надеюсь, — на себя, на нашу дружную семью, на родных, друзей и соратников. Они не бросят и не подведут.

Что я могу дать моей любимой малышке? Прежде всего Любовь, именно так, с большой буквы. Все остальное — забота, ответственность, требовательность — лишь производные любви к детям. Все, что мы имеем и кем становимся, — закладывается в детстве.

С возрастом я чаще почему-то вспоминаю наше детство, послевоенное. Вокруг люди, вернувшиеся с войны. Это были наши герои. Мы смотрели на них с восторгом и мечтали стать такими же. Фильмы, которые я смотрел, книги, которые читал, — все о войне.

Очень было обидно и жалко, что настоящая, большая война

обошлась без нашего участия. Когда теперь другой дождешься? Вот чего я боялся в детстве! Больше всего боялся, что на мою долю войны вообще не достанется. Об этом просто страшно было подумать. Мы были жуткими милитаристами и патриотами в детстве, и все наши игры — это война.

Детские мечты исполнились. Я хотел попасть на войну. Попал. Хотел стать генералом. Стал. Хотя во взрослой жизни это выглядело совсем не так романтично.

Ну а жизненные принципы мне дали бабушка и дедушка — главные люди моей жизни.

Вот был такой случай.

В старом доме, он рядом с церковью стоял и так и назывался поповский, под нами на первом этаже жила Марья Петровна. Старенькая-старенькая, очень набожная бабушка.

Когда, бывало, наши все уходили, то меня оставляли с ней. Мне казалось, что я очень долго у нее сидел. Там кругом были иконы, лампадки, и я с интересом их рассматривал.

Марья Петровна всегда угощала меня каким-то особенным душистым чаем (наверное, она сама его приготовляла из трав и цветов) и давала самое вкусное «пирожное» из всех, какие я пробовал в жизни. Это был большой кусок круглого черного хлеба, намазанный маргарином и посыпанный сахаром. Сахар был кусковой. Она дробила его в бронзовой ступке. Вкуснотища потрясающая!

Марья Петровна всегда повторяла: «Живи так, чтобы не прогневить Бога». Эти слова запали в памяти.

Потом я у бабушки спросил, как жить, чтобы не прогневить Бога.

Бабушка объяснила мне, что Бог дал людям десять заповедей, которые обязательно нужно соблюдать. Тогда будешь хорошим человеком, и Бог не станет на тебя гневаться. Это самое главное. И она не раз повторяла мне эти заповеди.

По малолетству не все они были мне понятны. К примеру, про жену ближнего своего. Но в целом я с Богом вполне соглашался и считал, что порядочные люди именно так, по заповедям, и живут. В том числе и мой насмешливый дедушка, бывший убежденным материалистом.

Слыша бабушкины библейские наставления, он кричал из кухни: «Опять распускаешь религиозный дурман!» Он шутил, и мы это понимали. Бабушка даже не сердилась.

По заповедям я стараюсь жить и сейчас и убежден, что человек должен пройти по жизни так, чтобы не опозорить своих родителей, а для своих детей стать человеком, которого они бы не стыдились, а вспоминали с любовью и гордостью.

Необходимо также по мере своих возможностей и способностей принести пользу обществу, которое тебя воспитало, своему народу и стране. Ну а в общем, все это в полной мере входит в эти простые и гениальные заповеди, по которым должен жить каждый, кто считает себя порядочным человеком

***

Недавно увидел, как он идет по коридору — задумавшись, чуть наклонив голову, — и подумал, что манера ходить, пожалуй, одна из самых точных характеристик человека.

Вот он идет погруженный в свои мысли. Идет сосредоточенно, неутомимо, устойчиво. Не просто шагает, а двигается вперед. Твердо, как-то по-особенному, по-военному, ставя ногу. Так ходят те, кто знает, куда и зачем идут.

Некоторое упрямство в его небольшой ладной спортивной фигуре очень понятно говорит всем, кто на него смотрит, что за этого человека не надо беспокоиться. Он не устанет, не отступит и не заплутает в дороге.

Кроме того, он идет еще и красиво, и от него трудно оторвать взгляд… И как-то по-мальчишески хочется встать с ним рядом, как, бывало, в детстве пристраивались к строю марширующих солдат, и сказать на ходу: «Я тоже. Я хочу идти вместе с вами. Вместе мы обязательно туда дойдем».

Дойдем, конечно.

Ну и слава Богу.

Счастливого нам всем пути.

ЭТАПЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ БОРИСА ВСЕВОЛОДОВИЧА ГРОМОВА

1943, 7 ноября — родился в городе Саратове.

1955, 30 августа — зачислен учащимся Саратовского суворовского военного училища. После расформирования училища продолжил учебу в Калининском СВУ.

1962, 31 августа — поступил в Ленинградское дважды краснознаменное высшее общевойсковое командное училище им. С. М. Кирова.

1965, 24 июля — окончил Ленинградское высшее общевойсковое училище им. С. М. Кирова с присвоением воинского звания лейтенанта. Зачислен командиром стрелкового взвода в 167-й гвардейский полк 1-й гвардейской мотострелковой дивизии Прибалтийского военного округа.

1967, 26 декабря — назначен командиром стрелковой роты 167-го гвардейского полка 1-й гвардейской мотострелковой дивизии Прибалтийского военного округа.

1968, 15 октября — присвоено звание старшего лейтенанта.

1969, 1 сентября — поступил в Военную ордена Ленина краснознаменную ордена Суворова академию им. М. В. Фрунзе.

1969, 14 октября — присвоено воинское звание капитана.

1971, февраль — вступил в брак с Натальей Николаевной Атаманенко.

1972, 23 июня — окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе.

28 июля — зачислен командиром батальона 36-го мотострелкового полка 9-й мотострелковой дивизии им. Верховного Совета Грузинской ССР.

1 октября — назначен на должность начальника штаба, заместителя командира 36-го мотострелкового полка 9-й мотострелковой дивизии.

1974 — родился сын Максим.

1975, 11 апреля — присвоено воинское звание майора.

11 июля — назначен на должность командира 429-го мотострелкового полка 9-й мотострелковой дивизии.

1977, 24 ноября — присвоено воинское звание подполковника.

15 декабря — назначен на должность начальника штаба, заместителя командира 9-й мотострелковой дивизии им. Верховного Совета Грузинской ССР.

1979, 3 ноября — присвоено воинское звание полковника.

1980 — родился сын Андрей.

18 января — назначен на должность начальника штаба, заместителя командира 108-й мотострелковой дивизии 40-й армии, находящейся в Афганистане.

28 ноября — назначен командиром 5-й гвардейской мотострелковой дивизии 40-й армии в Афганистане.

1982, 17 февраля — присвоено воинское звание генерал-майора.

17 августа — зачислен слушателем Военной академии Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова.

1984, 15 июня — назначен первым заместителем командующего и членом военного совета 38-й армии.

23 июля — окончил Военную академию Генштаба.

1985, 21 февраля — избран депутатом Верховного Совета Украинской ССР от Ивано-Франковской области.

9 марта — назначен генералом для особых поручений — начальником группы представителей Генерального штаба Вооруженных сил СССР.

3 мая — в авиакатастрофе погибла жена Б. В. Громова Наталья Николаевна.

1986, 1 апреля — назначен командующим 28-й армией Белорусского военного округа.

1987, 7 мая — присвоено воинское звание генерал-лейтенанта.

1987, 1 июня — назначен командующим 40-й армией в Афганистане.

1988, 3 марта — присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

1989, 5 января — назначен командующим войсками Киевского военного округа.

15 февраля — выводит советские войска из Афганистана.

1989 — женился на Фаине Александровне Крапивиной.

3 мая — присвоено воинское звание генерал-полковника.

1989 — почетный гражданин города Саратова.

1990, 21 марта — окончил трехмесячные курсы при Военной академии Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова.

1 декабря — назначен первым заместителем министра внутренних дел СССР.

1991, 21 ноября — назначен первым заместителем главнокомандующего Сухопутными войсками.

1992, 27 июня — назначен заместителем министра обороны Российской Федерации.

1995, 16 марта — освобожден от должности заместителя министра обороны и прикомандирован в качестве главного

военного эксперта к Министерству иностранных дел Российской Федерации.

1995, декабрь — избран депутатом Государственной думы Российской Федерации.

1996 — избран президентом Всероссийского объединения ветеранов ло кальных войн и военных конфликтов «Боевое братство».

1997 — родилась дочь Елизавета.

2000 — избран губернатором Московской области.

2003 — переизбран на пост губернатора Московской области.

Биография продолжается

БИБЛИОГРАФИЯ

Ангел Суворов. М., 2002.

Афганистан болит в моей душе… Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. М., 1990.

Афганские уроки // Российский военный сборник. Вып. 20. М., 2003.

Балязин В. Н. На службе у Подмосковья. Жуковский, 2004.

Варенников В. И. Неповторимое. В 7 т. М., 2001.

Громов Б. В. Ограниченный контингент. М., 1994.

Ляховский А. А., Забродин В. М. Тайны Афганской войны. М., 1991.

Массон В. М., Рамодин В. А. История Афганистана. В 2 т. М., 1964.

Мемориальные доски рассказывают. Саратов, 1985.

Не числом, а уменьем!//Российский военный сборник. Вып. 18. М., 2001.

Полет над Саратовом. Саратов, 1996.

Саратов (фотоальбом). Саратов, 1984.

Суворовское братство. Саратов, 2001.

Филиппов А. В. Трудный путь в будущее. М., 1989.

Иллюстрации

«Пятьдесят лет вместе». Дмитрий Федорович и Елизавета Анатольевна — дедушка и бабушка Бориса Громова. *1963 г.*

Саратов — родной город Громовых.

«На капитанском мостике». Алексей Громов. *1937 г.*

Марина Дмитриевна Громова с сыновьями: Алексеем, Сергеем и Борисом. *1947 г.*

«Суворовец Громов к заплыву готов». Евпатория, первая встреча с морем. *1955 г.*

Борис Громов. *1956 г.*

Алексей Громов. *1959 г.*

Сергей Громов. *Саратов, набережная Космонавтов. 1963 г.*

Борис Громов у знамени училища. *1959 г.*

Преподаватели Саратовского СВУ в летнем лагере училища.

Суворовец Борис Громов. *1961 г.*

Суворовец Юрий Скворцов. *1959 г.*

Урок литературы в Калининском СВУ. *1962 г.*

«Русские не сдаются!» — сцена из спектакля. *Матрос* — Б. Громов, *немецкий офицер* — Ю. Скворцов. Калининское СВУ.

В клубе Калининского СВУ.

Суворовцы на своем наблюдательном пункте.

Прыжки с шестом. Борис Громов берет очередную высоту.

Борис Громов (*справа*) с товарищем на пляже.

В летнем парке.

«Бабушка и внуки». В кругу родных и близких. *Саратов, май 1962 г.*

Лейтенант Борис Громов — выпускник Ленинградского общевойскового командного училища им. С. М. Кирова.

«Мой взвод — моя семья». Б. Громов — командир стрелкового взвода 1-й Московско-Минской гвардейской мотострелковой дивизии Прибалтийского военного округа.

Северо-Кавказский военный округ. Крайние справа — Б. Громов и В. Шилин.

Военные учения в окрестностях Майкопа.

Молодая офицерская семья: Наталья и Борис Громовы с сыном Максимом.

Второе поколение суворовцев: Максим Громов с товарищем.

Борис Громов во главе своего полка на параде 9 мая в Майкопе.

Под нами Кабул. *1979 г.*

Дворец Амина после штурма. *1980 г.*

Советская танковая колонна в Афганистане.

«Прежде чем что-то решать, надо осмотреться». Громов во время первой командировки в Афганистан.

Кабул весной.

Жизнь вырастает и на руинах.

Застава на склонах ущелья прикрывает колонну.

«Дорога жизни» вблизи перевала Саланг.

Генерал для особых поручений. Вторая командировка Громова в Афганистан.

Громов на балюстраде дворца Амина. *1980 г.*

Вертушки за работой.

Моджахед со «Стингером».

Этот народ уже многие века живет, не выпуская из рук оружия.

Афганские женщины на базаре.

Горная дорога неподалеку от Гордеза.

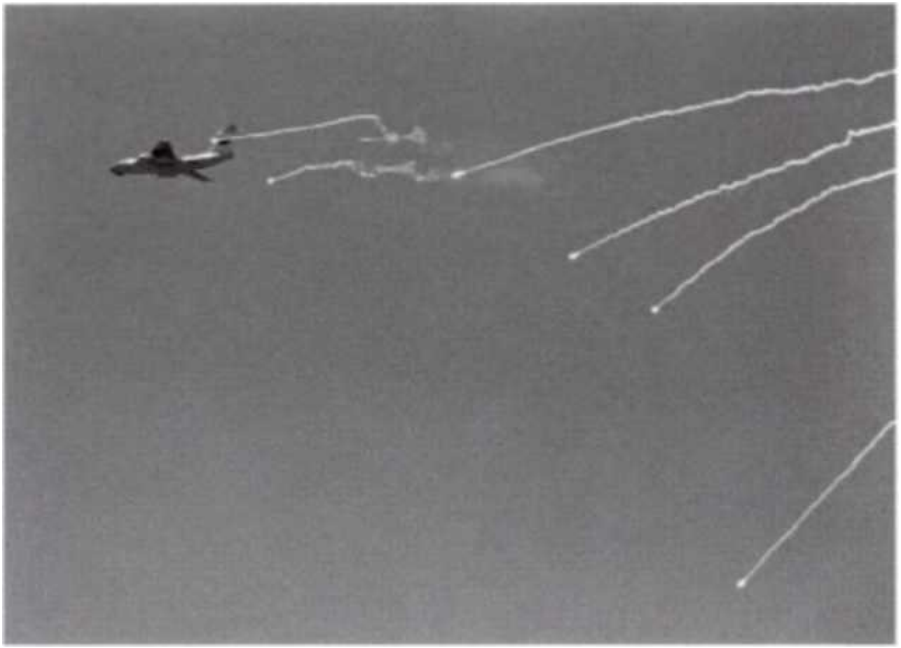
У карты Афганистана.

Десантники выходят на перехват каравана с оружием.

«Духи не пройдут». Блокпост на трассе Кабул — Кандагар.

«Чтобы не сбили “Стингером”». Транспортник идет на посадку, отстреливая тепловые ракеты.

Колонна и прикрытие.

Первая пресс-конференция Громова перед выводом войск из Афганистана. *Кабул, 14 мая 1988 г.*

Так афганские дети встречали советские войска, так же и провожают.

Ахмад-Шах Масуд со своими полевыми командирами.

«Радость со слезами на глазах». Сыновья вернулись с Афганской войны.

«Встреча на мосту». Генерал Громов с сыном Максимом.

Вывод войск из Афганистана. Последняя колонна пересекает советско-афганскую границу.

Командующий 40-й армией в Афганистане Герой Советского Союза генерал-лейтенант Борис Громов.

Генерал возвращается к мирной жизни.

Громов с детьми Андреем, Валентиной, Евгенией.

«Любящие сердца». Борис и Фаина Громовы.

В Кремле с Р. Аушевым.

Первый секретарь ЦККПУ В. В. Щербицкий поздравляет генерала Громова со вступлением в должность командующего Киевским военным округом. *9 мая 1989 г.*

Борис Громов — губернатор Московской области.

С президентом России В. В. Путиным.

Москва и область всегда рядом.

У памятника маршалу Жукову.

Афганские друзья и кодлеги: Б. В. Громов и В. И. Варенников.

Громов с ветеранами Великой Отечественной войны.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II с губернатором Подмосковья и прихожанами храма. *Дмитров*.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II с губернатором Подмосковья и прихожанами храма. *Дмитров*.

С митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием.

В. В. Путин и Б. В. Громов в Саввино-Сторожевеком монастыре. *Звенигород, 2004 г.*

Губернатор Громов. Редкие минуты отдыха.

Б. В. Громов с Е. М. Примаковым и А. Н. Чилингаровым.

Посол Афганистана в России, младший брат Ахмад-Шаха Масуда вручает подарки губернатору Громову.

Обсуждается крупный строительный проект.

Встреча с учеными и конструкторами знаменитого ЦАГИ.

«Лыжня России». Губернатор Громов дает старт.

В атаке «Чеховские медведи».

В детском доме.

Два героя двух разных войн.

Моя семья — моя радость и опора.

С младшей дочерью Лизочкой.

Биография продолжается…